

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

СИБИРСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Красноярск
19 → 23 мая
2025 г.

ИМПЕРСКИЕ, СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ
ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА

IV СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы IV Международной
научно-практической конференции
памяти первого губернатора
Енисейской губернии
А. П. Степанова

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

IV СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИМПЕРСКИЕ, СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Материалы IV Международной научно-практической
конференции памяти первого губернатора Енисейской губернии
А. П. Степанова

Красноярск, 19–23 мая 2025 г.

Красноярск
СФУ
2025

УДК 94(470+571)(083)

ББК 63.3(2)я43

Ч-524

Председатель редколлегии, ответственный редактор – Д. Н. Гергилев, доктор исторических наук, профессор, доцент ВАК, исполняющий обязанности директора Института российской истории РАН

Редколлегия:

Л. В. Белгородская, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ СФУ;
А. П. Дворецкая, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ СФУ;
Т. Г. Карчаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ СФУ;
А. С. Ковалев, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ СФУ;
О. В. Коновалова, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ СФУ;
А. С. Кузьменко, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ СФУ;
А. В. Леопа, доктор философских наук, профессор кафедры ИРМиРЦ СФУ;
Е. П. Мамышева, доктор исторических наук, профессор кафедры ИРМиРЦ СФУ;
Н. Р. Новосельцев, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ СФУ;
Р. В. Павлюкевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры ИРМиРЦ СФУ;
А. В. Суржко, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры ИРМиРЦ СФУ

Ч-524 IV Степановские чтения. Имперские, советские и российские проекты в истории государства и общества : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. памяти первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова. Красноярск, 19–23 мая 2025 г. / отв. ред. Д. Н. Гергилев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2025. – 316 с.

ISBN 978-5-7638-5183-0

Представлены научные доклады участников IV Международной научно-практической конференции памяти первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова «Степановские чтения. Имперские, советские и российские проекты в истории государства и общества». Основные проблемные вопросы, рассмотренные на конференции, связаны с проектным подходом в исторической науке, антропологически ориентированными проектами в макро- и микроистории, историческими корнями государственного проектирования, политическими и социальными трансформациями, проектами и планами в истории стран Центральной Азии и Востока, с СССР во Второй мировой войне и в послевоенное время, эволюцией социальных процессов в контексте имперских и советских проектов, культурными и идентификационными проектами, современными проектами развития российского государства и общества, а также историей науки и техники в контексте проектов прошлого и проектами цифровой истории.

Предназначены для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имён и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

Электронный вариант издания
см.: <http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94(470+571)(083)
ББК 63.3(2)я43

ISBN 978-5-7638-5183-0

© Сибирский федеральный
университет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	8

Барсукова Н. В., Попова А. В.

Анализ фондов архива Красноярского края в сфере промышленности периода Великой Отечественной войны (на примере завода № 4 им. Ворошилова и «Красный Профинтерн»)	9

Беккер В. Я.

Эволюция имперского проекта большевиков	15

Белгородская Л. В.

Визуализация строительства Транссиба – выдающегося проекта позднимперской России	22

Булгаков С. А.

Формирование пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун как основы научно-технического развития провинции Шэньси Китайской Народной Республики	26

Бурков Д. А.

Переселенческий вопрос в освещении «Томских епархиальных ведомостей»: пространство опыта и горизонт ожиданий	31

Бурнашева Н. И., Ковлеков И. И.

Уникальный проект горно-металлургического кластера на востоке СССР (Г. И. Чиряев).....	36

Бухерт В. В.

Городская тематика и архитектурные образы в контексте советского плаката послевоенного периода	40

Валькова К. В., Саблина Е. С.

Церемониал встречи государя наследника Александра Николаевича в городах Сибири в 1837 году в контексте политической социализации подрастающего поколения	47

Гаврилова Н. И.

Взаимодействие органов городского самоуправления Иркутска с частными благотворителями: практики выстраивания диалога (вторая половина XIX – начало XX в.)	51

Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.

Сибирь в концепции развития России министра финансов С. Ю. Витте и её воплощение в императорский период	55

Глазова Я. А.

Пропаганда и агитация в периодических изданиях как инструмент политики Советского государства в отношении женщин в первой половине 1920-х годов (на материалах журналов «Коммунистка», «Работница» и «Красная сибирячка»)	59

Гребенкин А. Н.

Развитие специальных служб в России в первой четверти XIX века:
проекты и их реализация 63

Гузева В. М., Дворецкая А. П.

Освещение в отечественной историографии вопросов взаимоотношений
либеральной интеллигенции и государства в Российской империи
в XIX – начале XX века на примере Енисейской губернии 67

Гуляева Н. П.

Моделирование демографической ситуации по данным исповедной росписи 73

Демчик Е. В., Горовой А. С.

«Семипалатинская программа»: история разработки уникального
социально-экономического проекта в Алтайском крае в начале 1990-х годов 79

Долидович О. М.

Промышленное развитие малых городов Восточной Сибири
во второй половине XX века (на материалах г. Минусинска Красноярского края) 83

Доржу З. Ю., Монгуш И. И.

Отношение буддийских лам к процессу вхождения Тувы под протекторат России 87

Дуреева Н. С.

Столыпинская реформа как имперский государственный проект 94

Елизов А. Г.

Красноярская гидроавиабаза
в годы первых пятилеток и в период Великой Отечественной войны:
проект советской полярной авиации в системе Главсевморпути 98

Ерохина И. А., Елизов А. Г.

Проект советского закрытого города (Красноярск-26)
в контексте истории семьи Ерохиных 104

Жулаева А. С., Половых Т. А.

Развитие акушерско-гинекологической деятельности
в Енисейской губернии во второй половине XIX века
(на материалах Красноярского повивального училища) 110

Заремская Д. А.

Эволюция законодательства в отношении женского вопроса в 1918–1991 годах 113

Иванов С. Е.

Повседневная жизнь советского учителя на материалах устной истории 118

Карелин А. С.

Возможности использования биографического метода при проектировании
исследований региональных проблем развития физической культуры и спорта
(на примере Кемеровской области – Кузбасса) 122

Карпушкина Д. В.

От лаборатории к институту: как Л. В. Киренский и его сотрудники
отвечали на вызовы времени 1950–60-х годов 126

Карчаева Т. Г. Историческая база данных как инструмент анализа и сравнения кадрового состава местных органов государственной власти Восточной Сибири (конец XIX – первая треть XX в.)	131
Кириленко А. А. Советское кино как проект популяризации системы общественного питания	137
Кириллова А. И. Роль пионерской и комсомольской организаций в сёлах Камчатки в организации помощи коренного населения фронту	141
Коновалова О. В. Сценарий распада СССР и проект Новой конфедерации: вариант эсеровской эмиграции	145
Кузнецов А. В. Эволюция проектов цифровой истории: зарубежный опыт	149
Кузьменко А. С. Формирование схемы Красноярского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР в начале 1970-х годов.....	153
Курбанов Н. И., Тихонов Н. Д. Особенности городского развития в Таджикистане в конце 1980-х – начале 1990-х годов	158
Лебедева Н. Н., Рябов Ю. В. К вопросу об изучении истории переселения населения из зон создания водохранилищ сибирских ГЭС	162
Лущаева М. Д., Лущаева Т. Д. К вопросу о сохранении исторической правды в XXI веке	167
Любичанковский С. В. Проект региональной элиты по преобразованию местного управления и суда в позднеимперский период (на материалах Оренбургской губернии)	171
Малых Д. С. Роль сельских кладбищ и мемориальных пространств в формировании советской идентичности (на примере Верхнего Приленья)	174
Маслова В. А. Проблемы орошения земель Туркестанского генерал-губернаторства в освещении журнала «Вопросы колонизации».....	179
Махеров В. В. Государственная политика СССР в области трудовой миграции	183
Москалев Л. Л. Проектный подход в сфере патриотического воспитания	187

Новоселов М. Ю. «Безобразовский проект»: неудачная попытка русской колонизации Кореи	191
Петров М. Р. Смета расходов как исторический источник изучения деятельности Красноярского комитета по телевидению и радиовещанию в годы 10-й пятилетки	195
Подъярова З. А., Луцаева Г. М. Биометрические технологии в личных документах: российский и международный опыт	200
Постол В. И. Стратегическая культура в российской истории	205
Пронина Ю. А., Салахова Л. М. Портрет советского руководителя на примере директоров совхозов Верхнего Приленья	209
Пхунтхасан П. П. Применение проектного подхода в исторической науке при изучении буддийских ценностей (на примере тайской традиции Тхеравады)	214
Пятаев М. В. Проект Северо-Сибирской железнодорожной магистрали: забытый путь российской имперской амбиции	218
Рогачев А. Г. Модернизация российского имперского государственного проекта в XV–XX веках ...	223
Рудова Е. В. Государственный проект по модернизации архитектурного облика Красноярска во второй половине XVIII века	227
Савельев П. И. Советский вождизм: миф и реальность	231
Салахова Л. М. Новые индустриальные города советской Сибири: в поисках своего места в истории	236
Сафонов М. А., Кузьменко А. С. Отображение реакции жителей города Красноярска на события Великой Отечественной войны в первые месяцы войны в региональной газете «Красноярский рабочий»	240
Семенова Е. А. Писательские организации в рамках социальной мобилизации в годы Великой Отечественной войны	243
Сентябова М. В. Деятельность Красноярского НИИ медицинских проблем Севера в 1970–80-х годах как часть советского проекта освоения Крайнего Севера	245

Сорокун П. В.

К вопросу об экономическом состоянии Сибирского края
во второй половине 1920-х годов 249

Степанов М. Г.

Проект «Манхэттен» и «Атомный проект»:
общее и особенное в реализации ядерных программ США и СССР 257

Суржко А. В.

Миграционный обмен между Хакасской автономной областью и Киргизской ССР
в 1960–70-е годы..... 264

Тарасов М. Г.

Ташкентское ханство: несостоявшийся имперский проект 268

Тимофеева Л. С.

Адмиралтейский проект Петра I в Казани..... 272

Титов П. В., Карчаева Т. Г.

К вопросу об использовании веб-технологий (веб-ресурсов)
и искусственного интеллекта в изучении истории ядерного сдерживания 276

Тугуужекова В. Н.

Участие воинов из Хакасии в Советско-японской войне 1945 года 282

Филонов И. Д.

Практики использования визуального образа молодёжи в общероссийской
сатирической прессе с целью политической агитации в 1905–1907 годах 286

Цай И.

Амурский речной транспорт на рубеже XIX–XX веков
как проект имперской России на Дальнем Востоке 290

Чауниин Е. С.

Механизмы сохранения русской культуры в эмиграции
(на примере детско-юношеского журнала «Ласточка»)..... 295

Шиплюк В. А.

Модернизация военной и золотодобывающей промышленности России
второй половины XIX века
в «Сибирском дневнике» японского дипломата Эномото Такэаки 300

Шмакова П. С.

Образ советской женщины на страницах красноярской заводской прессы
в годы восьмой пятилетки (на примере газеты «Голос текстильщика»)..... 304

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 308

ВВЕДЕНИЕ

В настоящий момент перед российским обществом стоит огромное количество вызовов, решение которых осуществляется в рамках различных федеральных, региональных и местных проектов. Проектная деятельность пронизывает всё наше современное общество. От её эффективности зависит будущее страны. 28 декабря 2024 г. была утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., в рамках которой есть пункт «Новые вызовы и возможности пространственного развития Российской Федерации». Пункт подчёркивает, что на пространственное развитие влияют новые вызовы, связанные с ростом геополитической напряжённости (включая незаконные односторонние ограничительные меры со стороны недружественных государств), вхождением в состав страны новых субъектов. Реализация данной Стратегии также предполагается инструментами проектной работы. В связи с этим важно обратиться к историческому прошлому. Изучение опыта реализации планов, экспериментов, проектов поможет их концептуально переосмыслить, определить приоритетные векторы развития и избежать повторения ошибок.

Вся история России пронизана примерами масштабных проектов, которые оставили глубокий след в её развитии. В 2025 г. исполняется 200 лет с момента восстания декабристов, имевших своё видение развития государства. Также отмечается 270-летие основания МГУ – крупнейшего имперского проекта в области науки и образования. Нельзя не вспомнить и о важных социально-экономических достижениях Советского Союза, таких как Московский метрополитен, открытый 80 лет назад, и космодром Байконур, который отметил 70-летие со дня своего основания. В условиях плановой экономики в СССР было разработано множество проектов социалистического переустройства, послевоенного восстановления страны, создания советских учреждений и организаций. Однако самым значительным проектом, инициированным 80 лет назад и завершившимся созданием Организации Объединённых Наций, стал проект послевоенного устройства мира. Этот проект представляет собой пример международного масштаба, который продолжает оказывать влияние на современную историю.

22–23 мая 2025 г. в Сибирском федеральном университете при поддержке Красноярского регионального отделения Российского исторического общества в рамках IV Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова, «Имперские, советские и российские проекты в истории государства и общества» («Степановские чтения») состоялось обсуждение научных, социально-экономических, политических, правовых, культурных и других проектов в истории нашей страны и евразийского пространства. Настоящий сборник представляет собой результаты данного обсуждения.

Наталья Владимировна Барсукова, Ангелина Вадимовна Попова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

АНАЛИЗ ФОНДОВ АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДА № 4 ИМ. ВОРОШИЛОВА И «КРАСНЫЙ ПРОФИНТЕРН»)

Аннотация. В статье проводится анализ архивных фондов Красноярского края, связанных с промышленным производством в период Великой Отечественной войны, на примере завода № 4 им. Ворошилова и предприятия «Красный Профинтерн». В ходе исследования были определены фонды, в которых хранятся документы перечисленных выше заводов, выявлено количество архивных документов и их виды. Изучение оставленной документационной памяти в сфере промышленности облегчает исследователям этой темы поиск необходимого архивного материала.

Ключевые слова: архивные фонды, Красноярский край, промышленность, Великая Отечественная война, завод № 4 им. Ворошилова, «Красный Профинтерн»

Abstract. The article analyzes the archival funds of the Krasnoyarsk region related to industrial production during the Great Patriotic War using the example of Plant No. 4 named after Voroshilov and the "Red Profintern" enterprises. During the study, the funds in which the documents of the factories listed above are stored were identified, the number of archival documents and their types were revealed. The study of the left documentation memory in the field of industry makes it easier for researchers of this topic to find the necessary archival material.

Keywords: archival funds, Krasnoyarsk region, industry, Great Patriotic War, Plant No. 4 named after Voroshilov, "Red Profintern"

22 июня 1941 г. – одна из самых страшных дат в истории нашей страны. В этот день Германия пересекла без объявления войны границу Советского Союза. Под удар попали территории, на которых проживало 40 % населения страны, было сосредоточено 33 % промышленного потенциала государства, в т. ч. оборонных предприятий.

Важно было не допустить захвата противником производственных мощностей, иначе это позволило бы Германии нарастить производственные мощности и ослабило бы военно-экономический потенциал нашей державы.

В результате начинается эвакуация промышленных предприятий вместе с рабочими и техникой в восточные районы СССР. До начала войны Красноярский край был преимущественно аграрным регионом. Промышленность была представлена несколькими крупными заводами.

В 1932 г. был основан Красноярский машиностроительный завод «Стройкрасмаш». После Революции 1917 г. на базе мастерских для ремонта сельскохозяйственной техники был создан Красноярский механический завод, на котором осуществлялся ремонт тракторной техники.

Кроме того, действовали железнодорожные мастерские в Красноярске, Боготоле, Иланске. В годы войны в Красноярский край прибыло оборудование 25 крупных заводов и фабрик, 30 тыс. рабочих. Так появились КрасТЭЦ, Комбайновый завод, Красноярский радиотехнический завод, химкомбинат «Енисей», Цементный завод, завод «Квант».

Мобилизация потребовала от предприятий не только изменения в ассортименте выпускаемой продукции, но и пересмотра технологий, внедрения новых методов управления и организации труда. Это был период, когда предприятия должны были продемонстрировать свою гибкость и способность к быстрой адаптации в условиях неопределённости.

Мобилизация производства в условиях военного времени стала важным этапом в истории предприятий Красноярского края. В этом контексте необходимо рассмотреть, какие документальные источники сохранились в архиве Красноярского края.

15 октября 1941 г. на «Красмаш» прибыло оборудование эвакуированного из Коломны завода № 4 им. Ворошилова. За годы войны рабочие и главным образом работницы «Красмаша» выпустили 26 тыс. зенитных пушек, более 5 тыс. миномётов, 220 тыс. крупных авиабомб и 3,5 тыс. морских мин. Сегодня завод «Красмаш» является основным российским изготовителем баллистических ракет для подводных лодок и базового модуля разгонного блока для ракет-носителей «Зенит» и «Протон» [1, с. 745].

В архиве Красноярского края хранятся разные подвиды документов – например, докладные, сводки и сведения о работе завода им. Ворошилова (ф. П-17, оп. 1, д. 809), справки и отчёты о работе завода № 4 им. Ворошилова (ф. П-17, оп. 1, д. 1217), отчёт о работе с кадрами на заводе им. Ворошилова № 4 (ф. П-17, оп. 1, д. 1381), докладные записки, письма и сведения о работе заводов № 4 им. Ворошилова, № 327, производстве изделий военной промышленности и кадрах (ф. П-26, оп. 4, д. 19).

Количество документов, содержащихся в архивных фондах, неодинаковое. Это отражено в диаграмме (рис. 1).

Самым большим фондом является Р-1300. Он хранит документы экономического характера послевоенного периода. Следом по количеству содержащихся документов идёт фонд Р-631, в котором находятся документы периода войны.

Удельный вес документов, содержащихся в перечисленных выше архивных фондах, отражён в диаграмме (рис. 2).

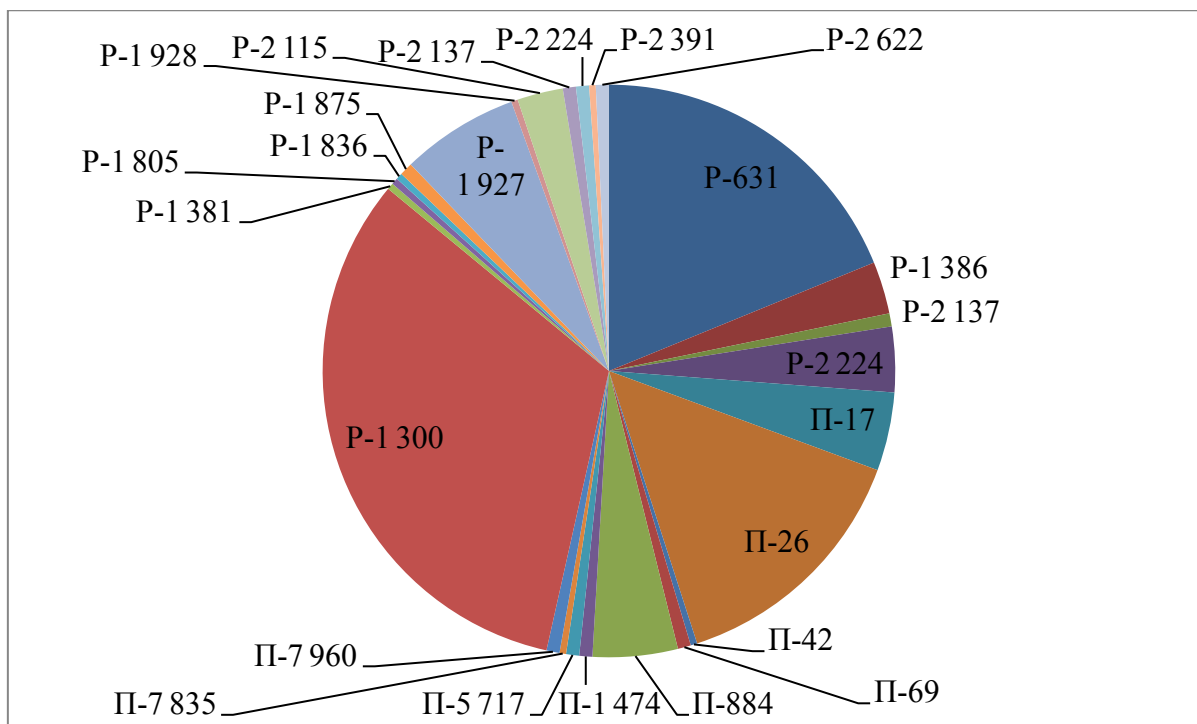

Рис. 1. Процентное соотношение фондов «Завода № 4 им. Ворошилова», хранящихся в ГАКК, по количеству содержащихся в них документов (здесь и далее диаграммы составлены авторами)

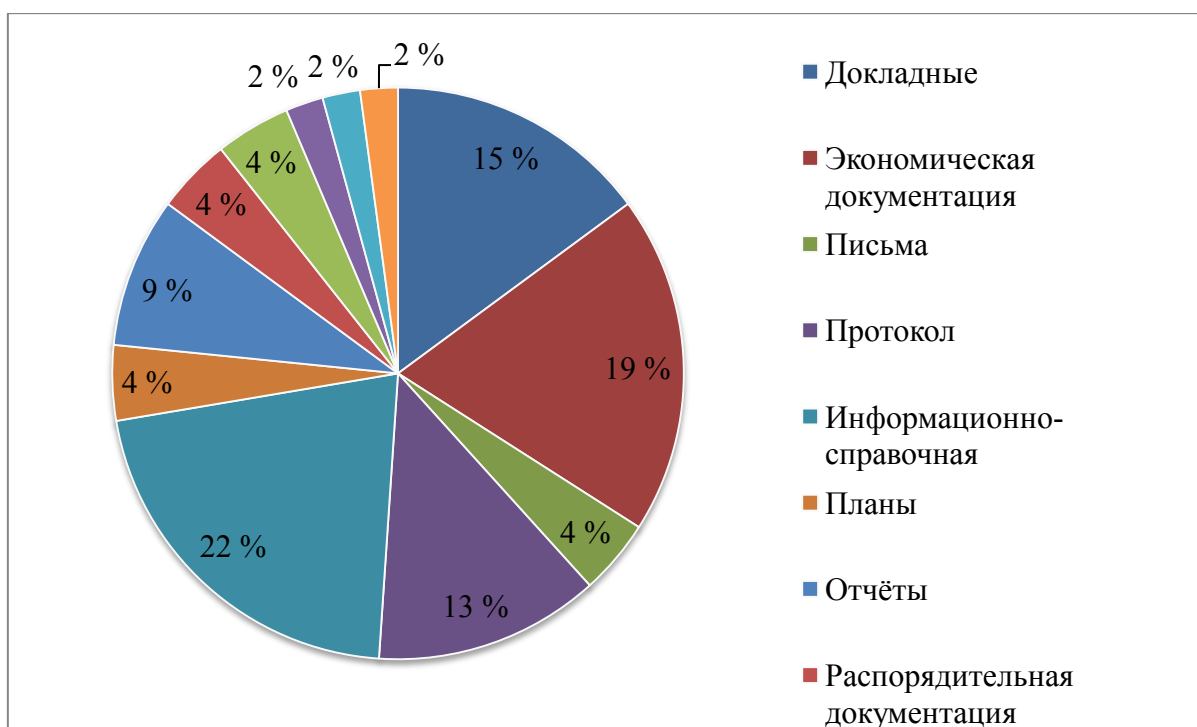

Рис. 2. Соотношение видов документов завода № 4 им. Ворошилова за период Великой Отечественной войны

Основную часть документов фондов занимают:

- информационно-справочная документация – 34 дела, из них докладные записки – 7, письма – 2, протоколы – 6, планы – 2, отчёты – 4, фотодокументы о строительстве предприятия – 1 дело;

- экономическая документация – 9 дел;

- распорядительная документация – 2 дела;

- исполнительная документация – 2 дела.

В соответствии с Постановлением ГКО СССР № 99сс от 11.07.1941 и Решением Народного комиссариата тяжёлого машиностроения (НКТМ) СССР от 16.07.1941 уже 5 августа в Красноярск прибыл эвакуированный из г. Бежица Брянской области завод «Красный Профинтерн», профилем которого было паровозостроение. Его разместили на площадке, где должен был строиться завод тяжёлого машиностроения [1, с. 745]. «Красный Профинтерн» подчинялся Главному управлению локомотивно-дизельной промышленности (Главлокомотивдизелю) НКТМ СССР. С ноября 1941 г. завод выпускал военную продукцию: гранаты, миномёты, снаряды и т. д., а в 1942–1943 гг. освоил также изготовление электромостовых подъёмных кранов, пневматических котлов, паровозов серии «Серго Орджоникидзе» и другой продукции [2, с. 121].

В марте 1945 г. в отчётах предприятия появляется его новое название – Сибирский машиностроительный завод («Сибмашзавод»). Осенью 1945 г. он был передан Главному управлению паровозостроения (Главпаровозу) Наркомата транспортного машиностроения СССР (с марта 1946 г. – Министерства транспортного машиностроения СССР) и вновь переименован – в Красноярский паровозостроительный завод.

Документов, хранящихся в архиве ГАКК, не столь много, как у первого завода, но тоже имеются. Это такие документы, как:

- сведения о подготовке кадров на заводе «Красный Профинтерн» (ф. П-17, оп. 1, д. 731);

- директивы НКТМ по возврату оборудования и кадров заводу «Красный Профинтерн» (ф. Р-1 923, оп. 7, д. 15);

- акты приёмки выполненных работ завода «Красный Профинтерн» (ф. Р-1 927, оп. 1, д. 49);

- данные, сводки и переписка с крайкомом ВКП(б) о строительстве завода «Красный Профинтерн» («Сибтяжмаш») (ф. П-26, оп. 3, д. 484);

- пояснительные записки, справки и сведения о выполнении плана по заводу № 4 и заводу «Красный Профинтерн» (ф. П-17, оп. 1, д. 810);

- отчёты, докладные записки, справки о работе завода «Красный Профинтерн» (ф. П-17, оп. 1, д. 812).

Удельный вес документов, содержащихся в перечисленных выше архивных фондах, отражён в диаграмме (рис. 3).

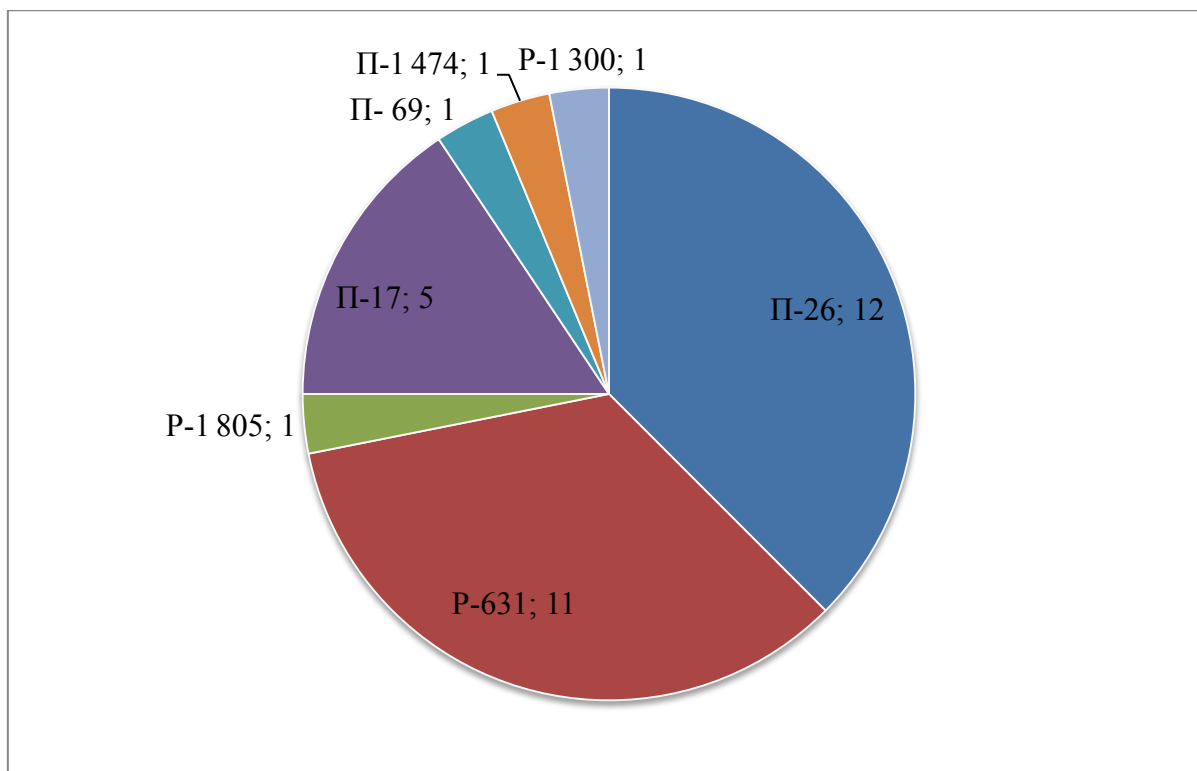

Рис. 3. Процентное соотношение документов завода «Красный Профинтерн», хранящихся в фондах ГАКК

Рис. 4. Процентное соотношение видов документов предприятия «Красный Профинтерн», хранящихся в фондах ГАКК за период Великой Отечественной войны

Основную часть документов фондов занимают:

- информационно-справочная документация – 27 дел, из них докладные записки – 4, письма – 3, протоколы – 1, планы и отчёты – по 2 дела;
- экономическая документация – 2 дела.

К сожалению, в работе с документами фондов по данному предприятию есть особенность. В одном деле могут содержаться документы разных видов – например, докладная записка с письмом и отчётом. Это затрудняет поиск необходимых документов.

Документы, которые были созданы после марта 1945 г., хранятся сейчас в фонде Р-1 923 ЗАО «Сибтяжмаш». Количество дел, которые хранятся на 18.05.2025 г., равняется 14 313 ед. хр.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в фондах данных предприятий хранится различная по своему характеру документация. В документах можно найти разноплановую информацию, отражающую разные виды деятельности предприятий, начиная от экономической и заканчивая партийной. Также стоит отметить особенность хранения документация предприятий – существует несколько фондов по каждому из них. Это затрудняет сбор необходимого материала для проведения исторического исследования. В одних фондах можно встретить не больше пяти дел, а в других – более 50. Что касается «Красного Профинтерна», после того как он был преобразован в «Сибтяжмаш», у него появился уже свой фонд – Р-1 923.

Список источников

1. Семенов В. С. «Красмаш» как один из флагманов отечественного ракетостроения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2019. № 3. С. 744–746.
2. Маркович М. Сибиряки спасли Москву. Подвиг в тылу и на фронте // АиФ на Енисее. 2010. № 18 (646). С. 121–123.
3. Бухарова Е. Б. Историко-экономическое исследование механизмов промышленного развития Красноярского края в годы первых пятилеток (1928–1940 гг.) / Н. Б. Бухарова, А. А. Третьяков, Н. Г. Шишацкий // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 14 (8). С. 1191–1207.
4. Мезит Л. Э. Красноярская промышленность в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15). С. 130–132.
5. Постановление ГКО СССР № 99сс об эвакуации промышленных предприятий, с приложением записок И. И. Лапшова А. Н. Поскребышеву, Н. М. Шверника В. М. Молотову, М. Кузьмина В. Н. Чернухе.
6. Предприятия № 4–5 // Оборонпром. URL: oboron-prom.ru/index.php?do=static&page=predpriyatiya-4-5&news_page=3.
7. Сибирский завод тяжёлого машиностроения // Рувики. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Сибирский_завод_тяжёлого_машиностроения.

Виктор Яковлевич Беккер

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
Абакан, Россия*

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА БОЛЬШЕВИКОВ

Аннотация. В представленной статье рассматривается деятельность большевистского руководства после Октябрьской революции 1917 г., организационные и идеологические принципы, методы построения социализма в России с учётом неизбежной мировой пролетарской революции.

Ключевые слова: К. Маркс, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Октябрьская революция, чрезвычайщина, Красный террор, империя, мировая пролетарская революция

Abstract. The article examines the activities of the Bolshevik leadership following the October Revolution of 1917, focusing on the organizational and ideological principles as well as the methods used to build socialism in Russia, taking into account the anticipated inevitability of a global proletarian revolution.

Keywords: Karl Marx, Vladimir Lenin, Joseph Stalin, October Revolution, emergency measures, Red Terror, empire, global proletarian revolution

Великая русская революция 1917 г., без сомнения, является величайшим историческим событием XX в., предопределившим дальнейший ход мировой истории. На первый взгляд, она действительно соответствовала формационной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, и в этом контексте строилась и функционировала вся советская историография. Следует учитывать, что марксистская концепция абсолютно исключала возможные альтернативы развития России. Постсоветская историография отечественной истории от этого подхода практически отказалась. Тем не менее, оценки событий 1917 г. и гражданской войны порой диаметрально противоположны.

Ряд исследователей считают Революцию 1917 г. закономерным ходом исторического процесса, другие с этим утверждением не согласны. Так, уже в период перестройки академик А. Н. Яковлев утверждал: «Октябрьский переворот есть контрреволюция, положившая начало созданию тоталитарного государства, державшегося не только на идеологии, но и на массовом терроре» [1, с. 49]. Первая часть утверждения автора не бесспорна, но со второй частью возможно полностью согласиться. Необходимо учитывать, что и сам В. И. Ленин, характеризуя Революцию 1917 г., говорил, что она «является авантюрой всемирно-исторического масштаба». Но эта авантюра укрепила абсолютную марксистскую ортодоксию Ленина, которая берёт своё начало от ранних апостолов этого учения: «Законы, мораль, религия – всё это для пролетария не более как бур-

жуазные предрассудки <...>. Коммунистическая революция самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в своём «Коммунистическом манифесте» ещё в 1848 г. [2, с. 432].

После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков положение страны и партии кардинально изменилось. И главная причина в самой партии и энергии В. И. Ленина. Ещё в 1912 г. благодаря ему в Праге состоялась общепартийная конференция. По настоянию Ленина она присвоила себе функции партийного съезда, был избран ЦК из шести членов, из партии были выдворены ликвидаторы, отзовисты, меньшевики и др. Дополнительно в состав русского бюро ЦК был кооптирован И. В. Сталин, отвечающий за работу внутри России [3, с. 71]. Именно с этого периода большевики перестали быть фракцией внутри РСДРП, они стали партией. И весной 1912 г. в Петербурге начинает издаваться новая газета большевиков «Правда», что свидетельствует об их возросшей активности.

Эта партийная активность распространяется не только на Россию, она носит характер мирового проекта. Ленин и его соратники уже тогда, в эмиграции, были твёрдо убеждены в том, что без поддержки мирового пролетариата рабочий класс в России не сможет удержаться у власти и превратить своё временное господство в длительную социалистическую диктатуру.

25 октября 1917 г. Ленин произносит речь на заседании Петроградского Совета о первоочередных задачах победившей революции. И эти задачи носят практически глобальный характер. Он заявляет, что «в России мы должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства под лозунгом: “Да здравствует всемирная социалистическая революция!”». Он отмечает, что большевики обязательно достигнут победы социализма, которую укрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран [4, с. 2–5]. Ленин пока ещё был твёрдо убеждён, что победа социализма в стране в первую очередь зависит от мировой пролетарской революции. И эта марксистская догма настолько владела Лениным и его соратниками, что даже в начале 1920-х гг. они продолжали следовать своему проекту экспорта российской революции в другие страны. Свидетельство тому — выступление В. И. Ленина на IV Конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 г. с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». В этом докладе, уже после перенесённого первого инсульта, Ленин призывает руководство молодых западных компартий изучать и учитывать опыт российской революции и на основе национальных особенностей совершать подобные революции в своих странах. Завершает свою речь вождь следующим выводом: «Мы, русские, должны искать пути к разъяснению иностранцам основ этой революции. Они должны постигнуть организацию, построение, метод и содержание революционной работы. Если это совершится, тогда, я убеждён, перспективы мировой революции будут не только хорошими, но и превосходными» [5, с. 294].

После победы Октябрьской социалистической революции 1917 г. теоретические воззрения и проекты большевистской партии приобретают практический характер. Как уже отмечалось, постимперская Россия рассматривалась руководством партии как стартовая площадка для начала мировой пролетарской революции. И этим проектом Ленин и Троцкий руководствовались вплоть до середины 1920-х гг. Это не было секретом для западных стран, и революционно-имперские замыслы большевиков вызывали на Западе обоснованную озабоченность. Ещё в мае 1917 г. во Франции на митинге, организованном Комитетом по восстановлению международных отношений, отмечалось: «Русская революция – сигнал к мировой революции. И успех в мировой революции обеспечит успех революции русской. Война народов приведёт к мировой революции» [6, с. 67]. Таким образом, капиталистический Запад не питал никаких иллюзий в отношении глобальных проектов большевиков.

Взяв власть в России, коммунистическое руководство страны с энтузиазмом принялось реализовывать свои имперские замыслы в других странах. Тем более что Первая мировая война способствовала бурному росту революционного движения. Как известно, в течение двух лет после Октября 1917 г. коммунистические партии, подобно российской, возникли в 13 странах мира. В октябре 1918 г. по инициативе республиканской России в Москве состоялось совещание представителей коммунистических организаций Польши, Литвы, Белоруссии, Украины, Латвии и Эстонии, на котором было образовано Центральное бюро для координации усилий в борьбе за мировую революцию [7, с. 112].

По инициативе и силовой поддержке революционной России в ноябре 1918 г. была провозглашена советская власть на Украине, в декабре 1918 г. – в Белоруссии. Осенью 1918 г. Красная армия выдворила австро-германских интервентов из Прибалтики, и в течение 1918–1919 гг. советская власть была установлена в Эстонии, Латвии и Литве. Но большевики не были бы большевиками, если бы не стремились распространить революционные настроения и за пределы своей страны. Они поддержали весеннее восстание 1919 г. в Корее, майское восстание 1919 г. в Китае. Части Красной армии России захватили Монголию и создали Монгольскую Народную республику. С финансовой и организационной помощью Советской России коммунистические режимы ненадолго установились в Венгрии, на несколько недель – в Баварии. Неудавшаяся социалистическая революция в Германии крайне болезненно была воспринята в Москве. Неудачными стали попытки коммунизировать Польшу, Италию [7, с. 112]. Однако свою революционную глобалистскую политику большевики не прекращали, несмотря на то, что она заставила тесно консолидироваться капиталистическое окружение.

Стремление большевиков разжечь пожар мировой пролетарской революции только способствовало разорению страны и увеличению страданий народа. С периода захвата власти и вплоть до 1922 г. большевики искали на нужды своей революции и революций на Западе из царской

казны более 812 млн руб. золотом. Свирепствовали эпидемии и голод, Красный и Белый террор привели к тому, что если в 1917 г. в России проживало 141,7 млн чел., то в августе 1922 г. – только 131,7 млн чел. [7, с. 111–113]. Однако сложная внутренняя ситуация в России не смогла заставить большевиков хотя бы на время отложить свою глобалистскую стратегию. Наоборот, чтобы быстрее реализовать свои международные замыслы, руководство правящей партии отстаивало свои завоевания решительно и жёстко. Естественно, подобного рода действия власти вызвали не менее жёсткое гражданское и военное противодействие. Таким образом, гражданская война в Советской Республике сразу же после революции приняла крайне ожесточённый характер. Все действия большевистского руководства по защите завоеваний революции носили чрезвычайный характер с применением насилия и террора.

Этот период до начала 1919 г. и большевики, и их противники характеризовали как период «чрезвычайщины». В контексте рассматриваемой темы – это режим, установленный в стране после революции на неопределённый срок, ограничивающий политические права и свободу граждан, предусматривающий введение уголовной ответственности и применение карательных функций. В связи с этим ближайший соратник Ленина, Н. И. Бухарин, утверждал, что и внутренние, и международные задачи партии требуют «не просто единичных мероприятий против буржуазии, но и соответствующей государственной организации. Мы рассматривали эту организацию только как диктатуру, т. е. форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти». И далее он продолжает: «окончательной гарантией от восстановления старого порядка ... может служить лишь международная революция, приверженцем и носителем которой должна быть наша партия» [8, с. 19, 227].

Справедливости ради следует признать, что у ленинской гвардии ещё два-три года после революции не выветрился дух революционера-романтика, но это не мешало большевикам – истинным почитателям Робеспьера и Марата – жёстко отстаивать и укреплять свою практически имперскую власть. И эта всеобъемлющая, господствующая диктатура материально и организационно выражалась в деятельности органов ВЧК. Созданные постановлением СНК от 07.11.1917, они обладали неограниченными полномочиями и в условиях Красного террора превратились в главный государственный орган насилия и террора. Органы ЧК в условиях «чрезвычайщины» могли без санкций подвергать аресту, приговорить к смертной казни, конфисковать имущество, лишать продовольственных карточек, публиковать списки врагов народа и т. д.

В 1918 г. при ВЧК были созданы чрезвычайные судебные органы – ревтрибуналы. Они действовали во властной пирамиде сверху донизу. Тогда это означало арест, ускоренное следствие, отсутствие защиты, приговор и немедленное его исполнение. Террор власти ещё более усилился после разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. Многие современные исследователи связывают его деятельность с воз-

возможностью демократического развития страны, но его разгон исключил эту возможность и широко открыл ворота, ведущие Россию в гражданскую войну. В итоге уже к лету 1918 г. чрезвычайная ситуация привела к тому, что террор стал для большевиков единственным способом удержать власть.

Следует учитывать, что характер «чрезвычайщины» в серьёзной степени определяется вспышками голода в республике Советов. Жесточайший голод, поразивший страну весной 1918 г., стал первопричиной введения чрезвычайного положения, что вызвало ряд голодных бунтов. Положение было крайне напряжённым, и первоочередной задачей Ленин считал удержание власти хотя бы до августа 1918 г., т. е. до нового урожая. Декретом ВЦИК от 13.05.1918 была установлена монополия государства на хлеб и другие виды продовольствия. Вся вина за свирепствующий голод была возложена на зажиточное крестьянство, которое не желало реализовать хлеб по низкой цене, установленной государством. Декрет призывал всех трудящихся «к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулачеством и применению вооружённой силы в случае оказания противодействия отбиранию хлеба» [9, с. 90].

Действующий террор в рамках чрезвычайного времени принял массовый характер, и к лету 1918 г. в ЦК и к Ленину поступает лавина заявлений и жалоб. В результате в партии возникает дискуссия об отмене «чрезвычайщины». Однако Ленин и глава ВЧК Ф. Дзержинский не поддерживают эту тенденцию. Они заявляют, что террор остаётся главным орудием чекистов, которые спасают революцию. «Может, у нас каша, а не диктатура. Надо быть решительнее», – пишет Ленин [10, с. 556].

Однако уже с июля 1918 г. Ленин и Бухарин начинают понимать, что «чрезвычайщина» себя изжила, и находят выход из создания новой формы организации диктатуры пролетариата. Он был найден в принятии Конституции РСФСР. Следует учитывать, что Ленин и его соратники ранее этот конституционный вариант вообще не предусматривали, ибо был ещё велик революционный потенциал народа, а имперские замыслы большевиков после революции практически стали реализовываться в ряде других стран.

Первая советская Конституция была принята в июле 1918 г. Она носила чётко выраженный классовый характер с доминантой обязанностей и декларативными правами. По замыслу руководства партии эта Конституция должна была создать у народа иллюзию возвращения к порядку, придать гражданам чувство элементарной защищённости, которого «чрезвычайщина» не давала. Однако с конца лета и начала осени 1918 г. обстановка характеризуется резким усилением гражданского сопротивления в стране. Эта новая волна Красного и Белого террора была неуправляема и ожесточённа. 5 сентября 1918 г. было принято Постановление правительства Ленина, официально дававшее юридическое обоснование Красного террора, который даже старый большевик Я. Петерс назвал «историческим» террором.

Не следует забывать, что имперские амбиции большевиков нашли своё практическое воплощение в создании и деятельности Коминтерна. Ещё в 1915 г. Ленин заявлял: «Задача пролетариата в России – довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе» [11, с. 354]. И через четыре года эти слова станут программой деятельности Коминтерна, первый Учредительный Конгресс которого состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г. Эта организация – детище ленинской партии, «штаб мировой пролетарской революции» – сыграла огромную роль в реализации поставленной цели вплоть до начала Второй мировой войны. Следует констатировать, что большинство революционных потрясений в Европе и в ряде регионов мира произошли не без участия, а иногда и с прямым участием деятелей Коммунистического Интернационала. Особую роль он сыграл в подготовке революции в Германии в 1923 г., попытках захвата власти в других странах, которые оказались неудачными. Как утверждает профессор А. Ю. Ватлин, «Разбор уроков германского Октября» стал основной причиной внутрипартийного конфликта в руководстве партии большевиков и приобрёл особую остроту после смерти В. И. Ленина [12, с. 11]. С этим следует согласиться, поскольку с середины 1920-х гг. имперский лозунг мировой пролетарской революции был надолго отложен и в рамках сталинской модернизации страны был взят курс на построение социализма в одной отдельно взятой стране в условиях полного капиталистического окружения.

Несмотря на временное отступление, имперский проект большевиков продолжал воплощаться в создании жёстко централизованного механизма политической власти в 1920–30-е гг. Исторически первой классической формой тоталитаризма стала военно-коммунистическая система советского типа, сформировавшаяся к середине 1918 г. Становление механизма коммунистического господства, превращение партии в институт власти заняло около двух десятков лет. И этот механизм власти не имел ничего общего с диктатурой пролетариата. Уже с 1917 г. в стране властвовала верхушка партии – профессиональные революционеры с достаточной марксистской подготовкой. Несмотря на длительные годы эмиграции, учёбу в европейских университетах, они оставались россиянами по своей политической ментальности, недавними подданными Российской империи. Поэтому и проекты строительства нового государства у них носили имперский характер. В конечном счёте была выстроена пирамида диктатуры партии – простая и архаичная система власти, не связанная ни законами, ни контролем общества.

Список источников

1. Драма российской истории: большевики и революция / Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева); О. В. Волобуев, А. А. Косаковский, В. И. Старцев и др.; ред. А. Н. Яковлев. М.: Новый хронограф, 2002. 449 с.

2. Маркс К. Манифест коммунистической партии. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 471 с.
3. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большеви́стская революция. 1917–1923 / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 768 с.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М.: Политиздат, 1981. 599 с.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1982. 729 с.
6. Ферро М. Запад и Советская революция (1917–1985 гг.) // МЭМО. 1991. № 9. С. 67.
7. Казанцев Ю. И. Международные отношения и внешняя политика России (XX в.). Новосибирск: Сибирское соглашение, 2002. 352 с.
8. Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. 449 с.
9. История коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М.: Политиздат, 1968. 607 с.
10. История России XX в.: 1894–1939. М.: АСТ, 2009. 1 023 с.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. М.: Политиздат, 1977. 643 с.
12. Ватлин А. Ю. Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, Фонд Б. Н. Ельцина, 2009. 374 с.

Людмила Вениаминовна Белгородская
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ТРАНССИБА – ВЫДАЮЩЕГОСЯ ПРОЕКТА ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме визуализации строительства Транссиба (1891–1916 гг.) в художественных (панорамы) и документально-натуральных (фотографии) источниках. Представлена история бытования изображений. Внесены уточнения в атрибуцию панорам выставки 1900 г. (Париж).

Ключевые слова: визуальный поворот, Транссиб, панорама Жамбона и Байи, П. Пясецкий, образы Транссиба

Abstract. The article is devoted to the problem of visualization of the construction of the Trans-Siberian Railway (1891–1916) in artistic (panoramas) and documentary-natural (photographs) sources. The history of the existence of images is presented. Clarifications have been made to the attribution of panoramas from the 1900 exhibition (Paris).

Keywords: visual turn, Transsib, panorama of Jambon and Bailly, P. Pyasetsky, images of Transsib

Транссиб (1891–1916 гг.), соединивший непрерывным рельсовым путём Европейскую часть России с Дальним Востоком, крупнейшая в мире железнодорожная магистраль (8,3 тыс. км), была выдающимся инвестиционным проектом позднеимперской России. Задача публикации состоит в ответах на вопросы: по чьей инициативе и как шла визуализация строительства трассы, какую роль играли российские и зарубежные коммерческие предприятия в презентации проекта, какие художники и фотографы, издатели участвовали в этом процессе.

Работа выполнена в рамках т. н. «визуального поворота» в науке. Как верно заметил П. Бёрк: «В фотоархивах работает относительно небольшое число историков, если сравнить с теми, кто трудится в хранилищах письменных и опубликованных документов...». «При использовании изображений историки склонны рассматривать их как простые иллюстрации...» [1, с. 8–9]. Этот материал подготовлен с целью поощрить использование визуальных свидетельств. Мы признаём логичность классификации визуальных источников источниковеда С. О. Шмидта, который выделил: а) художественно-изобразительные, б) изобразительно-графические, в) изобразительно-натуральные источники (фотографии и документальные кинокадры).

Среди художественных образов Транссиба отметим панораму, которая была написана русским художником Павлом Яковлевичем Пясецким в течение шести лет по заказу головного офиса, управлявшего строительством дороги. Она была представлена на Международной выставке в Париже в 1900 г. Панорамы вообще были популярными аттракционами выставки, отметим их связь с динамичным восприятием пространства у путешествующих по железной дороге. Художник создал непрерывное акварельное полотно также видами Транссиба длиной около 950 м. Для написания картин для художника был сконструирован вагон-мастерская, в котором он создавал полотно. В девяти рулонах длиной от 54 до 127 м Пясецкий сумел предельно сжать огромное пространство и в то же время запечатлеть большие города: Челябинск, Омск, Томск, Красноярск. Городские улицы, площади, архитектурные памятники, местные промыслы и ремёсла, жанровые сцены – ничто не ускользало от внимательного взора художника. В мельчайших деталях он зарисовал и сам процесс строительства – прокладку рельсов, наведение переправ, сооружение мостов, работу парома на Байкале. «Пассажиры» у окна вагона в Париже могли медленно смотреть постоянно меняющуюся панораму. Панорама Пясецкого была удостоена золотой медали Экспо, а её автор получил орден Почётного легиона. В 1904 г. она была показана на следующей Всемирной выставке в американском Сент-Луисе. Панорама отреставрирована и находится сейчас в Эрмитаже.

В российской исторической науке утвердилось мнение, что это была единственная панорама, посвящённая Транссибу. Автор нескольких публикаций о панораме, ведущий научный сотрудник отдела русской культуры Г. А. Принцева отметила, что исследователи писали о том, что «Панорама Пясецкого была и остаётся единственным художественным памятником, отразившим сооружение Транссиба» [2]. Этот факт отражён и в экспозиции музея железных дорог России. В обобщённом виде подобный подход нашёл отражение в статье «Панорама Пясецкого» на страницах Большой Российской энциклопедии. «На Всемирной выставке 1900 г. в Париже панорамы Пясецкого произвели настоящий фурор. Тема освоения Сибири и строительства Транссибирской магистрали была ключевой в красочном русском павильоне на Марсовом поле. В павильоне стояли настоящие вагоны Сибирского экспресса: вагон-ресторан, вагон-гостиная и даже вагон-библиотека. Благодаря произведениям Пясецкого посетители совершали невероятное путешествие по Транссибирской магистрали: панорама медленно перематывалась за окном специального вагона, и перед зрителями разворачивалась картина громадного пространства. Движущаяся панорама Пясецкого создавала впечатление документального кино: перемещалась не только рисованная панорама, но и отдельно, с большей скоростью, специально созданный передний план: трава, телеграфные столбы, сторожевые будки. Примерно за час перед зрителями поезд, вышедший из Москвы, переносился в Пекин» [3].

В этом тексте ряд положений вызывают возражения и требуют уточнения. Во-первых (и на это первым обратили внимание научной общественности Ф. Б. Шенк, Э. Хёсли), в Париже были представлены две панорамы Транссиба [4, с. 147; 5, с. 423–424]. Вторая создана по заказу Международного общества спальных вагонов. Оно эксплуатировало с 1898 г. поезд на участке Москва – Красноярск и решило разместить в столице Франции рекламу «Транссибирского экспресса». Именно для демонстрации этой панорамы в павильоне императрицы Марии были выставлены четыре вагона. Из них два вагона-ресторана. Художниками Парижской оперы Марселем Жамбоном и Александром Байи была создана великолепная панорама. Зрители покупали «билет 1-го класса» и располагались в вагонах, перед их окнами пробегали пейзажи и железнодорожные станции магистралей. Движущаяся панорама, в отличие от проекта российского художника, состояла из нескольких движущихся слоёв объектов и картин. Ближайшими объектами были песок, камни и валуны на горизонтальной полосе, движущейся со скоростью 300 м/мин. Далее на низком экране, движущемся со скоростью 120 м/мин, были нарисованы кусты. За ним экран с картинами двигался со скоростью 40 м/мин. На последнем экране размерами 7×105 м были нарисованы горы, леса и города, и он двигался со скоростью 5 м/мин. К услугам гостей предлагалась ванная комната на каждых 4 чел., библиотека с набором русских книг, переведённых на европейские языки, курительная комната в китайском стиле, игральные столы и салон с роялем. Подавалось угощение с икрой. Далее маршрут пролегал не до Владивостока (как у Пясецкого), а до Пекина, где состав встречали сотрудники в национальных костюмах. Наконец, продолжительность путешествия составляла около 45 мин, а демонстрация панорамы российского художника длилась от 30 мин до 3 ч в зависимости от запросов посетителей. Судьба второй панорамы неизвестна. Есть надежда, что она не пропала. В интернете размещены материалы о пейзажах Сибири и сохранившемся виде Благовещенска работы А. Байи.

Вторая группа – визуально-натуральные источники – представляет собой фотографические и кинематографические образы магистралей. Тиражом в 80 тыс. экз. была издана брошюра «Великая Сибирская железная дорога» на четырёх языках (русском, французском, немецком и английском) с портретом императора Николая II и двумя картами. На картах Сибирь представляли как центр Евразии, а Европа была визуализирована как окраина Сибири. Французское издание брошюры в количестве 24 тыс. экз. было передано правительству Франции для распределения по учебным заведениям, библиотекам, музеям и читальням. В начале XX в. были выпущены иллюстрированные «Путеводители по Великой Сибирской железной дороге» [6].

Красноярский издатель и фотограф М. Б. Аксельрод инициировал издание в 1899 г. фотоальбома ««Великий путь»: виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги» (фот. И. Р. Томашкевич). Книга отпечатана в типографии Штейнгемюля в Вене. Первый и единственный выпуск пред-

ставлял 124 вида от Оби до Енисея: важнейшие дорожные сооружения, города, селения, образы инородцев и живописных окрестностей. Фотографии снабжались кратким описанием железнодорожных станций Средне-Сибирской железной дороги, в т. ч. и Енисейской губернии: Боготол, Канск, Ачинск, Кемчуг, Красноярск. Фотографии представляли все этапы строительства дороги: от укладки пути, растаскивания шпал, сбалчивания рельсов до сцен отдыха строителей. Альбом был представлен на Всемирной выставке 1900 г. в Париже и отмечен золотой медалью. Нам удалось обнаружить письмо знаменитого купца-библиофила Г. В. Юдина к издателю с просьбой продать ему два экземпляра. Кроме этого, в коллекции Красноярского госархива хранится дело о неуплате Аксельродом денег за оформление переплёта королевскому переплётчику Шейбу. В решение конфликта вмешался лично енисейский губернатор [7]. Вероятно, продажа альбома не принесла ожидаемых денежных поступлений. Позднее московская кондитерская фабрика «Энем» выпустила по мотивам фотографий из красноярского альбома серию цветных рисованных вкладышей в кондитерские изделия. Они получили популярность.

В нескольких публикациях содержится информация о съёмках строительства дороги французскими кинематографистами, к сожалению, без ссылок на первоисточники. В годы Гражданской войны американские операторы сняли 2,5-часовую хронику событий, действие многих сцен происходило на станциях Великого Сибирского пути [8].

«Чтение» визуальных образов строительства Транссиба дало возможность оценить геополитические, технические и антропологические аспекты реализации крупнейшего инвестиционного проекта дореволюционной России. Этот материал имеет целью поощрить изучение историками визуальных свидетельств.

Список источников

1. Бёрк П. Взгляд историка. М.: Эксмо, 2023. 368 с.
2. Принцева Г. Транссибирская железная дорога в акварельной панораме П. Я. Пясецкого // Родина. 2016. № 10. С. 8–11.
3. Винюкова Н. В. Сибирская панорама Пясецкого URL: bigenc.ru/c/sibirskaia-panorama-p-ia-piasetskogo-5d5b5b.
4. Шенк Ф. Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: НЛЮ, 2016. 584 с.
5. Хёсли Э. Сибирская эпопея. М., 2021. 783 с.
6. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1903–1904. СПб., 1904. 354 с.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 2 850. Л. 2; Ф. 595. Оп. 8. Д. 4 391. Л. 1; Ф. 796. Оп. 1. Д. 4 661. Л. 1.
8. Allied Expeditionary Forces in Siberia. URL: [google.com/search?q=7.Allied+Expeditionary+Forces+in+Siberia&rlz=1C1GCEU](https://www.google.com/search?q=7.Allied+Expeditionary+Forces+in+Siberia&rlz=1C1GCEU).

*Сергей Александрович Булгаков
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЯСА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ ГУАНЬЧЖУН КАК ОСНОВЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В провинции Шэньси с момента образования КНР формировалась сильная база научно-технической отрасли и промышленности, связанной с высокими технологиями. Научно-техническому развитию помимо прочих факторов способствовала реализация центральными и провинциальными властями ряда проектов и программ. В 1990–2000-е гг. на процесс развития Шэньси в области науки и техники значительно повлиял проект по созданию пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун, позволивший сконцентрировать научно-промышленный потенциал провинции и увеличить темпы роста в данной сфере посредством создания и дальнейшей деятельности особых зон развития в крупных городах вдоль важнейшего транспортного коридора – Лунхайской железной дороги. В статье рассматриваются основные сюжеты формирования и развития пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун, анализируется его роль в научно-техническом развитии провинции Шэньси и даётся оценка его эффективности.

Ключевые слова: провинция Шэньси, научно-техническое развитие, региональная экономика, проекты регионального развития, особые зоны развития

Abstract. Shaanxi Province has developed a strong base of science and technology industry and high-tech industry since the establishment of the PRC. The scientific and technological development has been promoted by the implementation of a series of projects and programs by the central and provincial governments, among other factors. In the 1990–2000s, Shaanxi's S&T development was significantly influenced by the Guanzhong High-Tech Industrial Development Belt project, which concentrated the province's scientific and industrial potential and increased the growth rate in this area through the establishment and continued operation of special development zones in major cities along one of the most important transport corridor, the Longhai Railway. The article considers the main plots of formation and development of the Guanzhong high-tech industrial development belt, analyses its role in the scientific and technological development of Shaanxi Province and evaluates its efficiency.

Keywords: Shaanxi province, scientific and technological development, regional economy, regional development projects, special development zones

Провинция Шэньси в КНР является одним из ведущих центров науки и высокотехнологичного промышленного производства. Ряд предприятий машиностроения, оборонной промышленности и научно-исследовательских организаций созданы в период 1 и 2-й пятилеток. Большой толчок научно-техническому развитию провинции Шэньси дала политика строи-

тельства «третьей линии» обороны в рамках подготовки к войне, в результате которой значительно усилен научно-образовательный и военно-промышленный потенциал провинции, в т. ч. за счёт перемещения ряда предприятий и организаций из восточной части Китая. Начало политики реформ и открытости Шэньси встретила как провинция, слабо развитая с экономической точки зрения, но обладающая значительным научно-промышленным потенциалом, способным стать одним из двигателей её развития. В результате политики реформ и открытости в Китае появилось много возможностей для развития, в т. ч. в сфере науки и техники. Один из форматов организации деятельности, пришедший в КНР в данный период, – различного рода зоны развития, на территории которых государственные и региональные власти проводили особую политику, обеспечивающую ускоренное развитие и концентрацию соответствующих предприятий и учреждений, привлекающую инвестиции и т. д. В Шэньси в целях развития научно-образовательного потенциала, а также наукоемкой и высокотехнологичной отраслей в конце XX в. сформировался комплекс такого рода зон, образующий пояс высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун. Как проект центральных властей КНР и регионального руководства провинции Шэньси, позволивший вывести научно-техническое развитие Шэньси на новый уровень, пояс представляет особый интерес для изучения.

Стартовой точкой формирования научно-технических зон развития стало принятие в марте 1985 г. «Решения ЦК КПК о реформе научно-технической системы» [1], утвердившего проведение особой политики в отношении районов концентрации интеллектуального потенциала. В соответствии с Решением требовалось сформировать в данных районах зоны освоения высоких технологий, каждая из которых должна обладать своей спецификой.

В рамках реализации данного решения в мае 1988 г. в Шэньси создаётся первая зона развития такого рода – Сианьская экспериментальная зона новых технологий, на территории которой осуществлялась преференциальная политика, состоящая из 14 пунктов. В том же году образована Вэйнаньская зона высокотехнологичного промышленного развития. В марте 1991 г. по решению Государственного совета КНР Сианьская зона получила статус зоны высокотехнологичного промышленного развития государственного уровня. В октябре 1991 г. в ходе проходившего в г. Вэйнане рабочего совещания провинциальной комиссии по науке и технике принято решение о постепенном создании экспериментальных зон развития новых технологий в Баоцзи, Сяньяне и Янлине. Зоны в Баоцзи и Сяньяне созданы в том же 1992 г., а зона в Янлине – в 1997 г. Упомянутые выше зоны развития легли в основу пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун. Решение о его создании принято на исполнительном совещании Народного правительства провинции Шэньси в мае 1992 г. [2, с. 37]. Выбор крупных городов центрального района Гуаньчжун в качестве площадки для размещения зон развития связан с тем, что в данных городах

был наиболее развит научно-промышленный комплекс, а также они располагались вдоль важнейшей транспортной артерии Шэньси – Лунхайской железной дороги, что значительно упрощает решение логистических вопросов.

В октябре 1998 г. правительство провинции Шэньси издало решение «Об ускорении формирования и развития пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун» [3]. Решением определялись основные задачи развития пояса, а также меры поддержки, в частности содействие регистрации предприятий, приоритет инфраструктурного строительства в зонах развития, создание условий для многоканального финансирования, кредитования, преференции для иностранных инвесторов, льготы по экспортному налогу, включение крупных проектов в планы, разрабатываемые провинциальным плановым комитетом для оказания финансовой поддержки. Решение также способствовало тому, что в провинциальных органах власти повысилось внимание к данному проекту и его вопросы стали чаще включаться в рабочую повестку правительства Шэньси [2, с. 38].

В течение 1990-х гг. с созданием зон развития, привлечением в них предприятий, инвесторов (в т. ч. иностранных) пояс развития Гуаньчжун приобретает оформленный вид. Формируются все пять зон развития и их специализация. В сферу деятельности Сианьской зоны входит электронная информация, интеграция электронных и механических систем, биофармацевтика [4], Вэйнаньской – машиностроение, электроника, химическая промышленность, переработка сельхозпродукции [5]. Зона развития Сяньян специализируется на производстве электронных дисплеев, транспортных средств на новых источниках энергии и биофармацевтике [6]. В специализацию зоны Баоцзи входит машиностроение, производство строительных материалов, металлургия [7]. Особое место занимает зона высокотехнологичного развития сельского хозяйства Янлин. На территории зоны осуществляются различные проекты в области сельского хозяйства, в частности успешно проводится селекционная работа. Зона Янлин стала единственной зоной высокотехнологичного развития сельского хозяйства в Китае [8].

Пояс также был интегрирован в другие проекты по научно-техническому развитию, в частности в государственный план «Факел», направленный на коммерциализацию научно-технических достижений и их внедрение в производство (на 1995 г. 80 % проектов плана в Шэньси осуществлялись в рамках пояса развития Гуаньчжун) [9].

В марте 2002 г. пояс высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун вошёл в государственный перечень поясов высоких технологий [10]. В процессе развития пояса Гуаньчжун всё большее количество предприятий развивают деятельность на его территории. Если в 1995 г. на территории пояса было зарегистрировано около 3 тыс. предприятий, то к 2008 г. их число достигло 20 тыс. [9; 11].

С 2000-х гг. развитие пояса даёт заметные результаты. Так, с периода 10-й пятилетки высокотехнологичная промышленность Шэньси вышла на среднегодовой темп роста в 20 %. В 2008 г. в рамках пояса развивалось 90 % высокотехнологичной промышленности Шэньси, сформировались центры исследований и производства в сфере авиационной, космической промышленности, производства продукции из титана, интегральных схем, программного обеспечения, полупроводникового освещения и фотоэлектрических элементов [12].

С 2009 г. в Шэньси начато формирование экономической зоны Гуаньчжун – Тяньшуй, в состав которой вошёл также пояс высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун. Пояс стал важной вехой развития научно-промышленного комплекса провинции Шэньси. В результате реализации данного проекта научно-исследовательская база и наукоёмкая промышленность провинции Шэньси приобрели более системный характер, усилилась их интеграция, значительно увеличились темпы развития. Зоны развития, выстроенные в период формирования пояса Гуаньчжун, остаются основой инновационного развития провинции Шэньси и в настоящее время.

Список источников

1. Решение ЦК КПК о реформе научно-технической системы | 中共中央关于科学技术体制改革的决定 // Центр обслуживания предприятий с иностранным капиталом г. Чжэнчжоу. URL: waizi.org.cn/law/4863.html.

2. Сиинь А. | 安西印. Исследование модели развития пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун и мер по решению вопросов его развития | 关中高新技术产业开发带的发展模式与对策研究: магист. дисс. Сиань: Северо-Западный политехнический университет, 2004. 61 с.

3. Решение «Об ускорении формирования и развития пояса высокотехнологичного промышленного развития Гуаньчжун» | 关于加快关中高新技术产业开发带建设和发展的决定 // Научно-технический портал г. Сяньяна. URL: kjj.xianyang.gov.cn/zwgk/fdzdgknr/zcwj/qtgw/zcfg_0/200302.html.

4. Краткое описание Сианьской зоны освоения высоких и новых технологий | 西安高新区简介 // Сианьская зона высокотехнологичного промышленного развития. URL: xdz.xa.gov.cn/gxgk/tzgx/60c9cc982aea1.html.

5. Общее описание Вэйнаньской зоны освоения высоких и новых технологий | 西安高新区概况 // Вэйнаньская зона высокотехнологичного промышленного развития. URL: gaoxinqu.weinan.gov.cn/zjgx.

6. Краткое описание Сяньянской зоны освоения высоких и новых технологий | 西安高新区简介 // Сяньянская зона высокотехнологичного промышленного развития. URL: gxq.xianyang.gov.cn/zjgx_2273/gxgk.html.

7. Зона высокотехнологичного промышленного развития г. Баоцзи | 宝鸡高新技术产业开发区. URL: bjgx.baoji.gov.cn.

8. Общее описание зоны Янлин | 杨凌概况 // Демонстрационная зона сельскохозяйственного производства с применением высоких технологий Янлин. URL: yangling.gov.cn/zgyl/ylgk/1.html.

9. Ежегодник Шэньси – 1996 | 陕西年鉴 1996. URL: baike.baidu.com/difangzhi/shaanxi/441.

10. Ежегодник Шэньси – 2002 | 陕西年鉴 2002. URL: baike.baidu.com/difangzhi/shaanxi/447.

11. Ежегодник Шэньси – 2009 | 陕西年鉴 2009. URL: baike.baidu.com/difangzhi/shaanxi/1702.

12. Доклад о развитии Шэньси 1949–2009 | 陕西发展报告1949–2009 / ред. Чэн Аньдун | 程安东. Сиань, 2009. 530 с.

Дмитрий Антонович Бурков

*Томский государственный университет,
Томск, Россия*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ВОПРОС В ОСВЕЩЕНИИ «ТОМСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»: ПРОСТРАНСТВО ОПЫТА И ГОРИЗОНТ ОЖИДАНИЙ

Аннотация. В статье рассматривается позиция духовенства Томской епархии относительно значения массовых переселений рубежа XIX–XX вв. для РПЦ в Сибири, отражённая в «Томских епархиальных ведомостях». Прослеживается формирование и изменение ожиданий от переселений, основанных на устойчивых представлениях о старожилах и переселенцах.

Ключевые слова: религиозный ландшафт Сибири, переселения в Сибирь, Русская православная церковь, переселенцы, старожилы, идентификация

Abstract. The article deals with the position of the Tomsk diocese clergy regarding the significance of mass settlements at the turn of 19–20th cent. for the Russian Orthodox Church in Siberia, reflected in the "Tomskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti". The formation and change of expectations from settlements based on stable understanding of old residents and settlers is observed.

Keywords: religious landscape of Siberia, settlements in Siberia, Russian Orthodox Church, settlers, old residents, identification

Благодарности. Исследование проведено на основе материалов, собранных в рамках проекта РНФ № 23-78-10119 (URL: rscf.ru/project/23-78-10119).

Массовые переселения из Европейской России на рубеже XIX–XX вв. оказали существенное воздействие на социокультурный ландшафт Сибири. В их ходе и результатах, помимо государственной власти, были заинтересованы многочисленные локальные акторы, имевшие свою позицию относительно опасностей и перспектив новой волны колонизации. Данные позиции, нашедшие отражение в «малых» исторических нарративах, позволяют раскрыть намерения и смысл действий сторон в обстоятельствах, изменившихся из-за миграций. В докладе исследуется позиция представителей Русской православной церкви как локальных акторов, чьё видение переселенческого вопроса зачастую не вписывалось в «большой» нарратив хозяйственного освоения Сибири.

Систематическое исследование позиций различных акторов по переселенческому вопросу предпринято А. В. Ремневым и Н. Г. Суворовой. Авторы отмечают, что представители государственной власти в своих целях толковали «русскость» расширительно, без учёта конфессионального фактора, что вступало в противоречие с позицией представителей господ-

ствующей церкви. Выводы сделаны на материалах Степного края и Дальнего Востока, позиция духовенства рассматривается для прояснения понятия «русскости» [1, с. 205–221]. В данном докладе рассматривается Томская губерния, регион наиболее массовых переселений, определивших «трансграничный» статус территории [2, с. 7–10].

В качестве источника выбраны «Томские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ), т. к. в них публиковались информационные и публицистические тексты местного духовенства об актуальных проблемах, в число которых входил «переселенческий вопрос». Для исследования сообщений, повествующих о новой, ещё не законченной волне колонизации Сибири, целесообразно использовать исторические категории «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», предложенные Р. Козеллеком: «...нет такой истории, которая бы не конституировалась посредством опыта и ожиданий действующих и переживающих людей» [3, с. 151].

Ожидания от переселений базировались на основе устойчивых представлений о «своих» – старожилах и «других» – переселенцах. Можно выделить две волны интереса к теме переселений в ТЕВ, советующих активным миграциям рубежа веков и столыпинским переселениям; причём вторая волна ниже, что может быть следствием несбывшихся ожиданий от первой (рисунок).

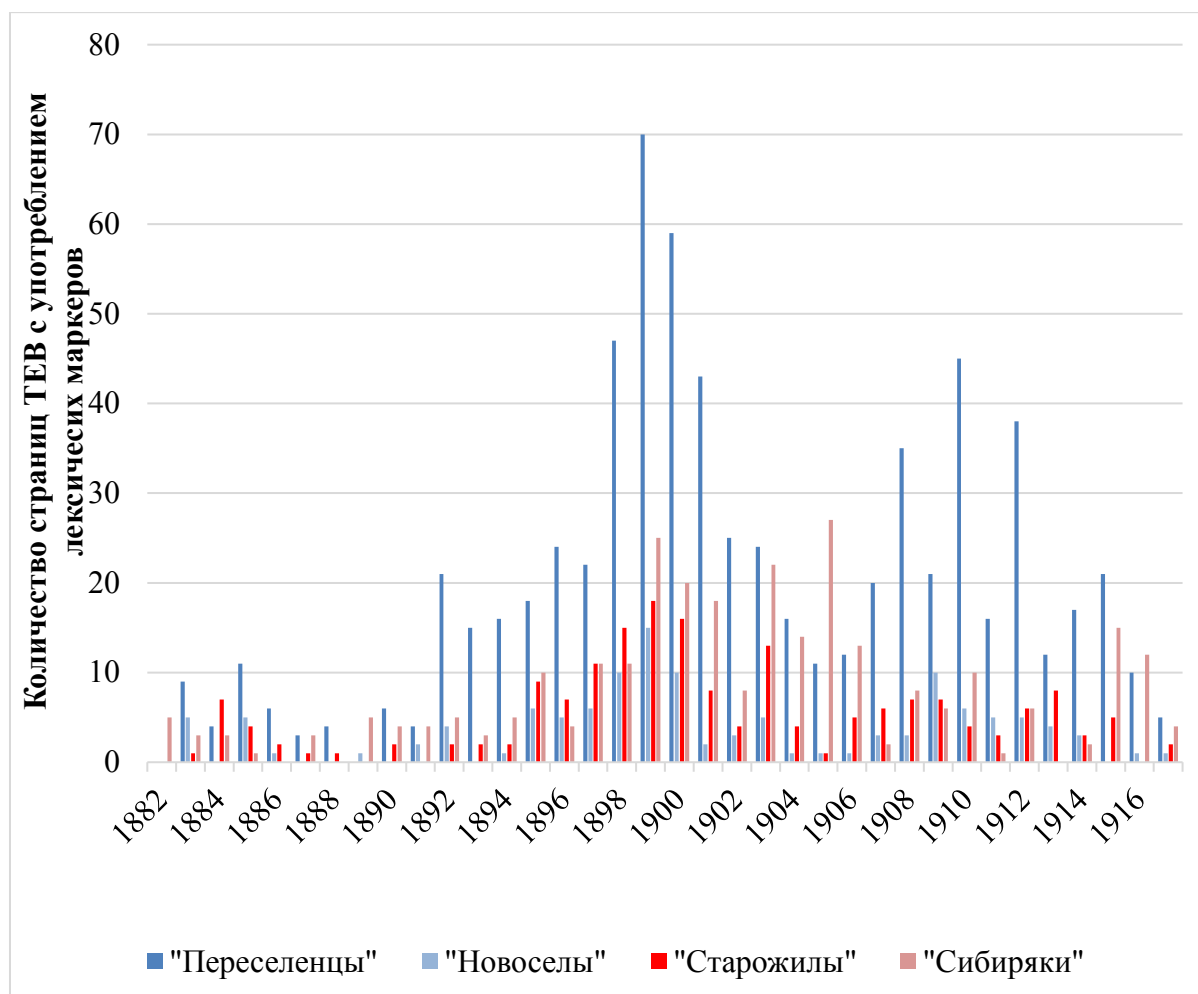

Рисунок. Динамика упоминаний групп русского населения Сибири в ТЕВ

Старожилов в дискурсе ТЕВ характеризовала «холодность в деле веры, склонность к расколу или полное отчуждение от православной церкви» [4, с. 31–32]. Причиной этого признаются: во-первых, социальные особенности населения, составившего ядро «русского сибирского общества»: искатели приключений и лёгкой наживы, ссыльные («лица, не терпимые в нравственном или политическом отношении в Европейской России») и «раскольники»; во-вторых, отдалённость церквей и священников от паствы сформировала «часовенный» тип религиозности [5, с. 11–18]. Таким образом, одним из решающих факторов в формировании нравственного облика сибиряка были миграции.

Ожидания от новой волны миграций определял не имевшийся негативный опыт, а образ «российского переселенца», который на этот раз «бежал не от государства», а из-за перенаселённости и голода в Европейской России. Переселенцы в дискурсе ТЕВ, как и старожилов, определялись через конфессиональную принадлежность, что не было характерно для трудов современников – светских экспертов [6, с. 176–177]. Переселенцев характеризовало то, что они «проявляют усердие к храму Божию и далеко ревностнее относятся к исполнению своих христианских обязанностей» [7, с. 17–18]. Наиболее ярко фигура переселенца как «другого» проявляется в неоднократно повторяемых описаниях его взгляда на сибирское общество: «Выросший и воспитавшийся на родине под влиянием церкви переселенец с удивлением смотрел на сибиряка. Непонятным ему показалось, как эти люди, именующие себя христианами, не бывают всю жизнь у Исповеди и св. Причастия, не посещают храма Божия и покойников погребают без отпевания, не говоря уже о выносе и сорокоустах, одним словом, во всём обходятся без церкви и священства» [8, с. 10–11]. Сопоставление переселенцев и русских коренных жителей Сибири во многом сформировало образ последних, что видно по росту встречаемости в ТЕВ форм слов «сибиряки» и «старожилов», совпадающему с волнами миграций (рис. 1).

Положительные ожидания от переселений базировались на представлении о новосёле как носителе православной культуры, в силах которого через свой пример благотворно повлиять на старожилов и изменить культурный ландшафт Сибири. Для этого РПЦ выработала неоднократно повторённую в публикациях программу религиозного преобразования Сибири. Переселенцев – представителей синодальной церкви – предлагалось приселять к инородцам и старообрядцам, а старообрядцев с осторожностью к сибирякам-«никонианам» [9, с. 23–24; 10, с. 28–29]. Надежды, связанные с её выполнением, выражены в словах: «...в переселенческом движении православного населения из России в Сибирь внимательному взору нельзя не видеть путей промысла Божия, пекущегося о благе церкви, направляющего обычные явления и события жизни людей к знаменательным событиям истории церкви» [4, с. 32]. Однако, стремление поставить имперский колониционный проект на службу РПЦ не было поддержано

государственной властью. Переселения без учёта конфессиональной принадлежности старожилов и новосёлов сформировали конфликтную среду и привели к противоречивым результатам.

С развитием миграционного движения на восток для части духовенства стало понятно, что ожидания не оправдали себя, слабые в экономическом отношении переселенцы попадали в зависимость от старообрядцев, большое число которых тоже переезжало в регион. Нарушение конфессионального баланса усложнило деятельность миссионеров, поэтому в их отчётах переселения стали оцениваться в основном негативно [11, с. 18; 12, с. 30].

Эти процессы нашли своё отражение и в нарративах об истории населённых мест. В них прослеживается та же двойственность: прежние переселения, сформировавшие не желаемое для РПЦ общество, и современные, несущие религиозный подъём. Но «торжество православия» в этих повествованиях никогда не связывалось исключительно ростом населения, принадлежащего к государственному православию, его должно побудить институциональное воздействие РПЦ: деятельность миссионеров, открытие школ, молитвенных домов и в идеале церквей [13, с. 14–17].

Миграции рубежа XIX–XX вв. не оправдали надежд томского духовенства. Синодальная церковь формулировала «переселенческий вопрос» следующим образом: как с помощью новой волны колонизации и православного крестьянина достичь духовного пробуждения Сибири? Решение данной задачи требовало сотрудничества с государственной властью, которая имела иное видение указанного вопроса. Результаты стихийных с точки зрения РПЦ переселений, с одной стороны, шли вразрез с имеющимися положительными ожиданиями, с другой, не совпадали с прошлым опытом. Данное противоречие говорит об уникальности сложившейся ситуации: миграции усложнили религиозный ландшафт Сибири и идентификацию различных социальных и этноконфессиональных групп. Адаптация к изменившейся среде, поиск себя в ней, своей идентичности – задачи, которые встали перед многочисленными локальными акторами и решались по-разному; всё это ставит вопросы перед исследователями.

Список источников

1. Ремнев А. В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии 2-й пол. XIX – нач. XX в. / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова. Омск, 2013. 248 с.
2. Пространства и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И. А. Айзикова, С. В. Волошина, В. С. Воробьева и др. Томск, 2022. 280 с.
3. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
4. Отчёт Братства св. Димитрия, Митрополита Ростовского, в г. Бийске за 1888/89 г. // ТЕВ. 1890. № 1 (н. о.). С. 21–32.

5. Городков Н. Сибирское общество прежнего времени в религиозно-нравственном отношении // ТЕВ. 1889. № 17 (н. о.). С. 9–18.

6. Щеглова Т. К. Русские Алтая во 2-й пол. XIX – XX столетии: культурное многообразие и история формирования научных представлений о локальных группах (к проблеме создания классификации) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: матер. междунар. НК. Барнаул, 2015. С. 175–185.

7. Обзорение церквей и приходов епархии Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Томским и Барнаульским, в июле и августе 1897 г. // ТЕВ. 1898. № 2 (н. о.). С. 15–22.

8. Овсянников М. Деревня Нижняя Каменка // ТЕВ. 1893. № 1 (н. о.). С. 9–17.

9. Нужно ли и в каких именно проявлениях содействие гражданской власти в деле борьбы с нашим расколом? // ТЕВ. 1895. № 3 (н. о.). С. 11–25.

10. Новиков И. Миссионерское противораскольническое дело в Томской епархии в 1893/94 г. // ТЕВ. 1895. № 20 (н. о.). С. 20–29.

11. Миссионерские известия по Томской епархии // ТЕВ. 1898. № 6 (н. о.). С. 17–27.

12. Новиков И. Собрание членов совета братства св. Димитрия Ростовского // ТЕВ. 1897. № 24 (н. о.). С. 27–30.

13. Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нём событий в 1894/95 г. // ТЕВ. 1896. № 3 (н. о.). С. 10–17.

Наталья Ивановна Бурнашева¹, Иван Иванович Ковлеков²

¹ *Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

² *Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова,
Якутск, Россия*

УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА НА ВОСТОКЕ СССР (Г. И. ЧИРЯЕВ)

Аннотация. Статья посвящена проекту первого секретаря Якутского обкома партии Г. И. Чиряева (1965–1982 гг.) по созданию Алдан-Чульман-Удоканского территориально-производственного комплекса на основе разработки угольных месторождений Южной Якутии, который должен был способствовать индустриальному развитию Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Г. И. Чиряев, Якутская АССР, проект, территориально-производственный комплекс, горно-металлургический кластер, Северо-Восток СССР

Abstract. The article is devoted to the project by G. I. Chiryaev, First Secretary of the regional committee of the Communist Party of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, to establish Aldan-Chulman-Udokan Regional Industrial Cluster based on coal field development in Southern Yakutia. This project was intended to drive the industrial growth of the entire northeastern region of the country.

Keywords: G. I. Chiryaev, Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic, project, regional industrial complex, mining-metallurgical cluster, North-East of the USSR

В развитии экономики Якутии в 1960-е гг. наступил период подъёма, созвучный с периодом середины 1920-х гг., когда молодая автономная республика стояла перед стратегическим выбором своего экономического развития в будущем [1]. В те годы инициативу и огромные усилия в разработку и обоснование первых масштабных проектов развития народного хозяйства Якутской АССР вложили её первые руководители – М. К. Аммосов, П. А. Ойунский, И. Н. Барахов и др. Первостепенное внимание они уделили вопросам органичного включения экономики Якутии в общесоюзный хозяйственный план развития, определяли хозяйственную региональную специфику и специализацию [2, л. 3, 33, 54–55 (об.)]. Первая Программа развития промышленности в Якутской АССР была представлена на V Всеякутском съезде Советов (февраль – март 1927 г.) в Постановлении «О промышленном строительстве ЯАССР» [3, с. 128–132]. В созданном в общем русле программ индустриализации СССР постановлении был сделан акцент не на организацию местной обрабатывающей промышленности, а на первоочередном создании крупных государственных промыш-

ленных предприятий. Эта позиция получила отражение и в разработанном по инициативе председателя правительства Якутской АССР М. К. Аммосова «Генеральном плане развития народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10–15 лет» (1927 г.) [4, с. 10]. Помимо продолжения разработки Алданского золотоносного района, в нём предусматривался активный поиск платиновых россыпей, серебрясвинцовых, угольных, железных, соляных и других месторождений и создание на их основе новых горнодобывающих производств. При этом доля промышленного производства в Якутии должна была постоянно увеличиваться, трансформируясь, по мнению М. К. Аммосова, «из величины мало заметной в величину, играющую доминирующую роль» [5, с. 29].

В период косыгинских реформ середины 1960-х гг. перед руководством Якутской АССР, как и в те далекие 1920-е гг. становления экономики республики, вновь приобрела актуальность важная проблема выбора основных направлений социально-экономического развития. Партийным руководством Якутии, которое в 1965 г. возглавил Гаврил Иосифович Чиряев, был предложен путь создания территориально-производственных комплексов (ТПК). По его инициативе был разработан проект создания на юге республики Алдан-Чульман-Удоканского ТПК, направленного на освоение месторождений, компактно сконцентрированных и обладающих удачным сочетанием ценнейших полезных ископаемых, многие из которых являлись уникальными. В основу проекта был заложен принцип комплексного освоения недровых богатств Алдана и Удокана путём создания общей транспортной схемы и объединённой единой энергосистемы. Созданный в результате индустриальный кластер мог стать главной опорной базой для развития производительных сил всего Северо-Востока страны [6, с. 390].

Актуальность создания крупного Алдан-Чульман-Удоканского ТПК, по мнению Г. И. Чиряева, была связана с быстрым ростом потребности страны в чёрных и цветных металлах; необходимостью ускоренного развития дальневосточных районов страны, в т. ч. Северо-Востока СССР, для выравнивания уровня их экономического развития; расширением участия Дальнего Востока в экспорте товаров; соображениями укрепления обороноспособности государства [7, с. 99].

Согласно проекту, для создания горно-металлургического комплекса необходимо было, прежде всего, приступить к разработке угольных, а затем и железорудных месторождений, чтобы впоследствии начать строительство металлургического завода. С точки зрения Г. И. Чиряева, при создании нового промышленного центра не следовало ограничивать вопросы развития производительных сил Якутской АССР границами одной республики, а нацелиться на создание не изолированных друг от друга предприятий или промышленных узлов, которые должны были вырасти в единый ТПК, размещённый на территории юга Якутской АССР, северных районов Читинской, Амурской областей и Бурятской АССР [7, с. 46].

Освоение крупного региона Г. И. Чиряев предполагал начать с угольной промышленности, которое планировалось провести в два этапа. На начальном этапе уголь необходимо было добывать и направлять на нужды экспорта в зарубежные страны – Японию и КНДР, а также предприятий энергетики. Следующий этап уже следовало посвятить разработке месторождений в более широких масштабах, нацелившись на удовлетворение потребностей металлургического производства в районе пос. Чульман и покрытия намечаемого дефицита коксующихся углей в других районах страны [7, с. 106].

В апреле 1966 г. Г. И. Чиряевым были подготовлены предложения высшему органу страны – XXIII съезду КПСС, по созданию на Востоке СССР промышленного центра, основанного на промышленной разработке ископаемых богатств Якутии [8, с. 22–23]. При этом необходимым условием для создания ТПК автор проекта считал отказ от сугубо отраслевого подхода, учреждение межведомственных правительственных органов по планированию, текущему контролю за осуществлением этих планов, создание головных проектных институтов при Госстрое СССР, свободных от узко ведомственных интересов, а также сооружение объектов силами одной крупной генподрядной строительной организации [7, с. 106].

Таким образом, на рубеже 1960–70-х гг. по предложению руководства Якутской АССР, как и в 1920-е гг., было инициировано обсуждение путей и направлений освоения природных богатств Востока страны. Прочным фундаментом дальнейшего социально-экономического развития Якутской АССР должно было стать создание Алдан-Чульман-Удоканского ТПК. Реализация проекта нацеливалась на индустриальный рост производительных сил всего Дальневосточного экономического района, в т. ч. Северо-Востока СССР, на решение задач выравнивания уровней экономического развития республик, краёв и областей Дальнего Востока. Представленный Г. И. Чиряевым стратегический проект, выходящий за пределы одного региона, отразил истинно государственный подход к развитию экономики, не потерял своей актуальности и сегодня, открывая перспективы в развитии российских территорий, предоставляя новые возможности для комплексного освоения недровых богатств.

Список источников

1. Бурнашева Н. И. Государственное управление горной отраслью промышленности Якутии в 1920-е гг.: принципы и приоритеты развития / Н. И. Бурнашева, И. И. Ковлеков // Научный диалог. 2021. № 6. С. 332–346.
2. Национальный архив РС (Я) (НА РС (Я). Ф. 807. Оп. 1. Д. 1.
3. Всеякутские съезды Советов: документы и материалы: 1922–1937. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1972. 375 с.
4. Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10–15 лет. Якутск: Издание Госплана ЯАССР, 1927. 248 с.

5. Аммосов М. К. Алдан и Якутия // Алданское золото. Якутск: Издание журнала «Хозяйство Якутии», 1926. С. 1–32.
6. История Якутии: в 3 т. Т. 3 / С. И. Боякова, Е. П. Антонов, Н. И. Бурнашева и др. Новосибирск: Наука, 2021. 592 с.
7. Чиряев Г. И. Экономические проблемы формирования Алдан-Чульман-Удоканского территориально-производственного комплекса / ред.: А. Д. Кириллин, Н. Г. Чиряева. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2000. 120 с.
8. Чиряев Г. И. Текст, подготовленный для выступления на XXIII съезде КПСС. 8 апреля 1966 г. // Г. И. Чиряев. Доклады, статьи, выступления, интервью. Якутск: Издание НА РС (Я), 2004. 552 с.

Василий Владимирович Бухерт

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия*

ГОРОДСКАЯ ТЕМАТИКА И АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБРАЗЫ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Аннотация. Великая Отечественная война, бесспорно, является одним из поворотных событий в истории СССР. Победа над гитлеризмом, подразумевавшая победу в борьбе за право на свободное существование, далась советской нации невероятно тяжкими усилиями. Рано или поздно любая война заканчивается, и советскому руководству необходимо было возрождать мирную жизнь, восстанавливать города, укреплять государство, делить мировое влияние с бывшими союзниками. В этом власти СССР помогала пропаганда и агитация, одной из самых массовых форм которых было плакатное искусство, почитаемое в современной России как значимый элемент художественной культуры Советской эпохи. Плакат требовал запоминающиеся образы, надеваемые определённым символизмом. Такие образы были найдены в т. ч. в архитектуре, как среди старой, знакомой каждому гражданину СССР, так и среди новой, вдохновлявшей на создание лучшей, мирной жизни для страны-победительницы.

Ключевые слова: советский плакат, архитектура, Великая Отечественная война, культурология, искусствоведение

Abstract. The Great Patriotic War is undoubtedly one of the turning points in the history of the USSR. The victory over Hitlerism, which meant victory in the struggle for the right to a free existence, was given to the Soviet nation through incredibly hard efforts. Sooner or later, any war ends, and the Soviet leadership needed to revive peaceful life, rebuild cities, strengthen the state, share world influence with former allies. In this the USSR authorities were helped by propaganda and agitation, one of the most mass forms of which was poster art, honored in modern Russia as a significant element of the artistic culture of the Soviet era. The poster required memorable images endowed with a certain symbolism. Such images were found, among others, in architecture, both among the old, familiar to every citizen of the USSR, and among the new, inspiring the creation of a better, peaceful life for the victorious country.

Keywords: Soviet poster, architecture, Great Patriotic War, cultural studies, art history

Завершившаяся 80 лет назад Великая Отечественная война изменила положение СССР в мире. С одной стороны, советское государство героически сопротивлялось нашествию нацистской Германии и, сумев перевернуть ход войны в ряде значимых битв, как, например, в битве за Москву или битве за Сталинград, развеяло миф о «непобедимости» вермахта, дав надежду всем противникам гитлеризма на победу. Советский Союз – социалистическое государство – объединилось с капиталистическими США и Великобританией. Этими действиями СССР, с одной стороны, укрепил

суверенитет, с другой, отстаивал легитимность социалистического государства на мировой арене, позиционируя себя как противника нацизма и фашизма. Вместе с тем нарастало напряжение в отношениях с западными странами, которые после нейтрализации фашистской угрозы стали претендентами на роль врагов советского государства. Политика руководства СССР была направлена на восстановление и развитие страны и борьбу с внешними и внутренними врагами. Целям пропаганды и агитации послужил плакат, ставший ещё во время Великой Отечественной войны «вершиной агитационно-пропагандистского искусства» [1, с. 15].

Периодизация послевоенного времени, соответствующая ориентировочно 1946–1953 гг., связана с поздним периодом правления И. В. Сталина. В культуре и искусстве активно поддерживался образ вождя – «Отца Отечества», «Строителя коммунизма». Культ личности Сталина вышел на новый уровень в период Великой Отечественной войны, и, как следствие победы, И. В. Сталин укрепляет свой политический авторитет. Образ Сталина появлялся в плакатах, посвящённых достижениям по восстановлению городов, строительству и индустриальному развитию СССР, успехам, которые связаны с грамотной политикой вождя. Яркий пример – плакат «Пусть растёт и крепнет наша социалистическая держава» Н. Г. Петрова и С. К. Галдина 1951 г. (рис. 1).

Рис. 1. Плакат Н. Г. Петрова и С. К. Галдина
«Пусть растёт и крепнет наша социалистическая держава» 1951 г.

На первом плане расположен И. В. Сталин, держащий в руке предположительно план развития города или региона. Позади него заводы, ГЭС, развитая инфраструктура, поля, приносящие урожай, а в небе летают советские самолёты. Изображён город – социалистическая утопия, ставшая явью благодаря труду сплочённого войной советского народа и управлению ответственного и мудрого вождя, чей долг – забота об Отечестве. Агитация была направлена на продвижение среди масс идеи о возможности не только восстановить уничтоженное, но и создать лучший мир, вновь сплотиться ради преобразования отечества через труд. В послевоенный период правительство реализовало 4 и 5-й пятилетние планы. Призыву к участию в «пятилетках» было посвящено множество плакатов, образцовым можно назвать «Восстановим, построим и введём в действие за 1946–1950 гг. 5 900 предприятий!» художницы Н. Н. Ватолиной (рис. 2). Произведение пропагандирует труд, представляя его как коллективный акт сплочения рабочих, результатом которого является подвиг – выполнение и перевыполнение плана в сжатые сроки.

Рис. 2. Плакат Н. Н. Ватолиной «Восстановим, построим и введём в действие за 1946–1950 гг. 5 900 предприятий!» 1948 г.

Первое время после войны огромные силы были направлены на восстановление разрушенных советских городов. Целью плаката была агитация граждан принять участие в восстановлении разрушенного и строительстве нового. Тема города в контексте такой поставленной задачи была широко представлена в советской массовой печатной продукции второй половины 1946 – 1953 г. Примером такого рода плаката можно назвать произведение «Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидателю!» В. С. Иванова 1947 г. (рис. 3). Плакат посвящён восстановлению Москвы. Город изображён в процессе восстановления и строительства, а символами русского народа выступают образ богатыря, отсылающего к исторической памяти о воинах прошлого и символизирующего преемственность русского национального государства Советским Союзом, и образ молодого инженера-строителя, вернувшегося с войны с наградой, являющегося «лицом» русского народа-созидателя и народа-воина. Что касается архитектурного образа, в данном плакате им выступает Московский Кремль – главный архитектурный символ не только Москвы, но и Российского или Советского государства. Эта главная цитадель одновременно несёт в себе историческую память русского народа, его национальную идентичность и являет собой главное здание политической власти в централизованном государстве.

Рис. 3. Плакат В. С. Иванова
«Слава русскому народу – народу-богатырю, народу-созидателю!» 1947 г.

Образ Кремля в принципе часто используется в советском графическом искусстве, плакатов с главным зданием Российского государства выпускалось огромное множество в совершенно разном контексте любого периода, в т. ч. послевоенного. Например, образ Кремля используется в плакате «Крепим дружбу во имя мира и счастья!» В. С. Иванова (рис. 4), посвящённом укреплению советско-китайских отношений.

Рис. 4. Плакат В. С. Иванова «Крепим дружбу во имя мира и счастья!» 1954 г.

Одними из новых образов Москвы среди послевоенной архитектуры стали здания высоток. Стилистически их относят к сталинскому ампиру (стилю «триумф»), явлению роскошной эклектичной пафосной архитектуры. Руководство страны признало представленные проекты высотных зданий успешными и наградило архитекторов Сталинскими премиями [2, с. 20]. В плакате «За мир! Наш пятый пятилетний план – удар по планам Уолл-стрита!» Б. Е. Ефимова и А. И. Лаврова (рис. 5) архитектурный образ сталинской высоты демонстрирует соперничество СССР с западным миром, превосходство социалистического государства над враждебным капиталистическим блоком. Вверху расположена надпись «За мир» – главное оружие в борьбе с внешней угрозой – внутреннее развитие СССР методом пятилетних планов, а не открытое военное столкновение.

Рис. 5. Плакат Б. Е. Ефимова и А. И. Лаврова
«За мир! Наш пятый пятилетний план – удар по планам Уолл-стрита!» 1953 г.

Возвращаясь к тематике города, стоит упомянуть социально-политические плакаты, посвящённые сравнению условий жизни советского гражданина и жителя вражеской, капиталистической страны. Отношения со странами союзников стали ухудшаться практически сразу после окончания войны, примерно с осени 1947 г. в «советской пропаганде произошёл резкий поворот, ознаменовавший начало холодной войны» [3]. Города в капиталистических государствах представлены зачастую высокоразвитыми, застроенными небоскрёбами, но при этом акцентируется социальное неравенство граждан, отстранённость элиты от проблем низшего и среднего классов, обречённых в этих условиях быть беспомощными, в то время как советское государство ведёт грамотную социальную политику, проявляя заботу о населении. Этому посвящён, в частности, плакат «При социализме нет места безработице!» В. Б. Корецкого (рис. 6) [4].

Рис. 6. Плакат В. Б. Корецкого «При социализме нет места безработице!» 1950 г.

Плакат послевоенного периода определённо отражает дух эпохи. Его целями были: воодушевление граждан после тяжёлой войны, призыв к коллективному сплочению и национальной гордости, формирование образа соперника и врага в лице стран первого мира и пропаганда социализма. Использование образов архитектуры являло собой пример особого символизма советской художественной культуры. Эти образы не только смогли послужить целям официального искусства СССР во благо выполнения задач партии, но и являются жемчужиной наследия советского плаката, вдохновляющего современных российских художников [5].

Список источников

1. Шклярчук А. Ф. Плакаты Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Контакт-культура, 2020. С. 420.
2. СССР на стройке: журнал. № 11. М.: Изобразительное искусство, 1949. С. 34.
3. Гудков Л. Идеологема «врага». URL: psyfactor.org/lib/fateev4.htm.
4. Советский политический плакат 1945–1980 гг. // Трамвай искусств. URL: tramvaiiskusstv.ru/plakat/articles-plakat/item/6977-11-10-2020-sovetskie-antiamerikanskije-plakaty-50-80-kh-godov.html.
5. Агитационные плакаты СССР // Монетник.ру. URL: monetnik.ru/obuchenie/antikvariat/agitatsionnye-plakaty-sssr.

Ксения Викторовна Валькова, Екатерина Сергеевна Саблина
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

ЦЕРЕМОНИАЛ ВСТРЕЧИ ГОСУДАРЯ НАСЛЕДНИКА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА В ГОРОДАХ СИБИРИ В 1837 ГОДУ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и эволюции церемониала приёма императорских особ в городах Сибири в XIX в. Акцентируется внимание на возрастающей вовлечённости в церемониал детей и подростков, способствовавшей их политической социализации и позитивному восприятию власти.

Ключевые слова: политическая социализация, монархическое воспитание, церемониал приёма, дети, Романовы, Сибирь

Abstract. The article examines the peculiarities of the formation and evolution of the ceremonial reception of imperial personages in the cities of Siberia in the 19th cent. Attention is focused on the increasing involvement of children and adolescents in the ceremonial, which contributed to their political socialization and positive perception of power.

Keywords: political socialization, monarchical upbringing, ceremonial reception, children, Romanovs, Siberia

Россия в XIX в. – обширная империя, существование и развитие которой напрямую зависело от умения представителей правящей династии формировать в обществе позитивный имидж и поддерживать его посредством процедур народной легитимизации власти. Каждый правитель придерживался определённого сценария власти, основу которого составляли церемонии [1, с. 17–22]. Основной площадкой для реализации императорского сценария была столица. Именно в Петербурге проходили основные мероприятия, чему способствовала концентрация войск и интеллектуальной элиты, активно привлекавшихся к церемониям, обеспечивая их смысловое и художественное наполнение. В то же время расширение Российской империи и изменение её внешнеполитического положения требовало от правящей династии формирования позитивного восприятия власти в провинциальном обществе, особенно среди подрастающего поколения.

Центральным способом реализации этих целей стали посещения представителями императорской фамилии регионов империи. В первой половине XIX в. наиболее значимым событием такого порядка стало путешествие по России наследника Александра Николаевича в 1837 г., которое отличалось от немногочисленных предшествовавших ему императорских выездов в провинцию масштабностью маршрута, охватившего среди прочего и Западную Сибирь.

Историография поездок членов дома Романовых на территорию Западной Сибири связана прежде всего с событиями второй половины XIX в., когда регион посетили великий князь Владимир Александрович в 1868 г. и наследник Николай Александрович в 1891 г. [2–6 и др.]. Авторы рассматривают особенности церемониала встреч представителей царственного дома в городах Сибири, подчёркивая их важность как для Романовых, так и для местной администрации и населения.

Посещение городов Сибири представителями дома Романовых способствовало и монархическому воспитанию детей, в первую очередь учащихся городских образовательных учреждений [2, с. 101]. Несмотря на то, что складывание традиции привлечения детей городов Сибири к подобным мероприятиям пришлось на 1837 г., в историографии не было уделено достаточного внимания данному событию [1; 7]. Между тем рассмотрение этого вопроса является важным, поскольку помогает понять, при помощи каких механизмов осуществлялось приобщение к политической культуре империи подрастающего поколения провинции.

Церемониал встречи наследника в сибирских городах начинался с его торжественного приветствия при появлении в городе. Такие встречи носили массовый характер, включая не только местных горожан, но и жителей соседних территорий. При появлении наследника «проникнутые чувствами верноподданнического благоговения, граждане преклонили колена – и громогласное, торжественное ура!» [8, с. 10]. Поездка Александра по Сибири проходила по единому плану, с той разницей, что в крупных городах посвящённые ему церемониальные мероприятия были более масштабными, а число предлагаемых к посещению мест было выше. Так, Тобольская администрация к приезду наследника организовала в его честь бал и выставку «всего, что только находилось любопытнейшего в целой Тобольской губернии» [8, с. 14–15].

Особенностью церемониала 1837 г. было то, что в рамках посещения Александром Николаевичем Сибири дети не привлекались к участию в общегородских церемониях, что будет активно практиковаться во второй половине XIX в., однако были задействованы во встрече в Тобольской гимназии. В ходе подготовительного этапа был произведён ремонт здания, а также подготовлены для демонстрации работы учеников и ведомости, отражавшие их успехи в учебе [9, с. 109]. Учителю словесности П. П. Ершову было поручено написать стихотворное приветствие наследника. Несмотря на то, что традиция стихотворных приветствий монархов в России известна с XVIII в., для Сибири это был первый опыт. Стихотворение П. П. Ершова вызывает дискуссии по поводу центрального посыла речи (восхваление Романовых или Сибири) [7, с. 272]. Отметим, что для детей нескольких поколений после многократного прослушивания стихотворения и запоминания его наизусть центральной стала монархическая идея [9, с. 111]. Формированию позитивного отношения к Романовым среди гимназистов способствовали и верноподданнические настроения. Так, учитель Н. А. Абрамов даже через несколько лет вспоминал о событии

как о «счастливейшей минуте в своей жизни» [10, с. 271]. Симпатию вызывала и открытость Александра, который во время посещения гимназии провёл некоторым ученикам «испытания» в преподаваемых предметах [9, с. 110]. Один из учеников, показавший уникальные способности, был удостоен покровительства в виде денежного содержания [10, с. 271]. Следствием подобного взаимодействия стало приобщение детей к имперской политической культуре.

В заключение отметим, что поездка 1837 г. была успешной, поскольку способствовала народной легитимизации власти Романовых [3, с. 559], а Николай I реализовал свой «семейный» сценарий власти, в котором Александр выступал важным символом [1, с. 459–466]. Несмотря на то, что появившийся в городах Сибири церемониал встреч царственных особ не отличался высокой смысловой сложностью и насыщенностью событиями, он решал задачу утверждения в народном сознании монархических идей. Достигалось это не только за счёт придания событиям официального статуса и торжественности, но и посредством закрепления этих идей в социальной памяти. Так, в Тюмени после визита Александра были переименованы некоторые городские объекты: появились Царская улица и Александровская площадь, повысился статус мест, которые посетил наследник [8, с. 21–24]. Другим инструментом утверждения монархических идей в социальной памяти стали мероприятия, носившие увеселительный характер. Закреплялось это посредством устройства подобных праздников в память о визите представителя царствующего дома. Например, в Тюмени такие праздники прочно вошли в городскую культуру. Такого рода мероприятия проводились и в Тобольской гимназии, тем самым реализовывавшей воспитание в учащихся «истинной любви к Отечеству» [11]. Празднование включало благодарственный молебен, а вечером для воспитанников устраивались иллюминации и танцы. Традиция сохранялась даже после убийства Александра II в 1881 г., но изменилось значение праздника – вместо благодарственного молебствия служили панихиду [9, с. 111]. Таким образом, рассмотренные мероприятия имели большое значение в контексте диалога имперской власти и провинциального общества и являлись важным механизмом политической социализации подрастающего поколения Сибири.

Список источников

1. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
2. Сулимов В. С. Роль учащихся военных школ Акмолинской области во встречах представителей Дома Романовых // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 95–104.
3. Валитов А. А. Посещение Великим князем Владимиром Александровичем Западной Сибири как часть ритуала легитимизации власти правящего дома Романовых // Былые годы. 2015. № 7 (3). С. 558–563.

4. Томилов И. С. Отражение путешествия великого князя Владимира Александровича по Западной Сибири на страницах «Тобольских губернских ведомостей» // Тобольск научный – 2014: матер. 11-й всеросс. НПК. Тобольск: Принт-Экспресс, 2014. С. 201–205.

5. Карпухин В. И. К вопросу об истории создания медали, посвящённой посещению великим князем Владимиром Александровичем Тюмени (1868) // Матер. 3-й Всеросс. нумизматической конф. М., 1995. С. 86–87.

6. Гончаров Ю. М. Повседневная жизнь горожан Западной Сибири во 2-й пол. XIX – нач. XX в. Барнаул: Азбука, 2012. 214 с.

7. Евсеев В. Н. Об идейно-мировоззренческих установках П. П. Ершова (на матер. приветственных стихов царским особам) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 270–278.

8. Расторгуев Е. Посещение Сибири в 1837 г. Его императорским высочеством государем наследником цесаревичем. СПб., 1841. 31 с.

9. Замахаев С. Н. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789–1889 гг. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1889. 322 с.

10. Абрамов Н. А. Воспоминание о посещении Тобольска Государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем в 1837 г. // Тобольские губернские ведомости. 1867. № 46. С. 271–272.

11. Устав народным училищам в Российской империи, уложенный в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1786. 122 с.

Наталья Игоревна Гаврилова

*Байкальский государственный университет,
Иркутск, Россия*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКА С ЧАСТНЫМИ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМИ: ПРАКТИКИ ВЫСТРАИВАНИЯ ДИАЛОГА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования практик взаимодействия Иркутской городской думы с частными благотворителями в течение второй половины XIX – начала XX в. Доказывается возрастание значимости городской думы как координатора взаимодействия.

Ключевые слова: городское самоуправление, благотворительность, купечество, Иркутск, городской бюджет

Abstract. The article presents the results of a study of the practices of interaction between the Irkutsk City Duma and private philanthropists during the second half of the 19th – early 20th cent. The increasing importance of the city council as a coordinator of interaction is demonstrated.

Keywords: city government, charity, merchants, Irkutsk, city budget

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в., ставшие механизмом реализации колоссального по масштабам проекта трансформации имперской России, вызвали глубочайшие изменения во всех сферах российского общества. Глубинные социальные перемены в стране привели и к изменению гражданско-правовой активности, значительно расширили пространство гражданской инициативы.

Одним из важных его элементов выступали реформированные органы городского самоуправления. Анализ взаимодействия органов городского самоуправления с частными благотворителями представляет существенный интерес с точки зрения изучения проблем интеграции и самоорганизации местной общественности, формирования горизонтальных социальных связей в обществе, приобретения общественностью опыта совместной деятельности для достижения поставленных целей.

Исследование указанной проблематики разворачивается на стыке двух крупных тем, завоевавших устойчивые позиции в новейшей сибирской историографии: изучения истории городского самоуправления с одной стороны и истории социального призрения и благотворительности с другой. Важное значение для разработки темы принадлежит исследованиям М. В. Шиловского, В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова, Е. А. Дегальцевой, Е. В. Комлевой, А. В. Литягиной, Т. А. Катциной, Л. В. Каль-

миной, В. П. Шахерова, И. Н. Мамкиной, Т. В. Паликовой, Н. Б. Свиридовой, С. Ч. Мантуровой и др.

В настоящее время внимание исследователей сосредоточено главным образом на анализе данных, фиксирующих результаты деятельности органов городского самоуправления по аккумулярованию пожертвований частных лиц. Определён основной массив пожертвований, переданных муниципалитетам сибирских городов, выявлены имена крупных благотворителей, раскрыто значение их пожертвований для развития системы социальной помощи и поддержки, здравоохранения, культуры и образования отдельного города и региона в целом. Поставлена задача исследования форм поощрения жертвователей со стороны городских дум, подчёркнуто возрастание роли муниципалитетов в системе их отношений с жертвователями.

Вместе с тем сами практики взаимодействия городских дум с благотворителями, позволяющие раскрыть динамику ориентиров и приоритетов складывающихся взаимосвязей, остаются изученными слабо.

Заявленный вопрос анализируется на материалах Иркутска. Значительный объём пожертвований, переданных городу частными лицами во второй половине XIX – начале XX в., даёт возможность рассматривать Иркутск в качестве исследовательской модели. С другой стороны, рамки статьи позволяют лишь обозначить ряд вопросов заявленной темы.

В условиях дефицита городского бюджета переданные в пользу Иркутской городской думы пожертвования рассматривались гласными в качестве существенного канала дополнительного финансирования социальной сферы города.

Однако поступающие от благотворителей капиталы (и/или недвижимость) не всегда достигали своей цели, порой становились обузой для городской казны. В 1860-х гг. о благотворительной деятельности одного из крупнейших иркутских купцов современники писали: «Удастся ему по торговым делишкам ... приобрести дёшево дом, он столь же дёшево его отремонтирует, ... и заявит начальству, что он жертвует этот дом под такое-то учебное заведение, необходимости в котором не сознавалось. ... В один прекрасный день городскому обществу сюрприз. Извольте принять дом и содержать в нём такое-то училище. Тщетно протестует общество, ссылаясь на недостаток средств, на ненужность, – указывают на утверждённый устав, и делу конец» [1, с. 359].

Реформированное городское самоуправление Иркутска в определённой степени «унаследовало» этот комплекс проблем. К концу XIX в. (1899 г.) задача «правильной и разумной постановки иркутской благотворительности» [2, с. 173] была определена гласными в качестве приоритета деятельности думы в данном направлении.

Одним из важнейших барьеров виделась финансовая недостаточность жертвуемых средств. Уже в 1886 г. гласные заявили о необходимости «урегулирования отношений города к благотворительным капиталам, т. к. существующие отношения между ними недостаточно ясны», в связи

с чем предлагалось поставить «условия принятия пожертвований в известные рамки» [3, с. 308]. Обеспокоенность вызывала необходимость города «постоянно доплачивать из своих средств на содержание учреждений, основанных на благотворительные капиталы» [3, с. 309]. Была даже высказана идея «устроить над всеми городскими заведениями особую инспекцию из компетентных людей» [4, с. 385], а также «назначить общую ревизию всех городских благотворительных учреждений» [3, с. 308]. В последующие годы дума стремилась обращать особое внимание на данный аспект передаваемых Иркутску пожертвований.

Прецедент организации специальной комиссии при городской думе для изучения вопроса о принятии целевого капитала и функционирующего на его основе учреждения был создан предложением Ю. И. Базановой о пожертвовании ею (вместе с дочерью) в пользу города Ивано-Матрёнской детской больницы (1905 г.). Только после того, как комиссия признала приём больницы в ведение города «не представляющим с материальной стороны никакого риска для городского общественного управления» и «отвечающим интересам города» [5, с. 332–333], вопрос был решён положительно.

Другая проблема была связана с порой различным представлением гласных с одной стороны и благотворителя с другой стороны о назначении пожертвования. Ярким примером рационального решения вопроса стало согласие А. К. Медведниковой, вдовы иркутского купца 1-й гильдии И. Л. Медведникова и наследницы его капиталов, изменить по просьбе иркутского городского головы назначение завещанных ею в пользу Иркутска средств. Деньги были перенаправлены на строительство и содержание в городе больницы для хронически больных, потребность в которой остро ощущалась [6, с. 106–107].

В случае же признания пожертвования нецелесообразным дума могла отказать благотворителю в принятии его дара. Так, гласные отклонили предложение иркутского купца 1-й гильдии, известного благотворителя А. М. Сибирякова, стремящегося помочь городу после пожара 1879 г. Он был готов за свой счёт построить 10 временных бараков на 2 тыс. чел. для бесплатного проживания в них бедных рабочих. Думцы же посчитали, «что постройка ... крайне возвысит цену на рабочие руки и строительные материалы, а это затруднит строительство домов горожанами» [7, л. 12].

С другой стороны, гласные были заинтересованы в активизации частных пожертвований в пользу города. Важным инструментом её стимулирования выступала практика поощрения благотворителей со стороны думы. Доступными и наиболее распространёнными формами таковой являлись установка портрета благотворителя в здании городской думы и/или созданного им учреждения; присуждение звания почётного гражданина города; публикация сведений о пожертвовании в местной прессе; почитание памяти благотворителя после его смерти. В то же время дума указывалось, что выступать с инициативой о представлении того или иного лица к наградам они не могут [8, л. 3].

Таким образом, взаимодействие органов городского самоуправления Иркутска с частными благотворителями эволюционировало в сторону увеличения взаимного доверия, большей согласованности действий, постепенного осознания интересов города в качестве базовой характеристики взаимосвязей, возрастания значимости городской думы как координатора взаимодействия.

Список источников

1. Милютин Б. А. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева-Амурского // Исторический вестник. 1888. Т. 34. № 11. С. 317–364.
2. Доклад Иркутской городской исполнительной комиссии по заведению благотворительными капиталами // Известия Иркутской городской думы. 1899. № 19. С. 165–180.
3. Известия Иркутской городской думы. 1886. № 15–16. С. 307–310.
4. Известия Иркутской городской думы. 1886. № 7–8. С. 383–386.
5. Протокол заседания комиссии Иркутской городской думы по предложению потомственной почётной гражданки Ю. И. Базановой о передаче устроенной в Иркутске наследниками Базанова Ивано-Матрёнинской детской больницы в собственность и ведение Иркутска // Известия Иркутской городской думы. 1905. № 1–8. С. 319–333.
6. Письмо А. К. Медведниковой на имя В. П. Сукачёва (15 января 1898 г.) // Известия Иркутской городской думы. 1898. № 3–4. С. 106–109.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 2. Д. 683.
8. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1 257.

*Сергей Тихонович Гайдин, Галина Александровна Бурмакина
Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия*

СИБИРЬ В КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ МИНИСТРА ФИНАНСОВ С. Ю. ВИТТЕ И ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЕ В ИМПЕРАТОРСКИЙ ПЕРИОД

Аннотация. В статье рассмотрены представления и действия министра финансов императорской России С. Ю. Витте по развитию страны на основе проведения модернизации догоняющего характера и создания единого экономического пространства в территориальных рамках всей Российской империи. Особое внимание он уделял строительству Транссибирской железнодорожной магистрали, соединявшей Сибирь с европейской частью страны, и освоению Северного морского пути.

Ключевые слова: император Александр III, С. Ю. Витте, промышленность, железнодорожный транспорт, догоняющая индустриализация страны, единое экономическое пространство, Сибирь, Комитет Сибирской железной дороги, общероссийское разделение труда

Abstract. The article deals with the ideas and actions of the Minister of Finance of Imperial Russia S. Y. Witte on the development of the country on the basis of catching-up modernization and creation of a single economic space within the territorial framework of the whole Russian Empire. He paid special attention to the construction of the Trans-Siberian railroad, connecting Siberia with the European part of the country, and the development of the Northern Sea Route.

Keywords: Emperor Alexander III, S. Y. Witte, industry, railway transport, catching-up industrialization of the country, common economic space, Siberia, Siberian Railway Committee, all-Russian division of labor

В конце XIX в. император Александр III начал осознавать опасность отставания Российской империи от индустриальных европейских государств и пришёл к выводу, что Россия не может быть великой без развития промышленности и железнодорожного транспорта. Ответственность за индустриальное развитие страны император возложил на специалиста в области железнодорожного транспорта С. Ю. Витте, которого он в 1892 г. назначил сначала министром путей сообщения, а затем министром финансов. Особым поручением министру финансов стало строительство Сибирской железной дороги, которая должна была соединить европейскую часть страны с Владивостоком [1, с. 256]. Поэтому в качестве основного источника информации о деятельности министра мы взяли его «Воспоминания» и «Лекции о народном и государственном хозяйстве», которые С. Ю. Витте читал в 1900–1902 гг. его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу [1; 2].

По утверждению С. Ю. Витте, в крестьянской России не было необходимых для проведения индустриализации финансовых средств. В отличие от круглогодичной деятельности населения индустриальных стран в промышленности, транспорте и сфере услуг, работа российских крестьян имела сезонный характер, была рассчитана на удовлетворение элементарных потребностей крестьянских семей и зависела от погодных условий. Неурожайные годы были обычным явлением, а в 1891 г. в России случился страшный неурожай, который сопровождался массовым голодом, гибелью большого количества людей, прекращением зернового экспорта и отсутствием финансовых средств в государственном бюджете. Как отмечал С. Ю. Витте, около половины российских крестьян к концу XIX в. не могли регулярно и в полном объеме платить налоги [1, с. 531].

С. Ю. Витте считал, что для повышения эффективности сельского хозяйства нужно было заменить общинную собственность крестьян на землю на частную собственность, а для развития промышленности необходимо было начать перераспределение крестьян в сферу промышленного производства и транспорта [1, с. 515]. Его деятельность можно квалифицировать как начало осознанного преобразования традиционного общества в России в индустриальное общество в режиме ускоренной догоняющей модернизации страны.

По мнению С. Ю. Витте, для развития Российской империи, созданной силой оружия, нужно было соединить в единое экономическое пространство изолированные друг от друга территории страны, заселённые разными народами. Для этого нужно было развивать транспортные коммуникации и, прежде всего, строить железные дороги [2, лекция IX, с. 4].

Для одновременного решения сложных задач догоняющей модернизации страны, по утверждению С. Ю. Витте, который 11 лет возглавлял Министерство финансов, ему приходилось выполнять функции, которые могли бы относиться к компетенции министров промышленности и торговли, преодолевать сопротивление многих некомпетентных руководителей государственных органов, особенно при императоре Николае II, а также правящих группировок с несовпадающими взглядами на решение государственных проблем [1, с. 232].

Предпринятые С. Ю. Витте радикальные меры по стабилизации финансовой системы страны являются предметом самостоятельного исследования, мы укажем лишь на то, что в Российской империи были введены денежное обращение, основанное на золоте, государственная монополия на алкогольную продукцию, предприняты меры по привлечению иностранных капиталов в промышленное развитие Российской империи.

На развитие Сибири С. Ю. Витте смотрел через призму формирования единого хозяйственного комплекса Российской империи. Поэтому, получив от императора Александра III поручение по строительству Великой Сибирской дороги, он тщательно изучил весь комплекс связанных с этим проблем [1, с. 332]. В конце XIX в. на просторах Сибири, судя по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г., проживало

около 6 млн чел. из почти 130-миллионного населения страны. Но если в европейской части страны плотность населения составляла 22,2 чел. на 1 квадратную версту и в ряде сельскохозяйственных губерний наблюдался избыток населения, то в Сибири плотность населения была крайне низкой.

С. Ю. Витте утверждал, что ему пришлось вести борьбу с влиятельным окружением императора Николая II, которое настаивало на прокладке Сибирской железной дороги до Пекина через пограничный пункт Кяхту. Сам он рассматривал дорогу до Владивостока как сопоставимый по значимости с Суэцким каналом транзитный путь, соединяющий европейские страны со странами Тихоокеанского региона [2, лекция XI, с. 69].

Строительство Сибирской железной дороги, по мнению С. Ю. Витте, создавало условия для формирования сибирского рынка и участия Сибири в общероссийском и международном разделении труда [2, лекция VII, с. 41; лекция IX, с. 56]. Он считал, что не стоит делать ставку на быструю окупаемость потраченных на строительство железных дорог государственных средств и призывал рассматривать их в качестве государственных вложений в развитие неосвоенных ранее территорий [2, лекция II, с. 11; лекция IX, с. 56].

Относительно быструю отдачу от строительства Великого Сибирского железнодорожного пути он рассчитывал получить за счёт переселения крестьян, наделения их землёй и создания условий для обустройства на новых местах [2, лекция II, с. 11; лекция IX, с. 56]. Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири должно было принести в казну доход в виде произведённой продукции и земельных платежей переселенцев [2, лекция IX, с. 56; лекция XII, с. 73]. Развитие железнодорожного транспорта в Сибири должно было создать для населения новые рабочие места в сфере обслуживания подвижного состава, эксплуатации пути, добычи каменного угля для снабжения железной дороги топливом [2, лекция VII, с. 43].

Министр финансов рассчитывал на ускоренное развитие в Сибири частной золотой промышленности, которая была разрешена ещё в 1838 г., и в условиях нехватки в России в целом и в Сибири в частности необходимых для развития промышленности финансовых средств он выступал за привлечение иностранных капиталов к разработке природных ресурсов Сибири, в первую очередь золота.

Бесспорной заслугой С. Ю. Витте является создание в 1893 г. Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД), который был государственной надведомственной структурой и мог оперативно привлекать различные министерства и ведомства к решению возникающих при строительстве дороги проблем. Специализированное Управление по сооружению Сибирской железной дороги, организованное Министерством путей сообщения, отвечало за организацию строительных работ. Комиссия по устройству переселенцев в Сибири занималась подготовкой переселенческой работы на долговременной основе [3, с. 219].

С. Ю. Витте также считал необходимым использовать возможности Северного морского пути для доставки из Европы в Сибирь соли, каменного угля, сельскохозяйственных машин, оборудования для фабрик и заводов, а из Сибири в Европу – пушнины, муки, древесины, сибирских дикоросов [2, лекция XIX, с. 124]. Но государство, по его мнению, должно было так регулировать международную морскую торговлю с Сибирью, чтобы не допустить установления иностранного контроля за ней и не спровоцировать развития сепаратистских настроений в сибирских предпринимательских кругах [4, с. 167, 169].

Министр финансов понимал, что для заселения Сибири и освоения её природных ресурсов Сибири нужна была разработка государственных программ, создание надведомственных государственных органов по их реализации и выделение необходимых для этого государственных средств. Благодаря активной деятельности С. Ю. Витте по строительству Сибирской железной дороги и экономическому развитию в 1893–1903 гг. в Сибирь переселилось около 1 млн чел. [5, с. 60]. К концу императорского периода Сибирь не только превратилась в одну из основных житниц России и экспортёра сливочного масла, но на её территории дальнейшее развитие получила золотая промышленность, были созданы железнодорожная, угольная, лесная, графитовая промышленность, чёрная и цветная металлургия [6, с. 177–178].

Список источников

1. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.
2. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. 568 с.
3. Канн С. К. А. Н. Куломзин о переселенческой политике Комитета Сибирской железной дороги // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – нач. XX в.): матер. всеросс. НК / ред. М. В. Шиловский. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2014. С. 218–233.
4. Важенин С. Г. Противоречия экономической интеграции Сибири в политике С. Ю. Витте / С. Г. Важенин, В. В. Сухих // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2015. № 12. С. 165–179.
5. Тимофеев А. А. Роль Транссиба в государственной миграционной политике России (1891–1914 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 3. С. 56–63.
6. Шиловский М. В. Хозяйственное освоение Арктики в дореволюционной России // Экономика и организация промышленного производства. 2009. С. 166–180.

Яна Алексеевна Глазова

*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия*

ПРОПАГАНДА И АГИТАЦИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛОВ «КОММУНИСТКА», «РАБОТНИЦА» И «КРАСНАЯ СИБИРЯЧКА»)

Аннотация. В статье анализируется роль агитации и пропаганды в реализации государственной политики в отношении женщин в Советской России. Рассматриваются методы идеологического воздействия, деятельность специализированной женской прессы и жанровое разнообразие публикаций. Отмечается значение этой работы в формировании образа новой советской женщины – активной участницы социалистического строительства.

Ключевые слова: «Работница», «Коммунистка», «Красная сибирячка», женская периодическая печать, советская политика в отношении женщин

Abstract. The article analyzes the role of agitation and propaganda in the implementation of state policy towards women in Soviet Russia. The methods of ideological influence, the activities of the specialized women's press and the genre diversity of publications are considered. The importance of this work in shaping the image of a new Soviet woman, an active participant in socialist construction, is noted.

Keywords: "Rabotnitsa", "Kommunistka", "Krasnaya Sibiryachka", women's periodical, Soviet policy towards women

В первые десятилетия существования Советского государства пропаганда и агитация выступали важнейшими средствами идеологического воздействия, направленного на трансформацию общественного сознания и социальной структуры. Эти инструменты использовались для формирования «нового человека», соответствующего социалистическим ценностям, и занимали ключевое место в реализации государственной политики, направленной на вовлечение женщин в общественную и политическую жизнь страны.

Советская власть с самого начала рассматривала женщин как активных участников социалистического строительства. Их вовлечение в общественно-политическую, культурную и экономическую жизнь страны стало одной из главных задач партийного руководства. Для достижения этой цели активно использовались агитационно-пропагандистские методы, формировавшие новые модели поведения и продвигавшие образ «новой женщины» – самодисциплинированной, требовательной к мужчине, самостоятельной, свободной от любовных переживаний [1, с. 29].

Одним из ключевых каналов воздействия стали средства массовой информации. Периодические издания обеспечивали широкое распространение партийной идеологии, оперативную трансляцию решений и лозунгов, а также выполняли воспитательную функцию. Особое внимание уделялось формированию информационного пространства, ориентированного специально на женщин.

Уже в первые годы после революции появляются специализированные издания, предназначенные для женской аудитории. При этом наблюдается дифференциация этих изданий по масштабу охвата и целевой аудитории. Журналы всероссийского уровня были преимущественно ориентированы на партработниц, рабочих женщин, активисток женского движения, имеющих базовый или средний уровень образования. Так, «Работница», впервые начавшая издаваться ещё в 1914 г., продолжала выходить и в советский период. В первые годы своего существования журнал выходил с непостоянной периодичностью, что было обусловлено как материально-техническими, так и организационными трудностями. Однако, начиная с 1923 г., издание становится регулярным. Особое внимание уделялось расширению читательской аудитории, что находит отражение в динамике роста тиражей. Если в 1923 г. тираж колебался в пределах от 5,5 до 15 тыс. экз., то уже к 1925 г. он достиг 100 тыс. экз. Подобное увеличение охвата указывало на активную борьбу редакции за расширение влияния среди женщин-работниц, вовлекаемых в социалистическое строительство [2, с. 9].

В 1920 г. по инициативе И. Ф. Арманд и А. М. Коллонтай начал выходить один из первых политических женских журналов – «Коммунистка» – тиражом 20–30 тыс. экз. [3, с. 135]. Он стал важной платформой для освещения женской проблематики с марксистско-ленинских позиций, пропаганды равенства полов и мобилизации женщин на участие в строительстве социализма. В журнале публиковались статьи И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, И. В. Сталина и других авторов, которые предлагали собственную интерпретацию образа «новой советской женщины», определяли приоритетные задачи (согласующиеся с решениями партии и правительства) в рамках реализации политики Советского государства в отношении женщин [4, с. 106].

Параллельно с центральной печатью формируется сеть региональных изданий, таких как, например, сибирский журнал «Красная сибирячка», выходивший с 1922 г. Он имел региональную специфику и был ориентирован на женщин трудовых слоёв, в частности крестьянок и работниц, живущих в условиях сибирской глубинки. На страницах «Красной сибирячки» публиковались материалы агитационного и политико-воспитательного характера, статьи, адресованные активисткам женского движения, а также рассказы об успехах отдельных женщин, сумевших реализовать себя в новой советской реальности. Особое внимание уделялось освещению работы женсекций при парткомах, деятельности домсоветов, борьбе с неграмотностью, правовой защите женщин и детей [5].

Важной особенностью прессы того периода являлось также наличие различного уровня сложности материалов, что позволяло охватывать широкий круг читательниц с разным уровнем образования. В результате анализ женской проблематики в советской периодике осуществлялся в двух основных формах: публицистические материалы и художественные произведения. Первые представляли собой аналитические статьи, зачастую написанные партийными идеологами или женщинами-активистками, непосредственно вовлечёнными в реализацию политики СССР в отношении женщин. Так, будучи главным печатным органом Отдела по работе среди женщин ЦК РКП(б), журнал «Коммунистка» транслировал официальную политику Советского государства в отношении женщин, а также освещал события международного женского движения за границей [6]. Подобные материалы были ориентированы на женщин, активно вовлечённых в партийную и общественную деятельность, обладающих определённым уровнем образования и политической подготовки. Эти издания выполняли не только информативную, но и методологическую функцию, обеспечивая читательниц теоретическим и практическим материалом для реализации партийной линии в сфере политики государства в отношении женщин.

Во второй группе материалов – художественной прозе – пропагандистская линия проявлялась через рассказы, очерки и зарисовки. Эти тексты демонстрировали жизненные ситуации, в которых женщина преодолевает давление традиционного общества, осваивает профессии, принимает участие в партийной работе. Через визуализацию опыта «новой» женщины литература играла роль эмоционального инструмента воздействия на массового читателя. Так, в журнале «Красная сибирячка» (№ 4, апрель 1924 г.) в разделе «Дочери революции» представлен биографический очерк об Агнии Крутилиной, демонстрирующий пример преодоления сложной жизненной ситуации и достижения карьерного роста в рамках деятельности в системе Женотдела [7, с. 40–41]. Подобные материалы были ориентированы на женщин, только начинающих овладевать навыками чтения.

Советская идеология рассматривала женщину как полноправного члена социалистического общества. На страницах периодических изданий формировался образ активной комсомолки, стахановки, партийной работницы, матери и жены, соединяющей трудовую и семейную функции. Основной посыл заключался в том, что именно социализм дал женщине реальные права – образование, труд, участие в политике [8].

Таким образом, агитационно-пропагандистская деятельность в Советской России была неотъемлемой частью государственной политики, направленной на формирование нового социального порядка. Через специализированные издания, публицистические и художественные формы пропаганды создавался образ новой женщины – активной, сознательной и вовлечённой в строительство социализма. При этом материалы, ориентированные на читательниц с разным уровнем образовательной подготовки, свидетельствует о стремлении к инклюзивности в рамках агитационно-просветительской работы.

Список источников

1. Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1923. 61 с.
2. Минаева О. Д. Борьба журнала «Работница» за аудиторию и тиражи в 1920–30-е гг. // Вестник МГУ. Журналистика. 2013. № 5. С. 7–24.
3. Минаева О. Д. Руководящий партийный журнал «Коммунистка» (1920–1930): историко-типологический анализ // Революция 1917 г. и российская пресса: взгляд через 100 лет: матер. междунар. НК. 2017. № 2. С. 124–138.
4. Алферова И. В. Большевистская женская печать 1920-х гг. как средство социального конструирования «новой советской женщины» // Вестник УдГУ. История и филология. 2011. № 3. С. 106–111.
5. Две картинки // Красная сибирячка. 1922, 1–5 августа.
6. Пролетарское женское движение за границей // Коммунистка. 1920, июнь – июль.
7. Дочери революции // Красная сибирячка. 1924, апрель.
8. К новой жизни // Работница. 1925, январь.

Алексей Николаевич Гребенкин
Академия ФСО России,
Орёл, Россия

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. Рассмотрена реализация проектов создания спецслужб в России в правление Александра I. Сделан вывод о том, что использование французского подхода, согласно которому должны были существовать несколько параллельно действовавших спецслужб, привело к выходу ситуации из-под контроля и расцвету тайных обществ.

Ключевые слова: Российская империя, Александр I, спецслужбы, тайная полиция, М. М. Сперанский, Министерство полиции

Abstract. This article examines the implementation of projects to create special services in Russia during the reign of Alexander I. It is concluded that the use of the French approach, according to which there should have been several secret services operating in parallel, led to the situation spiraling out of control and the rise of secret societies.

Keywords: Russian Empire, Alexander I, special services, secret police, M. M. Speransky, Ministry of Police

Вскоре после вступления на престол Александр I торжественно упразднил Тайную экспедицию при Сенате. Однако уже через несколько месяцев новый царь убедился в том, что ввиду распространения наполеоновских агентов защиту государственных интересов следует осуществлять более тщательно. Её поручили Тайной полицейской экспедиции при санкт-петербургском губернаторе, учреждённой в 1800 г. Деятельность экспедиции была направлена на охрану «здравия государя, его фамилии, безопасности его самодержавия и безопасности управления и управляемых» [1, с. 70]. Однако сил этого органа было явно недостаточно для того, чтобы решать поставленные задачи в полном объёме.

Первый проект обновления спецслужб был реализован в рамках министерской реформы. В числе первых восьми министерств в 1802 г. было учреждено Министерство внутренних дел, которое должно было «пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве империи» [2]. Ведение политического сыска было поручено второй экспедиции, а также Тайной полицейской экспедиции при санкт-петербургском губернаторе, которая вошла в структуру МВД. Предметом ведения Тайной полицейской экспедиции считались «...все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления, как то: словесные и письменные возмущения, заговоры, измены, тайные скопища толкователей законов, учреждений, как мер, при-

нимаемых правительством, разглашателей новостей важных, как предосудительных правительству и управляющим, осмеяний, пасквилесочинителей, вообще всё то, что относиться может до государя лично, как правление его» [3, с. 38]. Кроме того, Тайной политической экспедиции было вменено в обязанность «ведать о всех приезжих иностранных людях, где они жительствоуют, их связи, дела, сообщества, образ жизни, и бдение иметь о поведении оных» [3, с. 38].

Поскольку проект поручения политического сыска МВД не оправдал возложенных на него надежд, 5 сентября 1805 г. был учреждён Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции (Комитет высшей полиции). В него вошли военный министр, министр внутренних дел и министр юстиции. Комитет высшей полиции должен был осуществлять мониторинг общественного настроения, выявлять тайные общества, обеспечивать общественную безопасность и заботиться о снабжении Санкт-Петербурга продовольствием и иными «жизненными припасами». Столичный обер-полицеймейстер должен был немедленно докладывать комитету о подозрительных лицах и скопищах, министр внутренних дел – о слухах, поступающих из губерний, директор почт – об обнаруженных подозрительных письмах; комитету надлежало анализировать эти сведения и сообщать их императору. Деятельность Комитета для совещания по делам, относящимся к высшей полиции, была засекречена.

Однако и этот проект потерпел фиаско. Комитет высшей полиции так и не приступил к работе. Ему на смену 13 января 1807 г. пришёл Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия. Его возглавил министр юстиции П. В. Лопухин, членами стали сенатор Н. Н. Новосильцев и последний глава Тайной экспедиции при Сенате А. С. Макаров. В случае необходимости в состав комитета предполагалось включать военного министра С. К. Вязмитинова и министра внутренних дел В. П. Кочубея. Впоследствии к работе этого комитета привлекались генерал-фельдмаршал Н. И. Салтыков, министр полиции А. Д. Балашов и всесильный временщик А. А. Аракчеев. Комитет должен был «предусматривать всё то, что могут произвести враги государства, принимать сообразные меры к открытию лиц, посредством коих могут они завести внутри государства вредные связи» [4, с. 159]. Он осуществлял противодействие масонам и французским шпионам путём тайного надзора за ними, а также перлюстрации их писем.

Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия, действовал до 1829 г. Одновременно с ним работали тайные полиции при санкт-петербургском генерал-губернаторе, московском обер-полицеймейстере, а также всесильном временщике А. А. Аракчееве. Многочисленные секретные агенты, принадлежавшие к различным структурам, были слабо подготовлены к исполнению своих должностных обязанностей и не помогали, а мешали друг другу. При Александре I стала создаваться тайная полицейская агентура, однако агентов было сравнительно немного.

Результатом проекта, разработанного М. М. Сперанским, было учреждение в 1810 г. Министерства полиции по образу и подобию наполеоновского министерства. В его составе политическим сыском занималась Особенная канцелярия. После ликвидации в 1819 г. Министерства полиции канцелярия была передана в ведение МВД.

Параллельно реализовывались проекты создания органов военной разведки и контрразведки. В 1812 г. был образован орган военной контрразведки – Высшая (или Высшая воинская) полиция. Её «директора» были назначены в 1, 2 и 3-ю Западные армии, но лишь в 1-й армии была создана особая группа чиновников, решавших задачи военной контрразведки. В 1812 г. директором Высшей полиции был назначен надворный советник барон П. Ф. Розен. В 1815 г. она была реорганизована в Высшую военносекретную полицию во главе с генерал-лейтенантом Д. Д. Курутой (общее руководство осуществлял начальник Главного штаба генерал-лейтенант И. И. Дибич), просуществовавшую до 1831 г. Кроме разведки и внешней контрразведки в Пруссии и Австрии и агентурной работы в Польше, она занималась политическим сыском, борьбой с контрабандистами, фальшивомонетчиками и сектантами. 4 января 1821 г., после выступления солдат лейб-гвардии Семеновского полка, создали Тайную военную полицию, в компетенцию которой входил контроль за настроениями в гвардейских частях.

Появление большого числа параллельно работавших как официальных, так и секретных полицейских структур являлось следствием использования характерного для французских спецслужб принципа, в соответствии с которым один и тот же вопрос должен был находиться в ведении нескольких органов, контролировавших и подстраховывавших друг друга. Однако в итоге этот подход привёл к межведомственной борьбе и выходу ситуации из-под контроля. Так, Особенная канцелярия министерства полиции и Тайная военная полиция находились в состоянии постоянной вражды между собой. Главными методами сбора информации, как и прежде, были перлюстрация и доносы. Работа велась весьма примитивными методами. Агенты, наводнявшие все слои общества, обращали внимание главным образом на циркулировавшие в нём слухи и домыслы. Декабрист Г. С. Батеньков дал спецслужбам эпохи Александра I следующую уничижительную характеристику: «Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, и доносы обрабатывали, как приходило в голову. Никому не были они страшны...» [5, с. 151]. Закономерным итогом был расцвет тайных обществ. Безусловно, немалую лепту внёс и фатализм самого императора, на совести которого тяжким грузом лежало фактическое соучастие в убийстве Павла I. Приносимые ему списки участников антиправительственных организаций он отбрасывал в сторону, говоря: «Не мне их судить...»

Таким образом, реализация проектов создания спецслужб, разработанных в России в первой четверти XIX в., не привела к формированию слаженной системы органов, позволявших защищать государственные интересы. Причинами этого являлись недостатки французского подхода к формированию спецслужб, постоянно возраставшее равнодушие Александра I к государственным делам, опала М. М. Сперанского, отсутствие квалифицированных кадров и положительного опыта работы, а также тяготение к использованию примитивных методов деятельности, бывших в ходу в XVIII столетии.

Список источников

1. Колпаков П. А. История спецслужб России: учеб. пособие / П. А. Колпаков, М. Н. Мосейкина. М.: Мир науки, 2024. 168 с.
2. Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 27. № 20496.
3. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649–1917. СПб.: Час пик, 1992. 412 с.
4. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М.: Мысль, 1981. 252 с.
5. Троцкий И. М. Третье отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.

Виктория Максимовна Гузева, Анна Павловна Дворецкая
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ОСВЕЩЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСОВ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В настоящей работе представлен систематизированный анализ работ, посвящённых взаимоотношениям либеральной интеллигенции и государства. Историография поделена на три уровня: общероссийский, сибирский и местный. В данной статье отражены основные характеристики, преобладающие в дореволюционный, советский и современный этапы.

Ключевые слова: историография, либеральная интеллигенция, Сибирь, Енисейская губерния, буржуазия

Abstract. This paper presents a systematic analysis of works devoted to the relationship between the liberal intelligentsia and the state. Historiography is divided into three levels: all-Russian, Siberian and local. This article reflects the main characteristics prevailing in the pre-revolutionary, Soviet and modern stages.

Keywords: historiography, liberal intelligentsia, Siberia, Yenisei province, bourgeoisie

Научное внимание к феномену интеллигенции актуализируется за счёт её динамичного влияния на социум в конце Нового времени. Индустриализация и научно-технический прогресс усиливают влияние интеллектуального ресурса во всех сферах общества, и современное общество имеет потребность в тех, кто владеет и умеет работать с информацией, а именно в интеллектуалах. В настоящий момент интеллигенция стала одной из значимых социальных групп. Подтверждением актуальности данной тематики является появление и развитие интеллигентоведения – самостоятельной междисциплинарной отрасли науки, объектом изучения которой являются все вопросы, связанные с интеллигенцией и интеллектуалами.

Дореволюционный этап изучения взаимоотношений либеральной интеллигенции и государства представлен «веховской концепцией» и представителями социал-демократизма. Исследователи первого направления отличаются своим философским подходом, и их работы направлены в большей степени на рассмотрение сущности и цели существования интеллигенции. В этом отношении следует выделить Н. А. Бердяева, т. к. автор, пользуясь общенаучным методом типологизации, выделяет

идеальный тип интеллигента и сравнивает с ним те преобразования, которые происходили с интеллигенцией в начале XX в. в массовом масштабе. Для Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. В. Струве, Н. А. Гредескула и других представителей «Вех» было свойственно считать, что интеллигенция и государство находятся в состоянии конфронтации на всех этапах существования интеллигенции, т. к. основу мировоззрения образованных кругов составляли западные либеральные идеи, что подразумевало достижение закрепления гражданских свобод для каждого человека в России. Интеллигенция, по мнению исследователей, подразделялась на два вида: «истинная» и «кружковая». Именно «истинная» интеллигенция как носитель религиозно-философского знания боролась за свержение самодержавия с целью установления конституционной монархии, что, конечно же, не вписывалось в концепцию государственности в кругах правящей верхушки [1, с. 34; 2, с. 50–51; 3, с. 137; 4, с. 235–237].

Особенностью дореволюционного социал-демократического направления является то, что тезисы авторов насчёт либеральной русской интеллигенции станут основой для последующего советского историографического этапа, так что предоставляется возможным объединить дореволюционную и советскую историографию в один блок по теоретико-идеологическому критерию, упуская из виду хронологические рамки.

Таким образом, дореволюционно-советский этап (в последующем изложении он будет именоваться советским) характеризуется общей тенденцией рассмотрения либеральной интеллигенции с точки зрения классового подхода через призму исторического материализма. Прежде всего стоит выделить среди исследователей В. И. Ленина как одного из идеологов рассматриваемого историографического этапа, т. к. большинство историков и публицистов впоследствии будут ссылаться на его работы. Итак, В. И. Ленин рассматривал интеллигенцию в качестве образованной прослойки общества, защищающей интересы крупной буржуазии или государства, т. к. сами являлись чиновниками [5, с. 311]. В этом отношении самым значимым будет являться положение о социальной прослойке, т. к. С. Н. Кривенко, М. И. Туган-Барановский, Б. И. Горев, А. В. Луначарский и другие продолжают изучение интеллигенции с той точки зрения, что интеллигенция никогда не была отдельным классом и представляет собой лишь высшую прослойку каждого класса [6, с. 16; 7, с. 15; 8, с. 36; 9, с. 7]. Взаимоотношения либеральной интеллигенции и государства в трудах советских историков рассматриваются в меньшей степени, т. к. авторы отдавали предпочтение представителям радикальной интеллигенции – например, народникам, большевикам и эсерам. О либеральной интеллигенции упоминалось лишь в некоторых случаях, когда необходимо было противопоставить её социалистам. Тем не менее авторы разделяют мнение о том, что либеральная интеллигенция защищала интересы крупной буржуазии, и для этого им пришлось встать на путь свержения самодержавия, чтобы закрепить свободу частной собственности и получить

доступ к политической власти путём учреждения Государственной думы, выборы в которую происходили бы по имущественному цензу. Такие авторы, как Л. Д. Троцкий, В. П. Полонский и В. Р. Лейкина-Свирская, отмечают сближение либералов и социалистов в конце XIX – начале XX в. с целью уничтожения самодержавной власти [10, с. 287; 11, с. 202; 12, с. 8, 40].

Единственным исключением являются представления русского эмигранта Г. П. Федотова о взаимоотношении либеральной интеллигенции и государства, который считал, что до восстания декабристов 14 декабря 1825 г. интеллигенция защищала интересы власти, т. к. являлась частью государственного аппарата и не могла защищать интересы буржуазии, т. к. ни о каком капитализме в то время речи быть и не могло [13, с. 24–29].

Современный этап в истории изучения взаимоотношений правительства и либеральной интеллигенции можно условно считать продолжением дореволюционной «веховской» тенденции. Это объясняется тем, что постсоветские исследователи с момента перестройки начали пренебрежительно относиться к работам советских историков, обвиняя их в излишнем следовании принципам партийной идеологии. Так, вновь возрастает интерес к религиозно-философской составляющей либеральной интеллигенции. Из-за этого изучение либеральной интеллигенции приобрело междисциплинарный статус. К тому же, постсоветский историографический этап характеризуется привлечением новых источников и использованием новых методологий. В вопросе взаимоотношений с государством авторы полностью соглашались с работами дореволюционных исследователей в том отношении, что либеральная интеллигенция из-за своих западноевропейских идеологических надстроек была настроена против самодержавия, но не стремилась к уничтожению монархии, поэтому оппозиция проявлялась в легальных, малоэффективных методах борьбы. К авторам такого подхода можно отнести А. В. Топилину и А. С. Веремчук [14, с. 45–46; 15, с. 126–127].

Для изучения либеральной интеллигенции в Сибири свойственны разночтения в понимании сущности интеллигенции. Так, на дореволюционном этапе Г. Н. Потанин считал, что интеллигенты являются выходцами из крестьянства и служат его интересам, при этом взаимоотношения с самодержавием ухудшаются вследствие того, что интеллигенция начала приобретать сепаратистские черты, защищая интересы формирующейся буржуазии в сибирском регионе [16, с. 11]. Так, мы видим логическое нарушение выстроенной модели исследования.

Советский учёный Г. В. Круссер продолжает изучение интеллигенции в контексте областничества, и автор даёт определение либеральной интеллигенции как образованной части населения, являвшейся идеологами буржуазного класса [17, с. 52]. Точно такое же определение можно увидеть в «Сибирской советской энциклопедии», которая рассматривает интеллигенцию в рамках политической ссылки [18, с. 615]. Таким образом,

в работах советских авторов, изучающих сибирскую интеллигенцию, происходит совмещение двух тенденций: дореволюционной и советской. Дореволюционная тенденция проявляется в изучении либеральной интеллигенции с точки зрения национально-экономических противоречий с европейской частью страны. А советская – в определении интеллигенции, характерной для общероссийского уровня, а именно в понимании образованной части местных жителей как защитников буржуазных интересов.

Такие современные исследователи, рассматривающие особенности интеллигенции в Сибири, как В. И. Федорова, М. В. Шиловский и др., рассматривают либеральную интеллигенцию в меньшей степени и отдают предпочтение социалистам. Однако, авторы считают, что либералы принимают некоторые черты социалистов для борьбы против самодержавия, но используют нерадикальные меры [19; 20, с. 51–52]. Т. е. прослеживается тенденция продолжения советской историографии.

Освещение вопроса взаимоотношения либеральной интеллигенции и правительства в Енисейской губернии отличается своей неразработанностью. Для дореволюционного и советского этапов характерно углубление в проблематику роли интеллигенции в общественно-культурном развитии Енисейской губернии. Авторы опубликовывают библиографические и статистические материалы. Из анализа работ В. М. Крутовского, Н. П. Березовского и советских авторов (например, К. В. Богдановича), опубликованных до Октябрьской революции, становится понятным, что исследователи понимают под интеллигенцией тех, кто получил образование и занимаются научной и просветительской деятельностью [21–23]. Также советским историкам свойственно рассмотрение роли большевиков в контексте изучения интеллигенции в Енисейской губернии. Ярким примером может служить «Революционно-демократическая пропаганда среди сибирской демократической интеллигенции в период революции 1905–1907 гг.» Г. А. Порхунова [24]. Только на современном этапе появляются работы, направленные на определение взаимоотношений государства и либеральной интеллигенции, но все они в качестве объекта исследования берут ссыльных. К авторам таких работ можно отнести О. Н. Шулбаева и А. В. Лони́на [25; 26].

Завершая рассмотрение данной темы, необходимо подчеркнуть, что работы общероссийского уровня характеризуются рассмотрением либеральной интеллигенции с точки зрения её мировоззрения в отношении глобальных изменений государственного строя. Региональные же работы, рассматривающие местную интеллигенцию, опираются на изменения, происходящие в Сибири в XIX в., и из этого выводят сепаратистские настроения либеральной интеллигенции, что позволяет выявлять общее и особенное в характере взаимоотношений либеральной интеллигенции и правительства.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 24–42.
2. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Междунар. ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. С. 23–69.
3. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 136–152.
4. Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 227–268.
5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 2. 1895–1897. М.: Политиздат, 1946. 536 с.
6. Кривенко С. Н. На распутьи: культурные скиты и культурные одиночки. М.: Изд-во С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1901. 339 с.
7. Туган-Барановский М. И. Русская интеллигенция и социализм. СПб.: Лань, 2013. 20 с.
8. Горев Б. И. На идеологическом фронте: сб. ст. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. 148 с.
9. Луначарский А. В. Смена вех интеллигентской общественности. М.: Лань, 2017. 8 с.
10. Троцкий Л. Д. Литература и Революция. М.: Гос. изд-во, 1924. 424 с.
11. Полонский В. П. Заметки об интеллигенции // Красная новь. 1924. № 1. С. 189–206.
12. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во 2-й пол. XIX в. М.: Мысль, 1971. 368 с.
13. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 4. Статьи 30-х гг. М.: Sam & Sam, 2012. 480 с.
14. Топилина А. В. Деструктивный потенциал либеральной интеллигенции // Философия права. 2019. № 4 (91). С. 44–49.
15. Веремчук А. С. Экономические «универсалии» в мировоззрении русской интеллигенции в 1-й пол. XIX в. // Петербургский экономический журнал. 2021. № 3. С. 125–134.
16. Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск: Паровая типолит. Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
17. Круссер Г. В. Сибирские областники. Новосибирск: Запсиботделение, 1931. 605 с.
18. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. / ред. М. К. Азатовский. М.: Тип. газеты «Правда», 1931. 1 152 с.
19. Федорова В. И. Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четв. XIX в. Красноярск: Полиграфобъединение Сибирь, 1996. 162 с.

20. Шиловский М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири / ред. М. Н. Колоткин. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2012. 320 с.
21. Крутовский В. М. Очерк истории общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. 1886–1911. Красноярск: Тип. М. И. Абалакова, 1911. 194 с.
22. Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губернии за 1915 г. Общие сведения. Красноярск, 1916. 57 с.
23. Богданович К. В. Первая публичная бесплатная народная библиотека-читальня в Красноярске // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. 1975. № 20. С. 56–58.
24. Порхунов Г. А. Революционно-демократическая пропаганда среди сибирской демократической интеллигенции в период революции 1905–1907 гг. // Борьба большевиков Сибири за массы в период первой русской революции и нового революционного подъёма. Омск, 1984. С. 35–50.
25. Шулбаев О. Н. Политическая ссылка в Минусинском округе (1825–1895 гг.): автореф. дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 / науч. рук. С. П. Ултургашев. Иркутск: ИГУ, 2000. 26 с.
26. Лонин А. В. Интеллигенция Енисейской губернии кон. XIX – нач. XX в.: численность, состав, общественно-политическая деятельность: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 / науч. рук. В. В. Гришаев. Красноярск, 2003. 170 с.

Наталья Павловна Гуляева
Независимый исследователь,
Дивногорск, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ПО ДАННЫМ ИСПОВЕДНОЙ РОСПИСИ

Аннотация. Проведено моделирование демографической ситуации на примере прихода с. Сухобузимского. Основной фокус – распределение жителей по полу и возрасту, расчёт демографической нагрузки. В качестве контрольных привлечены данные по Красноярску и пригороду. Источниковая база – исповедная роспись 1875 г.

Ключевые слова: исповедная роспись, возрастно-половая пирамида, социальный статус, демографическая нагрузка, размер семьи

Abstract. The issue is the model of the demographic situation by example of the parish Sukhobuzimskoye. The focus is the distribution of residents by gender and age, the calculation of the demographic burden. Data on Krasnoyarsk and its suburbs is the control data. The source base is the parish register of 1875.

Keywords: parish register, age-sex pyramid, social status, demographic burden, family size

Данная работа представляет пример моделирования демографической ситуации по историческим данным. В качестве источниковой базы выступает исповедная роспись по приходу с. Сухобузимского за 1785 г., откуда извлечены статистические сведения о репродуктивном поведении прихожан с учётом социального статуса. В качестве контрольных привлечены расчёты по Красноярску и пригороду, выполненные на основании аналогичного документа за тот же год [1].

Распределение жителей Сухобузимского и окрестных деревень по социальному статусу показывает, что большую часть прихожан составляют, как это ни удивительно для сельской местности, мещане. Вторую по численности группу составляют крестьяне, за ними следуют малочисленные представители военного сословия, казаки, священнослужители и ясачные. Для 19 человек сложно установить принадлежность к конкретному сословию, т. к. это люди, не имеющие собственного хозяйства и живущие на чужом подворье (без определённого статуса – б/о; см. табл. 1).

Обращает внимание тот факт, что наибольшее значение среднего количества членов семьи наблюдается у священнослужителей и военных. Однако состав этих групп столь малочислен, что представляется преждевременным делать выводы. Тем более что наибольший размах вариации характерен для мещан и крестьян: от 2 членов семьи до 18 и 14 соответственно. Хотя среднее значение выглядит гораздо скромнее – около 6,8 и 6,5.

Сравнивая этот показатель с ранее проведёнными расчётами на основании той же исповедной росписи по Красноярску [2] и приходу с. Ладейки [3] видим, что по наиболее статистически значимым группам средний размер семьи по Сухобузимскому больше, чем по Красноярску и пригородам (табл. 2).

Таблица 1

**Распределение людей и домохозяйств
по социальному статусу прихода с. Сухобузимского**

Семьи		Люди		Число членов семьи		
Социальный статус	Кол-во	Социальный статус	Кол-во	Среднее	Максимум	Минимум
Б/о	0	Б/о	19			
Военный	3	Военный	30	9,2	12	3
Казак	2	Казак	13	6,5	7	5
Крестьянин	64	Крестьянин	410	6,5	14	2
Мещанин	128	Мещанин	867	6,8	18	2
Священно-служитель	2	Священно-служитель	19	9,5	12	7
Ясачный	1	Ясачный	3			
Всего	200	Всего	1 361	6,8	18	2

Таблица 2

Средний размер семьи

Место	Военный	Казак	Крестьянин	Мещанин	Священно-служитель	Ясачный	Всего
Красноярск	4,3	5,2	5,9	5,6	3,7	5,5	5,2
Приход с. Ладейки	5,5	–	6,0	6,2	13,0	6,0	3,0
Приход с. Сухобузимского	9,2	6,5	6,5	6,8	9,5	3	6,8

Кроме того, по всем группам, исключая священнослужителей и ясачных, которые чрезвычайно малочисленны, прослеживается увеличение среднего размера семьи по вектору «город – пригород – отдалённое село». Разумеется, данное наблюдение нуждается в верификации с использованием данных по всем сельским приходам Красноярского заказа с учётом удалённости от города.

Распределение по полу и возрасту жителей прихода с. Сухобузимского с учётом социального статуса представлено в табл. 3 и 4, на основании которых построена возрастно-половая пирамида (рис. 1).

Обращает внимание исключительно малое количество человек в младшей возрастной группе. Такая ситуация совершенно нехарактерна для доиндустриальных обществ, где в силу высокой рождаемости младшие возрастные группы численно преобладают над остальными. Не исключено, что объяснением может служить специфика источника: в исповедные

рописи часто не вносили детей до 1 года. В данном приходе зафиксировано всего 4 мальчика в возрасте 1 года и ни одной девочки. Возраст в 2 года указан всего у 2 детей, тогда как начиная с 3 лет числа существенно увеличиваются (табл. 5).

Таблица 3

Распределение мужчин
по возрасту и социальному статусу прихода с. Сухобузимского

Возраст, лет	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Священно-служители	Б/о	Ясачные
0–5	44	0	2	15	25	2	0	0
6–10	109	0	1	33	74	0	1	0
11–15	79	0	2	21	54	1	1	0
16–20	74	0	1	21	48	1	2	1
21–25	54	2	0	18	34	0	0	0
26–30	58	0	1	20	35	2	0	0
31–35	50	0	0	20	29	0	1	0
36–40	41	0	0	8	33	0	0	0
41–45	34	0	0	11	21	1	1	0
46–50	25	0	0	11	14	0	0	0
51–55	29	0	0	6	22	0	1	0
55–60	18	1	1	6	8	0	2	0
61–65	16	1	1	2	11	1	0	0
65–70	10	0	0	6	4	0	0	0
>70	10	0	1	4	4	0	1	0
Всего	651	4	10	202	416	8	10	651

Таблица 4

Распределение женщин
по возрасту и социальному статусу прихода с. Сухобузимского

Возраст, лет	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Священно-служители	Б/о	Ясачные
0–5	28	0	1	10	15	2	0	0
6–10	110	0	3	24	79	3	1	0
11–15	99	0	3	21	72	1	1	1
16–20	62	2	2	17	38	1	2	0
21–25	53	4	3	17	29	0	0	0
26–30	77	1	0	28	47	1	0	0
31–35	51	0	1	13	35	1	1	0
36–40	48	0	2	12	34	0	0	0
41–45	37	0	1	14	21	1	0	0
46–50	52	0	3	20	28	0	1	0
51–55	25	1	0	6	16	0	2	0
55–60	35	1	1	10	21	0	1	1
61–65	12	0	0	7	4	1	0	0
65–70	9	0	0	4	5	0	0	0
>70	11	0	0	5	6	0	0	0
Всего	709	9	20	208	450	11	9	709

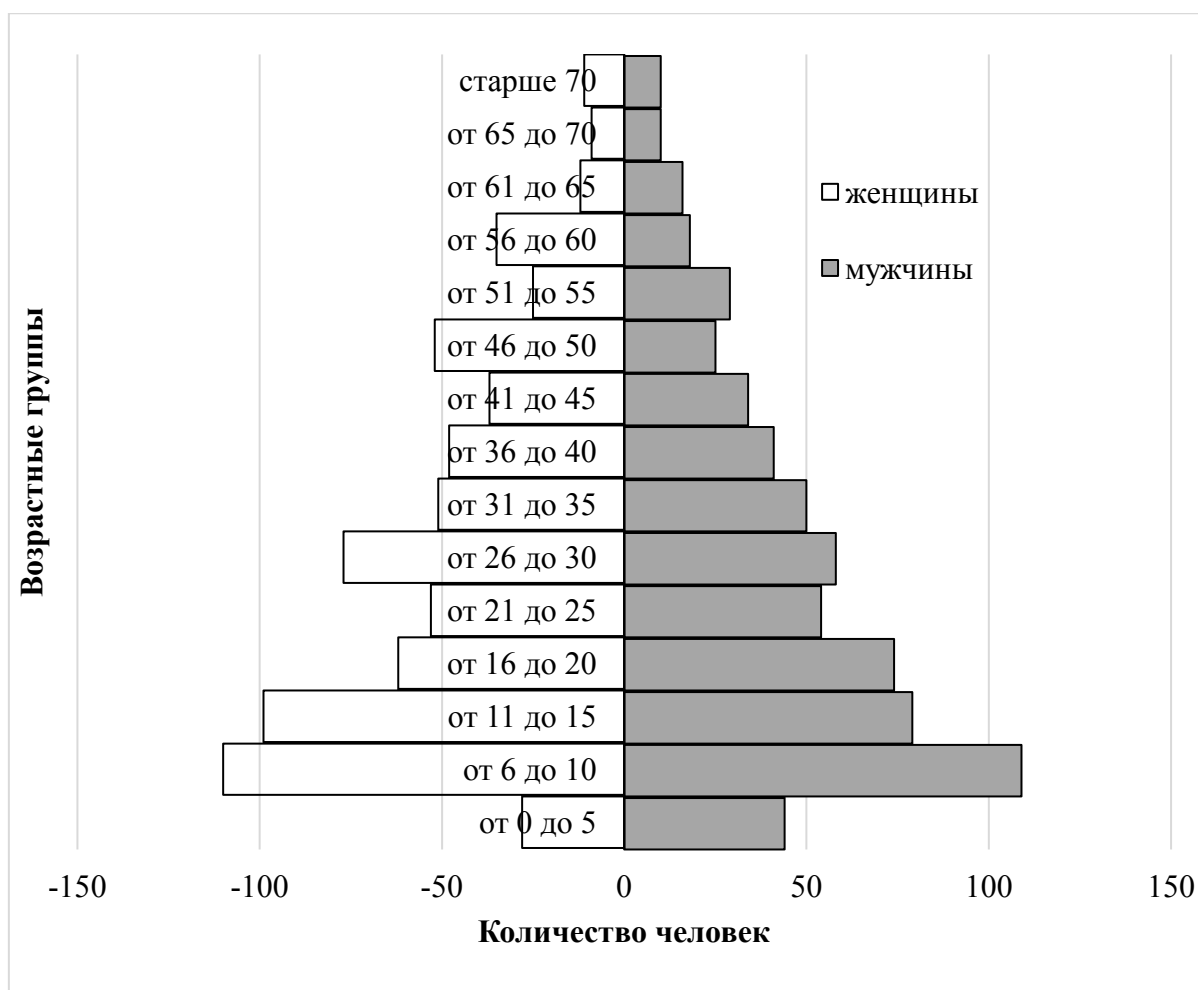

Рис. 1. Возрастно-половая пирамида прихода с. Сухобузимского

Таблица 5

Распределение по возрасту и полу
младшей возрастной группы прихода с. Сухобузимского

Возраст, лет	Девочки	Мальчики
1	0	4
2	1	1
3	10	11
4	8	17
5	9	11

Возможно, здесь наблюдается исключительная ситуация. Тем более что ни по Красноярску, ни по приходу с. Ладейки ничего подобного не наблюдается, хотя по обоим упомянутым населённым пунктам основание пирамиды несколько заужено по сравнению с классическим вариантом традиционного общества.

Малое количество детей в младшей возрастной группе сказывается на соотношении половозрастных групп с учётом фертильного/трудоспособного возраста (табл. 6). В данном исследовании и фертильный, и трудоспособный возраст определяется в диапазоне от 16 до 50 лет. Расчёт проводился только для групп, численность которых превышает 20 ед.

Таблица 6

Соотношение возрастных групп прихода с. Сухобузимского

Социальный статус	Мальчиков (1–15 лет)	Мужчин (16–50 лет)	Пожилых мужчин (старше 50 лет)	Всего мужчин	Девочек (1–15 лет)	Женщин (16–50 лет)	Пожилых женщин (старше 50 лет)	Всего женщин	Девочек на женщину фертильного возраста	Детей на женщину фертильного возраста
Все	232	336	83	651	237	380	92	709	0,62	1,23
Военные	5	2	3	10	7	12	1	20	0,58	1
Крестьяне	69	109	24	202	55	121	32	208	0,45	1,02
Мещане	153	214	49	416	166	232	52	450	0,72	1,38

Очевидно, что соотношение взрослых женщин и детей, как и соотношение женщин и девочек, не соответствует режиму простого воспроизводства. При таких показателях без постоянного притока населения со стороны длительное существование популяции невозможно.

Данные, показывающие соотношение возрастных групп, использованы и для расчёта демографической нагрузки (табл. 7).

Таблица 7

Демографическая нагрузка

Социальный статус	Детей	Взрослых	Пожилых	Нагрузка детьми	Нагрузка пожилыми	Общая нагрузка
Приход с. Сухобузимского						
Всего	469	716	175	0,7	0,2	0,9
Военные	12	14	4	0,9	0,3	1,2
Крестьяне	124	230	56	0,6	0,2	0,8
Мещане	319	446	101	0,7	0,2	0,9
Красноярск						
Всего	792	1157	371	0,7	0,3	1,0
Военные	147	164	43	0,9	0,3	1,2
Крестьяне	300	460	166	0,7	0,4	1,1
Мещане	94	133	37	0,7	0,3	1,0

По приходу в целом на 1 взрослого приходится 0,66 детей до 15 лет и 0,24 пожилых старше 50 лет. Таким образом, получается, что 1 чел. трудоспособного возраста содержит менее чем 1 не- или ограниченно трудоспособного. Показательно, что самое низкое значение исчислено для крестьян, а самое высокое – для военных.

В сопоставлении с Красноярском заметно, что общая картина практически совпадает. Небольшое, но заметное отклонение представляют крестьяне: в городе общий коэффициент демографической нагрузки выше, чем в сельской местности. При этом нагрузка детьми почти идентична, тогда как нагрузка пожилыми в городе в 2 раза больше.

Итак, выполненные расчёты показывают, что в приходе с. Сухобузимского наблюдается несколько больший размер семьи, чем в Красноярске и пригороде. Необычайно малая численность группы в возрасте младше 5 лет снижает показатели, отражающие воспроизводство населения и демографическую нагрузку. При этом общие коэффициенты демографической нагрузки по приходу с. Сухобузимского почти не отличаются от городских.

Список источников

1. КККМ ВХР 928.
2. Гуляева Н. П. Семейно-брачная структура города Красноярска, 1785 г. // История и современность. 2022. № 2 (44). С. 27–74.
3. Гуляева Н. П. Применение статистического анализа при работе с исповедными росписями на примере прихода Ильинской церкви с. Ладейки за 1785 г. // Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность: матер. 3-й междунар. НК. Красноярск, 2024. С. 366–380.

Евгения Валентиновна Демчик, Анатолий Сергеевич Горовой
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

«СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ПРОГРАММА»: ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ УНИКАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЕКТА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье анализируется процесс разработки проекта государственной поддержки «семипалатинцев» на начальном этапе до официального утверждения программы в ноябре 1993 г. Рассмотрены причины и предпосылки, способствовавшие успеху данной инициативы, а также особенности и проблемы её реализации.

Ключевые слова: Семипалатинский полигон, радиационное воздействие, Алтайский край, социальная защита населения, социально-экономические проекты России, «семипалатинцы»

Abstract. The article analyzes the process of developing a project of state support for "semipalatintsy" at the initial stage before the official approval of the program in November 1993. The reasons and prerequisites that contributed to the success of this initiative, as well as the features and problems of its implementation, are considered.

Keywords: Semipalatinsk test site, radiation exposure, Altai region, social protection of the population, socio-economic projects of Russia, "semipalatintsy"

«Семипалатинская программа» уже более 30 лет предоставляет гуманитарную поддержку гражданам, пострадавшим от радиационного воздействия в результате взрывов на Семипалатинском полигоне. Эта программа является уникальным и беспрецедентным примером социально-экономического проектирования на региональном уровне. Однако немногие осознают, какие фундаментальные задачи стояли перед её разработчиками, которым в условиях сложной внутриполитической обстановки удалось подготовить и реализовать решение одной из самых острых проблем наследия СССР. Цель данной статьи заключается в анализе специфики подготовки проекта «Семипалатинской программы» в период кризиса командной системы, а также в выявлении новых данных, которые могут быть применимы в реализации аналогичных проектов.

В историографическом плане данная тема не подвергалась целенаправленному историческому изучению. Большинство научных работ концентрировали внимание на рассмотрении медико-биологических и природно-экологических последствий ядерных испытаний для населения и территории Алтайского края. Единственная работа, которая могла бы подойти под заявленный критерий – «Последствия радиационного воздействия ядерных испытаний на население Алтайского края и меры по его социальной защите» под редакцией С. К. Шойгу. В основу источниковой

базы исследования легли нормативные и правовые акты Правительства РФ, архивные материалы Государственного архива Алтайского края, а также интервью и воспоминания людей, непосредственно участвовавших в разработке программы.

В период с 1949 по 1989 г. Советский Союз провёл 456 ядерных испытаний на Семипалатинском главном испытательном полигоне [1, с. 371–382]. На протяжении 50 лет факт испытаний был засекречен советским правительством от других стран и собственных граждан. В связи с расширением политики гласности, после очередного взрыва 12 февраля 1989 г., вследствие чего произошел выброс радиоактивных газов, многим стало известно, что на территории Казахской ССР проводятся испытания ядерного оружия. Через несколько дней на митинге в Алма-Ате при поддержке казахского писателя и депутата Верховного Совета СССР Олжаса Сулейменова и его сторонников было объявлено о создании движения «Невада – Семипалатинск», стремившегося прекратить ядерные испытания [2].

Благодаря огласке были обнародованы и рассекречены часть материалов по ядерным взрывам прошлых лет, что позволило алтайским учёным исследовать влияние радиации на территорию и население своего региона. На основании этих данных и собственных изысканий доктор медицинских наук, профессор Алтайского государственного медицинского института Я. Н. Шойхет обратил внимание на более серьёзную проблему – качество здоровья жителей Алтая, подвергшихся радиационному воздействию в 1940–50-х гг., и их потомков [3]. Требовалось не только привлечь внимание к проблеме, но и научно обосновать и доказательно подкрепить факт радиационного облучения, а также разработать конкретный комплекс мер по его нивелированию. Данная инициатива позволила бы привлечь внимание к региону, тем самым способствуя развитию его социальной и медицинской инфраструктуры. Поэтому при содействии Алтайского Крайисполкома с 1989 г. стала происходить интенсификация исследований и накопление аргументационного материала [4]. Началась совместная работа регионального научного сообщества и управленческого аппарата края ради воплощения данного проекта в жизнь.

В феврале 1992 г. была создана рабочая группа, на которую возлагалась задача разработать вариант концепции по вопросу реабилитации населения и социально-экономическому развитию региона для представления её Экспертному совету при Госкомчернобыле. В марте проводились первые исследования местности при содействии Института Биофизики СО РАН, СПб НИИ радиационной гигиены, а также в/ч № 51 105 и 52 605 [5, л. 8]. Из-за отсутствия общей методики анализа радиационного облучения каждой организацией использовались свои измерительные подходы, вследствие чего наблюдались расхождения при оценке дозовых нагрузок [5, л. 77–79]. Критически не хватало информации и опыта подобных исследований. Многие мероприятия организовывались буквально экспериментальным путём. Несмотря на это, в июне 1992 г. на заседании

Экспертного совета алтайские представители в лице В. С. Германенко, Н. К. Пановой, В. С. Чекунова и В. И. Киселева смогли отстоять идею продолжения разработки программы [5, л. 76]. Полученные результаты легли в основу Постановления Правительства РФ № 428 от 24.06.1992 «О мерах по оздоровлению населения и социально-экономическому развитию населённых пунктов Алтайского края, расположенных в зоне влияния ядерных испытаний». Это стало первым существенным «прорывом» в вопросе о жизнедеятельности «Семипалатинской программы», однако необходимо было решить ещё три взаимосвязанные группы задач: определить контингент населения, пострадавшего от многолетних ядерных испытаний, и закрепить их правовой статус; выбрать формы и методы реабилитации; решить организационно-экономические вопросы осуществления мер по реабилитации населения [6, л. 10].

Благодаря Постановлению № 428 в Алтайский край начало поступать финансирование. Для закупки импортного медицинского оборудования, лекарственных средств и препаратов выделялось 97,02 млн \$ [6, л. 8]. На производственные и непроизводственные капитальные вложения отводилось 2 690,6 млн руб. [7]¹. Началось строительство краевой клинической больницы, на территории Рубцовского и Третьяковского районов, в городах Алейске, Барнауле и Бийске возводились центры детской реабилитации [8]. Однако страдала комплексность финансирования. В архивных делах встречается немало обращений за подписью главы администрации Алтайского края и его заместителей с просьбой выделить краю недостающие ассигнования [9]. Однако это не помешало закончить итоговый вариант концепции к сентябрю 1993 г. 16 ноября 1993 г. вышло Постановление Совета министров – Правительства РФ № 1160 об утверждении государственной программы по реабилитации населения и социально-экономическому развитию районов Алтайского края на период с 1994–1995 до 2000 г.

Успех принятия проекта «Семипалатинской программы» государством главным образом был определён грамотным выбором подхода к её разработке. Аргументированное обоснование проблемы, применение строгих научных фактов и привлечение широкого круга специалистов (которое было бы невозможно без проявленной активности и трудоспособности алтайских служащих и исследователей) – всё это позволило выработать меры социально-экономической и медицинской помощи населению, оказав тем самым существенное влияние на Алтайский край и его граждан. Таким образом, разработка данного проекта стала не только примером эффективного применения научных знаний в решении социальных проблем населения, но продемонстрировала важность взаимодействия и сотрудничества научного сообщества и властных структур.

¹ Все данные указаны в ценах на момент декабря 1992 г.

Список источников

1. Давыдов С. Л. О людях и их свершениях: сб. воспоминаний ветеранов полигона к 50-летию образования Семипалатинского ядерного полигона (1947–1997). Ч. 1. Сергиев Посад, 1997. 396 с.
2. История одной фотографии. К 36-летию движения «Невада – Семипалатинск». URL: np.kz/news/issledovaniya/istoriya/istoriya-odnoj-fotografii?ysclid=m9imqn80n372812077.
3. Киселев В. Семипалатинская программа – уникальный опыт совместной работы чиновников и учёных. URL: sibnovosti.ru/article/83964/?ysclid=m8h67vg1q7342649767; Шойхет Я. «Теоретически бессмертие невозможно». URL: moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=10572.
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 25. Л. 7–9.
5. ГААК. Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 3. Л. 8, 76–79.
6. ГААК. Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 10.
7. ГААК. Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
8. ГААК. Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 5. Л. 24, 43.
9. ГААК. Ф. 1 805. Оп. 1. Д. 28. Л. 72–73, 75, 89, 94.

Олеся Михайловна Долидович
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ Г. МИНУСИНСКА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Аннотация. В статье рассматривается промышленное развитие малых городов Восточной Сибири в условиях плановой экономики на примере г. Минусинска Красноярского края. Показано, что в общем процессе индустриализации региона такие города играли значительную роль, хотя их технологический рост имел свои особенности, отличные от динамики крупных промышленных центров.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Красноярский край, малые города, Минусинск, плановая экономика, промышленность

Abstract. The article examines the industrial development of small towns in Siberia under a planned economy using the example of Minusinsk in Krasnoyarsk region. It is shown that small towns played a significant role in the overall process of industrialization of the region, although their development had its own characteristics that differed from the dynamics of large industrial centers.

Keywords: Eastern Siberia, Krasnoyarsk region, small towns, Minusinsk, planned economy, industry

Вторая половина XX в. ознаменовалась значительным индустриальным ростом городов Восточной Сибири. По завершении 1-й послевоенной пятилетки развернулись активные исследования особенностей их экономического развития и ресурсного потенциала, направленные на разработку перспективных планов интеграции в региональную и общегосударственную экономику. Изучение исторического опыта такого планирования на сегодняшний день важно при формировании стратегий и мер, обеспечивающих устойчивый экономический подъём.

В статье анализируется промышленное развитие малых городов Восточной Сибири в условиях плановой экономики на материалах г. Минусинска Красноярского края. Источниковой базой стала делопроизводственная документация Архива г. Минусинска (АГМ): фонды Р-924 (отдела экономического анализа и прогноза администрации) и Р-1 053 (отдела архитектуры и градостроительства). Прежде всего это отчёты и записки специалистов исследовательских и проектных институтов, работавших в Минусинске, начиная с 1950-х гг. Так, В 1954 г. Ленинградское отделение Государственного института проектирования городов Министерства коммунального хозяйства РСФСР обследовало Минусинскую котловину для осуществления районной планировки, а в 1958 г. подготовило технико-экономический отчёт. В 1956–1957 гг. производилась аэрофотосъёмка

города. На юге края проводились широкомасштабные исследования по изучению природных запасов полезных ископаемых. Так, Минусинская геолого-разведочная экспедиция вела разведку золота, рудных месторождений железа, фосфоритов, нефелиновых руд, голубого асбеста, мрамора и др. Специалисты треста «Минусинскнефтегазразведка» осуществляли геолого-геофизические исследования по поиску нефти и газа. В Минусинске работали также специалисты Всесоюзного государственного института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства Министерства сельского хозяйства и заготовок. Соответственно, в архивных документах представлены детальные сведения о Минусинске (природно-географические условия, демографическая динамика, промышленная инфраструктура, транспортная сеть, торговля и другие аспекты), которые позволяют понять логику, лежавшую в основе планирования его дальнейшего промышленного развития.

Особенности модернизации промышленности сибирских городов в условиях плановой экономики были подробно изучены историками в советский период [1; 2 и др.]. И в то же время основное внимание уделялось крупным центрам, ориентированным на тяжёлую индустрию и машиностроение, со значительной концентрацией трудовых ресурсов (Красноярск, Иркутск и др.). Интерес к малым городам, которые специализировались на сельском хозяйстве и переработке сырья, лёгкой промышленности, был небольшим. На современном этапе исследования показывают, что во второй половине XX в. в региональной сибирской экономике им отводилась важная роль в связи с началом широкого освоения новых сырьевых баз, возведения гидро- и тепловых электростанций, производственно-технологических комплексов [3–5].

Важно отметить, что само промышленное развитие Минусинска фактически началось в советский период: до 1917 г. здесь функционировали лишь водочный, пивоваренный, мукомольный заводы и паровая мельница. Население занималось сельским хозяйством, ремёслами и промыслами (кожевенным, овчинно-шубным, пимокатным, кузнечным и др.), перевозками грузов и т. п. Ускоренная индустриализация первых пятилеток незначительно повлияла на экономику Минусинска, т. к. в целом Красноярский край в этот период не относился к числу приоритетных регионов. Основное внимание уделялось развитию лесной, золотодобывающей и угольной промышленности. Тем не менее, к 1940 г. в городе уже работало 20 предприятий.

После Великой Отечественной войны Минусинск по-прежнему представлял собой административный центр обширного сельскохозяйственного района. Местные заводы, мастерские и артели работали на устаревшем оборудовании, ассортимент и качество товаров оставались низкими. Государство предоставляло долгосрочные ссуды на техническое оснащение и закупку сырья. Однако в целом размер инвестиций не позволял осуществить техническое перевооружение, производственные мощности росли медленно.

К 1958 г. в городе проживало 34 тыс. жителей. Промышленность оставалась слаборазвитой. Ведущую роль играла пищевая отрасль (мельничный комбинат, горпищекомбинат, мясокомбинат, ликёроводочный, пивоваренный, молочный заводы и хлебозавод). В городской черте также располагались животноводческие, овощеводческие и зерновые хозяйства, а также плодово-опытное поле площадью 60 га [6]. Лёгкая промышленность занимала второе место по объёму производства (горпромкомбинат, швейная, мебельная, обувная и махорочная фабрики, артели промысловой кооперации). Городская паротурбинная электростанция работала с частыми перебоями и удовлетворяла потребности населения в электроэнергии лишь на 35–40 %. Всего на промышленных предприятиях было занято около 3 тыс. чел., при этом ощущался острый дефицит инженерно-технических кадров [7].

В начале 1960-х гг. экономика Красноярского края активно развивалась благодаря правительственным планам по формированию индустриальной базы в Сибири и на Дальнем Востоке. Особенно высокими темпами росли промышленность и энергетика. С началом строительства Южно-Сибирской железнодорожной магистрали планировалось превратить Минусинск в крупный промышленный центр и важный транспортный узел.

В 1971–1975 гг. началась реализация программы комплексного развития производительных сил на новой технологической и технической основе. Одним из приоритетных направлений экономического роста региона стало создание Саянского территориально-производственного комплекса (ТПК), структурным элементом которого должен был стать Минусинский промышленный узел. На его территории планировалось строительство электротехнического комплекса из 12 крупных заводов [8]. Однако строительство сопровождалось трудностями, вызванными ошибками в проектировании, технологии и организации работ. В результате за период с 1973 по 1985 г. удалось построить только заводы специального технологического оборудования и высоковольтных вакуумных выключателей [9].

Тем не менее, к концу 1980-х – началу 1990-х гг. Минусинск превратился в город с заметным промышленным потенциалом. В 1990 г. численность населения достигала 76,4 тыс. чел. В различных отраслях народного хозяйства было занято 32 тыс. чел. В общем объёме производства предприятий города доля продукции составила: в пищевой промышленности – 48,8 %, машиностроении – 24,4 %, электроэнергетике – 20,0 %, лёгкой промышленности – 3,7 %, лесной и деревообрабатывающей сферах – 1,9 %, производстве стройматериалов – 0,8 % [10].

Таким образом, промышленное развитие Минусинска иллюстрирует, как всестороннее изучение малых городов, максимально учитывающее разнообразные факторы (географические, климатические, демографические, инфраструктурные, исторические и др.), становилось одновременно и фундаментом, и результатом государственного планирования с целью их эффективной интеграции в экономику более обширных административных образований и страны в целом.

Список источников

1. История Сибири. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. Л.: Наука, 1969. 470 с.
2. Экономические проблемы развития Сибири: Методологические проблемы развития и размещения производительных сил / ред. Б. П. Орлов. Новосибирск: Наука, 1974. 263 с.
3. Лукьяненко С. С. Политика комплексного развития производительных сил Сибири в 60–80-е гг. XX в. // Вестник РУДН. История России. 2006. № 3 (7). С. 183–186.
4. Захарченко Е. К. Этапы территориальных преобразований малых городов Центральной Сибири во 2-й пол. XX в. // Вестник ТГУ. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 46–55.
5. Гайдин С. Т. Роль краевой плановой комиссии в развитии производительных сил накануне и в годы Красноярской десятилетки. 1965–1980 гг. / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 229–241.
6. Архив г. Минусинска (АГМ). Ф. Р-924. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–12.
7. АГМ. Ф. Р-1 053. Оп. 2. Д. 10. Л. 1–15.
8. АГМ. Ф. Р-1 053. Оп. 2. Д. 27. Л. 1–12.
9. Минусинск: очерки истории города / О. М. Долидович, Т. Г. Карчаева, Л. Е. Мариненко и др. Красноярск, Минусинск, 2023. 238 с.
10. АГМ. Ф. Р-924. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–49.

Зоя Юрьевна Доржу, Игорь Иванович Монгуш
Тувинский государственный университет,
Кызыл, Россия

ОТНОШЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ЛАМ К ПРОЦЕССУ ВХОЖДЕНИЯ ТУВЫ ПОД ПРОТЕКТОРАТ РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена установлению российского протектората над Тувой (1914). Это событие авторы рассматривают как единый процесс исторически сложившихся русско-тувинских связей, их дальнейшего развития, когда после изгнания китайцев в 1911–1912 гг. тувинский народ сделал выбор в пользу России. Это означало вхождение Тувы в сферу влияния Российской империи, которая имела геополитические интересы в Урянхайском крае, оказывала помощь в его хозяйственном обустройстве, в поддержке русских переселенцев, в урегулировании их отношений с тувинцами. По мнению авторов, политика Николая II в отношении Тувы носила покровительственный характер. Российский протекторат имел большое значение для тувинского народа, его консолидации в рамках этнической территории. Это было достигнуто благодаря инициативе и стараниям буддийских лам во главе с духовным лидером всей Тувы Пандито Камбы-ламы Лопсаном-Чамзы.

Ключевые слова: Урянхайский край, Цинская империя, Монголия, Россия, монастырь Устуу-Хурээ, буддийское духовенство, протекторат, покровительство

Abstract. The article is devoted to the establishment of the Russian protectorate over Tuva (1914). The authors consider this event as a single process of historically established Russian-Tuvan relations and their further development, when after the expulsion of the Chinese in 1911–1912, the Tuvan people made a choice in favor of Russia. This meant the entry of Tuva into the sphere of influence of the Russian Empire, which had geopolitical interests in the Uryankhai region, assisted in its economic development, in supporting Russian settlers, in settling their relations with the Tuvians. According to the authors, the policy of Nicholas II towards Tuva was of a patronizing nature. The Russian protectorate was of great importance for the Tuvan people, its consolidation within the ethnic territory. This was achieved thanks to the initiative and efforts of Buddhist lamas led by the spiritual leader of all Tuva Pandito Kamby Lama Lopsan-Chamzy.

Keywords: Uryankhai region, Qing Empire, Mongolia, Russia, Ustuu-Khure monastery, Buddhist clergy, protectorate, patronage

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям. Проект «Лопсан-Чамзы: от Камбы-ламы до Пандито», договор от 30 мая 2025 г.

Тува богата своей историей и культурой, пережила немало потрясений, начиная со времён великих скифов, тюркских каганатов, монгольской империи, и в различные исторические периоды называлась по-разному. До 1912 г. Тува находилась под властью маньчжурской династии Цин, правившей Китаем, и была известна как Танну-Урянхай. Отсюда и русское название Тувы – Урянхайский край. Регион с уникальной историей, стра-

тегически важным положением в центрально-азиатском регионе на фоне геополитических сдвигов в начале XX в. вошёл в состав Российской империи. Об этом написано немало научных работ, по сей день ведётся спор, был ли протекторат «присоединением», колонизацией или же это было «покровительство», исследователей привлекает политическая составляющая – добровольное вхождение под протекторат России.

Речь идёт о тувинцах, быт и уклад жизни которых традиционно был связан с кочевым скотоводством, с природой, они почитали горы, реки, леса и животных, занимались охотой и собирательством дикоросов. Со сменой времён года тувинцы кочевали в поисках пастбищ для своего скота, умели читать природные знаки, верили в шаманов и считали их посредниками между людьми и духами, читали молитвы, в которых обращались к силам природы. Кочевой уклад жизни тувинцев был тесно связан и вращался вокруг скота, который был основным источником существования. Ни о какой грамотности и речи не было, только ежедневные хлопоты и забота, чтобы предохранить от болезней и падежа домашний скот, отчего зависела судьба человека, его семьи. Живя в суровых условиях, они научились чтить и уважать природу, брать у неё только самое необходимое.

После разгрома Джунгарии в 1755–1766 гг. войсками Цинской империи Урянхайский край вошёл в её состав. Буддизм, в его тибетском направлении называемый обычно ламаизмом, не только широко распространился в регионе, но превратился в официальную и традиционную религию тувинцев. Началось строительство буддийских монастырей, одним из самых больших был монастырь Устуу-Хурээ, известный как Верхне-Чаданский. Его строительство шло по проекту приглашённого тибетского ламы Кунтана Римпоче, при участии китайских мастеров [1, с. 50]. Монастырь очень скоро стал одним из престижных образовательных центров с роскошным убранством, богатой библиотекой. Здесь была заложена основа тувинского алфавита, здесь получили образование и воспитывались первые государственные деятели Тувы.

В этом и других буддийских монастырях Тувы обучали по буддийской программе «великих книг пяти наук», как и в монастыре Наланда в Индии. Это была междисциплинарная программа, в которой буддизм сочетался с высшими знаниями в различных областях. Система пяти основных и пяти вспомогательных наук становится основой буддийского образования в Тибете, затем в Монголии и далее распространяется в Туве. Первые 5 лет обучения в монастыре послушники изучали Праману (логика и теория познания), следующие 5 лет – Праджняпарамиту (совершенство мудрости), следующие 2 года – Мадхьямаку (срединное воззрение), затем по 2 года изучали Абхидхарму (сокровищница знаний) и Винаю (свод монашеских правил) [2, с. 20].

Кроме философского обучения, в рамках основ буддизма уделяли большое внимание изучению тибетской медицины, астрологии и танкописи. Знания в области медицины позволили местным жителям расширить традиционные знания и методы народного врачевания, шире применять

лечебные травы, произраставшие в их местности, что в дальнейшем поспособствовало развитию фармацевтики.

Большое место в процессе обучения послушников занимала история и культура Индии, Тибета, Монголии, изучение тибетской и старомонгольской письменности. Таким образом, послушники, обучавшиеся в монастыре, были людьми всесторонне образованными, со временем в ходе проведения ритуалов приобретая опыт практики, они становились дальновидными, мудрыми ламами, снискавшими уважение и почёт среди населения. Для простых людей они, знающие не только родной язык, но и два иностранных, казались настоящими божествами. Изучение иностранного помогало понять родной язык и культуру, исторические события начали фиксировать сначала на тибетском и старомонгольских языках, позже учёный лама Лопсан-Чимит, ученик настоятеля Верхне-Чаданского буддистского храма Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы создал первый тувинский национальный алфавит и был первым учителем по его распространению.

Выпускники монастырей были элитой своего времени. В условиях, когда население было неграмотным, занималось скотоводством, в поисках пастбищ вело кочевой образ жизни, они встали во главе тувинского общества, взяли на себя ответственность за принятие стратегических решений, касающихся судьбы народа, формирование внешней политики региона.

Большинство тувинских лам получали монастырское образование в соседней Монголии, некоторые ламы обучались в Тибете. В Монголию буддизм пришёл из Тибета, поэтому система монашеского образования одинаковая. Начиная с третьего Далай-ламы Сонам Гьятцо, в Тибете светская и духовная власть принадлежала ламам. Поэтому западные путешественники тибетскую форму буддизма называли ламаизмом, т. к. власть была в руках лам и они играли важную роль в Тибете. Эта практика была перенята и Монголией, где, начиная с первого Богда Гегена, духовная и светская власть были в руках у Богда Хаанов. Поэтому влияние тувинского духовенства на политическую жизнь региона не было столь вопиющим фактом для тувинцев, и в Монголии, и в Тибете было так же.

До середины XVII в. политически Тува делилась на две части. Западная часть, где проживало большинство тувинцев, была вассалом Джунгарских Хаанов, а юго-восточная часть входила в состав Халха монгол, т. е. Богда Хаанов. После разгрома Джунгарского государства Цинской империей в 1755 г. западная часть Тувы вошла в состав юго-восточной части Тувы [3, с. 2].

Как свидетельствуют исторические источники, в период правления Цинской империи тувинцы испытывали тяжёлую эксплуатацию со стороны маньчжуро-китайских властей, их обманывали и обворовывали, давили налогами в виде албана со всего населения. Тем не менее китайская цивилизация оказала определённое позитивное влияние на Туву и её народ, в частности на традиционную народную культуру и искусство. Это административно-территориальная реформа, основанная не на родоплеменном принципе расселения, а на территориальном. Такое единое управление Ту-

вы под эгидой амбын-нойонства со ставкой (столицей) Самагалтай в юго-восточной части Тувы способствовало консолидации тувинцев в единый этнос. Самагалтай был не только административным и религиозным центром Тувы: хозяйственные, торговые, религиозные и международные связи тоже шли через него. После распада Цинской империи в 1911–1912 гг. Тува оказалась перед выбором дальнейшего пути развития. Однако это был не простой вопрос, появились разные взгляды на эту проблему. Некоторые представители тувинской элиты добивались вхождения в состав Монголии, другие тяготели к России, предпочитая самостоятельность под её покровительством. Свои виды на Туву имел и Китай, но вхождения в состав Китайской республики не хотели ни власти, ни население. Тува была разрознена, её экономический потенциал, а также международная ситуация в то время не позволяли создать независимое и сильное государство. Тува балансировала между Россией и Монголией [4, с. 158]. В этот исторически важный момент в определении дальнейшей судьбы тувинского народа важнейшую роль сыграло буддийское духовенство. Именно его представители предприняли конкретные шаги и обратились к правительству России.

Одним из сторонников вхождения Тувы под покровительство Российской империи был первый Пандито Камбы-лама Урянхайского края, глава ламаистского духовенства над всеми хошунами Тувы. Он был высокообразованным, честно соблюдавшим свои обеты монахом, получил прекрасное религиозное образование в монастыре Кандан в Монголии, имел степень кешпи (кандидата буддийских наук). Его наставниками были монгольские священнослужители. Согласно буддийскому канону известна аксиома, которая гласит, что ученик должен почитать своего учителя как божество и беспрекословно исполнять его наставления. В связи с этим возникает вопрос: почему Пандито Камбы-лама Лопсан-Чамзы, будучи воспитанником монастыря Кандан, не пошёл по пути своих наставников – монгольских лам, не поддержал присоединение Тувы к Монголии, а наоборот, взял курс в сторону России?

На наш взгляд, ответом на этот вопрос является патриотизм Лопсана-Чамзы, патриотическая самоидентичность в условиях определения будущего тувинского народа. Об этом, в частности, убедительно свидетельствуют воспоминания очевидцев, что каждый вдох Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы был во благо тувинского народа, во благо своей родины. Так, белый офицер Н. И. Леонов, перешедший на сторону советской власти, о встрече с Лопсаном-Чамзы в 1919 г. писал: «Один из тувинских лам произвёл на меня огромное впечатление своей богатой душевной жизнью, своими интересами, насквозь проникнутым глубокой любовью к родной стране. Прежде всего, меня поражало в нём его бескорыстие и отсутствие личной заинтересованности, и свойственной нам суеты. Одна мысль о том, как бы помочь танну-тувинскому народу, наладить его жизнь, постоянно владела целостной душой старого ламы. В этом отношении он был изумительным однолюбом, служителем одной идеи» [5, с. 119]. Он хотел сохранить и тувинский язык, и культуру тувинского народа, пре-

красно понимал, что, связав свою судьбу с Монголией, тувинцы растворятся среди многочисленных монголов. Кроме того, ещё свежо было в памяти тяжёлое прошлое тувинского народа под маньчжуро-китайским гнѐтом, он не хотел для него повторения страданий. Лопсан-Чамзы говорил: «в притеснениях высшего порядка монголы далеко превзошли маньжуров» [6, л. 5].

В конце XIX – начале XX в. началось стихийное переселение в Туву безземельных крестьян, в основном староверов. Русские основали населённые пункты и принесли в Туву плужное земледелие, оседлое скотоводство, различные ремѐсла, солеварение [7, с. 235]. Между Тувой и Россией, несмотря на земельные споры и неэквивалентный торговый обмен, установились тесные экономические связи. Здесь поселились старообрядцы и православные, буддийская община развивалась в соседстве с христианством, религиозной нетерпимости между ними не было [4, с. 158]. Поэтому Лопсан-Чамзы дальновидно выбрал Россию, видел в ней друга, мирное государство со своей религией.

Пандито Камбы-лама был одним из первых, кто рассматривал возможность присоединения к России, в то время как тувинские нойоны и духовенство больше склонялись к присоединению с Монголией (рис. 1). Он первым написал императору Николаю II письмо-прошение о присоединении Тувы к России. К письму отдельно приложил перечень своих духовных нравоучений на опыте долгих медитативных практик постижения истины и собственного видения будущего Тувы под покровительством православного русского царя. Это был своеобразный нравственный кодекс, который тувинцы, как буддисты, должны соблюдать, а русские – уважать. Он включал следующее: почитать учёных, отцов и матерей, уважать ... старших, родовитых и знаменитых, сочетать нравственность с просвещённостью и законопослушанием, вести дела прямо и честно, соблюдать умеренность в пище, одежде и имуществе, совершенствоваться в науках и грамоте, воздерживаться от лукавства, обмана, кражи и клеветы, не нарушать спокойствие других, пользуясь их кротостью, и др. [8].

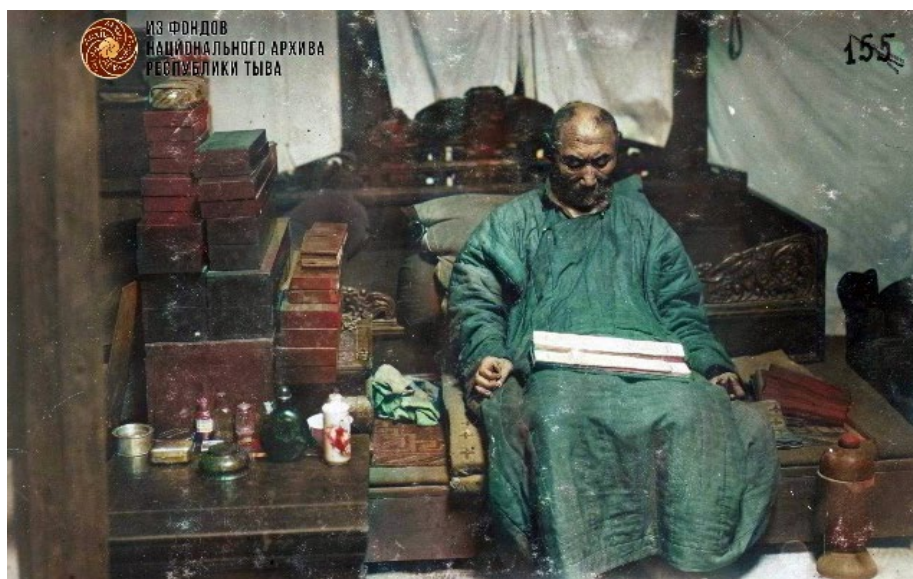

Рис. 1. Камбы-лама в своей юрте. г. Чадан

Не получив положительного ответа, Пандито Камбы-лама Лопсан-Чамзы не отчаялся, продолжал свою политику, ориентированную на Российскую империю. Он сделал ставку на своего ученика Буяна-Бадыргы, который приходился ему племянником и был правителем самого многочисленного в Туве Даа хошуна, сумел оказать на него влияние и склонить в сторону сближения с российским правительством [9, с. 512]. Отметим, что именно он занялся образованием будущего правителя Тувы, включая религиозное, пригласил господина Рехлова – преподавателя русского языка, русской культуры и этикета. Его стараниями будущий правитель прекрасно овладел русским языком и европейским этикетом. На политических встречах Буян-Бадыргы свободно общался на русском языке, без помощи переводчиков (рис. 2).

Монгуш Буян-Бадыргы
нойон Даа-Хошуна, один из основателей тувинского государства,
государственный и политический деятель Тувы, 1925 г.

Рис. 2. Монгуш Буян-Бадыргы

Приложив немало усилий, Пандито Камбы-лама Лопсан-Чамзы своим авторитетом, вескими аргументами сумел убедить нойона Даа хошуна гун Буяна-Бадыргы поддержать решение о присоединении к России, от его имени было отправлено второе письмо императору Николаю II. В нём содержалась просьба принять его хошун под покровительство Рос-

сии с сохранением прежнего административно-территориального деления края и лишь «немногих особенностей нашего быта, которые изложены в отдельном списке», в числе которых в первую очередь был назван ламаизм. 4 апреля 1914 г. в докладной записке министра иностранных дел России С. Д. Сазонова по вопросу принятия пяти хошунов Урянхайского края под покровительство Российского правительства император написал: «Согласен». Такова была воля Николая Александровича Романова [6, л. 12].

Летом 1914 г. в нескольких хурэ, в Самагалтае и в Чадане, тувинские нойоны совершили молебны по случаю принятия русского покровительства и взяли обязательство «не иметь никаких сношений с иностранными, в т. ч. монгольскими, властями» [10, с. 21].

Таким образом, большая часть буддийского духовенства поддержала инициативу и старания Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы и переход тувинского народа под покровительство России. Буддийское духовенство, как высокообразованная и экономически влиятельная часть общества, приняло активное участие в политических событиях, что во многом определило дальнейший путь развития тувинского общества, когда в 1911–1912 гг. после выхода из состава Китайского государства встал вопрос о будущем тувинского народа.

Список источников

1. Монгуш М. В. История буддизма в Туве (2-я пол. VI – кон. XX в). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
2. Гараева С. П. Содержательные аспекты образовательного процесса в монастыре «Дрепунг Гоманг» // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2020. № 3. С. 18–22.
3. Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве РТ. Рукописный фонд. Д. 596.
4. Доржу З. Ю. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. // Власть. 2014. Т. 22. № 4. С. 157–161.
5. Моллеров Н. М. Камбы-лама Ондар Лопсан-Чамзы (1857–1930): основные вехи исторической биографии / Н. М. Моллеров, А. А. Самдан // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 116–134. DOI: 10.25178.
6. Национальный архив Республики Тыва. Ф. 112. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–8, 12.
7. История Тувы: в 2 т. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.
8. Государственный архив РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 500. Л. 57–58.
9. Доржу З. Ю. Роль Пандито Камбы-ламы Лопсана-Чамзы в развитии духовности тувинского народа / З. Ю. Доржу, И. И. Монгуш, Р. О. Ширав // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 3. С. 512–524. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-73-3-512-524.
10. Установление покровительства России над Тувой в 1914 г.: архивные документы: к 80-летию объявления протектората (покровительства) / сост. В. А. Дубровский. Кызыл, 1994. 35 с.

Наталья Сергеевна Дуреева

*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия*

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕФОРМА КАК ИМПЕРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Реализация аграрной реформы П. А. Столыпина 1906 г. стала прямым следствием системного кризиса в России. Традиционные механизмы управления, основанные на сословных привилегиях, окончательно утратили легитимность в глазах населения. Столыпинский проект обеспечил эволюционный путь развития страны, избегая революционных потрясений.

Ключевые слова: аграрная реформа, государственный проект, освоение земель, хозяйство, крестьяне, помещики

Abstract. The implementation of P. A. Stolypin's agrarian reform in 1906 was a direct consequence of the systemic crisis in Russia. Traditional management mechanisms based on class privileges have finally lost their legitimacy in the eyes of the population. The Stolypin's project ensured the evolutionary development of the country, avoiding revolutionary upheavals.

Keywords: agrarian reform, state project, land development, agriculture, peasants, landlords

Начатые в 1906 г. П. А. Столыпиным изменения в аграрной политике стали стратегическим ответом на системные проблемы Российской империи. Массовые крестьянские волнения, охватившие страну, сигнализировали о глубоком неприятии обществом устоявшихся социально-экономических отношений. Традиционные подходы к управлению государством, основанные на сохранении сословных пережитков, окончательно утратили эффективность. Особую тревогу вызывала экономическая ситуация: сельское хозяйство, остававшееся основой имперской экономики, демонстрировало признаки стагнации. Производительность крестьянских хозяйств неуклонно снижалась, а технологическое отставание от европейских стран становилось всё более очевидным. Этот кризис аграрной системы, усугублённый политической нестабильностью после революционных событий 1905 г., создал предпосылки для радикальных реформ.

Пётр Аркадьевич Столыпин, занимавший пост премьер-министра, видел в преобразованиях не только инструмент модернизации сельского хозяйства, но и способ укрепить лояльность крестьянства к власти. Его программа включала меры по ликвидации общинного землевладения, переселению малоземельных крестьян на свободные территории и созданию слоя независимых фермеров-собственников. Эволюционный путь развития страны, заложенный в концепции реформатора, предполагал реализацию данных шагов как альтернативу радикальным переменам.

Столыпинская аграрная реформа (1906–1917) стала одним из ключевых государственных проектов Российской империи, направленных на модернизацию сельского хозяйства и стабилизацию социально-политической обстановки после Революции 1905–1907 гг. Инициированная Петром Аркадьевичем Столыпиным, реформа преследовала две основные цели: краткосрочное подавление аграрных волнений и долгосрочное создание класса зажиточных крестьян-собственников как опоры самодержавия. Несмотря на незавершённость, этот проект остаётся предметом дискуссий о потенциале альтернативного пути развития России без революционных потрясений.

Столыпинский проект имел свои исторические и социальные предпосылки. Так, к началу XX в. аграрный вопрос в России обострился из-за роста сельского населения, малоземелья и низкой производительности труда. Общинная система, сохранявшаяся со времён крепостного права, тормозила внедрение современных методов земледелия. Крестьяне, составлявшие 74 % населения, страдали от чересполосицы и периодических переделов земли, что усугубляло социальную напряжённость. Революция 1905 г., сопровождавшаяся массовыми крестьянскими восстаниями (особенно в Саратовской губернии, где П. А. Столыпин был губернатором), заставила правительство искать пути решения. Отмена выкупных платежей в 1905 г. и роспуск первых двух государственных дум, где доминировали радикальные аграрные проекты, стали предпосылкой для запуска реформы.

Одним из основных направлений столыпинского проекта стало разрушение общины и создание частной собственности. Центральным элементом реформы стал Указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший крестьянам выходить из общины с закреплением надела в личную собственность. Это позволяло формировать хутора и отруба – компактные участки – и должно было повысить эффективность хозяйства. К 1916 г. 28 % домохозяев (3,08 млн) вышли из общины, укрепив за собой 13,1 млн га земли.

Следующим направлением реализации столыпинского проекта стала переселенческая политика. Для решения проблемы малоземелья правительство стимулировало переселение крестьян в Сибирь, на Дальний Восток и в Казахстан. «Переселенческая политика особенно наглядно продемонстрировала методы и итоги столыпинской аграрной политики. В 1908–1909 гг. за Урал двинулась огромная масса крестьян – 1,3 млн» [1, с. 89]. Переселенцы получали льготы: налоговые каникулы, денежные пособия и освобождение от воинской повинности. Переселенческая политика стала решением «земельного голода». Ключевым элементом столыпинских реформ как важного имперского проекта стала программа массового переселения крестьян в восточные регионы империи. Проблема перенаселённости центральных губерний, где на одно крестьянское хозяйство приходилось в среднем 2–3 га земли, контрастировала с огромными неосвоенными территориями за Уралом. Целью было не только снижение социальной напряжённости, но и экономическое освоение Сибири, Дальнего Востока

и степных районов Казахстана. Для переселенцев были разработаны и внедрены стимулы. Для привлечения добровольцев правительство разработало систему поддержки. В неё входило, во-первых, распределение земельных наделов – семья получала 15 га базового участка плюс 45 га на каждого члена хозяйства. Следующим стимулом стали т. н. налоговые каникулы – освобождение от выплат в казну на 5 лет. Значимой мерой поддержки стали военные послабления – мужчины-переселенцы освобождались от призыва на весь период ведения хозяйства. И, наконец, немаловажной мерой стала финансовая помощь – безвозмездная субсидия (200 руб.) и льготная ссуда (до 400 руб. в зависимости от региона). Эти меры сделали программу привлекательной для малоземельных крестьян, желавших стать собственниками. Деятельность Крестьянского поземельного банка заключалась в том, что Банк скупал помещичьи и казённые земли, продавая их крестьянам на льготных условиях. С 1906 по 1915 гг. было продано 4,27 млн га, что способствовало росту частного крестьянского землевладения на 10 млн га. Государство также оказывало агрономическую помощь, финансировало мелиорацию, внедрение удобрений и современных севооборотов. Расходы на эти цели резко выросли после 1908 г. «Финансовым инструментом был Крестьянский земельный банк, который перепродавал крестьянам помещичьи и государственные земли» [2, с. 527].

Результатом реализации столыпинского проекта стал качественный прорыв через количественные показатели. Макроэкономические эффекты реформы (1906–1913 гг.) стали очевидными. Возросли показатели аграрного сектора. Так, прирост посевных площадей увеличился на 10 % в среднем по стране, до 150 % в регионах массового выхода из общин (Самарская, Саратовская губернии). Рост экспорта зерна составил 25 % мирового рынка (1-е место), в урожайные годы – до 40 %. К 1913 г. Россия стала крупнейшим экспортёром зерна. Произошла технологическая модернизация: закупка сельхозтехники выросла в 3,5 раза, потребление удобрений – в 2,5 раза. Результатом практической реализации столыпинского проекта помимо аграрного также стал промышленный рывок. А именно, годовой рост промышленности вырос на 8,8 %, что составило мировой рекорд на начало XX в. Развитие смежных отраслей увеличило производство плугов на 180 %, молотилок – на 210 % [3].

В свою очередь, в переселенческой политике ключевым достижением стала не демографическая мобильность, а интеграция гигантских территорий в сельскохозяйственный оборот. В Сибири 30 млн десятин целинных земель, ранее считавшихся «мёртвым капиталом», были вовлечены в экономику. Это превысило суммарную площадь пахотных угодий Франции и Германии того времени. Несмотря на суровый климат и менее плодородные почвы, чем в юго-западных регионах России, восточные регионы продемонстрировали значительные результаты. Во-первых, новые хозяйства, свободные от общинных традиций, создавали «островки капитализма» – 65 % механизированных ферм империи располагались за Уралом.

Во-вторых, урожайность пшеницы в сибирских хозяйствах достигала 45–50 пудов с десятины против 25–30 пудов в чернозёмных губерниях. В-третьих, изолированность фермеров от помещичьего влияния стимулировала инновации, 40 % переселенцев использовали многопольные севообороты. Несмотря на трудности, которые, безусловно, были, переселенческая политика дала результаты. Например, в Сибири возникли очаги прогресса – фермерские хозяйства, увеличившие производство зерна на 25–30 %. Далее, было освоено 32 млн га новых земель, построено 15 тыс. посёлков. И, наконец, была сформирована основа для будущей индустриализации восточных регионов (железные дороги, склады).

Таким образом, столыпинская реформа как великий имперский проект стала попыткой модернизации «сверху», сочетавшей экономические преобразования с политикой «успокоения» через репрессии. Её положительными аспектами стали рост сельскохозяйственного производства, формирование рынка земли, освоение Сибири. Столыпинская аграрная реформа представляла собой масштабный имперский государственный проект, направленный на интеграцию крестьянства в рыночную экономику и укрепление самодержавия. Несмотря на частичные успехи, её незавершённость подчёркивает сложность реформирования традиционного общества в условиях политических кризисов. Опыт реформы остаётся актуальным для анализа альтернатив революционному пути развития России.

Список источников

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.
2. Головкин А. Н. Собрание сочинений. Т. 3: Помнят стены монастыря. Владельцы мызы Подобино. Незавершённая реформа. Тверь: Триада, 2024. 536 с.
3. Статистический справочник по аграрному вопросу. Вып. 1: Землевание и землепользование / ред.: Н. П. Огановский, А. В. Чаянов. М.: Универсальная библиотека, 1917. 31 с.

Александр Георгиевич Елизов
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

КРАСНОЯРСКАЯ ГИДРОАВИАБАЗА В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОЕКТ СОВЕТСКОЙ ПОЛЯРНОЙ АВИАЦИИ В СИСТЕМЕ ГЛАВСЕВМОРПУТИ

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются этапы развития красноярской гидроавиации, которая имела центральное значение в Арктическом освоении в 1930–40-е гг. Проект Северного морского пути имел большое стратегическое значение. Красноярская полярная авиация играла важную роль в обороне тыловой базы Сибирского региона. Сделан вывод, что красноярская гидроавиабазы была центральным звеном в этапах довоенного освоения Советской Арктики середины XX в., а функционирование красноярского авиапредприятия в системе Главного управления Северного морского пути явилось одним из основных факторов модернизации транспортной сферы всего Сибирского региона в послевоенный период.

Ключевые слова: история авиации, гидроавиация, история освоения Арктики, история Красноярска, история Великой Отечественной войны

Abstract. This study examines the stages of development of the Krasnoyarsk hydroaviation, which played a central role in Arctic development in the 1930–40s. The Northern Sea Route project was of great strategic importance. The Krasnoyarsk Polar Aviation played an important role in the defense of the rear base of the Siberian region during the Great Patriotic War. It is concluded that the Krasnoyarsk hydroaviabase was a central link in the stages of the pre-war development of the Soviet Arctic in the middle of the 20th cent., and the functioning of the Krasnoyarsk aviation enterprise in the system of the Main Directorate of the Northern Sea Route was one of the main factors in the modernization of the transport sector of the entire Siberian region in the post-war period.

Keywords: the history of aviation, hydroaviation, the history of Arctic exploration, the history of Krasnoyarsk, the history of the Great Patriotic War

История транспорта представляет собой отдельное направление, актуальное с точки зрения региональных исторических школ, а также с позиции новейшего теоретико-методологического осмысления глобальных социально-экономических процессов; подобный подход позволяет проследить связь транспортного развития и модернизации. Отметим, что в красноярской исторической науке исследование истории отечественной авиационной отрасли давно уже стало отдельным направлением. Важный вклад в изучение истории авиации Красноярья внесли работы А. В. Кацуры [1], В. В. Филиппова [2; 3], в которых подробно рассматривался период 1930–40-х гг.

Изучение истории авиации в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны позволяет осмыслить историческое значение Красноярского региона. В 1930-е гг. Северный морской путь (СМП) стал основной магистралью в Арктическом регионе. 17 декабря 1932 г. для централизованной работы, связанной с освоением СМП, было организовано Главное управление Севморпути (ГУСМП) при Совете народных комиссаров СССР. ГУСМП ставило задачу строительства технических баз, которые поддерживали связь с пароходами между всеми полярными станциями и факториями вдоль побережья и с отдалёнными островами, обслуживали подъездные зверобойные, рыболовецкие и другие промысловые партии, научные экспедиции и гидрографические работы [4, с. 113]. Гидропорты Красноярского края должны были обслуживать населённые пункты региона, стоящие по берегам Енисея и его притоков. Лётчики Енисейской авиатруппы стали своего рода «Колумбами» Арктики. «Огромный край пробуждался к жизни... – писал В. С. Молоков, – Единственная связь зимой – самолёты, если не считать собачьего или оленьего транспорта по тайге и тундре, где от жилья до жилья – посёлка или становища – приходилось добираться неделями и месяцами» [5, с. 36].

Эпоха 1930-х гг. была ознаменована перелётами В. С. Молокова на Чукотку, В. С. Молокова и М. В. Водопьянова на Диксон и мыс Шмидта, Н. М. Иеске и Я. С. Липпа в Эвенкию. Многие рекордные по протяжённости воздушные трассы проходили через Красноярск. 22 июля 1936 г. на Абаканскую протоку приземлился самолёт, пилотируемый В. С. Молоковым, который впервые совершил облёт всей территории Крайнего Севера и трассы СМП от Берингова пролива до Белого моря. Этот сверхдальний перелёт продемонстрировал всему миру возможности отечественной полярной авиации [1, с. 79]. Рекордные перелёты, а также подвиг по спасению «челюскинцев» сделали В. С. Молокова национальным героем, самым известным жителем Красноярска в период интенсивного авиационного освоения Севера. Бесспорно, в 1930-е гг. В. С. Молоков был одной из центральных фигур советской гражданской авиации. О всенародном признании В. С. Молокова рассказывают страницы газеты «Красноярский рабочий». Они позволяют понять, какое общенациональное значение имел проект полярной авиации. Приведём пример одной из статей: «...Тов. Молоков рассказал детям о своём полёте настолько просто и красочно, что ребята ясно представили все трудности и величие славного перелёта. Прощаясь с тов. Молоковым, дети заверили его, что к концу года большинство учеников будут учиться на “отлично”. Учащиеся 21-й школы просили разрешения у тов. Молокова назвать его именем их школу. Сколько было радости, когда тов. Молоков дал согласие» [6].

Таким образом, во вторую половину 1930-х гг. авиация Красноярья добилась высоких показателей в экономическом освоении Сибирского региона, которое, безусловно, явилось важным фактором общего модернизационного развития всей страны. Центром всего полярного освоения стала Красноярская гидроавиабаз, возведённая на Енисее на о. Телячьём

(с 1935 г. – о. Молокова). Гидроавиабаза подразумевала технический комплекс: гидропорт и авиаремонтный завод (в конце 1930-х гг. завод был переведён на правобережье). За 1934–1935 гг. были построены здание гидропорта, ангар, бетонные гидроспуски, два плота-причала для приводнения гидросамолётов, складские помещения. Штат гидропорта в 1935 г. включал в себя 18 чел.: линейного инженера, 3 авиатехников, 2 авиамотористов, 2 катерных мотористов, 3 аэродромных рабочих, шофёра, 5 сторожей, кладовщика [7, л. 7]. Модернизация комплекса продолжалась и во вторую половину 1930-х гг., о чём свидетельствуют газетные объявления. 2 октября 1936 г. в газете «Красноярский рабочий»: «Стройконторе авиабазы на о. Молокова требуются арматурщики, бетонщики, каменщики, плотники и чернорабочие женщины и мужчины» [8].

Материалы Государственного архива Красноярского края показывают, что обустройство комплекса на о. Молокова, проводившееся ударными темпами, отражает типичную для эпохи индустриализации картину, когда высоким производственным показателям сопутствовала общая хозяйственная неустроенность. Из докладной записки заведующего транспортным отделом Красноярского крайкома ВКП(б) следовало, что в 1940 г. территория гидропорта Красноярск не убиралась, на площадке порта находились списанные самолёты, посторонние предметы: брёвна, доски, ящики и строительный мусор; определённых мест для хранения мелкого аэродромного оборудования в порту не имелось, вследствие чего в беспорядке по всему порту были разбросаны строительные тележки, бочки, шлюпки, а береговая линия была загрязнена мусором и посторонними предметами [9, л. 7]. Архивные документы также иллюстрируют жилищные проблемы, с которыми сталкивались работники Красноярской авиагруппы. В 1939 г. состав Енисейской авиагруппы проживал в основном в бараках на о. Молокова, включавших 1 328 м² жилой площади [7, л. 24]. В докладных записках в Управление полярной авиации СМП по Енисейской авиагруппе отмечалось, что ввиду недостаточного количества жилой площади для авиаработников арендовали «на стороне» 17 комнат площадью 235 м² и часть авиаработников проживала в коммунальных квартирах [7, л. 24].

Начало Великой Отечественной войны означало новый этап в истории красноярской гражданской авиации. Подразделения Гражданского воздушного флота СССР и полярной авиации ГУСМП сыграли центральную роль в функционировании красноярского воздушно-транспортного узла в годы Великой Отечественной войны. К началу войны в Красноярске базировалась Енисейская авиагруппа УПА ГУСМП и Енисейская авиагруппа ГВФ, самолётный парк Енисейской авиагруппы ГВФ состоял из 65 самолётов [10, с. 346]. Эвакуация явилась фактором, определившим ускоренное развитие красноярского авиационного узла. В частности, в Красноярск было эвакуировано гидроавиазвено АФО Новосибирского предприятия ГУГК (Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР). Весь лётно-технический состав гидроавиазвена в количестве 25 семейств был размещён на о. Молокова при гидроавиабазе [11, л. 161].

Летом 1941 г. была осуществлена перестройка работы завода Красноярского авиационно-ремонтного завода (КАРЗ) на военный лад. В соответствии с планом эвакуации предприятий с западной части страны на восток на площади КАРЗа прибыл завод № 477 из Тульской области (ст. Лаптево). В годы войны ремонт самолётов был основной задачей объединённого завода. Ремонтировались самолёты полярной авиации, также переоборудовали дальние бомбардировщики ДБ-3Ф [12, с. 155]. Кроме того, на заводе было размещено Конструкторское бюро Г. М. Бериева (при Наркомате авиационной промышленности), которое разработало в Красноярске в годы войны боевые летающие лодки КОР-2 (Бе-4), ЛЛ-143. Гидросамолёты Г. М. Бериева, а также «ленд-лизовские Каталины» ремонтировали и перевооружали на о. Молокова. Следует добавить, что самолёты, подготовленные к боевым вылетам в авиаремонтных мастерских на о. Молокова, внесли отдельный вклад в разгром врага на самом восточном фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Экипажи Енисейской авиагруппы участвовали в обороне военно-морских баз Карского моря, препятствуя планам немецкого командования по нарушению коммуникации СМП. Например, два самолёта – Бе-4 Н-330 под управлением В. В. Малькова и Бе-4 Н-331 под управлением М. В. Теймана (заместитель командира Енисейской авиагруппы УПА ГУСМП), вылетев из Красноярска, 28 августа 1943 г. бомбили район мыса Стерлигова, стремясь уничтожить немецкую субмарину, которая потопила транспорт «Диксон». Сбросив авиабомбы в район предполагаемого дислоцирования немецкой подводной лодки, экипаж перегнал свои гидросамолёты обратно в Красноярск [10, с. 182].

В 1942 г. Енисейская авиагруппа ГВФ включала в себя: командование и штаб авиагруппы с отделами и службами – 168 чел.; транспортный гидроотряд: административно-технический состав – 23, лётный состав – командир отряда, старший пилот, пилотов – 23, бортмехаников – 10, бортрадиостов – 10. В состав Енисейской авиагруппы входили Красноярский гидропорт и сухопутный аэродром ВВС (бывший конечным пунктом Ал-Сибя). В 1942 г. красноярское авиапредприятие испытало существенную организационную перестройку. В связи с тем, что большая часть личного состава и матчасти Енисейской авиагруппы ГВФ убыла на фронт, было принято решение о том, чтобы воздушные перевозки по гидроавиалиниям на территории Красноярского края снова передать полярной авиации ГУСМП. Списочный состав авиагруппы, переданный в УПА ГУСМП, составлял 422 чел. (по штату 455) [4, с. 233]. Всего в УПА ГУСМП передали 26 самолётов: 6 – Г-1, 13 – МП-1, 6 – СП, 1 – Я-6 [1, с. 346]. Самолётный парк Енисейской авиагруппы за период с 1942 по 1944 г. был очень сильно изношен, многие самолёты не эксплуатировались. В 1944 г. Енисейская авиагруппа эксплуатировала только 10 самолётов МП-1, 7 – МП-7, 6 – СП, Я-6 не эксплуатировался. МП-7 не были изношены, поскольку поступили в авиапарк позднее [13, л. 137].

Изношенность самолётного парка объясняется предельно большими темпами перевозок пассажиров и грузов в военные годы. Енисейская авиагруппа осуществляла связь краевых организаций с отдалёнными районами Крайнего Севера и в условиях зимнего времени являлась единственным видом транспорта, к задачам которого относилась перевозка пассажиров, почты, грузов большой народнохозяйственной значимости и оборонного порядка [4, с. 285]. В 1944 г. самолёты Енисейской авиагруппы перевезли 5 797 пассажиров (вместо запланированных 5 000), но уменьшение парка самолётов (по причине ремонта машин, их списания или утраты в результате аварий) привело к уменьшению показателей тонно-километровой продукции (грузов и почты перевезли 87,7 % от намеченного плана) [13, л. 102].

Одним из факторов, осложнявших работу персонала Енисейской авиагруппы, было низкое состояние жилищно-бытовых условий, с которыми сталкивались авиаработники. В 1945 г. жилой фонд, принадлежавший Енисейской авиагруппе УПА ГУСМП, состоял из 15 домов общей площадью 2 562 м², в них проживал 361 чел., включая членов семей, при этом полезная жилая площадь составляла 1 600 м². Но из этой площади оборудовано водопроводом и канализацией было лишь 720 м² [14, л. 89]. В жилой фонд входили бараки на о. Молокова, общежития в левобережной части города и благоустроенный «авиадом», где проживало руководство красноярской авиации. В 1945 г. новой жилой площади для авиаработников введено не было.

Инфраструктура гидроавиабазы, расположенной на о. Молокова, в военные годы модернизировалась, хотя основные объекты были построены ещё в довоенный период. В 1945 г. Красноярский гидропорт включал в себя: здание аэровокзала, в котором размещены все службы аэропорта, тёплый кирпичный ангар площадью 35×45 м, холодный деревянный ангар (подлежащий из-за ветхого состояния немедленному сносу), бетонный гидроспуск, бензохранилище, каменные здания авиаремонтных мастерских, котельной и аварийной электростанции. Штат гидропорта на 1 января 1946 г. составлял 99 чел. [14, л. 89]. Таким образом, в период Великой Отечественной войны в Красноярске сформировалась развитая авиационная сеть, что было связано с работой гидроавиабазы, а также трассы «Аляска – Сибирь», которая сыграла особую роль не только в истории ВВС в годы Великой Отечественной войны, но и в послевоенном развитии гражданской авиации Красноярья. Так, в составе 26-го транспортно-го авиаотряда было 7 самолётов С-47 «Дуглас» (к 4 имеющимся добавились 3 С-47) [15, с. 134]. В 1945 г. Енисейская авиагруппа заметно перевыполнила план как по налёту, так и по объёму перевозок. Немаловажную роль в этом, как подтверждают архивные документы, играла интенсивная работа самолёта Си-47 (всего налёт Си-47 за 1945 г. составил 624 ч) [14, л. 10]. В книге В. В. Филиппова и И. А. Левандовского [16] показано, как в первые послевоенные годы на основе «ленд-лизских» Си-47

«Дуглас» (Ли-2) формировался парк гражданской авиации Красноярска, что было связано с наследием АлСиба и перспективами дальнейшего авиационного полярного освоения Сибири.

Таким образом, в ходе событий 1941–1945 гг. в Красноярске был окончательно сформирован авиационный транспортный узел, который в послевоенный период был реорганизован в полноценную воздушную систему в составе ГВФ. И здесь очевидна историческая роль красноярского гидропорта, который в 1930-е гг. открывал «Ворота Крайнего Севера», а в годы Великой Отечественной войны играл особую роль не только в работе тыла, но и в деле разгрома фашистских захватчиков.

Список источников

1. Кацура А. В. Люди и небо. Кн. 2: Авиация Красноярья. События и факты; Кн. 3: Предприятия гражданской авиации Красноярского края. Красноярск: Город, 2008. 448 с.
2. Наши славные крылья / ред.-сост. В. В. Филиппов. Красноярск: Поликор, 2014. 336 с.
3. Территория технического творчества. Дорога в небо / авт.-сост. В. В. Филиппов. Красноярск: Поликор, 2012. 144 с.
4. Авиация Красноярского края в документах архивов, публикациях и фотографиях. Гражданская авиация в Красноярском крае 1938–1942 гг.: документ. изд. / авт.-сост. В. В. Филиппов. Красноярск: СФУ, 2017. 428 с.
5. Молоков В. С. Родное небо. М.: Воениздат, 1977. 141 с.
6. Товарищ В. С. Молоков в гостях у пионеров // Красноярский рабочий. 09.10.1936. № 233 (5 456). С. 1.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1 421. Оп. 1. Д. 15.
8. Красноярский рабочий. 02.10.1936. № 227 (5 450). С. 4.
9. ГАКК. Ф. Р-1 421. Оп. 1. Д. 1.
10. Красноярский край – фронту / С. С. Аксельрод, Б. Е. Андюсев, Н. В. Барсукова и др.; ред. А. В. Усс. Красноярск: СФУ, 2020. 585 с.
11. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 603.
12. Филиппов В. В. Енисейская авиагруппа. С острова Молокова к северным широтам. Красноярск, 2021. 324 с.
13. ГАКК. Ф. Р-1 421. Оп. 1. Д. 21.
14. ГАКК. Ф. Р-1 421. Оп. 1. Д. 19.
15. Трудовой фронт Красноярья. 1941–1945 / В. Филиппов, О. Паранина, Е. Лалетина. Красноярск: Поликор, 2018. 208 с.
16. Филиппов В. В. Енисейский Север. Хроники освоения Арктики. Высокоширотные воздушные экспедиции. 1948–1981 / В. В. Филиппов, И. А. Левандовский. Красноярск: Поликор, 2021. 264 с.

Ирина Александровна Ерохина, Александр Георгиевич Елизов
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ПРОЕКТ СОВЕТСКОГО ЗАКРЫТОГО ГОРОДА (КРАСНОЯРСК-26) В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СЕМЬИ ЕРОХИНЫХ

Аннотация. История закрытых городов – особая страница в истории советского ядерного проекта. Закрытый город представлял специфический тип городских поселений, образуя не только урбанистический, но и социальный феномен. Источники подтверждают, что в закрытых городах происходило формирование особого уклада повседневной жизни. Изучение отдельных аспектов истории ЗАТО Красноярск-26 (Железногорск), основанное на материалах семейной истории, позволяет сделать вывод, что советский оборонный проект подразумевал создание предельно комфортных условий жизни для работников ядерной отрасли.

Ключевые слова: советский атомный проект, закрытые города, история Железногорска, история повседневности, локальная история, семейная история, устная история

Abstract. The history of «closed towns» is a special page in the history of the Soviet atomic project. A closed town was a specific type of urban settlement that formed not only an urban but also a social phenomenon. Sources confirm that a special way of everyday life was formed in closed towns. A study of individual aspects of the history of closed administrative territory Krasnoyarsk-26 (Zheleznogorsk) based on family history materials allows us to conclude that the Soviet defense project involved creating of the most comfortable living conditions for workers in the atomic industry.

Keywords: Soviet atomic project, closed towns, history of Zheleznogorsk, history of everyday life, local history, family history, oral history

Познание «большой» истории невозможно без обращения к миру простых, «незнаменитых» людей. История любой семьи, как в капле воды, отражает ход глобальных исторических процессов. Использование специальных методик новых направлений исторической науки – микроистории, «новой локальной истории» – позволяет через призму региональной истории построить модели общей концепции исторического развития. Цель нашего исследования заключается в изучении специфики повседневной жизни железнгорцев в 1950–80-е гг. в контексте советского проекта Атомграда. Опираясь на воспоминания семьи Лисиных-Ерохиных, мы ставим задачу показать связь локальных миров и макроисторического процесса. Для данной научной работы специально были записаны воспоминания Т. И. Лисиной, С. В. Ерохиной и И. А. Ерохиной (воспоминания Т. И. Лисиной (1938–2021) о быте железнгорцев в советскую эпоху восстановлены по памяти С. В. Ерохиной и И. А. Ерохиной в 2025 г.).

Проект Атомграда возник как следствие советского ядерного проекта по причине ухудшения отношений между сверхдержавами, провозгласившими начало гонки ядерного вооружения. Советское правительство приняло решение о строительстве заводов по производству оружейного плутония – начинки для атомных бомб. Ведущие конструкторы-атомщики во главе с И. В. Курчатовым предложили один из таких заводов построить под землёй, в районе, максимально удалённом от государственных границ. Был предложен район среднего течения Енисея, близкий к водным магистралям и Транссибирской железной дороге [1, с. 13].

В начальный период строительства Железногорск представлял собой небольшой, быстрорастущий посёлок при строящемся Горно-химическом комбинате (ГХК). Согласно первому проекту, численность населения посёлка должна была составлять 16,2 тыс. жителей [2, с. 163]. Тамара Ивановна Лисина приехала в Красноярск-26 в 16-летнем возрасте в 1954 г. Т. И. Лисина вспоминала: «В нашу деревню приехали комсомольцы, которые, очевидно, ездили на стройку в Красноярск-26 и сказали, что там можно хорошо заработать и получить жильё». Отметим, что подобная история была типичной для тысяч людей, которые ехали в новый город в поисках заработка и жилья, будучи выходцами в основном из сельской округи (сама Т. И. Лисина приехала в Железногорск из Сухобузимского района). Так, Тамара Лисина одно время жила в коммунальной квартире вместе с соседями – семьёй из Ленинграда, которые приехали в Красноярск-26 по комсомольской путёвке, впоследствии родили ребёнка и получили квартиру.

Работы по созданию ГХК и посёлка при нём Постановлением Совета Министров СССР от 26 февраля были поручены Строительному управлению № 994 Главпромстроя МВД СССР. Работать на выбранной площадке прибыли военные строители и заключённые. Весной 1950 г. на территории будущего города было создано Управление военно-строительных частей (УВСЧ) и Управление исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) «Полянский». Заключённые и военные были главной строительной силой в городе длительное время [1, с. 21]. Поэтому, как отмечает Г. А. Реут, в первой половине 1950-х гг., т. е. на этапе становления ведомственного населённого пункта, основу населения составляли военнослужащие ВСЧ и заключённые [2, с. 163]. Пребывание заключённых на строительстве Железногорска отражено в воспоминаниях Т. И. Лисиной: «Где-то в районе УПП стояли бараки, где содержались заключённые. После того как они выполнили все чёрные работы на поверхности горы и в самой горе, в районе барачных расположили воинскую часть, а сами бараки перестроили в солдатские казармы».

Как отмечено выше, строительство Атомграда, как и других новых городов Сибири, начиналось с палаток, землянок и барачных, которые упоминаются в документах Железногорского исполкома за 1954–1958 гг. [3, с. 224]. Тем не менее закрытые города Сибири демонстрировали заметные успехи в области жилищной обеспеченности. Так, в Железногорске

средняя обеспеченность жилой площадью составляла в 1961 г. – 7,2 м², в 1971 г. – 8,7 м². В Железногорске в течение 1966–1967 гг. получили новые квартиры 3 797 семей, расширили жилплощадь 1 184 семьи. Интенсивное жилищное строительство позволяло привлекать в закрытые города, расположенные в удалённых от центра регионах, как рядовых работников, так и высококвалифицированных специалистов. Вместе с тем в условиях больших объёмов строительства жилых домов распределение жилья являлось одним из самых актуальных и злободневных вопросов [3, с. 224]. Семейная история Лисиных в Железногорске повторяет историю тысяч советских людей, которые годами стояли в очереди на жильё. Сначала Т. И. Лисина жила на подселении. Сразу же после трудоустройства выдали квартиру «на подселение» по адресу ул. Свердлова, 38/4. Квартира выдавалась на три семьи. Примерно в это же время перевезла в Красноярск-26 семью – мать, брата и младшую сестру. Мать устроилась работать уборщицей, затем ей выдали квартиру по адресу ул. Крупской, 10. И уже в последующие годы Тамара Ивановна получила индивидуальную квартиру.

Как видно, в 1950-е гг. в Атомграде происходило интенсивное развитие социально-бытовой сферы, уровень которой должен был привлекать необходимый приток населения. По воспоминаниям С. В. Ерохиной, в советскую эпоху железнгорцы были в целом в большей степени обеспечены предметами домашнего быта, товарами первой необходимости, продуктами питания, чем жители других городов Красноярского края. «И у соседей тоже свои холодильники были, – вспоминает С. В. Ерохина, – На кухне холодильники не ставили – там столы стояли и огромная чугунная печь, занимавшая половину кухни, её дровами топили, которые в подвале дома хранили. Электроплиты поставили примерно в 1967 или 1968 г., ставили за счёт государства, люди денег за замену не платили». Создание комфортных условий касалось и сферы потребления. Воспоминания показывают, что система товарного обеспечения в ЗАТО в целом была более развитой, чем в других городах. Т. И. Лисина, когда приехала в Красноярск-26, была поражена изобилию продуктов питания: «Было всё: икра красная и чёрная, осетры, рыба любая, балык, язык, различные деликатесы, сгущёнка. Везли всё со всей страны – абрикосы, жёлтую черешню и другие фрукты и овощи. Арбузы подвозили грузовиками и с них продавали, всё было спелое. Одежда тоже была румынская и итальянская, туфли, косметика, иранские покрывала, пледы, одеяла...»

Молодой город требовал соответствующего развития образовательной сферы. Учреждения народного просвещения начали функционировать в первые годы строительства ЗАТО. В Железногорске уже в феврале 1952 г. при административном отделе ГХК была создана группа народного образования. В октябре 1952 г. было построено первое капитальное здание средней школы [4, с. 287]. Как уже отмечалось, Т. И. Лисина сразу после переезда устроилась работать в первой железнгорской школе уборщицей (сейчас это школа № 91). Первая железнгорская школа – одно из знаковых мест в городе. По воспоминаниям С. В. Ерохиной,

эта школа всегда считалась лучшей в городе. Значение школы № 1 в истории становления молодого Атомграда подчёркивается в воспоминаниях других железнгорцев. «Спешу ли по делам, гуляю ли – всегда невольно замедляю шаг около скромного двухэтажного особняка, прячущегося в тени поджигающих его современных девятиэтажек, – таким предстаёт образ родной школы в воспоминаниях А. Чемесовой. – Вспоминаю сентябрь 1951 г., когда впервые распахнулись его двери, приняв первое поколение школьной детворы зарождающегося города» [5, с. 13].

Директор школы № 1 (первым директором школы был Иван Фастович Кулаков) взял Лисину под опеку, по настоянию директора она поступила в школу рабочей молодёжи. В таких школах в ЗАТО Сибири в 1950–60-е гг. было сосредоточено значительное количество молодых рабочих, не имевших полного среднего образования, которые могли получить необходимое общее образование без отрыва от производства [4, с. 292]. По окончании школы Т. И. Лисина прошла курсы сварщиков, затем работала в УПП «Сибхимстрой» в арматурном цехе примерно с 1960 по 1988 г. В 1961 г. Тамара Ивановна познакомилась с будущим мужем Владимиром Григорьевичем Залогиним (1938–1995), военнотружущим. В 1963 г. родилась дочь Светлана. В 1973 г. Владимир Григорьевич и Тамара Ивановна получили квартиру по адресу ул. Восточная, 37-26 (Тамара Ивановна подавала на жилищную очередь на родном предприятии, которое строило этот жилой дом).

С. В. Ерохина, родившаяся в 1963 г., училась в железнгорских средних общеобразовательных школах № 97, 101 и 178, а затем в Красноярском промышленном техникуме. Затем работала на Железобетонном заводе УПП «Сибхимстрой», а также в городском ЖКУ. Особенности развития железнгорских школ также отражает специфику советских ЗАТО. Школа № 97, открытая в 1971 г., сразу приняла рекордное число учащихся – 1 496 чел., или 11 первых классов от «А» до «Л». Подобная ситуация была характерна для закрытых городов, когда в результате быстрого прироста населения дошкольного и школьного возраста численность учащихся существенно опережала темпы ввода общеобразовательных школ. Так, например, в школах Железнгорска, рассчитанных на 960 мест, в конце 1960/61 уч. г. занималось по 1 300–1 400 чел. В 1962/63 уч. г. в городе насчитывалось 13 школ, в семи из них 1 516 школьников обучались во вторую смену [4, с. 287]. Тем не менее развитая материальная база учреждений образования и профессиональная подготовка педагогов позволяли обеспечивать высокое качество обучения. Подтверждением его уровня является количество выпускников-медалистов, а также поступление более 50 % выпускников в вузы и около 20 % в техникумы [4, с. 292]. Так, история школы № 101 (открыта в 1961 г.) интересна многими выдающимися достижениями: в 1976 г. школьной пионерской дружине им. В. Терешковой за успехи в воспитании юного поколения вручено на вечное хранение знамя первых строителей города, а в 1982 г. команда школы победила в городе и в крае по военно-спортивной подготовке и стала участницей

Всесоюзного финала военно-спортивной игры «Орлята» в г. Куйбышеве [6, с. 334].

В воспоминаниях горожан мы видим осознание градостроительной исключительности Железногорска (эволюция городского пространства продолжалась в 1970–80-е гг.). В 1970-е гг. в Железногорске окончательно сформировался комплекс, созданный для отдыха и досуга горожан – парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова. Сам комплекс, расположенный в естественном сосновом бору на берегу городского озера, включал в себя танцевально-концертный зал, лодочную станцию, парусный клуб, различные аттракционы, зоосад, танцплощадку [7, с. 61]. По воспоминаниям С. В. Ерохиной, Железногорск отличался от остальных городов Сибири достаточно высоким уровнем благоустройства: «Так не везде было, как у нас... Город был прекрасно озеленён – подстриженные деревья, роскошный парк с озером. Это был город-сад. Приезжие всегда восторгались нашим городом, что он чистый, ухоженный. Конечно, это не только впечатление, а уверенность, что вместе с проектом Атомграда был создан один из лучших по благоустройству городов в Советском Союзе».

Высокий уровень развития инфраструктуры и благоустройства Железногорска объясняется тем, что советский оборонный проект подразумевал создание предельно комфортных условий жизни для работников ядерной отрасли. Требовалось создать условия для удовлетворения культурных запросов и организации разнообразного досуга, которые в существующей изоляции могли бы снизить потребность в выезде за пределы города. Специфика закрытого города требовала соответствующего развития культурного пространства, создания сферы разнообразного общественного досуга. Особое место в культурной жизни Железногорска занимал театр, который существенно обогащал досуг горожан, находившихся в условиях особой режимности. Итак, в течение первого десятилетия в Железногорске существовали две театральные труппы. Музыкальная была образована в 1957 г., драматическая – в 1958 г. Для города с населением около 80 тыс. чел. наличие двух профессиональных трупп являлось большой роскошью [8, с. 224].

Нельзя не упомянуть о периоде расцвета театра кукол «Золотой ключик». Театр, основанный в 1963 г., в последующие годы продолжал пользоваться особой популярностью у железнгорцев, особенно у молодых семей. Кстати, в эти годы Ерохины создали свою семью: в 1985 г. Светлана Владимировна и Александр Алексеевич Ерохин вступили в брак, в том же году родилась дочь Ирина Александровна Ерохина, а в 1989 г. родился сын Алексей Александрович Ерохин. Дети очень любили кукольный театр, а Светлана Владимировна и Алексей Александрович постоянно водили их на спектакли. «“Золотой ключик” казался каким-то волшебством, – вспоминает о детских впечатлениях И. А. Ерохина, – в этом театре были замечательные спектакли, особая атмосфера. Для детей всегда придумывали много интересного – например, всегда проводили хорошие утренники на Новый год».

Таким образом, история «закрытых городов» – особая страница в истории советского ядерного проекта. Закрытый город представлял специфический тип городских поселений, по сути, образуя уникальный урбанистический проект. Можно говорить и о социальном феномене проекта Атомграда – в закрытых городах происходило формирование особого уклада повседневной жизни, особого менталитета, мироощущения горожан. История Железногорска оказалась неразрывной с судьбами тысяч железногорцев, в т. ч. с историей семьи Ерохиных. И об этом нам рассказывают материалы устной истории, которые подтверждают общий вывод об уникальности советского проекта Атомграда. Представляется, что в дальнейшем будет актуальным масштабное исследование проблем менталитета жителей ЗАТО, включающее изучение особенностей мировоззрения и идентичности горожан.

Список источников

1. Кучин С. П. Биография МО ЗАТО Железногорск. Красноярск: Буква, 2006. 157 с.
2. Реут Г. А. Формирование постоянного населения Железногорска (Красноярска-26) в 1950–80-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал КрасГАУ. 2015. № 2. С. 163–167.
3. Реут Г. А. Проблемы распределения жилья в закрытых городах Сибири в 1950–80-е гг. // Вестник КрасГАУ. 2014. № 2. С. 224–228.
4. Реут Г. А. Учреждения образования в закрытых административно-территориальных образованиях Сибири в 1950–80-е гг. // Вестник КрасГАУ. 2013. № 9. С. 286–292.
5. Город. История. Люди: сб. Т. 1. Красноярск: Восьмой день, 2010. 176 с.
6. Железногорск. Статьи, очерки, отрывки из монографии. Красноярск: Офсет, 2000. 464 с.
7. Кучин С. П. События, люди... Красноярск-26: Тип. АО «КрАЗ», 1994. 74 с.
8. Реут Г. А. Учреждения культуры в закрытых административно-территориальных образованиях Сибири в 1950–80-е гг. // Вестник КрасГАУ. 2012. № 4. С. 221–228.

Анна Сергеевна Жулаева, Таисия Алексеевна Половых
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

РАЗВИТИЕ АКУШЕРСКО-ГИНЕКОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ КРАСНОЯРСКОГО ПОВИВАЛЬНОГО УЧИЛИЩА)

Аннотация. В данной статье исследуются особенности акушерско-гинекологической деятельности в Енисейской губернии XIX в. В результате изучения архивных материалов Государственного архива Красноярского края авторами проанализирован процесс становления первого профессионального учебного заведения акушерско-гинекологической направленности – Красноярского повивального училища.

Ключевые слова: акушерско-гинекологическая деятельность, система здравоохранения, образование, Красноярское повивальное училище, Енисейская губерния

Abstract. The article analyzes the features of the obstetric and gynecological care in Yeniseisk Governorate in the 19th cent. The study of historical sources from State Archive of the Krasnoyarsk region shows the formation process the first professional educational institution of obstetric and gynecological care – Krasnoyarsk midwifery school.

Keywords: obstetric and gynecological care, the healthcare system, education, Krasnoyarsk midwifery school, Yeniseisk Governorate

Во второй половине XIX в. в системе акушерско-гинекологической деятельности в России началось постепенное развитие учебных медицинских заведений. Не остался в стороне и Красноярск – с 1822 г. столица Енисейской губернии. Первым из них в губернском центре явилось Повивальное училище. Также важно отметить, что в данных заведениях обучались только женщины. Следовательно, мы можем заметить новую тенденцию – теперь не только мужчины могли получать профессиональное медицинское образование, но и женщины.

В феврале 1871 г. Медицинским министерством внутренних дел было разрешено учреждение повивального училища с родовспомогательным отделением в связи с необходимостью такого заведения для улучшения медицинского обслуживания [1, л. 1]. На тот момент существовала главная проблема – не было подходящего помещения для размещения училища-лечебницы. В мае того же года Енисейский Приказ общественного Призрения согласился оказать материальную поддержку первоначальному устройству помещения Повивального училища, составившую 1 119 руб. 23 коп. [1, л. 6].

Далее несколько лет шла подготовка проекта устава училища, который утвердили в 1874 г. Проект устава состоял из 31 пункта, где указывалась информация о финансировании, проведении оплаты учителям, кто может поступить в это училище и другие немаловажные организационные моменты. Таким образом, по утверждённому уставу Красноярское повивальное училище было предназначено для обучения повивальных бабок для сельского населения из лиц крестьянского звания. Принимались девочки не моложе 17 лет, которые умели читать и писать. Однако устав повивального училища в исключительных случаях предусматривал для неграмотных учениц курс грамоты, который длился 2 года. Курс обучения был рассчитан на 4 года, количество воспитанниц для данного заведения также было регламентировано – максимально 6 учениц. Согласно уставу курс обучения должен был проходить под руководством акушерки или преимущественно акушера Врачебной Управы. Акушерка, с которой воспитанницы изучали практических уход за беременными, акты родов и рождения младенцев, должна была сама иметь в городских заведениях эту обязанность.

Для наглядного изучения повивального искусства предполагалось наличие в училище кукол, имитирующих новорождённых младенцев, и скелетов. Красноярское училище было снабжено досками, бумагой, чернилами, а также нужными медицинскими предметами. Кроме того, в данном документе регламентировалось вознаграждение учительского состава. По уставу к ним относились: врач-преподаватель, который заведовал этим заведением и получал вознаграждение в сумме 400 руб. в год; учёная акушерка, которой предоставляли место для проживания и вознаграждение в сумме 150 руб. в год.

По окончании курса ученицы должны были сдать экзамены, которые проходили перед комиссией, состоявшей из членов Врачебной Управы. После того как ученицы успешно сдавали все экзамены, они были обязаны отработать год в Красноярской городской больнице. А после выпускницы должны были вернуться обратно домой для продолжения работы в звании окружных повивальных бабок.

Финансирование обучения девушек из крестьянского звания шло от сельских обществ, которые сами предлагали кандидатуру девушек, чтобы поместить их в назначенное училище. Годовой взнос от сельских обществ за каждую ученицу от их округа был по 100 руб. К тому же на счёт общества возлагались траты на одежду, стол и постель учениц. Также финансирование обучения и дальнейшего содержания шло за счёт добровольных пожертвований в сумме 2750 руб., которые остались после закрытия народной лечебницы в Красноярске в 1868 г. Также устав предусматривал тот случай, если сами девушки выступали вольными слушательницами, то училище их могло брать на лекции на бесплатной основе.

В 1874 г. Красноярское повивальное училище было открыто. Родовспомогательное отделение при данном заведении было рассчитано на 6 рожениц, следовательно, было оснащено 6 кроватями, и приют для детей был рассчитан на такое же количество.

Образование воспитанницам было предоставлено достаточно качественное. Училище было оснащено и нужной для обучения научной литературой, которую предоставила Красноярская губернская мирская гимназия [1, л. 35]. Преподаватели уделяли огромное внимание практическим занятиям. Также решение о присоединении родильного отделения бывшей Красноярской народной лечебницы к училищу способствовало хорошей практике. Учениц обучали не только акушерскому искусству, но и оспопрививанию. А также преподаватели уделяли должное внимание обучению перевязке, лечению зубов, выписыванию лекарственных рецептов [2, с. 13].

Архивные источники свидетельствуют о том, что на протяжении существования училища шло его финансирование и улучшение материального оснащения. Так, 30 ноября 1878 г. был приобретён акушерский набор на сумму в 140 руб. Таким образом, по предоставленной информации из описи данного набора, училище пополнило свой арсенал следующими медицинскими инструментами: сифон лечебный с двумя наконечниками, акушерские шприцы, створчатое маточное зеркало, цилиндрическое маточное зеркало, гортанная трубочка для вдувания воздуха в лёгкие новорождённых, депрессор, маточный шприц, ножницы для кровяного расширения маточного рыльца, ножницы для отрезания пуповины, маточный зонд и другие принадлежности для обучения [1, л. 78].

Таким образом, можно сделать вывод, что данным учебным заведением было положено начало профессиональному акушерскому образованию в Енисейской губернии – обучению женщин акушерскому искусству для того, чтобы в дальнейшем решить проблемы нехватки персонала в городских больницах и окружных учреждениях, которая в тот момент стояла очень остро.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 612. Оп. 1. Д. 22.
2. Кузнецова Т. В. История Красноярского края. Т. 3: Медицина / Т. В. Кузнецова, А. М. Ануфриев, А. П. Статейнов и др. Красноярск: Буква, 2008. С. 384.
3. ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 64.
4. ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 246.

Диана Андреевна Заремская
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНСКОГО ВОПРОСА В 1918–1991 ГОДАХ

Аннотация. Статья анализирует этапы эволюции законодательства по женскому вопросу в 1918–1991 гг., раскрывая ключевые изменения и их влияние на общество.

Ключевые слова: женщина, СССР, законодательство, этап, изменение

Abstract. The article analyzes the stages of the development of legislation on women's rights from 1918 to 1991, highlighting key changes and their impact on society.

Keywords: woman, USSR, legislation, stage, change

Вопрос о правах женщин и их социальном статусе всегда занимал особое место в общественных дискуссиях и законодательной практике. Так, особенно ярко это проявилось в XX в. Он стал знаковым для многих стран, в т. ч. для России, когда произошли значительные изменения в законодательстве, касающемся женщин. Этот период включает революционные преобразования и сложные социальные изменения, влиявшие на правовое регулирование.

Заявленная к изучению тема в исторических исследованиях считается новой, однако с точки зрения социологии, юриспруденции и философии она подвергалась глубокому анализу с конца XX в. Исходя из этого, мы видим, что работ по изучению эволюции советского законодательства по женскому вопросу с точки зрения исторического прогресса недостаточно для того, чтобы сложилась устойчивая периодизация, комплексно характеризующая все сферы общественной жизни. В контексте существующих исторических исследований по данной проблематике можно выделить работы таких исследователей гендерной истории, как О. А. Хасбулатова [1] и Н. Л. Пушкарева [2], внесших значительный вклад в изучение рассматриваемого вопроса. Первым автором была предложена ёмкая периодизация советской государственной политики в отношении женщин. Так, были выделены три больших этапа: 1917–1930, 1930–1960, 1960–1991 гг. [1, с. 397–407]. Вторая периодизация представляет собой деление на четыре фазы: конец 1917 – конец 1920-х гг., конец 1920-х – середина 1950-х гг., середина 1950-х – начало перестройки в 1985 г., середина 1980-х гг. по наши дни [2, с. 8–23].

Таким образом, обе периодизации имеют как отличия, так и общие черты. Тем не менее следует подчеркнуть, что предложенные в данных работах этапы охватывают широкие временные промежутки (от 1 до 3 десяти-

тилетий), в течение которых можно заметить признаки, вступающие в противоречие с предложенными авторами характеристиками и требующие дополнительной интерпретации. Поэтому цель статьи состоит в проведении анализа исторической обстановки в СССР с 1918 по 1991 г. и в составлении периодизации эволюции законодательства в отношении женщин.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1918 по 1991 г. Нижняя граница связана с принятием Конституции РСФСР, установившей политику равноправия полов. Верхняя граница определяется окончанием существования СССР и соответствующего законодательства.

Итак, мы предлагаем иную периодизацию эволюции законодательства в женском вопросе, отличную от устоявшейся. В ней мы основываемся на принципе событийности, т. е. принятия и реализации законопроектов, влияющих на изменение женского положения в гражданской, трудовой, семейной и личной сферах. Таким образом, мы выделяем четыре этапа.

I. 1918–1930 гг. Он характеризуется либерализацией женского положения, свободой феминистской мысли. Так, верхняя дата этапа связана с Постановлением от 1930 г. «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)», по которому женотделы – важные идеологические органы женской пропаганды – были ликвидированы [3].

После революции большевики считали, что освобождение женщин возможно лишь через социалистическое преобразование общества, т. е. через уничтожение капитализма, поэтому на начальном этапе конкретные меры не принимались. Но, формально равенство мужчин и женщин было провозглашено в первых декретах и Конституции РСФСР 1918 г.

Деятельность по «женскому вопросу» основывалась на идеях А. М. Коллонтай, которая акцентировала внимание на роли «труженицы» и «матери», продвигая гражданский брак и создавая женотделы для популяризации коммунистических идей и вовлечения женщин в политику. С 1919 г. женотделы занимались защитой прав женщин и подготовкой 4 млн участниц к госуправлению.

Однако в 1930-х гг. произошла резкая смена подходов к «женскому вопросу»: в 1930 г. женотделы были ликвидированы, а И. В. Сталин утверждал, что этот вопрос уже решён.

II. 1930–1936 гг. Этот этап, связанный с приходом к власти И. В. Сталина, характеризуется авторитарными изменениями и консервативным курсом по отношению к женщине, её труду и роли, включая возвращение стереотипа «матери-воспитательницы». Нижняя граница определяется Положением комитета при Президиуме ЦИК по улучшению труда и быта работниц и крестьянок 1930 г. [4], верхняя – Постановлением ЦИК от 1936 г. о запрете труда женщин в тяжёлых и вредных производствах и подземных работах [5].

Данный этап отмечен смещением акцента с активного участия женщин в обществе на материнство как долг перед государством, что изменило гендерные стереотипы и отношения. Это связано с тем, что страна перестала нуждаться в бездетных женщинах-работницах и начала ценить жен-

щин как «источник» детей. И. В. Сталин пропагандировал: «Нам надо вырастить новое поколение рабочих – здоровых, жизнерадостных, способных поднять могущество Советской страны». И действительно, отец народов принял определённые «меры» не только для увеличения рождаемости.

III. 1936–1954 гг. В нём выделяются два подэтапа.

1. 1936–1944 гг. Этот подэтап характеризуется двойственностью государственной политики: с одной стороны, происходит военизирование и мобилизация женщин, с другой – курс на традиционализацию. Эти процессы развивались параллельно из-за внешнеполитической ситуации. Партия не могла отказаться от консервативного курса, но потребность противостоять врагу вынуждала её к нововведениям. Нижняя хронологическая граница связана с постановлением 1936 г. о запрете аборт [6], а верхняя – с указом, устанавливающим неравенство женщин в случае внебрачной связи и «свободной любви» [7].

2. 1944–1954 гг. Второй подэтап продолжает государственную политику 1930-х гг., сосредоточенную на традиционных ценностях. Нижняя граница – Указ Президиума ВС 1944 г. «Об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня”...» [7]. Верхняя граница – Указ Президиума ВС 1954 г., отменяющий уголовную ответственность женщин за «производство аборта» [8].

В 1936–1954 гг. наблюдается смещение роли женщины к выполнению функций как работницы, так и матери в условиях индустриализации и подготовки к возможным военным конфликтам. В начале этого периода аборты были вновь запрещены и ограничения проявились в других сферах (налог на холостяков 1941 г. [9] и указ, ограничивающий права женщин при внебрачных связях 1944 г. [7]). С началом войны женщин стали привлекать к военной службе и производственной работе.

Так, в этот период сочетались традиционные роли и новые вызовы, связанные с необходимостью трудоспособности женщин в условиях войны.

IV. 1954–1991 гг. Четвёртый этап связан с началом оттепели и изменением гендерных стереотипов в обществе. В нём также выделяется два подэтапа.

1. 1954–1974 гг. Первый характеризуется очередным расцветом личных, политических, трудовых и семейных прав. Так, нижняя хронологическая граница связана с Указом Президиума ВС от 1954 г. «О ратификации Конвенции о политических правах женщин» [10]. Верхний рубеж обоснован появлением перечня запретных для женщин профессий, принятым в 1974 г. [11], что стало концом данного подэтапа, т. к. он прервал возможность развития женщин в любых профессиях.

2. 1975–1991 гг. Он сохраняет основные тенденции прошлого подэтапа, но в нём происходили важные изменения в трудовом законодательстве, которые ограничивали женщин в выборе профессий. Так, нижний рубеж связан с появлением указов Президиума ВС от 1975 г. и 1978 г. о расширении перечня запретных для женщин профессий [12].

На данном этапе важным шагом стало введение алиментов в 1967 г. [13]. Кроме того, отменили запрет на аборт по социальным причинам, что расширило права женщин на распоряжение своими репродуктивными правами [8]. Постановления Совета Министров 1956 г. сделали положение многодетных матерей более защищённым [14; 15].

В трудовом аспекте СССР ратифицировал «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» в 1980 г., подтвердив международные обязательства и введя специальные меры по защите материнства и отпуск по беременности [16].

В то же время, несмотря на прогресс, многие вопросы оставались нерешёнными. Однако страну ожидали серьёзные перемены, и на фоне распада СССР вопросы о правовом статусе женщин продолжали оставаться актуальными.

В заключение необходимо отметить, что на протяжении более 70 лет советской эпохи в России произошла трансформация правового и социального статуса женщин, охватывающая личные, семейные, политические и трудовые права. От первых деклараций о равенстве до последующих мер по улучшению экономического положения и социальной защищённости советское государство демонстрировало тенденцию к либерализации женского положения. Эта эволюция, несмотря на отдельные периоды консервативного отката, сопровождалась трансформацией гендерных стереотипов. Изначальный образ «матери-воспитательницы», активно культивировавшийся в первые годы правления И. В. Сталина, постепенно эволюционировал в образ «труженицы», активно участвующей в общественном производстве. Данная трансформация, подкреплённая государственной политикой и идеологией, оказала значительное влияние на формирование образа жизни и социокультурных норм в современной России.

Список источников

1. Хасбулатова О. А. Обзор опыта советской государственной политики в отношении женщин // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост.: Н. М. Степанова, Е. В. Кочкина. СПб., 2004. С. 397–422.
2. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8–23.
3. О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б): Постановление ЦК ВКП(б) от 1930 г. URL: 606.su/I9cl.
4. Положение о комитете при Президиуме ЦИК Союза ССР по улучшению труда и быта работниц и крестьянок. URL: 606.su/jkui.
5. О запрещении женского труда на особо вредных и тяжёлых работах: Постановление НКТ СССР от 30.10.1925. URL: 606.su/9SzE.
6. О запрещении абортов...: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27.06.1936. URL: clck.ru/3JcMvd.
7. Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня»

и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»: Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944. URL: clck.ru/3JcMqM.

8. Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта: Указ Президиума ВС СССР от 1954 г. URL: clck.ru/3JcMio.

9. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР: Указ Президиума ВС СССР от 1941 г. URL: clck.ru/3JcMdC.

10. О ратификации Конвенции о политических правах женщин: Указ Президиума ВС СССР от 1954 г. URL: 606.su/aPqr.

11. Кодекс законов о труде РСФСР. Ст. 160: Работы, на которых запрещается применение труда женщин. URL: clck.ru/3JcMQA.

12. Об утверждении Списка производств, профессий и работ с тяжёлыми и вредными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин: Постановление Госкомтруда СССР и Президиума ВЦСПС от 1978 г. URL: clck.ru/3JcMF7.

13. Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей: Указ Президиума ВС СССР от 1967 г. URL: clck.ru/3JcMAR.

14. О государственных пенсиях: Закон СССР от 1956 г. URL: 606.su/AhKh.

15. О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности: Постановление Совета Министров СССР от 1956 г. URL: clck.ru/3JcLhZ.

16. О ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: Указ Президиума ВС СССР от 1980 г. URL: clck.ru/3JcLYB.

Сергей Евгеньевич Иванов

*Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия*

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО УЧИТЕЛЯ НА МАТЕРИАЛАХ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье представлена реализация проекта по изучению повседневной жизни советского учителя на личных воспоминаниях, выявляющих контекст, в котором существовала система образования в СССР. Проект иллюстрирует, как жизненные обстоятельства и идеологические установки влияли на профессиональные практики учителей.

Ключевые слова: советский учитель, повседневная жизнь, устная история, образование, идеология, микроистория, социальный контекст

Abstract. The article presents the implementation of a project focused on studying the everyday life of Soviet teachers through personal memories that reveal the context in which the education system in the USSR existed. The project illustrates how life circumstances and ideological frameworks influenced the professional practices of teachers.

Keywords: soviet teacher, everyday life, oral history, education, ideology, micro-history, social context

На протяжении многих десятилетий советская образовательная система остаётся объектом активного изучения как со стороны историков, так и социологов. Тем не менее, изучение историографии позволяет обратить внимание на то, что малоизученной темой остаётся повседневная жизнь учителей в разные периоды российской истории. Обращение к проблеме повседневного бытования педагогов позволяет выявить индикаторы общественного состояния через призму профессиональной культуры, быта и социальной практики. Это особенно актуально в контексте модернизации современного образования, когда понимание исторических традиций педагогической деятельности помогает прогнозировать будущее развития образовательной системы – «Повседневная жизнь всегда была маркером благополучия или неблагополучия в обществе, поэтому интерес к ней имеет практическую значимость...» [1, с. 32–34]. В данной публикации рассматривается проект, посвящённый изучению повседневной жизни советского учителя в 60–70-е гг. XX в. в г. Иркутске.

Ключевыми источниками в нашем исследовании выступают устные воспоминания педагогов, которые позволяют глубже понять социальные, культурные и экономические условия жизни человека, посвятившего себя служению детям. Советские учителя представляют собой особую категорию общественных деятелей, от которых зависело не только качество образования, но и формирование гражданской позиции у школьников.

В условиях советской идеологии и сложившихся в стране социальных условий заслуживает внимание личный опыт самих педагогов, переживания и взгляды на жизнь. Несомненно, микроисторическое исследование при помощи изучения отдельных элементов сети социальных отношений, типов поведения отдельных акторов и их реакций на важнейшие исторические события позволяет оценить кратко- и долгосрочные государственные исторические процессы на уровне жизни конкретной личности.

Обращение к повседневности советского учителя позволяет глубже проникнуть в профессиональную, досуговую, личную стороны жизни. В настоящее время в нашем распоряжении имеется коллекция воспоминаний педагогов, которые начинали или продолжали свою педагогическую деятельность в общеобразовательных школах Иркутска в 60–70-е гг. XX в.

Несмотря на то, что мы работаем с одной социальной группой советских людей, воспоминания очень разные. Это зависит от стартовых условий, от эмоциональной культуры собеседника, его погружённости в общественную жизнь, семейного воспитания и многих других факторов. Есть категория учителей, для которых большое значение имела активная политическая позиция. Например, Лидия Петровна, учитель начальных классов с 1963 г., подчёркивала, что она была активной комсомолкой и членом партии. Её позиция определяется тем, что до работы в школе она была вторым секретарём райкома ВЛКСМ. Её муж долгое время был первым секретарём райкома комсомола. А это значит, что в воспоминаниях о школе она опирается на свой опыт общественно-политической деятельности.

Лидия Петровна рассказывает, что большое внимание уделяла формированию патриотических чувств у детей как в учебное, так и во внеурочное время. Ей запомнилось, как в первые годы своей работы родители её первоклашек активно включились в подготовку к конкурсам патриотической песни: *«Я была немного удивлена реакции родителей... Хотя это было понятно, ведь они все – военные семьи. Ну, мужья военные... Поэтому мы очень быстро нашли костюмы для ребят, выучили песню – и знаете, мы победили!»* [2].

Другой педагог, начавший свою деятельность в это же время, учитель математики Светлана Гавриловна, рассказывает, что могла оставаться вне общественно-политических организаций, но при этом в полном объёме выполнять профессиональные обязанности и занимать ключевые должности в школе.

Подтверждением того, что она осознавала себя человеком, ответственным за реализацию государственной политики в области образования, является такое воспоминание: *«На улице Горной ранее размещалась конфетная фабрика, где мы со старшеклассниками совмещали обучение и трудовое воспитание...»* [3]. В стенах конфетной фабрики ученики проходили профориентацию, приобщаясь к общественно полезному труду. Это иллюстрирует ключевую идеологическую установку – труд как форма социалистического воспитания. Достаточно обратиться к Закону РСФСР

«Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» от 1958 г., который нацелен на интеграцию школьного обучения с основными задачами коммунистического строительства [4].

Интересно, что в рассказ о своей жизни учителя с разной степенью политической активности включают сюжеты, посвящённые выполнению государственных идеологических задач.

Большое место в воспоминаниях педагогов занимает бытовая сторона жизни. Она зависела от стартовых условий конкретных людей. Например, Светлана Гавриловна фокусируется на трудностях бытового характера: *«...было муниципальное жильё, его давали бесплатно, хоть и с огромными очередями... И на квартирах (арендное жильё) практически не жил никто. У нас учительница физики только жила на квартире, но она прямо в школе. Была у неё комната. Поначалу. А потом тоже подошла очередь, ей дали квартиру, она съехала. Уборщица ещё у нас, тетя Дуся, тоже была, жила прямо в школе, при школе. Но ей тоже потом дали комнату... В те годы у нас не было понятия “премия”... Материальная помощь была, но это тоже редко, когда кто-то приходил по каким-то серьёзным случаям»* [3]. Но сама Светлана Гавриловна не испытывала таких проблем, т. к. жильё в её семье было получено мужем на производстве. Квартира была небольшая, но тем не менее она была, и не пришлось, как коллегам, стоять в очереди на получение жилья. Но она сочувствует их проблемам, поскольку бытовая неустроенность была ощутимой.

В процессе анализа интервью мы обратили внимание на то, что педагоги придают большое значение общению с коллегами. Например, рассказ о дружбе семьями или проведение совместных праздников «Новый год» и «1 мая» неформально в трудовом коллективе могут указывать на ощущение важности общности с коллегами. Лидия Петровна замечает: *«Мы с семьями (коллег) были такие товарищи! На День учителя, на другие разные праздники тоже, обязательно все собрались... Гуляли в кино, ресторанчик у нас тут был, потом все собрались, кому по пути, ну и шли домой к кому-нибудь, ну, дальше продолжали...»* [2].

Очевидно, что для советского учителя 60–70-х гг. XX в. было характерно стирание границ между профессиональной, досуговой деятельностью и отчасти личной жизнью. Однако, их это не тяготило. Каждая респондентка говорила о любви к своей профессии, о своём неугасающем желании учить детей. Светлана Гавриловна рассказывает: *«Для меня моя работа – это была моя жизнь»* [3].

Таким образом, первое, на что мы обратили внимание в общении с учителями – их рассказ о своей повседневности очень тесно переплетается с воспоминаниями об учениках, родителях, своей профессиональной воспитательной деятельности. Немаловажно и то, что работа в течение дня перемещалась из школы домой. Это выражалось в том, что учитель готовился к урокам, классным часам, внеурочным мероприятиям дома, а члены

его семьи попадали в зависимость от такой организации жизни. Они могли брать на себя бытовые заботы, занятия с подрастающими собственными детьми.

Использование устной истории как научного инструмента позволяет более полно реконструировать не только индивидуальные судьбы, но и понять социокультурный контекст, в котором находились эти педагогические фигуры. Но стоит помнить, что эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты зачастую восстановить сложнее, чем сами факты [5, с. 7–10]. Как отмечает исследователь А. Я. Гуревич: «Эмоциональные реакции на бытовые и малозначимые факты часто остаются за кадром исторических источников, что создаёт существенные трудности при их реконструкции» [6, с. 20]. Это обусловлено тем, что традиционные исторические источники (официальные документы, хроники, летописи) в основном фиксируют значимые события, оставляя без внимания повседневные эмоции и переживания обычных людей.

Список источников

1. Белова Н. А. Повседневная жизнь советских учителей: на матер. Костромской области: дисс. канд. ист. наук: 07.00.07. М.: ИЭА РАН, 2011. 232 с.
2. Абанина Л. П. Устное интервью. 15.02.2023.
3. Прокопьева С. Г. Устное интервью. 22.03.2023.
4. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: Закон от 24.12.1958 // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm.
5. Моторнюк Н. М. Советская школа и формирование нового человека: Воплощение в жизнь комплексного подхода к воспитанию учащейся молодёжи. Киев: Знание, 1978. 48 с.
6. Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 19–34.
7. Теория и методология истории: учебник / В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев и др. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.

Антон Сергеевич Карелин

*Кемеровский государственный университет,
Кемерово, Россия*

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА (НА ПРИМЕРЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ – КУЗБАССА)

Аннотация. В статье характеризуется научный потенциал биографического метода и возможность его применения при проектировании региональных исследований проблем развития физической культуры и спорта. Обосновывается необходимость обобщающих биографических исследований о кузбасских спортсменах и работниках физической культуры с опорой на микроисторический подход. Дано краткое представление о фондах региональных архивов, содержащих необходимую информацию для исследований. Сделаны выводы о том, что результаты проектирования таких исследований могут носить как теоретический, так и прикладной характер.

Ключевые слова: биографический метод, физическая культура и спорт, Кемеровская область – Кузбасс, проект, микроисторический подход

Abstract. The article characterizes the scientific potential of the biographical method and the possibility of its application in the design of regional studies of the problems of physical culture and sport development. The necessity of generalizing biographical studies on Kuzbass athletes and physical culture workers with the micro historical approach is substantiated. A brief introduction to the funds of regional archives containing the necessary information for research is given. It is concluded that the results of the design of such studies can be both theoretical and applied.

Keywords: biographical method, physical culture and sport, Kemerovo region – Kuzbass, project, microhistorical approach

Благодаря многочисленным исследованиям по истории физической культуры и спорта (ФКиС) России за последние три десятилетия в этой специальной области исторического познания был сформирован развитый научно-методологический аппарат. Были достигнуты заметные успехи в изучении общих закономерностей возникновения, становления и развития ФКиС в различные периоды истории нашего государства в целом и его составных территорий.

Введение в научный оборот неопубликованных ранее архивных документов и ежегодная организация на различных площадках тематических конференций показали широкие перспективы для исследований региональных аспектов развития ФКиС. Кроме того, наблюдается разнообразие в применении методов исследования, включая методики в формате меж-

дисциплинарного подхода. Поэтому в рамках данной статьи рассматриваются возможности использования в исследовательской практике биографического метода в контексте проектирования региональных исследований проблем развития ФКиС.

При исследовании биографии конкретной личности отмечается, что её можно рассматривать как символ в пространстве социального поведения, опираясь на который исследователь приобретает доступ к реконструкции возможных каузальных связей в составе общественной жизни определённой эпохи [1, с. 98]. В то же время «биографизм» в качестве общей родовой категории фиксирует важную сторону изучаемой действительности и объединяет широкий спектр целевых и методологических установок, стратегий и жанров исследования [2, с. 42].

Считается, что биографический метод помогает постигнуть нарративы как цельные сюжетно-смысловые повествования, выражающие идентичность социальных групп. Поэтому исследование нарративов помогает понять, какую роль играют воспоминания социальных групп в процессе осмысления социумом собственной истории [3, с. 487]. Была осознана и необходимость совершенствования инструментария биографической реконструкции с интеграцией методов различных научных дисциплин [4, с. 135].

История развития ФКиС всегда была связана с историями жизни разных людей. Поэтому детализированное рассмотрение совокупности частных событий жизни конкретного человека, понимание его мотивов и образа мышления с опорой на микроисторический подход поможет более полно раскрыть характерные черты и особенности того или иного исторического периода. Это позволит выявить господствующие представления и тенденции в обществе, а также составить более полное представление о локальной истории.

Как известно, кузбасские спортсмены в советский период добились значительных успехов на национальном и международном уровнях, что привело к дальнейшему осмыслению этого в разных трудах. Так, в 1980 г. журналистами В. М. Моисеевым и В. Д. Романовым была издана книга «Спортивная слава Кузбасса». В этой работе на примере выдающихся спортсменов авторы дали общее представление о развитии традиционных для Кемеровской области видов спорта (лыжный спорт, тяжёлая атлетика, борьба и др.) [5].

В разные годы публиковались мемуары местных спортсменов. Одними из первых стали книги олимпийского чемпиона по тяжёлой атлетике Р. В. Плюкфельдера «Металл и люди» и абсолютного чемпиона мира по высшему пилотажу В. Д. Мартемьянова «Я люблю тебя, небо. Записки лётчика-спортсмена» [6; 7]. Позднее появилась книга известного тренера и доцента кафедры физического воспитания КузГТУ В. П. Анпилогова «Приумножая спортивные традиции», посвящённая развитию в университете тяжёлой атлетики, и книга Н. Т. Шушпанникова «35 лет со спортом» о развитии лыжного спорта в Кемеровской области [8; 9].

Внимание к жизненному пути местных спортсменов проявляли как отдельные авторы, так и основанный в постсоветский период Музей физической культуры и спорта Кузбасса. В 2002 г. при поддержке Департамента физической культуры, спорта и туризма к 60-летию Кемеровской области директор музея Г. Н. Голубец подготовил фотоальбом-справочник «Они создавали спортивную славу Кузбасса» [10]. Позднее в 2014 г. была издана книга В. Д. Матолыгина, где впервые публиковался систематизированный материал о биографиях знаменитых кузбасских горнолыжников, а также рассказывалось о развитии в регионе зимних видов спорта [11].

В этой связи применение биографического метода на примере исследования проблем ФКиС в Кемеровской области – Кузбассе в советский и постсоветский периоды может быть представлено в форме отдельного проекта. При этом важно обозначить хронологические рамки – от момента образования Кемеровской области в 1943 г. до настоящего времени. Так, на стадии конструирования при постановке задач следует учитывать имеющуюся информацию. Однако на стадии проведения исследований рассматривается привлечение материалов местных архивов, а также данных периодических изданий.

Данные о кузбасских спортсменах содержатся документах Государственного архива Кузбасса. В первую очередь следует обратить внимание на фонды Р-411 «Департамент физической культуры, спорта и туризма Кемеровской области (Комитет по делам физкультуры и спорта Кемеровского облисполкома)» и Р-1111 «Кемеровский областной Совет Союза спортивных обществ и организаций (Облспортсоюз)». Некоторая часть документов упомянутых фондов всё ещё остаётся неопубликованной.

Кроме того, широкие перспективы для поиска необходимой информации предоставляет архив Музея физической культуры и спорта Кузбасса. В нём на хранении находятся именные фонды спортсменов и работников физической культуры, где помимо документов также имеются фотографии, награды, удостоверения, свидетельства и др. Однако, несмотря на большое количество материалов об истории жизни многих заслуженных спортсменов и деятелей физической культуры, всё ещё нет обобщающих биографических исследований.

В итоге на основе полученных результатов исследований возможно дальнейшее теоретическое обоснование развития ФКиС как социокультурного феномена региона и страны. Но в то же время результаты таких исследований по причине своей социальной значимости могут носить и прикладной характер, что предполагает создание биографических изданий, справочников, а также многочисленных интерактивных проектов. В частности, одним из таких направлений работы может стать цифровизация проекта в форме разработки сайта с базой данных обо всех кузбасских спортсменах по аналогии с проектом «Герои Великой Победы», где возможно создание отдельных разделов, посвящённых олимпийским чемпионам, чемпионам мира, Европы и др.

Другим перспективным направлением работы может стать издание справочников или энциклопедий с отражением в них региональной проблематики развития тех или иных видов спорта или развития физкультурно-спортивного движения. Наконец, предполагается проведение научно-практических конференций или круглых столов по данной проблеме с последующим изданием сборника статей.

Таким образом, возможность применения биографического метода в сочетании с микроисторическим подходом позволит дать более полное представление о проблемах развития ФКиС в Кемеровской области – Кузбассе. Благодаря анализу жизни спортсменов и участников физкультурно-спортивной жизни региона появится возможность выявить существовавшие в разные периоды развития нашей страны проблемы в процессе развития ФКиС, в т. ч. и на локальном уровне. Вместе с тем подобные исследования потенциально применимы к другим регионам, что в перспективе может воссоздать более полную картину развития ФКиС в ретроспективном срезе на всей территории страны.

Список источников

1. Афанасьев В. В. Становление и развитие биографического метода исследования в системе гуманитарного знания / В. В. Афанасьев, И. В. Афанасьев, А. А. Павленко // Проблемы современного образования. 2023. № 4. С. 96–107.
2. Кодан С. В. Биографический подход в инструментарии историко-юридического исследования: место в познавательных практиках, понятие, междисциплинарные взаимодействия // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 34–49.
3. Рычков В. А. Использование биографического метода в социально-политических исследованиях // Вестник КемГУ. Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 486–495.
4. Жуйков Д. А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник ЧелГУ. 2012. № 25 (279). История. Вып. 52. С. 133–136.
5. Моисеев В. М. Спортивная слава Кузбасса / В. М. Моисеев, В. Д. Романов. Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1980. 222 с.
6. Плюкфельдер Р. В. Металл и люди. М.: Физкультура и спорт, 1966. 213 с.
7. Мартемьянов В. Д. Я люблю тебя, небо. Записки лётчика-спортсмена. Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1972. 152 с.
8. Анпилогов В. П. Приумножая спортивные традиции. Кемерово: КузГТУ, 2008. 80 с.
9. Шушпанников Н. Т. 35 лет со спортом. СПб.: Инфо-Да, 2012. 27 с.
10. Голубец Г. Н. Они создавали спортивную славу Кузбасса: фотоальбом. Кемерово: Департамент ФКСиТ, 2002. 87 с.
11. Матолыгин В. Д. У истоков горнолыжного спорта Кузбасса. СПб.: Инфо-Да, 2014. 320 с.

Дарья Валерьевна Карпушкина
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ОТ ЛАБОРАТОРИИ К ИНСТИТУТУ: КАК Л. В. КИРЕНСКИЙ И ЕГО СОТРУДНИКИ ОТВЕЧАЛИ НА ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ 1950–60-Х ГОДОВ

Аннотация. Как известно, создание академического института, особенно в послевоенные годы, представляет собой задачу чрезвычайной сложности, требующую значительных ресурсов и усилий. Необходимо соответствовать множеству критериев. Актуальность данной темы обусловлена тем, что несмотря на наличие обширной биографической литературы, посвящённой Л. В. Киренскому, немногие из его современников используют конкретные исторические источники при описании тех трудностей, с которыми столкнулся Леонид Васильевич и сотрудники лабораторий до и после знаменательной даты 12 октября 1956 г. В рамках исследования были использованы архивные материалы Мемориального музея академика Л. В. Киренского в Красноярске, которые позволили сформировать представление о том, как возник и функционировал Институт физики в период с 1945 по 1967 г.

Ключевые слова: Институт физики АН СССР, Л. В. Киренский, Сибирь, Красноярск, Красноярский край, Горком КПСС

Abstract. It is well known that establishing an academic institution, especially in the post-war years, is a task of extreme complexity, requiring considerable resources and effort. It is necessary to meet a multitude of criteria. The relevance of this topic is due to the fact that, despite the availability of extensive biographical literature devoted to L. V. Kirensky, few of his contemporaries used specific historical sources in describing the difficulties faced by Leonid Vasilyevich and laboratory staff before and after the remarkable date of October 12, 1956. The study used archival materials of the Memorial Museum of Academician L. V. Kirensky in Krasnoyarsk, which allowed to form an idea of how the Institute of Physics emerged and functioned in the period from 1945 to 1967.

Keywords: Institute of Physics USSR Academy of Sciences, L. V. Kirensky, Siberia, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk region, City Committee of the CPSU

Актуальность темы исследования строится на необходимости показать трудности возникновения Института физики не через воспоминания современников Л. В. Киренского, а через документы – отчёты, письма, обоснования и т. д., сохранившиеся в Мемориальном музее академика. Данная статья будет первым шагом в сторону систематизации архивных документов по изучаемой теме. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить, каким образом функционировали лаборатории и впоследствии Институт физики в условиях ограниченных материальных и финансовых ресурсов; 2) выявить ключевые события в истории Института в период с 1940 по 1969 г., что обусловлено

смертью Л. В. Киренского 3 ноября 1969 г.; 3) определить, как административные барьеры влияли на развитие и работу научного сообщества г. Красноярска.

Академическая наука в Красноярском крае появилась не сразу. Как известно, первоначально будущий институт представлял собой несколько лабораторий, базировавшихся в Красноярском педагогическом, медицинском институтах и в Сибирском лесотехническом институте (с 1958 г. был переименован в Сибирский технологический институт). Так совпало, что формирование науки в Красноярске выпало на Великую Отечественную войну и три лаборатории (физики магнитных явлений под руководством Л. В. Киренского, биофизики – заведующим был Иван Александрович Терсков, и спектроскопии под руководством Анатолия Васильевича Коршунова) были вынуждены направить свою научную деятельность в практическую сторону, обеспечивая необходимыми приборами военную промышленность.

В 1942 г. начала существование магнитная лаборатория в рамках Красноярского педагогического института. Почти сразу же был заключён договор с Заводом № 477 (в годы войны эвакуированный авиазавод № 477 НКАП) – этому заводу лаборатория изготовила рассортировщик сталей, который в дальнейшем был изготовлен для других предприятий [1]. В т. ч. и вне территории РСФСР – например, для завода № 39, который находился в г. Фергана Узбекской ССР [2]. К 1945 г. лаборатории зарекомендовали себя в научной среде, выступали на конференциях и тесно сотрудничали с предприятиями не только Красноярского края. Эта работа оплачивалась по условиям договора.

Несмотря на достижения лабораторий, появление Института физики и в целом научного центра в г. Красноярске сопровождалось «сопротивлением» со стороны вышестоящих лиц и органов. 27 марта 1952 г. Л. В. Киренским было направлено письмо в Президиум Академии наук СССР с предложением создать академический институт в г. Красноярске, но ответ, полученный Леонидом Васильевичем 28 августа 1952 г., был отрицательным: «Академия наук СССР рассмотрела Ваше письмо от 27 марта 1952 г. и сообщает, что открыть самостоятельный физический институт в г. Красноярске АН СССР считает нецелесообразным. Организация такого института в составе Восточно-Сибирского филиала АН СССР также встречает возражения» [3]. Всё это время до 1956 г. продолжается работа Л. В. Киренского в Красноярском педагогическом институте, где помимо своей научной деятельности ему приходилось решать проблемы с текущей успеваемостью студентов пединститута.

Следует предположить, что с 1952 по 1956 г. красноярская наука оказалась в ситуации, когда исследовательская работа заходила в тупик – не хватало кадров, не была сформирована система типографий, которая могла бы быть использована для издания научных работ. Ситуация ухудшилась до такой степени, что Л. В. Киренский был вынужден написать письмо в Горком КПСС В. С. Журову, в котором сообщалось следующее:

«Состояние, в котором находится наука в г. Красноярске и Красноярском крае, совершенно неудовлетворительное... В Красноярске отсутствует не только филиал АН, но и даже отделения и специальные институты филиала. Город не имеет университета. В городе нет научной библиотеки. В городе нет соответствующей типографской базы для издания научных работ. Город не имеет Дома учёных. Город и край не имеют больниц КСУ (комиссии содействия учёным)» [4]. Знаменательным событием для красноярских физиков была международная конференция по физике магнитных явлений 1955 г., которую отчасти можно считать одной из причин создания Института физики в октябре 1956 г. Участие в этой конференции тоже оказывалось под угрозой из-за отсутствия у лаборатории магнетизма необходимых приборов и помещения для качественного проведения исследований – доклад мог оказаться на грани срыва, что не осталось бы незамеченным не только советским руководством и отечественным научным сообществом, но и западными коллегами. Данное письмо в принципе хорошо иллюстрирует взаимоотношения между красноярской наукой и администрацией. Советскую науку часто упрекают и упрекали за бюрократический подход со стороны руководства. Так было и в Красноярском крае. Т. к. с оригинальным текстом доклада В. С. Журова возможности ознакомиться нет, был проведён анализ «ответа» Л. В. Киренского на критику в адрес красноярских учёных. Наука – это творчество, зачастую учёный не может работать в строгих рамках графика или плана. В. С. Журов, оперируя только цифрами, пришёл к выводу о неудовлетворительной работе в области научных изысканий, не говоря при этом про достижения в области науки. Среди «бездельников» оказался ряд учёных и сам Леонид Васильевич. Его, в частности, раскритиковали из-за того, что по плану научной деятельности у него была заявлена одна тема доклада, но из-за отсутствия литературы была выбрана совершенно другая тема на замену первой. Как говорилось выше, наука – творчество, совершенно невозможно предугадать результаты или заранее знать, как будет протекать исследование. Тогда бы это был бы не научный поиск, не было бы исследования как такового. Для В. С. Журова, судя по комментариям Л. В. Киренского, такие нюансы не имели никакого значения. Письмо Л. В. Киренского в Горком КПСС заканчивается на настоятельном требовании создать в г. Красноярске университет, «...не предпочитать людям несомненных научных достоинств и большим числом мелких недостатков, людей с одним лишь единственным недостатком: отсутствием научных достоинств» [4].

5 июля 1956 г. была создана комиссия для подготовки материалов к организации Института физики АН СССР, которая была представлена Р. И. Янусом – Институт физики металлов Уральского филиала АН СССР, Е. В. Кузнецовым – сотрудником Управления кадров Академии наук СССР и самим Л. В. Киренским [5]. Они работали с 10 по 25 июля. Результатом их работы было обоснование на шести листах, отмечающее имеющиеся у г. Красноярска ресурсы, начиная промышленностью и заканчивая первоначальными кадрами, которые должны войти в состав Института физики.

Среди них были сам Л. В. Киренский, И. А. Терсков, И. И. Гительзон, А. А. Гуревич, А. В. Коршунов, П. С. Сарапкин, В. Ф. Ивлев, А. Я. Власов, А. И. Дрокин, Н. И. Втюрин, В. Д. Дылгеров, Г. Е. Золотухин. С 1956 по 1957 г. количество научных сотрудников Института физики должно было с 30–40 чел. возрасти до 50–60. 12 октября 1956 г. вышло Постановление Президиума АН СССР о создании института. Однако, трудности на этом не закончились.

Институт, состоящий из четырёх лабораторий, по Обоснованию от сентября 1956 г., был расположен в трёхэтажном кирпичном здании общей площадью в 1 тыс. м² по ул. Карла Маркса, 42 – здание нуждалось в капитальном ремонте. С 1 января 1957 г. Л. В. Киренский стал директором Института физики. 27 марта 1957 г. Леонид Васильевич писал о том, что немногочисленный коллектив института занят реконструкцией полученного помещения и подборкой необходимого оборудования [6]. Только что появившемуся институту пришлось совмещать исследовательскую деятельность с капитальным ремонтом, что отнимало много времени и сил. Не было доступа ко второму этажу, который занимал читальный зал краевой библиотеки, тем самым не давая сотрудникам лабораторий качественно проводить исследования, негде было разместить часть аппаратуры, и та лежала на складе. С 1957 г. сотрудниками института проводилась широкая научная работа: они принимали участие во Всесоюзном совещании по магнитной структуре ферромагнетиков (1958 г.), ими были начаты работы по управляемому биосинтезу и биолюминесценции (1960 г.), усилиями Л. В. Киренского в г. Красноярске появился филиал Новосибирского государственного университета (1963 г.), создана первая система жизнеобеспечения человека, замкнутая по газу и воде (1965 г.). Это только некоторые из достижений Института с 1956 по 1967 г., т. к. строительство корпуса на Афонтовой горе закончилось только в этом году.

Изучение проблемы формирования Института физики можно продолжить в дальнейшем, многие вопросы остались не рассмотрены: изучить влияние не только личности Л. В. Киренского, но и других выдающихся личностей и учеников Леонида Васильевича, которые не вошли в поле зрения исследователей; сравнить Институт физики с другими научными центрами Сибирского отделения Академии наук с 1950 по 1970 г. Кажется возможным исследование того, как сибирские физики вошли в мировую науку, несмотря на изоляцию.

Лаборатории с 1940 г. и почти до 1950-х гг. получали финансирование от заказов с предприятиями республик СССР, изготавливая для них по договору тот или иной прибор. В условиях войны и в принципе становления промышленности в Красноярском крае большинство разработок были направлены на военные нужды и усовершенствование работы предприятий. К началу 1950-х гг. у лабораторий был богатый научный опыт, защищались кандидатские диссертации, сотрудники лабораторий принимали активное участие в симпозиумах и конференциях, у Красноярского края (и г. Красноярска в частности) был высокий потенциал для становления

научным центром – создание Института физики как академического учреждения затянулось до 1967 г., если ставить точку завершением строительства корпуса на Афонтовой горе. Опираясь на изученные документы, можно сделать вывод, что лаборатории занимались «самофинансированием», сотрудничая с промышленностью Красноярского края и других союзных республик. И несмотря на выдающиеся научные достижения, Институт физики начинался с лабораторий «в подвалах», здания, нуждавшегося в капитальном ремонте, отсутствия или недостатка приборов и бюрократического непонимания со стороны Городского комитета КПСС.

Список источников

1. Договор от 17.06.1942 // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.3/001.
2. Акт о выполнении работы от 06.07.1943 // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.3/001.
3. Письмо АН СССР на письмо Л. В. Киренского 28.08.1952 // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.4/001.
4. Горком КПСС, тов. Журову В. С. от 31.01.1955 // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.3/004.
5. Об организации Института физики АН СССР в г. Красноярске // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.4.
6. Институт физики АН СССР в Красноярске // Мемориальный музей акад. Л. В. Киренского. URL: photo.kirensky.ru/dokumenty/arhivnye-dokumenty-memorialnogo-muzeya-l-v-kirenskogo/papka-4.4/001.

Татьяна Геннадьевна Карчаева
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ИСТОРИЧЕСКАЯ БАЗА ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА И СРАВНЕНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX В.)

Аннотация. В статье рассмотрены возможности базы данных как инструмента проведения исторического исследования, посвящённого изучению кадрового состава аппарата государственного управления на уровне региональных органов власти. Объектом исследования стали чиновники губерний и областей Иркутского генерал-губернаторства в 1887–1917 гг., а также государственные служащие местных органов Советской власти на территории Восточной Сибири в 1921–1936 гг. Посредством всестороннего анализа массовых исторических источников, в которые включены биографические сведения о чиновниках и советских управленцев в указанные хронологические периоды, произведён разбор уже зарегистрированной Роспатентом в 2024 г. базы данных по чиновникам Енисейской губернии и возможностей базы данных по служащим дореволюционного и советского периода Восточной Сибири, которая находится в разработке. Составление общей схемы сравнения биографических сведений дореволюционных чиновников и советских служащих позволит сделать выводы об отличиях и схожих чертах управленцев местных органов государственной власти в столь разные и одновременно хронологически близкие периоды.

Ключевые слова: база данных, информационные методы, чиновники, губернская администрация, окружная администрация, советские служащие, исполкомы, Восточная Сибирь, digital humanities

Abstract. The article discusses the capabilities of the database as a tool for conducting historical research devoted to the study of the personnel of the state administration apparatus at the level of regional authorities. The object of the study was officials of the provinces and regions of the Irkutsk Governorate General in 1887–1917, as well as civil servants of local bodies of Soviet power in Eastern Siberia in 1921–1936. Through a comprehensive analysis of mass historical sources, which include biographical information about officials and Soviet managers in the specified chronological periods, an analysis was made of the database of officials of the Yenisei province, already registered by Rospatent in 2024, and the capabilities of the database of employees of the pre-revolutionary and Soviet periods in Eastern Siberia, which is in operation. Drawing up a general scheme for comparing the biographical information of pre-revolutionary officials and Soviet employees will allow us to draw conclusions about the differences and similarities of managers of local government bodies in such different and at the same time chronologically close periods.

Keywords: database, information methods, officials, provincial administration, district administration, Soviet employees, executive committees, Eastern Siberia, digital humanities

Историческая наука на современном этапе развития столкнулась с расширением междисциплинарности на уровне методологии. Ещё в 1990-е гг. появилась самостоятельная область исследования – *digital humanities*, получившая наибольшее распространение после 2010-х гг. [1; 2]. На базе российских университетов сейчас работают лаборатории, которые рассматривают в качестве предмета своей деятельности цифровую историю; также собираются ежегодные конференции и постоянно пополняется круг лиц, интересующихся информатикой как методом получения нового исторического знания [3–6]. Определёнными авторитетными центрами в данной области, на наш взгляд, являются Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет, Высшая школа экономики, Алтайский государственный университет, Сибирский федеральный университет, Пермский государственный национальный университет и др.

Цель данной статьи – представить возможности базы данных как инструмента анализа кадрового состава местных органов государственной власти Восточной Сибири в конце XIX – первой трети XX в.

Хронологические рамки исследования обусловлены попыткой исторического сравнения облика дореволюционного чиновничества в поздний период Российской империи и советских служащих в начальный период советского государства. В территориальные границы исследования вошла Восточная Сибирь как регион, на котором можно проследить изменения в кадровом составе местных управленцев в обозначенные хронологические периоды.

Как указано в монографии «Цифровые гуманитарные исследования», подготовленной и изданной в Сибирском федеральном университете, «для истории использование компьютерных методов оказывается особенно актуальным. Историки, бесспорно, стали пользователями (а иногда и создателями) весьма разнообразного программного обеспечения. Начали реализовываться давние мечты об историко-ориентированном программном обеспечении» [2, с. 11]. В рамках работы с малыми данными (*small data*), чем и являются собранные автором данной статьи массовые источники с биографиями местных управленцев Восточной Сибири в 1887–1917 и 1921–1936 гг., было уместно использовать программу *Microsoft Office Excel*. В целом указанный вид системы управления базой данных (СУБД) позволяет осуществлять разнообразную работу и со средними данными (*medium data*), и большими данными (*big data*) в рамках любых исторических исследований [2, с. 32].

В декабре 2024 г. Роспатентом была зарегистрирована база данных «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.» (автор – Т. Г. Карчаева) [7]. Областью применения названного ресурса является компьютерная обработка массовых источников по истории чиновничества и государственного управления в Сибири на уровне

губернии, а также данный ресурс может использоваться для проведения каких-либо образовательных практик в области применения цифровых методов в исторических исследованиях.

База данных «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.» содержит информацию о 356 чиновниках губернского, окружного/уездного уровней управления, занимавших и «исправлявших» должности и находившихся просто в штате. Названная база данных содержит 386 записей/строк (по некоторым чиновникам указаны сведения за разные годы) и 36 столбцов/атрибутов. Наименования столбцов повторяют графы формулярного (послужного) списка по образцу конца XIX – начала XX в., а также аккумулируют уже аналитическую информацию, как, например, вид имущества, уровень образования, место происхождения рода / место рождения / место обучения (регион/губерния/область), территория гражданской службы до назначения на данную должность, территориальное место первой гражданской службы / военной службы, количество выслуги лет по гражданскому ведомству, место службы детей (при наличии таковой). Кроме того, присутствуют столбцы, детализирующие архивное описание документа (наименование архива, номер фонда, полное описание места архивного хранения, год сбора информации (год составления формулярного списка). Также введены в табличную форму столбцы «примечание» и «интересно» – в них путём субъективного выбора указаны факты биографии и служебной карьеры, которые необходимо принять к сведению по указанному чиновнику [7].

В данный момент начата работа по составлению исторической базы данных с биографическими сведениями о чиновниках Иркутской и Енисейской губерний, Якутской и Забайкальской (с 1906 г.) областей, объединённых в 1887–1917 гг. Иркутским генерал-губернаторством, а также советских служащих – депутатов городских, уездных, губернских, краевых Советов и работников их исполнительных комитетов Енисейской и Иркутской губерний (1921–1925/26 гг.), а после реформы районирования – служащих местных советских учреждений укрупнённых и разукрупнённых округов единого Сибирского края, а после 1930 г. – Восточно-Сибирского края.

Проект названия разрабатываемой базы данных – «Биографические сведения о государственных служащих Восточной Сибири в поздний до-революционный и ранний советский периоды, 1887–1917 и 1921–1936 гг.». Для хранения информации, проведения анализа и сравнения была выбрана методика составления базы данных в табличной форме, а в качестве СУБД – также программа *Microsoft Office Excel*. Количество записей будет соответствовать числу описанных «чиновников», при этом принято для рассмотрения 35 столбцов/атрибутов, наименования которых соответствуют первой базе данных «Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг.».

Массовыми историческими источниками по дореволюционным чиновникам обеих баз данных стали формулярные (послужные) списки, поднятые в основном из региональных архивов:

– Государственный архив Красноярского края (ГАКК) – это документы по личному составу из фондов № 595 «Енисейское губернское управление» (в первой базе данных – 312 записей), № 141 «Енисейский губернский суд» (18 записей), № 160 «Енисейская казенная палата» (15 записей), № 613 «Камера Енисейского губернского прокурора» (35 записей);

– Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)) – документы из фонда № И-12 «Якутское областное управление» (оп. 1, 2, 6, 7, 11, 13);

– Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК) – фонд № 1 «Забайкальское областное управление Иркутского генерал-губернатора, г. Чита» (оп. 1);

– Государственный архив Иркутской области (ГАИО) – фонд № 32 «Иркутское губернское управление» (оп. 1, 3, 6).

Заметим, что согласно нормам кадрового делопроизводства в конце XIX – начале XX в. формулярные списки уже массово не отправлялись в Правительствующий Сенат. Следовательно, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) находятся документы по личному составу чиновников Восточной Сибири, которые отправлялись в столицу только в связи с рассмотрением каких-либо интересовавших Правительствующий Сенат вопросов. Так, формулярные списки по чиновникам Иркутской и Енисейской губерний, Забайкальской и Якутской областям (1887–1917 гг.) представлены в малом количестве в фондах № 560 «Общая канцелярия министерства финансов» (оп. 20), № 565 «Департамент государственного казначейства» (оп. 9), № 1349 «Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)» (оп. 3).

Кроме того, по дореволюционным чиновникам были использованы и сведения из справочников, содержащих списки чинов местных учреждений по ведомствам и публиковавшихся соответствующими министерствами (например, Список личного состава Министерства финансов на 1907 г. СПб.: Изд. редакции «Вестник финансов», 1907). В количественном содержании данные из списков чинов по ведомствам разнятся, они более краткие и включают в себя, как правило, информацию о фамилии, имени, отчестве, чине, должности, учебном заведении, наградах, семейном положении, датах поступления на государственную службу, в ведомство, на должность и получения последнего чина.

Массовыми историческими источниками по советским служащим Восточной Сибири в ранний советский период (1921–1936 гг.) являются личные карточки, анкеты, биографии и прочие кадровые документы местных Советов и их исполнительных комитетов (далее также исполкомов).

Так, в ГАКК подняты документы по личному составу исполкома Красноярского горсовета (фонд № Р-631), исполкома Красноярского

окрсовета (фонд № Р-1 205), исполкома Красноярского крайсовета (Р-1 386).

В ГАИО были исследованы и запланированы к включению в базу данных личные дела местных служащих: фонды Р-11 «Иркутская губернская рабоче-крестьянская инспекция и её уполномоченные по уездам», Р-25 «Казачинский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет», Р-34 «Тихоновский волостной Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет», Р-53 «Киренский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его Исполнительный комитет», Р-600 «Исполнительный комитет Восточно-Сибирского краевого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Иркутска Восточно-Сибирского края 1930–1936».

Также проведённая работа с документами по теме исследования в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) показала, что фонды центрального архива содержат в основном отчётные, статистические и аналитические материалы по кадровому составу местных управленцев Восточной Сибири 1921–1926 гг., а биографические сведения и документы с биографическими данными по личному составу присутствуют только в общих списках, например, председателей волостных Советов, сельских Советов, районных Советов и т. д., составленных по территориальному принципу. Подобные сведения, например, были получены благодаря анализу документов из фондов Р-393 «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР, 1917–1930», Р-1 235 «Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК), 1917–1938».

Заметим, что массовые источники по советскому периоду более краткие, чем дореволюционные формулярные списки. Следовательно, в столбцах таблицы *Excel* (разрабатываемой базы данных «Биографические сведения о государственных служащих Восточной Сибири в поздний дореволюционный и ранний советский периоды, 1887–1917 и 1921–1936 гг.»), в которых отсутствуют сведения, ставилась формулировка «нет сведений», как и в случае использования списков чинов по ведомствам (если говорить о дореволюционных чиновниках).

В заключение можно сделать вывод о целесообразности использования баз данных в исторических исследованиях, в которых присутствуют массовые исторические источники. Рассмотренная тема исследования о кадровом составе местных органов власти Восточной Сибири в 1887–1917 и 1921–1936 гг. показывает, что, например, данный ресурс позволит не только не потерять информацию, но и благодаря работе с фильтрами, сортировке и автоматизации задач, математической и статистической обработке сведений, иллюстрации результатов посредством графиков и гистограмм позволит проанализировать и сравнить биографические сведения дореволюционных и советских «чиновников», а также прийти к общим выводам о преемственности и разности в этапах государственной службы.

Список источников

1. Бородкин Л. И. Квантитативная история в системе координат модернизма и постмодернизма // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 3–17.
2. Цифровые гуманитарные исследования: моногр. / А. Б. Антопольский, А. А. Бонч-Осмоловская, Л. И. Бородкин и др. Красноярск: СФУ, 2023. 272 с.
3. Владимиров В. Н. Международная научная конференция «Современная историческая информатика: аналитика данных в исторических исследованиях» (19-я конференция ассоциации «История и компьютер») / В. Н. Владимиров, А. Ю. Володин, И. М. Гарскова // Историческая информатика. 2024. № 4 (50). С. 132–148.
4. Владимиров В. Н. Международная научная конференция «Историческая информатика как Historical Data Science»: к 30-летию ассоциации «История и компьютер» / В. Н. Владимиров, А. Ю. Володин, И. М. Гарскова и др. // Историческая информатика. 2023. № 1 (43). С. 125–146.
5. Бородкин Л. И. Цифровые технологии и ресурсы в конкретно-исторических исследованиях: дискуссии и опыт / Л. И. Бородкин, В. Н. Владимиров // Историческая информатика. 2019. № 2. С. 1–8.
6. Бородкин Л. И. Кафедре исторической информатики исторического факультета МГУ 20 лет: новые тренды междисциплинарных исследований // Историческая информатика. 2024. № 3. С. 16–32.
7. Карчаева Т. Г. Биографические сведения о чиновниках Енисейской губернии в 1887–1917 гг. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024626395, 26.12.2024. Заявка № 2024626392 от 25.12.2024.

Анастасия Андреевна Кириленко
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

СОВЕТСКОЕ КИНО КАК ПРОЕКТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли советского кинематографа в популяризации системы общественного питания (общепита) и отражении её проблем. Исследование показывает, что советское кино не только формировало общественное мнение, но и становилось инструментом обратной связи, отражая реальные проблемы системы общепита.

Ключевые слова: советское кино, общественное питание, пропаганда, социальные проблемы, кинематограф

Abstract. The article analyzes the role of Soviet cinema in popularizing the catering system and reflecting its problems. The study shows that Soviet cinema not only shaped public opinion, but also became a feedback tool, reflecting the real problems of the catering system.

Keywords: Soviet cinema, catering, propaganda, social problems, cinematography

Кино вместе с развитием массовой культуры становится неотъемлемой частью повседневности общества потребления, именно через него происходит формирование различных традиций, норм и принципов, которыми человек руководствуется в обыденности. Данная особенность хорошо понималась советской властью, которая активно использовала его в осуществлении своей политики. Оно выступала способом пропаганды, а позже стало отображать злободневные вопросы с допуска государства после цензуры.

Советская власть ставила перед собой задачу создания человека нового типа, человека коммунального. В этом разрезе важное место занимал общепит, СССР рассматривал его как шаг в сторону укрепления социалистических идеалов, подъёма уровня жизни населения и освобождения женщины от «кухонного рабства». Поэтому данная тема активно демонстрировалась в кино. В разные периоды советского государства он по-разному преподносился на экранах.

В 30-е гг. страна начинает выпускать не только кинохронику, появляются фильмы различных жанров, впервые появляется комедия. Появляется первый кинофильм, в котором поднимается тема общепита – «Волга, Волга» (реж. Г. В. Александров, «Мосфильм», 1938). Тема общественного питания в нём не является центральной, но есть сцена в «кафе-ресторане», где заведение полностью пустое, там есть только работники, которые ис-

полняют песню про повара, в ней есть строчки «Пусть утихнет праздный говор, говор, говор, будто наш советский повар плохо делает обед...» Из этих сточек видно, что общество не особо хорошо воспринимает советских поваров, что объясняет отсутствие посетителей. «...Мы сумеем приготовить, мы поддержим нашу честь, а то ведь, а то ведь никто не станет есть» – из этих строк видно, что есть попытки изменить общественное мнение, чтобы привлечь новых посетителей. Можно сказать, что сама песня из кинофильма привлекает внимание зрителей к этой теме.

Фильмы 40-х гг. не рассматривают тему конкретно общественного питания, но во многих кинофильмах есть сцены с местами общепита, но везде он показан как целостная, полностью настроенная система – можно сказать, что государство пытается внедрить мысль, что такие места – часть нашей обыденной жизни, и в них нет ничего особенного. Выпуск таких кинофильмов продолжается в военные и послевоенные годы, почти до смерти И. В. Сталина в 1953 г.

Изменения в освещении общепита происходят с приходом к власти Н. С. Хрущёва и его политики «оттепели». Новогодний фильм «Карнавальная ночь» (реж. Э. А. Рязанов, «Мосфильм», 1956) не затрагивает тему общепита целенаправленно. Но интересна для рассмотрения песня, которую исполняют три девушки – «Таня, Танечка». В песенке поётся про Танечку, которая работала в столовой, и на неё никто не обращал внимания, но на бале-маскараде под маской все были увлечены ею. Но после возвращения на место никто вновь её не замечал, а лишь вспоминали о хорошо танцующей девушке. Из этого можно сделать выводы, что работники общепита не воспринимались хорошо в обществе, из-за чего работа в этой сфере не была желанной. Однако сами места общественного питания воспринимаются как часть обыденной повседневной жизни.

Со временем киноиндустрия начинает отображать проблемы, которые существуют в системе общественного питания. Почти в самом начале фильма «Высота» (реж. А. Г. Зархи, «Мосфильм», 1957) есть сцена с рестораном, где официант предлагает посетителю креветок и демонстрирует одну из них, беря её в руки, но после отказа кладёт обратно и уносит. Этот эпизод показывает, что блюда в общественных местах часто трогают работники, что не только складывает неприятный образ о заведениях, но и может быть опасно отравлениями. Так, кинематограф становится инструментом привлечения внимания общества к различным проблемам, чем вызывает большой отклик у людей, т. к. они сами видят и бывают участниками таких событий.

В 1965 г. выходит фильм «Дайте жалобную книгу». В нём центральной темой выступает качество предприятий общественного питания. Проблемы видны уже с первых минут кинофильма. Первым бросается во внимание хамское отношение официантки во время обслуживания, что будет проявляться и в дальнейшем и станет одной из главных причин конфликта, а также причин написать замечание в жалобной книге, которую на протяжении всего фильма мы так и не увидим. После требования принести жа-

лобную книгу официантка отвечает «если она свободна» что означает, что количество жалоб на ресторан такое, что её просто невозможно увидеть в руках персонала. Поэтому приходит заместитель директора, а позже и сам директор. Но никакого толку с этого нет, т. к. ни одна проблема не решается. Все эти сцены проходят на фоне грязного стола, который почти до конца сцен в этом заведении таковым и остаётся. Привлекает внимание также сцена за барменской стойкой, где мы ясно видим, что одна из работниц переливает алкоголь одного вида в другую бутылку с целью быстрее напоить тех, кто ещё не напился, а также выполнить план. Из этого можно сделать выводы, что, стремясь выполнить план и не только, работники прибегали к различным хитростям, таким как смешивание алкоголя, возможно, замена продуктов. Сцена в ресторане завершается дракой, которая была вызвана обрушением карниза, который был слабо закреплён, из-за чего обрушился от лёгкого движения. Этот эпизод позволяет сделать два вывода: первый – в заведениях было плохое качество мебели, что было опасно для гостей, а также для самих работников. Также можно отметить устаревшую обстановку заведения. Второй вывод: в данном заведении бывают драки, что подкрепляется диалогом двух милиционеров, которые обсуждают замену стекла после вчерашней драки. Эти же милиционеры останавливают драку, подоспев почти сразу, что означает, что заведение находится у них под постоянным надзором из-за его «проблемности». Можно сказать, что завязка кино отображает все злободневные проблемы системы общественного питания, которые существовали на тот момент и которые надо исправить, что и будет совершаться на протяжении фильма. Но в кино показана проблема, которая также существовала, но не решена, – это восприятие работников общепита в обществе. Это видно из фразы официантки: «Хуже нашей работы нет, за нас замуж не идут». Это показывает нам, что работницы воспринимались не самым лучшим образом, из-за чего у них возникают проблемы с личной жизнью. К сожалению, этой проблеме не уделяется должного внимания ни в кинофильме, не в реальной жизни, поэтому эту проблему можно увидеть и в наших реалиях.

Продолжая тему обслуживания, можно рассмотреть фильм «Вылет задерживается» 1974 г. В нём также представлены картины хамства, но интересно это кино тем, что можно получить больше информации о самой системе обслуживания. Так, мы видим, что качество плохое из-за не приходящей на смену работницы, а работница уже устала и обеспокоена личными проблемами, но объяснением тому, почему она остаётся на подобной работе, являются её слова о зарплате: «Такую хорошую работу сменить». Из этого можно увидеть проблемы «неналаженности» самой системы обслуживания, но также этот фильм даёт нам понять, что хоть данная работа не даёт высокий социальный статус, но она считается довольно хорошей в плане заработка, сложности работы и не требует специальных навыков.

Внутренняя кухня мест общественного питания отлично показана в кинофильме «Вокзал для двоих». В этом фильме есть также сцены грубого обслуживания, некачественного товара, но самой интересной является

сцена, когда главная героиня делает заказ в ресторане, в котором она работает, и сразу делает замечания для каждого товара: для коньяка – «И скажи Константину, чтобы не разбавлял», закуски – «Пусть достанет из заглазника колбаски, салатик», про киевские котлеты – «И скажи нашим на кухне, пусть поджарят на хорошем масле». Из этих замечаний можно увидеть, что на кухне не всегда использовались качественные продукты и что часто работники забирали часть продуктов себе, многие об этом знали и, возможно, даже были в доле, что означает, что воровство на кухне было хорошо развито.

Кинофильм «Я объявляю вам войну» 1990 г. можно отнести уже к новому периоду, т. к. прослеживаются изменения в обстановке ресторана, а также очень интересен наряд официантки, он очень открытый и даже вульгарный, но это можно объяснить изменившейся модой. Появляется новая проблема – опасность заведения, т. к. прямо в кафе заходят панки, которые забирают все деньги из кассы, в обмен на целое заведение. Это свидетельствует о тенденции ограбления мест общественного питания, что несёт опасность и для персонала, и для посетителей, что является огромным минусом в образе общепита.

Советское кино, с одной стороны, пропагандировало общепит как достижение социализма, а с другой – критиковало его недостатки, формируя у зрителей стойкие стереотипы. Эти образы сохраняются в массовом сознании и сегодня, особенно среди старшего поколения.

Список источников

1. Александрова М. В. Стилистика советской эпохи в современной массовой культуре: концептуальные кафе и рестораны // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 270–275.
2. Белорусский вокзал: х/ф. 1970, СССР, киностудия «Мосфильм», реж. А. С. Смирнов, длит. 1 ч 36 мин 20 с.
3. Вокзал для двоих: х/ф. 1982, СССР, киностудия «Мосфильм», реж. Э. А. Рязанов, длит. 2 ч 12 мин 40 с.
4. Вылет задерживается: х/ф. 1974, СССР, киностудия «Мосфильм», реж. Л. Г. Марягин, 1 ч 13 мин 50 с.
5. Высота: х/ф. 1957, СССР, киностудия «Мосфильм», реж. А. Г. Зархи, длит. 1 ч 28 мин 10 с.
6. Дайте жалобную книгу: х/ф. 1964, СССР, киностудия «Мосфильм», реж. Э. А. Рязанов, длит. 1 ч 25 мин 20 с.
7. Попова О. Д. Борьба за общепит: роль системы пропаганды в создании нового образа жизни в годы первой пятилетки // История: факты и символы. 2022. № 1. С. 42–53.
8. Я объявляю вам войну: х/ф. 1990, СССР, Свердловская киностудия, реж. Я. Л. Лапшин, длит. 1 ч 23 мин 30 с.

Алина Игоревна Кириллова

*Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский, Россия*

РОЛЬ ПИОНЕРСКОЙ И КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ В СЁЛАХ КАМЧАТКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОМОЩИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ФРОНТУ

Аннотация. На примере Камчатки автор анализирует роль и степень влияния пионерской и комсомольской молодёжных организаций на вовлечение коренного населения полуострова в помощь фронту, освобождённым территориям.

Ключевые слова: Камчатка, коренные народы Камчатки, коренные народы, коренные малочисленные народы Севера

Abstract. Using the example of Kamchatka, the author analyzes the role of the Pioneer and Komsomol youth organizations on the involvement of the indigenous population of the peninsula in helping the front and the liberated territories.

Keywords: Kamchatka, indigenous peoples of Kamchatka, indigenous peoples, indigenous peoples of the North

Период Великой Отечественной и Второй мировой войн оказал существенное влияние на все тыловые территории России, однако на территории, населённые на 1941 г. преимущественно представителями коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС), влияние оказалось особенно сильным. Так, именно в 1941–1945 гг. представители коренных народов Камчатки были призваны на фронт, именно необходимость обеспечения продовольственной и стратегической безопасности от милитаристской Японии привели к активному развитию уставных колхозов, совершенствованию их материально-технической базы и многим другим процессам, существенно изменившим быт и жизнь коренных народов. Под коренными народами Камчатки в данной статье понимаются коряки, ительмены, камчадалы, алеуты, эвены, чукчи, населявшие Камчатский полуостров. Активное участие представителей КМНС в экономической жизни страны, вовлечение их в помощь фронту и делу Победы способствовало ускорению процесса интеграции их в советское общество. Особенно активно новые элементы культуры, чувство единения с советской родиной ощущала молодёжь. И здесь следует отметить важную роль пионерской и комсомольской молодёжных организаций.

Пионерская организация на Камчатке появилась в 1923 г. «26 декабря 1923 г. в Петропавловске было принято решение об организации детской пионерской группы, руководителем которой стал учитель-комсомолец Пётр Могутин, а первым вожатым отряда юных ленинцев стал Се-

мён Зорин. В далёком студёном январе 1924 г. в пионерскую организацию вступили 24 чел.» [1]. Однако, в удалённых от Петропавловска-Камчатского национальных сёлах и кочевьях (например, в Быстринском районе) оседлые населённые пункты сформировались только в 1932–1939 гг., следовательно, постоянно действующие пионерские организации смогли начать работу тоже только в этот период, и в силу кочевого образа жизни родителей сначала число пионеров было невелико. Аналогичная ситуация складывалась и в северной части полуострова, населённой в основном коряками, а также эвенками и чукчами. Лишь к 1943–1944 гг. на большинстве территорий Камчатки удалось добиться полного охвата школьным образованием всех детей школьного возраста, а следовательно, и увеличить количество членов первичных ячеек пионерских организаций. Комсомольская организация в регионе также появляется в 1923 г., причём первичные ячейки и на удалённых от регионального центра территориях формируются быстро: «в октябре 1923 г. комсомольские ячейки были созданы в Усть-Камчатске, Нижне-Камчатске, Большерецке, Елизове, Соболево, в марте 1924 г. – в Тигиле, Мильково, в октябре – в Палане» [2]. Однако, как и пионерские организации в 1920–30-х гг., они были малочисленны и вели по-настоящему большую работу.

Большинство краеведов и исследователей истории пионерского и комсомольского движения отмечают, что именно период Великой Отечественной и Второй мировой войн стал важной вехой в укреплении этих организаций на местах, в эти годы произошёл качественный скачок в организации их деятельности и выросла численность членов. Именно пионерская и комсомольская организации способствовали привлечению молодёжи к помощи фронту. Так, «пионеры и школьники Тигильского района собрали свыше 2 300 руб. наличными и 11 500 руб. облигациями на постройку танка “Пионер”. Ученик седанкинской школы (с. Седанка оседлая) И. Федотов сдал на постройку танка 10 руб. наличными и облигаций на 75 руб., его брат – 10 и 100 руб. соответственно. Младший брат Е. Федотов, 6 лет, как будущий ученик-пионер сдал на постройку танка 10 руб. и облигаций на 20 руб.» [3]. Данный пример не был единственным, «в октябре 1942 г. учащиеся школы пос. Каменское, Пенжинский район, собирали денежные средства на подарки бойцам Красной Армии к годовщине революции. Ученики Нутальхут, Авыке, Каве и другие вносили по 80–100 руб., в сборе приняли и учащиеся начальных классов Г. Ларин – 17 руб., А. Михеев – 12 руб., Н. Болдовский – 15 руб., Попова – 10 руб., ученик 1 класса А. Прищепа – 5 руб.» [4]. Не менее активны в помощи делу Победы были и комсомольцы, представители КМНС: «в с. Тигиль 17 августа 1941 г. прошёл первый комсомольско-молодёжный воскресник» [5]. Средства, собранные в результате работы на этом воскреснике, также пошли в Фонд обороны и на строительство военной техники. Таким образом, мы можем определить, что пионерские и комсомольские организации на территориях Камчатки, населённых преимущественно КМНС, активно вовлекали молодёжь в сбор денежных средств на нужды фронта.

Не менее важную роль выполняли изучаемые нами организации и в подготовке и проведении сборов ресурсов для вторичной переработки (макулатура, металлолом) и дикоросов, необходимых для организации питания населения (ведь Камчатка в 1941–1945 гг., как и ранее, продолжала зависеть от продовольственного снабжения из континентальных регионов России, а близость Японии осложняла поставку продуктов, и в любой момент подвоз продовольствия мог оборваться). Яркими примерами могут служить материалы районных газет, описывающие активную помощь молодёжи: «в 1941 г. в с. Хайрюзово, Тигильский район, пионеры собирали лом цветных металлов, полученные средства отчислялись в Фонд обороны. Ученицы школы З. Сновидова сдала лома на 18 руб., Г. Лиманова – 9 руб., А. Данилов – 6 руб.» [6], а в с. Тигиль «пионеры параллельно с комсомольским воскресником 17 августа 1941 г. организовали сбор ягод. Е. Пензина и С. Юшина собрали ягод на 20 руб., Р. Юшин, Л. Логинова, А. Юшина, К. Подымахина, Р. Статновская, А. Толстихина, К. Лор, П. Трапезникова и Е. Трапезникова – на 50 руб.» [7]. Данные примеры также не являются единичными случаями, в 1941–1945 гг. пионерские и комсомольские ячейки на местах организовали сбор необходимых для рабочих столовых дикоросов (ягоды, грибы) и животных продуктов (яйца диких птиц), чем способствовали укреплению продовольственной безопасности региона и предотвращению голода. Сбор таких ресурсов, как медь, никель, свинец и иные металлы, был важен для производства снарядов в Петропавловске-Камчатском, частично обеспечивал Камчатский оборонительный район необходимыми ресурсами.

Принимали участие пионеры и комсомольцы в помощи населению эвакуированных, а затем и освобождённых территорий. Здесь одной из самых распространённых форм работы был сбор тёплых вещей: «учащиеся Карагинской начальной средней школы, Тигильский район, в ответ на вызов Тигильской школы собрали 204 шт. вещей и 20 м мануфактуры. А. Миронов сдал 2 рубашки, 2 свитера, 2 брюк, пальто, Е. Логинова – сорочку, платье, 2 юбки, 2 блузки, 2 пальто и 2 фуфайки, В. Донник – 2 пары белья, 2 блузки, пальто, ботинки и 3 брюк, В. Гальчук – шапку, 4 пары белья и пальто» [8]. Собранные вещи в посылках отправлялись нуждающимся. Формат вызова – это один из самых известных способов мотивации пионеров и комсомольцев, он был нацелен на повышение активности и перевыполнение плановых показателей, как и социалистические соревнования среди взрослого населения. Пионеры и комсомольцы, бывшие ими в 1941 г., к 1945 г. иногда становились активными тружениками тыла, входили в число ударников, т. н. «тысячников», «четырёхсотников», «двухсотников», т. е. тружеников, выполнявших планы на 1 000, 400 и 200 % соответственно. Таким образом, некоторые формы организации деятельности пионеров и комсомольцев способствовали подготовке подростков и молодёжи к взрослой жизни.

Пионерские и комсомольские организации центра и севера Камчатки организовали на пришкольных участках фронтовые огороды, стоимость урожая с которых перечислялась в Фонд обороны, участвовали в написании писем бойцам на фронт, помогали семьям погибших на войнах красноармейцев (уход за домашними животными, помощь в заготовке дров, прополка огорода).

В целом можно отметить, что именно в 1941–1945 гг. активность пионерских и комсомольских ячеек на территориях Камчатки, заселённых коренными народами, значительно выросла. Данные организации активно вовлекали детей, подростков и молодёжь в помощь фронту, поэтому вклад молодёжи из числа КМНС полуострова оказался значительным.

Список источников

1. Экскурс в историю «Пионеры Камчатки». URL: detkam-lib.ru/news/view?id=2752.
2. Камчатский комсомол: время, события, люди... К 100-летию камчатского комсомола. URL: kgu-gakk.ru/exhibitions/kamchatskij-komsomol-vremya-sobytiya-lyudi-k-100-letiyu-kamchatskogo-komsomola.html.
3. Танк «Пионер» будет громить фашистов // За новую жизнь. 21.11.1941. С. 1.
4. Праздничные подарки защитникам родины // Полярная звезда. 10.10.1942. С. 2.
5. Государственный архив Камчатского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 399. Л. 78.
6. За новую жизнь. 12.08.1941. С. 1.
7. За новую жизнь. 20.08.1941. С. 1.
8. За новую жизнь. 10.01.1942. С. 1.

Ольга Викторовна Коновалова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

СЦЕНАРИЙ РАСПАДА СССР И ПРОЕКТ НОВОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ: ВАРИАНТ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В работе рассматриваются оценки советской власти, представленные разными течениями эсеровской эмиграции. Подробно освещается позиция лево-центристской части эмиграции – группы В. М. Чернова, издававшей «Революционную Россию», которая в конце 1920-х – начале 1930-х гг. практически предвосхитила сценарий распада СССР и предложила модель новой конфедерации.

Ключевые слова: эсеры, эмиграция, «Революционная Россия», В. М. Чернов, «Социалистическая лига нового Востока»

Abstract. The paper examines the assessments of the Soviet government, represented by different currents of Socialist-Revolutionary emigration. The article highlights in detail the position of the center-left part of the emigration, the V. M. Chernov group, which published "Revolutionary Russia", which in the late 1920s and early 1930s practically anticipated the scenario of the collapse of the USSR and proposed a model for a new confederation.

Keywords: Socialist Revolutionaries, emigration, "Revolutionary Russia", V. M. Chernov, "Socialist League of the New East"

Процесс политической борьбы развёл по разные стороны баррикад две социалистические партии страны – эсеров и большевиков. Поддержав Кронштадтский мятеж в марте 1921 г., партия эсеров поставила «крест» на своей, быть может, гипотетической возможности легально существовать в большевистской России. В начале 20-х гг. XX в. значительное число представителей партии социалистов-революционеров покинуло Россию. Это связано с репрессиями, которые последовали за победой большевиков в Гражданской войне.

Сложилось несколько центров эсеровской эмиграции. Ключевую роль играли диаспоры в Праге – во главе с идеологом и одним из лидеров партии В. М. Черновым и Париже – с более правым уклоном, где проживали А. Ф. Керенский, Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк и др. В Праге выходили печатные органы партии – центральный орган «Революционная Россия» и журнал «Воля России». В Париже А. Ф. Керенский представлял свою позицию в газете «Дни», правые эсеры издавали журнал «Современные записки» [1, с. 4–5].

Существующие разногласия среди эсеровской эмиграции вызывали разные оценки событий, происходивших в России, отсюда и отличие тактических позиций. Так, наиболее правые (например, М. В. Вишняк) считали октябрьский переворот «штабной революцией», которая перечеркнула

либерально-демократические начала Февраля, уничтожила демократию; перспективы развития страны они связывали с революционным свержением Советской власти. А. Ф. Керенский полагал, что в случае политической борьбы с большевиками и для завоевания поддержки народных масс следует поддержать лозунг «свободных Советов» [2, с. 234–235].

В. М. Чернов во второй половине 1920-х гг. признавал, что Октябрьская революция при всех её особенностях является продолжением Великой русской революции, наполнением её конкретным социальным содержанием, которые, конечно, социалистическими не являются [3, с. 3–11]. При этом он считал, что продолжение новой экономической политики большевиков при определённых условиях может привести к мирной эволюции советской власти без революционных потрясений и создаёт определённые перспективы возвращения партии на политическую арену России.

Возможность мирной эволюции большевистской власти группа «Революционной России» связывала со спецификой сложившейся в 1920-е гг. политической системы, которую квалифицировала как «эргократию» — классовую власть трудящихся. Чернов и его окружение полагали, что при условии продолжения НЭПа, демократизации избирательной системы такая система могла бы трансформироваться в парламентскую демократию [2, с. 230]. Даже в период централизации системы и усиления диктаторских тенденций в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг., по мнению центристских эсеров, не исключалась возможность легальной трансформации советской власти [4, л. 122].

Такие перспективы группа Чернова связывала с наличием серьёзных противоречий в политической системе большевиков. Провозгласив новую форму организации власти — систему советов, большевики высшим органом власти в стране объявили съезд советов. В условиях монополии на власть одной партий съезды, конечно, являлись рупором партийных решений. Однако при условии партийных разногласий и апелляции к советам как к высшей инстанции, считал единомышленник Чернова Г. Шрейдер, они могут стать началом краха коммунистической диктатуры [5, с. 7–8].

Миной замедленного действия советской системы являлось наличие большого количества бюрократии. Используя механизм репрессий, партийной элите удавалось осуществлять контроль над бюрократическим аппаратом страны. Однако ослабление такого контроля с одной стороны и расхождение интересов партийного и бюрократического аппарата с другой могли привести к краху коммунистической диктатуры.

Перспективы падения советской власти актуализировали вопрос о судьбе СССР. Эсеры и Чернов поддерживали концепцию федерации, но считали, что стремление большевиков к быстрому и радикальному её осуществлению не увенчалось успехом. Объявленное в СССР равноправие советских республик в условиях централизованного и бюрократического управления не имеет ничего общего с истинным федерализмом и носит лишь формальный характер. Процесс демократизации политической

системы в СССР неизбежно приведёт к его распаду и образованию независимых государств. Для того чтобы этот процесс прошёл в цивилизованной форме, требуется разработка его организационных и правовых основ. Это стало одной из целей, поставленных Черновым в рамках созданной им в 1927 г. «Социалистической лиги нового Востока» – организации эмигрантов, выходцев из советских республик.

После распада СССР Чернов считал целесообразным создание конфедерации независимых государств, включающей Россию, Украину, Беларусь, Грузию, Армению, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан и при необходимости Кавказ. С целью предотвращения вооружённых конфликтов планировалось учредить демилитаризованные зоны и гарантировать равные гражданские и имущественные права иностранцев на территории этих республик наряду с правами граждан соответствующих государств [6, с. 20].

Также Чернов и Социалистическая лига считали важным сформулировать общие правовые основы для сосуществования независимых государств. К ним относились: «укрепление международного сотрудничества»; «взаимная защита границ всех членов конфедерации и заключение соответствующей военной конвенции»; «обеспечение прав национальных меньшинств»; создание таможенного и тарифного союза; «экономическое и финансовое взаимодействие»; решение актуальных вопросов на общесоюзной конференции и разрешение споров через Союзный Трибунал [6, с. 20].

Практически группе Чернова в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на основе научного анализа происходящих в СССР процессов удалось спрогнозировать сценарий распада советской системы и создание СНГ. Действительно, раскол партии на XIX Всесоюзной партийной конференции, демократизация избирательной системы, появления Съезда народных депутатов СССР привели к мирному падению коммунистической власти. Пророческими оказались слова Чернова, высказанные им в интервью в 1920 г. по поводу перспектив падения советской власти: её падение окажется таким же внезапным и лёгким, как и конец самодержавия, которое «пало... вдруг, заставши всех врасплох, и пало с невероятной лёгкостью, хотя ещё накануне казалось неприступной твердыней» [7, с. 1807]. Безусловно, весьма интересным оказался проект создания конфедерации из числа бывших республик СССР и разработка принципов их взаимодействия.

Список источников

1. Коновалова О. В. «Единство, основанное на воспоминаниях о прошлой близости, – это попытка согреться у потухшего костра»... Письма В. М. Чернова к О. С. Минору и М. И. Кляверу / О. В. Коновалова, В. И. Федорова, А. П. Дворецкая // Вопросы истории. 2021. № 4–1.
2. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009.

3. Коновалова О. В. В. М. Чернов о демократии и социализме: тезисы, 2-я пол. 1930-х гг. // Исторический архив. 2001. № 4.
4. Чернов В. М. Итоги марксизма // ГАРФ. Ф. 5 847. Оп. 1. Д. 11.
5. Шрейдер Г. Диктатура, рабочие и крестьяне в советской системе // Революционная Россия. 1929. № 75–76.
6. Платформа Социалистической лиги нового востока // Революционная Россия. 1927. № 59–60.
7. Коновалова О. В. Политико-правовой феномен советской власти в оценках представителей социалистической эмиграции группы «Революционной России» в 1920-е гг. // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития: матер. 19-й междунар. НТК. СПб., 2022.

Алексей Валерьевич Кузнецов
Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТОВ ЦИФРОВОЙ ИСТОРИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В статье анализируется эволюция проектов цифровой истории. Выделены три ключевых этапа от оцифровки архивов до создания интерактивных нарративов. Показано, как цифровые платформы расширяют доступ к историческим источникам, обогащают методологию и преобразуют взаимодействие с широкими аудиториями.

Ключевые слова: цифровая история, оцифровка архивов, виртуальная реальность, искусственный интеллект, публичная история

Abstract. The article analyzes the evolution of digital history projects. It identifies three key stages, from the digitization of archival materials to the creation of interactive narratives. It demonstrates how digital platforms expand access to historical sources, enrich methodological approaches, and transform engagement with broad audiences.

Keywords: digital history, archival digitization, virtual reality, artificial intelligence, public history

Становление цифровых технологий предопределило возникновение нового междисциплинарного направления – цифровой истории, в рамках которого цифровые инструменты и методы применяются для анализа, интерпретации и репрезентации исторических данных [1]. За последние три десятилетия цифровые исторические проекты демонстрируют устойчивую тенденцию к усложнению и расширению функциональных возможностей, отражая глобальные технологические и культурные изменения. Настоящая статья стремится исследовать траекторию развития цифровой истории, выделить её ключевые этапы, оценить влияние на академическую дисциплину и проанализировать потенциал для взаимодействия с широкой общественностью.

Первоначальный этап развития цифровой истории (1990–2000-е гг.) характеризовался преимущественно задачами оцифровки исторических источников и обеспечения удалённого доступа к ним. Проекты, такие как *American Memory* (URL: memory.loc.gov, 1994 г.) и *Perseus Digital Library* (URL: perseus.tufts.edu, с 1987 г.), сыграли ключевую роль в сохранении и распространении исторического наследия, включая рукописи, фотографии, картографические материалы и иные документы. Их основная цель заключалась в предоставлении широкой аудитории доступа к источникам, ранее доступным исключительно в традиционных архивах.

Следующий этап (2000–10-е гг.) ознаменовался внедрением вычислительных методов в историческое исследование, что совпало с развитием цифровых гуманитарных наук. Историки начали активно применять текстовый анализ, геоинформационные системы (ГИС) и методы анализа социальных сетей. Такие проекты, как *Mapping the Republic of Letters* (Стэнфордский университет, URL: republicofletters.stanford.edu) и *Old Bailey Online* (URL: oldbaileyonline.org), продемонстрировали эффективность количественных подходов в выявлении структурных закономерностей в массовых источниках.

Важное место в этот период заняли краудсорсинговые инициативы – например, *Transcribe Bentham* (URL: blogs.ucl.ac.uk/transcribe-bentham), вовлекающие широкую аудиторию в процесс транскрипции и аннотирования исторических текстов. Подобные проекты значительно увеличили объёмы доступных данных и способствовали налаживанию сотрудничества между академическим сообществом и гражданским обществом. Полученные результаты стимулировали дальнейшее развитие методологической базы цифровых исследований.

В последнее десятилетие акцент в цифровых исторических исследованиях смещается с создания цифровых ресурсов на получение новых исторических знаний [2]. Внимание исследователей акцентируется на интерактивных, визуально ориентированных и вовлекающих формах представления исторического материала. Развитие веб-технологий, мобильных устройств и иммерсивных медиа позволило создавать новые форматы исторического повествования. Примером может служить *Histogramy* (URL: histography.io, 2015 г.), реализующий визуализацию исторических событий в виде интерактивной временной шкалы, а также проекты, использующие ГИС для реконструкции событий, аналогичные идеям, представленным в исследованиях о восстании рабов в проекте *Jamaica, 1760–1761* гг. (URL: dp.la). В отличие от традиционных печатных изданий, цифровые нарративы могут включать в себя различные медиаформаты, предлагать нелинейные пути исследования и способствовать диалогу с аудиторией. Такие проекты, как *Who Killed William Robinson?* (URL: canadianmysteries.ca/sites/robinson/home/indexen.html), вовлекают пользователей в активное изучение исторических свидетельств, позволяя им формировать собственное понимание событий и развивать навыки исторического анализа, основанного на первоисточниках.

Средствами вовлечения аудитории становится виртуальная и дополненная реальность. Так, *Virtual St. Paul's Cross* (URL: vpcross.chass.ncsu.edu, 2013 г.) демонстрирует возможности цифровых реконструкций в образовательном процессе, позволяя погрузиться в звуковую и визуальную реконструкцию исторических событий. Важной тенденцией стало активное применение искусственного интеллекта и анализ больших данных [3]. Примером служит проект *Living with Machines* (URL: digitalexpositions.org/living-with-machines) [4], направленный на выявление долгосрочных культурных трендов на основе анализа больших объёмов газетных архивов.

Новым направлением стало формирование масштабных агрегаторов цифрового культурного наследия, таких как *Europeana* (URL: europeana.eu) и *Digital Public Library of America* (URL: dp.la), объединяющих миллионы оцифрованных объектов в едином информационном пространстве. Эти платформы способствуют разработке новых форм публичной истории, таких как виртуальные музеи и интерактивные выставки, что усиливает связь между академическим сообществом и широкой аудиторией.

Развитие цифровой истории оказало значительное влияние на трансформацию как академических, так и публичных практик исторического познания. Оцифровка источников расширила географический охват и инклюзивность исследований, а междисциплинарное сотрудничество позволило интегрировать методы, ранее характерные для точных наук, в гуманитарное знание. Интерактивные и визуальные форматы значительно повысили доступность исторических материалов для широкой аудитории. Будущее цифровой истории тесно связано с интеграцией передовых технологий, таких как генеративный искусственный интеллект и дополненная реальность [5; 6]. Необходимыми условиями для устойчивого развития цифровой истории являются повышение цифровой грамотности среди исследователей, развитие специализированных образовательных программ. Особую роль играет сотрудничество между исследователями-гуманитариями и техническими специалистами, которое способно обеспечить качественное развитие цифровых проектов, которые по своей сути носят междисциплинарный характер [7].

Эволюция цифровой истории демонстрирует сложное и динамичное взаимодействие технологических, методологических и институциональных факторов. От этапа цифровизации архивов до создания виртуальных исторических сред – цифровая история переосмысливает традиционные подходы к интерпретации и репрезентации прошлого. Использование разнообразных цифровых инструментов и методологий позволяет историкам по-новому исследовать прошлое, анализировать большие объёмы информации и представлять свои исследования в увлекательной и доступной форме для широкой аудитории. Интерактивные нарративы играют ключевую роль в этом процессе, делая историю более живой, наглядной и способствуя более глубокому пониманию прошлого. Цифровая история обладает значительным потенциалом для углубления нашего понимания исторических процессов и укрепления связи между академическим сообществом и широкой общественностью.

Список источников

1. Cohen D. J. *Digital History: a Guide to Gathering, Preserving, and Presenting the Past on the Web* / D. J. Cohen, R. Rosenzweig. Philadelphia, USA: University of Pennsylvania Press, 2005.
2. Fridlund M. *Digital Histories: Emergent Approaches within the New Digital History* / M. Fridlund, M. Oiva, P. Paju. Helsinki, Finland: Helsinki University Press, 2020. P. 382.

3. Graham S. Exploring Big Historical Data: the Historian's Macroscopic / S. Graham, I. Milligan, S. Weingart. London, UK: Imperial College Press, 2015.
4. Coll Ardanuy M. Living Machines: a Study of Atypical Animacy / M. Coll Ardanuy et al. // 28th International Conference on Computational Linguistics. 2020. Pp. 4 534–4 545.
5. König M. ChatGPT und Co. in den Geschichtswissenschaften – Grundlagen, Prompts und Praxisbeispiele // Digital Humanities am DHIP. 2024. URL: dhdhi.hypotheses.org/9197.
6. Kansteiner W. Digital Doping for Historians: Can History, Memory, and Historical Theory be Rendered Artificially Intelligent? // History and Theory. 2022. Vol. 61. No. 4. Pp. 119–133.
7. Кузнецов А. В. Междисциплинарные исторические исследования в цифровую эпоху // Матер. 3-й междунар. НК по междисц. иссл. Екатеринбург: ИЦЭиП, 2023. С. 172–176.

Александра Сергеевна Кузьменко
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»;
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ СХЕМЫ КРАСНОЯРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В НАЧАЛЕ 1970-Х ГОДОВ

Аннотация. В работе изучаются условия, повлиявшие на разработку генеральной схемы Красноярского научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР в начале 1970-х гг. Также автор выявляет связь данных условий со структурными особенностями создававшегося учреждения.

Ключевые слова: Красноярский научный центр, Сибирское отделение Академии наук СССР, «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края»

Abstract. The article studies the conditions that influenced on the development of the general seed of the Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in the early 1970s. The author also analyses the connection of these conditions with the structural features of the created institution.

Keywords: Krasnoyarsk Scientific Center, Siberian Branch, USSR Academy of Sciences, "On measures for further integrated development in 1971–1980 productive forces of the Krasnoyarsk region"

Сегодня Федеральный научно-исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (ФИЦ КНЦ СО РАН) является центральным научным учреждением такого стратегического региона, как наш край. В него входят девять институтов и специальное конструкторско-технологическое бюро «Наука» КНЦ СО РАН. Также при нём функционируют научно-исследовательские центры и отделы, среди которых Международный научный центр исследований экстремальных состояний организма, включая сектор иммунологии и региональный центр коллективного пользования СО РАН.

Данная разветвлённая структура сформировалась в течение последних 50 лет. При этом причины столь стремительного роста практически не затронули интересов исследователей. Анализ историографии по данному вопросу показывает сосредоточенность научной мысли на истории создания отдельных институтов (например, Института леса им. В. Н. Сукачёва, Института физики им. Л. В. Киренского) или деятельности отдельных видных учёных (Н. В. Орловского, А. С. Исаева и т. д.) [1; 2].

Данная небольшая работа своей целью ставит изучить причины и особенности разработки генеральной схемы КНЦ СО АН СССР на первоначальном этапе – в начале 1970-х гг.

Источниковой базой работы стала неопубликованная делопроизводственная документация, хранящаяся в текущем архиве ФИЦ КНЦ СО РАН, а также материалы интервью, проведённого автором статьи с Диной Ивановной Назимовой, доктором биологических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института леса им. В. Н. Сукачёва СО РАН.

Работа основывается на модернизационной теории, позволившей раскрыть экономико-политические обоснования структурного развития КНЦ.

Создание в Красноярске на рубеже 1950–60-х гг. двух научных институтов (физики и леса) силами виднейших союзных академиков, безусловно, заложило основу формирования серьёзной научной инфраструктуры в этом сибирском регионе. Однако, именно активная позиция и незаурядные организаторские способности директоров молодых учреждений позволили этим усилиям не остановиться на отдельных, в т. ч. переведённых из центральных районов страны, организациях, а запустить процесс создания единой системы научных институтов.

«Сукачёв был личностью выдающейся... Жданов был и чиновник, в хорошем смысле, и поддерживал учёных» [3].

Развитие краевого сосредоточения науки и соответствующей обеспечивающей инфраструктуры было поставлено в качестве важнейшей цели.

При определении состава, масштабов и сроков формирования будущего КНЦ учитывался ряд существенных условий и особенностей района, в котором планировалось развёртывание деятельности этих научных учреждений.

Наиболее очевидные обоснования необходимости развития такого центра лежали в природно-климатических и территориальных особенностях региона.

Красноярский край к началу 1970-х гг. позиционировался в качестве крупнейшего административно-территориального района не только Сибири, но и всей РСФСР. Составляя около 11 % общей площади СССР, Красноярский край обладал богатейшими природными ресурсами и возможностями для развития важнейших на тот момент отраслей промышленности и крупного сельскохозяйственного производства. Природные богатства, выявленные на его территории, оценивались как имеющие масштабы и экономичность, позволяющую рассматривать их не просто как ресурс местного значения, но как национальное богатство страны.

Топливо-энергетические ресурсы включали в себя свыше 40 % общесоюзных геологических запасов угля, в т. ч. уникальный Канско-Ачинский бассейн, в котором добыча открытым способом оценивалась в 300–500 млн т в год при средней проектной себестоимости условного топлива в пределах 0,6–0,7 руб. и при удельных капитальных вложениях не выше 2,5 руб. на тонну годовой добычи [4, л. 2].

Водные ресурсы края, согласно оценке Совета директоров институтов СО АН СССР в г. Красноярске, составляли 17 % общесоюзных, что являлось потенциалом для постройки высокоэкономичных гидростанций общей мощностью 50–60 млн кВт/ч с годовой выработкой более 200 млрд кВт/ч электроэнергии [4, л. 3].

Лесные ресурсы, занимавшие более 150 млн га, оценивались в 14 млрд м³ древесины (20 % общесоюзных запасов) [4, л. 3]. При этом главную часть данного массива составляли хвойные породы, среди которых высокоценная ангарская сосна, сибирская лиственница и, конечно, ценнейшая кедровая сосна.

Не менее значимыми представлялись земельные ресурсы: только на южных землях региона более 10 млн га считались удобными для сельскохозяйственных угодий. Из них более 2 млн являлись резервом для дальнейшего хозяйственного освоения. Минерально-сырьевая составляющая этих земель при относительно слабой геологической изученности к началу 1970-х гг. включала в себя более 4 тыс. выявленных месторождений и рудопоявлений. Особое значение в условиях резкого роста нагрузки на добывающий сектор советской экономики имели уникальные медноникелевые месторождения Норильского района, полиметаллические (свинец, цинк, серебро) – в районе Нижней Ангары, молибденовые – в Хакасии, исландского шпата – в Эвенкии, а также расположенные в различных частях края крупнейшие по запасам залежи железных руд, алюминиевого сырья, магнезитов, графита, талька, каменной соли, гипса, кварцитов, качественных известняков, фосфоритов, асбеста, доломита, мрамора, огнеупорных глин и нефти и газа.

Такая оценка явно показывала выраженную избыточность основных производственных ресурсов региона с высокими экономическими характеристиками. Главным условием успешного их освоения в долгосрочной перспективе могло стать именно наращивание научно-технического потенциала. При этом наличие на этой сибирской территории всех характерных природно-климатических зон давало возможность ставить и исследовать здесь различные региональные проблемы с перспективой дальнейшего распространения их на другие районы Сибири.

Необходимо было также учесть и центральное географическое положение г. Красноярска – оно облегчало внешние связи с другими научными центрами Сибири (Новосибирск, Томск, Якутск, Иркутск).

Всё это послужило основанием для принятия Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края», которое можно назвать по его характеру научно-обоснованной долговременной программой развития территории в условиях единого планового хозяйства [5].

Повышение эффективности экономического потенциала края, с точки зрения руководителей Совета директоров красноярских научных институтов, напрямую было связано с созданием здесь научного центра. Поэтому его схема рассматривалась в тесной связи с основными направлениями развития, определёнными этим постановлением, одновременно сохраняя общую канву и задачи системы всего СО АН СССР.

По данным Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, темпы роста учреждений фундаментальной науки в Сибири к началу 1970-х гг. были на уровне 6–7 % в год по численности персонала [4, л. 6]. Эти темпы признавались как достаточные. В будущем главное внимание должно было уделяться не приросту научных сотрудников, а повышению производительности их труда в силу стабилизации прироста Новосибирского центра академической науки и ускорения прироста численности периферийных центров в Якутске, Томске, Иркутске.

Поэтому генеральная схема будущего КНЦ должна была включать в себя не только уже имеющуюся базу фундаментальных исследований, но и основу для научно-прикладных, проектных и опытно-конструкторских разработок, а также подготовки и переподготовки кадров.

Такой конгломерат науки, техники и образования должен был базироваться на некоторых принципах.

Во-первых, в комплекс фундаментальных наук закладывались научные учреждения физико-математического, биологического, геологического, химического и общественно-экономического профиля.

Во-вторых, в состав центра наряду с академическими учреждениями планировалось включить исследовательские и проектные институты отраслевого профиля, а также соответствующие специальности высших учебных заведений (радиоэлектроника, лесное хозяйство, лесопереработка, геология рудного сырья, электротехнология и т. п.) и опытно-производственную базу предприятий ряда отраслей.

В-третьих, обязательным (особенно исходя из опыта новосибирского и иркутского академических городков) провозглашался вопрос формирования обслуживающих подразделений общего назначения (медицинских, образовательных и т. д.) и жилищного фонда.

Исходя из указанных принципов, руководство красноярских научных институтов выступило за организацию вычислительного центра, 11 институтов, отделов Института экономики и организации промышленного производства и Института гидродинамики СО АН СССР. В рамках же реализации прочной спайки с производством предлагалось, кроме всего прочего, создание опытного завода и центра научно-технической информации.

Указанное укрепление и расширение экспериментальной, опытно-промышленной базы исследований потребовало включение в генеральную схему пунктов, связанных со строительством ряда специальных корпусов, среди которых были корпус модельных установок замкнутых систем

жизнеобеспечения Института физики, позволивший провести беспрецедентные в мировом масштабе исследования для космической индустрии, а также стационары и биологические опытно-экспериментальные базы Института леса и древесины, внёсшие впоследствии видный вклад в изучение т. н. «кедровой проблемы» [4, л. 12].

Таким образом, принятие при разработке генеральной схемы КНЦ указанных выше принципов позволило обеспечить планирование необходимого уровня организации исследований и одновременно запускало процесс формирования центра, не дублирующего соседние сибирские учреждения по своей научной направленности.

Список источников

1. Куперштох Н. А. Страницы истории Института леса им. В. Н. Сукачёва // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 135–152.
2. Нефедьев В. В. Академик РАН Исаев Александр Сергеевич – 90 лет со дня рождения / В. В. Нефедьев, А. В. Горнов // Вопросы лесной науки. 2021. Т. 4. № 3. Ст. № 91. URL: jfsi.ru/4-3-2021-nefediev_gornov/?ysclid=m2x67fylio349268939.
3. Интервью с Д. И. Назимовой. Красноярск, 02.06.2024.
4. Архив ФИЦ КНЦ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
5. О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 гг. производительных сил Красноярского края: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 65 от 01.02.1971 // КонсультантПлюс.

Назар Исламович Курбанов, Никита Дмитриевич Тихонов

Московский государственный институт

международных отношений (университет) МИД России,

Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития городов Таджикистана и их социальной структуры в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Проводится сравнение с аналогичными процессами в других странах мира. Делается вывод, что города в Таджикистане совмещали в себе как западные, так и уникальные восточные черты.

Ключевые слова: Таджикистан, СССР, город, ислам, деревня

Abstract. The article analyzes the Tajikistan cities development and their social structure during the breakup of the USSR. There are several analogies with the urban development in other countries. The article concludes that cities in Tajikistan combined both Western and unique Eastern features.

Keywords: Tajikistan, USSR, city, Islam, village

Благодарности. Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках XV конкурса молодых учёных МГИМО «Расширение горизонтов сотрудничества БРИКС».

Центрально-Азиатский регион являлся и до сих пор является своеобразным калейдоскопом культур, религий, народов и традиций в силу целого ряда географических, исторических и социальных причин. Тем не менее даже в таком действительно разнообразном окружении Таджикистан к концу 1980-х гг. выделялся своими полиэтничностью и полирелигиозностью. В то же время Таджикистан оставался самой бедной республикой Советского Союза и самым зависимым от дотаций. В совокупности эти факторы после распада СССР выразились в продолжительном и кровопролитном конфликте, выделившемся даже на фоне общей нестабильности в регионе. Целью данного исследования является анализ особенностей развития городов Таджикистана в данный турбулентный период его истории. Авторы предполагают, что города в Таджикистане совмещали в себе черты и Запада, и Востока. Методология данного исследования основывается на исследованиях городского пространства французского философа Анри Лефевра и американского социолога Дэвида Харви. Исследователи выдвигали концепцию «права на город», отражающую городскую среду как особый тип пространства, от организации которого напрямую зависит политическая и социальная жизнь населения города, особая городская идентичность. Лефевр рассматривал городское пространство как особую среду

для формирования «нового человека города», но при этом разделял «западный» и «восточный» тип города: главной характеристикой первого является его экономическая роль, а второго – политическая. Харви же отмечал, что требование «права на город» выдвигается зачастую именно маргинализированными группами населения. В то же время эти исследования были во многом обусловлены городскими протестами в западных странах (в первую очередь здесь стоит отметить 1968 г.). Восточные же города в целом, тем более города Центральной Азии, представляются недостаточно исследованными в рамках данного направления социологии города.

История развития городов и в целом урбанизации в Таджикистане в XX в. неразрывно связана с процессом индустриализации, который проводили советские власти с 1920-х гг., увеличив тем самым долю городского населения с 10 до 33 % в 1989 г. [1, р. 344]. Для решения проблемы дефицита кадров в расширяющиеся города с промышленными предприятиями привлекались квалифицированные специалисты из других республик, в результате чего в ряде городов (Душанбе, Нурек, Курган-Тюбе и др.) преобладало именно нетаджикское население, а ещё формирующийся таджикский пролетариат оказался маргинализован, при этом в экономике между городом и деревней возник раскол [2, с. 809]. В результате к середине 1980-х гг. конфликт между городом и деревней в Таджикистане выражался не только в противостоянии экономического характера, но и этнического, культурного. Показательными здесь являются массовые беспорядки в Душанбе в феврале 1990 г. Характерно, что вызваны они были слухами о выделении армянским беженцам из Азербайджана квартир [3, с. 85], а в ходе протестов активно использовались плакаты и лозунги националистического характера [4, с. 11], что указывает именно на таджикское население как на их главную движущую силу. Таким образом, своеобразное выражение требования «права на город» в позднесоветском Таджикистане было озвучено, как и в ходе студенческих протестов 1968 г. в странах Запада, «маргинальными группами» [5, с. 18] на периферии.

Однако на этом сходства между Таджикистаном 1990 г. и Западом 1968 г. заканчиваются. К началу 1980-х гг. вокруг городов сформировались три из четырёх основных этнорегиональных групп: ленинабадцы (позже – ходжентцы), гармцы и кулябцы. Только Памирский клан был назван не по региональному, а по этническому признаку, т. к. территория современной Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) населена целым спектром памирских народов, которые часто разительно отличаются от таджиков в языковом плане (бартангцы с локальной группой рошорвцев, горонцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы с локальной группой хуфцев, шугнанцы с локальной группой баджувцев и язгулямцы) [6, с. 162–163]. Остальные же районы Таджикской ССР характеризовались гораздо большей этнической и языковой однородностью, поэтому политические этнорегиональные группы формировались там именно вокруг городов – региональных центров. Вероятно, в этом можно проследить наследие городов «мусульманского феодализма» (как их обозначал Лефевр),

при котором город был центром власти правителя и над городом самим, и над его окрестностями [7, р. 119] и в целом имел более политическое, нежели экономическое значение для региона. Другое важное отличие от Запада заключалось в большом значении традиционного, «деревенского» общества для городской жизни Таджикистана за счёт влияния ислама и «мужских клубов».

О последнем институте необходимо сказать отдельно. Во-первых, основное мужское население Таджикской ССР во второй половине XX в. большую часть свободного времени (особенно в зимнее время года) проводило в «мужских клубах». Во-вторых, участие многих мужчин в общественно-политической жизни республики начиналось именно с ежедневного посещения (в основном в вечернее время) данных заведений, причём эти заведения в зависимости от клановых групп отличались как планировкой помещений, так и практиками индоктринации [8, с. 55–58]. Большое внимание эти собрания уделяли изучению ислама, иногда в наиболее радикальных его трактовках. И всё это происходило иногда при открытой поддержке советской власти, которая нередко сама организовывала подобные клубы, декларируя при этом «воинствующий атеизм». Перестройка позволила данным объединениям ещё более открыто проповедовать ваххабитское направление ислама [9, с. 75]. Тип «нового человека» городского общества, который был бы свободен от «аграрной, традиционной цивилизации» и которого в качестве цели выдвигал Анри Лефевр [10, р. 31], был в Таджикистане поэтому невозможен. Лозунг «права на город» в Таджикистане оказался выдвинут, по сути, не городским населением.

Таким образом, перестроечный город Таджикистана совмещал в себе черты городов Запада и Востока. С одной стороны, попытка проведения в Таджикистане форсированной индустриализации привела как к конфликту экономического характера между городом и деревней, так и этнополитическому противостоянию внутри самого города, что выразилось в протестах маргинализированных групп. С другой стороны, требование «права на город» выдвигалось не городским, а ещё недавно сельским населением и увязывалось во многом с политической, а не экономической ролью города, что отражает наследие древних и средневековых городов Востока.

Список источников

1. Abdullaev K. Historical Dictionary of Tajikistan. Lanham; Boulder; New York; London, 2018. 648 p.
2. Таджики / ред.: Н. А. Дубова, Н. К. Убайдулло, З. М. Мадамиджонова; ИЭА РАН; ИИАЭ им. А. Дониша НАНТ. М.: Наука, 2021. 1 005 с.
3. Блищенко В. И. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве / В. И. Блищенко, М. М. Солнцева. М.: Аспект Пресс, 2014. 304 с.
4. Тошмухаммадов М. Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление // Making a Discipline of Slavic Eurasian Studies: Meso-Areas and Globalization: матер. междунар. НК. Sapporo, Japan: Hokkaido University Press, 2004. 26 с.

5. Харви Д. Право на город / пер. с англ. М. А. Котляров. Екатеринбург, 2019. 36 с.
6. Каландаров Т. С. Памирские народы, их языки и перепись: этнический дискурс // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 162–178. DOI: 10.31857/S086954150001482-0.
7. Lefebvre H. Writings on Cities / trans.: E. Kofman, E. Lebas. Cambridge, USA: Blackwell, 1996. 250 p.
8. Бобохонов Р. С. «Мужские клубы» как институт гражданского общества в Таджикистане (XX в.) // Политика и общество. 2012. № 5 (95). С. 55–66.
9. Бобохонов Р. С. Гражданская война в Таджикистане (1992–1997 гг.). Причины, последствия и уроки // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 74–83.
10. Lefebvre H. Le Droit à la Ville // L'Homme et la Société. 1967. No. 6. Pp. 29–35.

Надежда Николаевна Лебедева¹, Юрий Владимирович Рябов²

¹ Братский государственный университет,

Братск, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет,

Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ЗОН СОЗДАНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩ СИБИРСКИХ ГЭС

Аннотация. В статье предпринимается попытка обобщить часть полученного опыта исследования процесса переселения населения из зон создания водохранилищ Ангарского и Енисейского каскада ГЭС. Обозначается круг проблем, связанных с данными процессами. Обращается внимание на недопустимость безусловной оценки переселения населения как трагедии, вызванной исключительно строительством крупных ГЭС. На примере миграционных процессов в РСФСР в период 1950–80-х гг. показано, что судьба сибирских деревень, оказавшихся в зоне воздействия водохранилищ ГЭС, в их отсутствие едва ли стала бы иной в исторической перспективе.

Ключевые слова: история СССР, Восточная Сибирь, Ангарский каскад ГЭС, Енисейский каскад ГЭС, переселение населения, миграционные процессы

Abstract. The article attempts to summarize some of the experience gained in studying the process of population resettlement from the reservoir creation zones of the Angarsk and Yenisei cascades of HPP. The range of problems associated with these processes is outlined. Attention is drawn to the inadmissibility of an unconditional assessment of the resettlement of the population as a tragedy caused solely by the construction of large hydroelectric power plants. On the example of migration processes in the RSFSR in the 1950–80s. It is shown that the fate of Siberian villages that found themselves in the zone of impact of hydroelectric power plant reservoirs, in their absence, would hardly have become different in the historical perspective.

Keywords: history of the USSR, Eastern Siberia, Angara cascade of HPP, Yenisei cascade of HPP, population resettlement, migration processes

Переселение населения из зон создания водохранилищ гидроэлектростанций само по себе как комплекс мероприятий следует рассматривать как крайне сложный процесс, являющий определённую проблему для его исследователей.

К настоящему времени в целом ряде исследовательских работ, посвящённых проблематике возведения крупных гидроузлов в целом и переселения населения из зон затопления в частности, успел оформиться своеобразный канон, являющий собой попытки анализа широкого круга источников через оптику, присущую писателям-деревенщикам. В результате отдельные исследования, несмотря на хорошую источниковую базу, нередко получают заранее однозначно заданную специфическую эмоциональную

окраску, а процесс переселения населения приобретает дополнительное апокалипсическое и эсхатологическое измерения, что находит отражение в аллюзивных связях с мифической Атлантидой и т. п.

Настоящая работа, ограниченная рамками статьи, не претендует на полноту исследования, являясь скорее попыткой обобщения части уже накопленного опыта изучения обозначенной темы и вместе с тем приглашая других исследователей к дискуссии и поиску новых путей решения проблемы.

В первую очередь необходимо обозначить круг проблем, связанных с переселением населения из зон создания водохранилищ крупных ГЭС. Предварительно можно выделить следующие аспекты.

1. Социальные проблемы:

- потеря дома и привычной среды обитания: люди вынуждены покидать родные земли, что может породить глубокий эмоциональный стресс и чувство ностальгии по утраченной малой родине;

- разрушение социальных связей: переселение нередко приводит к распаду целых сообществ, особенно в сельской местности, где связи между людьми бывают особенно тесными.

2. Экономические трудности:

- неадекватные компенсации: оценка стоимости жилья и земли нередко занижается, а выплаты не покрывают реальных расходов на обустройство переселенца на новом месте;

- потеря источников дохода: сельские жители, зависящие от своих традиционных занятий, могут остаться без занятости и доходов, если новые территории окажутся по тем или иным причинам непригодными для привычной хозяйственной деятельности.

3. Экологические последствия:

- утрата природных ресурсов: затопление территорий может лишить людей доступа к водным и лесным ресурсам, негативно влияя на сельскохозяйственную и рыбохозяйственную деятельность;

- изменение экосистемы: переселенцы в новых местах вселения могут столкнуться с непривычными климатическими условиями.

4. Сохранение историко-культурного наследия:

- уничтожение историко-культурного наследия: под водой могут оказаться исторические и археологические памятники, кладбища, священные места, что особенно болезненно для коренного и/или старожильского населения;

- потеря преемственности: разрыв с родными землями и распад социальных связей ведёт к утрате культурных практик, языка (диалектов) и идентичности.

Данный перечень далеко не полон и может включать в себя также различные организационные проблемы, юридические коллизии [1] и т. д.

Колоссальный масштаб переселения населения из зон создания водохранилищ Ангарского и Енисейского каскада ГЭС порождает соответствующую глубину и сложность явления.

В научных исследованиях, подобно художественной литературе, часто можно встретить безусловную оценку самого факта переселения населения на новые места как трагедии – коллективной и личной. Но такая оценка едва ли может быть единственной или главенствующей без должного учёта целого ряда факторов. Попробуем рассмотреть эту проблему в несколько более широком контексте.

Прежде всего, следует отметить, что характер и степень вовлечённости конкретных категорий населения к переселению из зоны затопления, как и отношение к нему, были довольно разнообразными.

Например, уход сельского населения из будущей зоны затопления водохранилища Усть-Илимской ГЭС оказался связан с более ранним, чем собственно подготовка ложа водохранилища, появлением промышленных предприятий в регионе – в начале 1950-х гг. Таким образом, к началу 1960-х гг., когда вопрос о строительстве Усть-Илимской ГЭС ещё находился на стадии обсуждения, количество крестьянских хозяйств в деревнях уже сократилось не менее чем в три раза, а к моменту массового переселения населения из зоны затопления из 61 населённого пункта, попадающего в зону воздействия водохранилища, 17 и вовсе пустовали [2, с. 135].

Таким образом, отток населения из сельской местности, даже совпадающий по времени с мероприятиями по строительству ГЭС, не всегда был вызван ими же. При этом и в случае прямой связи катастрофичность восприятия переселения из зоны затопления (как самими переселенцами, так и исследователями) объясняется, до определённой степени, лишь её внезапностью и скоростью.

В связи с этим интересным представляется вопрос: как развивалась бы, например, деревня зоны Ангарского каскада, если бы затопления не произошло? Осмелимся предположить, что общий вектор развития был бы примерно таким же.

Сокращение сельского населения в период возведения Ангарского каскада ГЭС было неизбежным и быстрым во всех регионах РСФСР. Так, на скорость сокращения естественного прироста влияла, например, мелкоселённость, которая была характерна и для затопляемых территорий [3].

Уход на армейскую службу по призыву с последующим невозвращением в село, отъезд для поступления в учебное заведение, на работу по вербовке, комсомольскому призыву, оргнабору также способствовали вымыванию из деревни молодёжи. По оценке И. Е. Зеленина, 6 млн чел. из 7 млн, уехавших из сельской местности в первой половине 1960-х гг., составляли люди в возрасте от 17 до 29 лет [4, с. 85].

Необычайная сила этого миграционного всплеска подтверждается последующим снижением молодёжной миграции: итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. демонстрируют – чем старше население, тем боль-

ше в нём мигрантов, т. е. пик интенсивности переездов приходился на середину 1960-х гг., а впоследствии они пошли на спад [5, с. 9].

Другими причинами массового перемещения молодёжи стали не-престижность сельского труда, отсутствие бытовых удобств, особенно на фоне совершенствующегося городского быта.

Весьма высокой в сельском хозяйстве оставалась доля ручного труда: так, даже к 1985 г. доля занятых им лиц в Восточной Сибири составляла в животноводстве 69,3 %, в растениеводстве – 40,7 % [6, с. 151]. Любая попытка интенсифицировать сельхозпроизводство в условиях низкой его механизации обязательно приводила и к резкому увеличению затрат ручного труда. Производительность труда неуклонно падала, сказывалось и усиление незаинтересованности сельского работника в результате труда, и распространение социально-негативных явлений.

Начиная со второй половины 1960-х гг., темпы развития сельского хозяйства Сибири неуклонно снижались, хотя при этом шло достаточно стабильное наращивание потока капиталовложений [7, с. 163]. Аграрная реформа 1965 г. не дала выраженных результатов в силу хаотичности и непоследовательности преобразований, внедрение «планирования снизу» привело к выраженному падению уровня сельхозпроизводства, в т. ч. в исследуемом регионе. Ужесточение планирования, централизации в распределении бюджетного финансирования и ликвидация системы хозрасчёта в сельском хозяйстве после июльского пленума 1970 г. привели лишь к ускорению роста нерентабельных хозяйств. В Восточной Сибири уровень рентабельности колхозов составил на 1980 г.: –15,5 %, совхозов: –12,9 % [8, с. 175].

Попытки интенсифицировать развитие отрасли путём углублённой специализации, концентрации производства, отказа от непрофильных активов – промыслов и т. д., привели лишь к углублению кризиса сельского хозяйства в 1970-е гг. и не остановили отток населения в город. Организация межхозяйственных предприятий с целью налаживания отраслевой кооперации колхозов и совхозов не повлияла на общую эффективность сельхозпроизводства: к началу 1980-х гг. на долю таких сибирских предприятий приходилось лишь 0,1 % от общего объёма произведённого, но и по СССР в целом – не более 1 % [9, с. 168].

Нерешаемой проблемой оставались периодические неурожаи. Динамика развития сельского хозяйства Сибири в 1960–80-х гг. приобрела затухающий характер: сельское хозяйство Сибири в условиях меньшей обеспеченности средствами интенсификации стало заметно отставать от общесоюзного уровня по темпам роста важнейших продуктов (зерна, молока, говядины), технологическому уровню и экономическим показателям [10, с. 157–160].

Таким образом, само угасание сельских поселений, находившихся на месте зоны водохранилищ Ангарского и Енисейского каскадов ГЭС, было предрешено по объективным причинам, обусловленным ходом исторического развития в 1950–80-е гг.

Конечно, без возведения каскадов миграция не была бы столь стремительной, но всё равно осталась бы неизбежной и в конечном итоге масштабной.

Всё это в очередной раз говорит нам о том, что переселение населения из зоны затопления вместе с множеством сопряжённых с ним работ в силу своего масштаба и сложности требует самого детального рассмотрения множества факторов для более корректной интерпретации и оценки данных процессов.

Список источников

1. Беляков А. А. О правовых основах гидроэнергетики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2010. № 4. С. 103–109.
2. Бубнов А. С. Илимская пашня. Время перемен. Иркутск: Иркутская обл. тип. № 1, 2002. 420 с.
3. Горбачев О. В. История крестьянства Западного региона России: 1941 – сер. 1980-х гг. / О. В. Горбачев, И. В. Кометчиков, В. Я. Филимонов. Калуга: КГИРО, 2017. 632 с.
4. Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущёва и сельское хозяйство страны. М., 2001. 305 с.
5. Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX в.: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. М.: ИНП РАН, 2000. С. 3–15.
6. История крестьянства Сибири. Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–80-е гг. / ред. Н. Я. Гущин. Новосибирск, 1991. 493 с.
7. Сельское хозяйство Сибири в XX в.: проблемы развития и кризисы / В. А. Ильиных, С. Н. Андреенков, В. М. Рынков и др. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2012. 408 с.
8. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–80-е гг. Новосибирск, 1991.
9. Социально-экономическое развитие сибирского села / В. А. Калмык, Р. В. Рывкина, Л. А. Хахулина и др. Новосибирск: Наука, 1987. 447 с.
10. Ильиных В. А. Интенсификация сельского хозяйства Сибири в 1960–80-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2011. Иркутск: БГУ, 2011. 472 с.

Мария Дмитриевна Луцаева, Татьяна Дмитриевна Луцаева
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В XXI в. проблема сохранения и защиты исторической правды приобретает особую актуальность. В связи с этим одним из главных направлений развития современного общества видится реализация системы мер профилактического характера, направленных против фальсификации истории.

Ключевые слова: историческая правда, фальсификация истории

Abstract. In the 21st cent. the problem of preserving and protecting historical truth is becoming particularly relevant. In this regard, one of the main directions of the development of modern society is the realization of the system of preventive measures against the falsification of history.

Keywords: historical truth, falsification of history

В последние годы всё большее внимание уделяется вопросам сохранения и защиты исторической правды. История нашей страны и прежде всего история Великой Отечественной войны – это то, что объединяет российское общество независимо от нации, религии, социального статуса и политических взглядов [1, с. 7]. И на сегодняшний день в преддверии 80-летнего юбилея со дня Победы в Великой Отечественной войне эта тема приобретает особую актуальность.

Ещё в 2020 г. в результате внесения поправок в Конституцию РФ была введена ст. 67.1. В соответствии с ч. 3 данной статьи: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Дальнейшее развитие эта идея получила в новой Стратегии национальной безопасности РФ, где указано, что в основе такой безопасности лежит защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры, а также исторической памяти. В свою очередь это достигается путём реализации таких задач, как: 1) защита исторической правды (пп. 2 п. 93); 2) формирование и контроль качества выполнения государственных заказов в сферах, которые способствуют защите исторической правды (пп. 11 п. 93) [2]. Стоит отметить, что в предыдущих стратегиях национальной безопасности РФ отсутствует словосочетание «историческая правда», а влияние истории на национальную безопасность рассматривается только в контексте её фальсификации или же попыток её пересмотра [3, с. 1 072].

Однако, несмотря на взятый курс по сохранению и защите исторической правды, в нашей стране увеличивается количество преступлений, связанных с фальсификацией истории в целом и истории Великой Отечественной войны в частности. Например, в 2022 г. за реабилитацию нацизма по ст. 354.1 УК РФ было осуждено 28 чел., а уже к 2023 г. число приговоров выросло до 52 [4].

Использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» способствовало появлению новых механизмов совершения преступлений по ст. 354.1 УК РФ. Так, в 2020 г. в связи с введением пандемии и распространением коронавирусной инфекции *COVID-19* акция «Бессмертный полк» впервые была проведена в онлайн-формате. В результате сложилась новая судебная практика по ст. 354.1 УК РФ, когда люди вместо фотографий героев-участников Великой Отечественной войны стали присылать изображения лидеров нацистской партии. В дальнейшем в отношении них были возбуждены уголовные дела. В качестве примера можно привести приговор Иркутского областного суда № 2-51/2021, в котором за размещение фотографии Адольфа Гитлера лицо было приговорено к штрафу в размере 100 тыс. руб. [5].

Помимо откровенной фальсификации истории в современном мире также получил распространение феномен «постправды», при котором в цифровом пространстве невозможно (почти невозможно) найти истинный и достоверный исторический факт. Это связано с тем, что в интернете вся информация фрагментирована и неоднократно переработана, одновременно у аудитории снижен уровень критического мышления и преобладает принцип ««запостено» – значит, было» [6, с. 66]. Сегодня феномен «постправды» усугубляется ростом значения искусственного интеллекта при поиске быстрой информации. Нейросети не способны в полной мере критически оценить найденную информацию и выдают пользователям то, что находится в открытых источниках, независимо от того, является ли это достоверным историческим фактом или нет.

Таким образом, фальсификация истории в разных формах приобретает массовый характер. На наш взгляд, недопущение искажения исторических фактов должно осуществляться в первую очередь путём реализации мер профилактического характера, т. к. они влияют на формирование личности человека, а также закладывание его идеалов и ценностей. В силу чего они должны рассматриваться как не менее важные, чем привлечение к юридической ответственности.

Стоит отметить, что при выборе мер профилактики необходимо в первую очередь исходить из целевой аудитории. Для дошкольников можно использовать отечественные игрушки, способствующие формированию и развитию уважения к Родине, для школьников – лекции, рассказы, компьютерные игры. А для взрослых – спектакли (например, постановки театра исторической реконструкции «Артефакт»), художественные и документальные фильмы, выставки, конференции и круглые столы, музейные экспозиции. Отдельно можно выделить военно-исторические маршру-

ты, экскурсии по памятным местам, военно-исторические квесты, которые оказывают не только эмоциональное воздействие, но и позволяют на физическом уровне «соприкоснуться с историей». Современные способы проведения досуга, которыми являются социальные сети и другие платформы, тоже могут способствовать патриотическому воспитанию и прививанию традиционных российских духовно-нравственных ценностей. При этом для отдельных категорий граждан важную роль играют учебники, иная литература, сборники архивных документов.

Особое место занимает активное взаимодействие с лицами в возрасте от 14 до 35 лет, поскольку именно среди молодёжи наиболее часто отмечается отсутствие моральных и ценностных ориентиров, а также рост экстремистских настроений, которые приводят к попыткам переписать и сфальсифицировать историю войны [1, с. 7].

Стоит отметить, что для успешной реализации профилактических мероприятий важно их осуществление профессиональными специалистами. Следовательно, в качестве первого шага видится важным предоставление материалов подготовки и письменных рекомендации о том, каким образом проводить подобные мероприятия; организация методических семинаров, направленных на обучение учителей, преподавателей и спикеров, беседующих с молодёжью; а также учёт региональных отличий.

Оценить успешность или не успешность тех или иных действий позволит грамотно организованная отчётность. Для формирования правильного понимания ситуации наряду с количественными показателями (число проведённых мероприятий, число посетивших их людей и т. д.) нужно учитывать и качественные показатели, выявить которые значительно сложнее. Так, при проведении опроса в начале и в конце мероприятия установить честность ответов не представляется возможным. Более того, качественные показатели часто имеют эффект отложенного действия, т. е. проявляются не сразу после проведения мероприятия, а через некоторое время, и иногда после неоднократного получения информации.

Иными словами, количественные показатели указывают только на то, сколько работы было или будет сделано в определённой сфере. Так, согласно Распоряжению Правительства РФ № 1 174-р от 17.05.2024 на период 2024–2025 гг. в честь 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне было запланировано более 170 мероприятий [7]. Однако лишь качественные показатели в дальнейшем позволят нам понять уровень проделанной работы, а значит, и оценить её вклад в сохранение исторической правды.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что вопросы сохранения и защиты исторической правды, а также профилактики преступлений против исторической правды в настоящее время являются одним из приоритетных направлений развития общества в XXI в. и требуют дальнейшей разработки для эффективного практического применения. А значит, знаменитая фраза Аристотеля: «когда забывают войну, начинается новая, память – главный враг войны», – не теряет своей актуальности.

Список источников

1. Боровикова З. В. Изучение истории семьи в годы Великой Отечественной войны в КемГМУ как элемент патриотического воспитания и профилактики экстремизма в условиях фальсификации истории // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 6–12.
2. О Стратегии национальной безопасности РФ: Указ Президента РФ № 400 от 02.07.2021. URL: consultant.ru.
3. Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1 070–1 081.
4. Уголовное судопроизводство, данные о назначенном наказании по статьям УК за 2022, 2023 гг. // Судебная статистика РФ. URL: stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17.
5. Приговор № 2-51/2021 от 29.10.2021 по делу № 2-51/2021. URL: sudact.ru.
6. Фалалеева И. Н. Защита исторической правды – новое направление государственной политики РФ / И. Н. Фалалеева, В. Д. Гаврилова // Право и практика. 2021. № 4. С. 65–71.
7. Распоряжение Правительства РФ № 1 174-р от 17.05.2024. URL: government.ru/docs.

Сергей Валентинович Любичанковский

Высшая школа экономики,

Москва, Россия

Оренбургский государственный педагогический университет,

Оренбург, Россия

ПРОЕКТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И СУДА В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация. Статья посвящена анализу проектов реформирования местного управления и суда в Оренбургской губернии в конце XIX в. Рассмотрены предложения И. М. Страховского и В. И. Ершова, их подходы к решению проблем разрозненности и централизации управления. Особое внимание уделено различиям в стратегиях усиления власти губернатора и создания единого координирующего органа.

Ключевые слова: местное управление, Оренбургская губерния, реформа, губернатор, И. М. Страховский, В. И. Ершов

Abstract. The article analyzes the projects of reforming local government in the Orenburg province at the end of the 19th century. The proposals of I. M. Strakhovsky and V. I. Ershov, their approaches to solving the problems of fragmentation and centralization of management are considered. Special attention is paid to the differences in strategies for strengthening the governor's power and creating a single coordinating body.

Keywords: local government, Orenburg province, reform, governor, I. M. Strakhovsky, V. I. Ershov

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», ([URL: rscf.ru/project/23-18-00268](https://rscf.ru/project/23-18-00268)), реализуемый на базе НИУ ВШЭ.

В конце XIX в. Российская империя столкнулась с необходимостью реформирования системы местного управления. Одним из ключевых регионов, где разрабатывались проекты таких преобразований, стала Оренбургская губерния. В 1898 г. были предложены два значимых проекта реформы местного управления: проект Непременного члена Оренбургского губернского присутствия И. М. Страховского и заключение оренбургского губернатора В. И. Ершова. Эти документы отражают взгляды местной бюрократической элиты на проблемы и пути реформирования губернского управления.

Проект И. М. Страховского, представленный в 1898 г., был основан на глубоком анализе существующей системы губернского управления. Страховский выделил ряд ключевых проблем, среди которых главными были разрозненность и несогласованность органов местного управления,

а также чрезмерная централизация власти. Он подчёркивал, что отсутствие координации между различными учреждениями приводит к неэффективности управления и дублированию функций [1, с. 45].

Страховский предложил ряд стратегических целей реформы, включая координацию деятельности губернских административных учреждений, децентрализацию управления и повышение оперативности решения дел. Однако, несмотря на декларируемые цели, многие из них не получили конкретного воплощения в предложенных тактических мерах. Например, такие цели, как созидательная деятельность местного управления и соблюдение прав обществ и частных лиц, остались без детализации [2, с. 78].

Одной из ключевых идей Страховского было усиление власти губернатора. Он предлагал передать ряд функций из центральных органов в руки губернатора, а также объединить под его руководством ранее независимые местные учреждения. Это должно было повысить эффективность управления, но одновременно усиливало авторитарные тенденции в местной администрации [3, с. 112].

Проект оренбургского губернатора В. И. Ершова, в отличие от документа Страховского, был более лаконичным и осторожным в оценках. Ершов избегал критики существующей системы, сосредоточившись на конкретных предложениях по реформированию. Его проект был результатом коллективного обсуждения с высшими чиновниками губернии, что, вероятно, обусловило его более сдержанный тон [4, с. 56].

Ершов также выделил проблемы разрозненности и несогласованности в работе местных органов управления. Однако его предложения были направлены на создание единого центрального губернского органа, который бы координировал деятельность всех местных учреждений. В отличие от Страховского, Ершов не акцентировал внимание на усилении власти губернатора, предлагая более сбалансированный подход к распределению полномочий между различными уровнями управления [5, с. 89].

Оба проекта отражают общие проблемы местного управления в Оренбургской губернии: разрозненность органов власти, отсутствие координации и чрезмерная централизация. Однако подходы к решению этих проблем у Страховского и Ершова различались. Если Страховский делал акцент на усилении власти губернатора и децентрализации, то Ершов предлагал более умеренные меры, направленные на создание единого координирующего органа [6, с. 34].

Важно отметить, что проект Страховского был более детализированным и содержал конкретные предложения по реформированию, в то время как проект Ершова был скорее общим планом, не затрагивающим многие аспекты управления. Это может быть связано с тем, что проект Ершова был результатом коллективного обсуждения, что наложило отпечаток на его содержание [7, с. 102].

Проекты реформирования местного управления в Оренбургской губернии, предложенные И. М. Страховским и В. И. Ершовым, отражают различные подходы к решению общих проблем. Страховский предлагал

радикальные меры, направленные на усиление власти губернатора и децентрализацию управления, в то время как Ершов выступал за более сбалансированный подход, основанный на создании единого координирующего органа.

Оба проекта свидетельствуют о том, что местная бюрократическая элита осознавала необходимость реформ, но предлагала разные пути их реализации. Эти документы представляют собой важный исторический источник для понимания процессов реформирования местного управления в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Список источников

1. Объединённый государственный архив Оренбургской области. Ф. 123. Оп. 1. Д. 45. Л. 12–18.
2. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
3. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
4. Корнилов А. А. Курс истории России XIX в. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.
5. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
6. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с кон. XVII до кон. XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М.: РОССПЭН, 2007. 743 с.
7. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – нач. XX в. СПб.: Искусство-СПб, 1999. 479 с.

Дарья Сергеевна Малых

*Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия*

РОЛЬ СЕЛЬСКИХ КЛАДБИЩ И МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ В ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕНЬЯ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности сельских мемориальных пространств как мест памяти, способствующих формированию советской идентичности. В процессе исследования определены отличительные особенности сельских мемориальных пространств в поселениях Верхнего Приленья. Автор приходит к выводу, что сельское население Верхнего Приленья, следуя советским практикам коммеморации, смогло сохранить свою локальную идентичность.

Ключевые слова: сельское кладбище, мемориальное пространство, места памяти, советская идентичность, локальная идентичность, Верхнее Приленье

Abstract. In this article author examines the features of rural memorial spaces as places of remembrance that contribute to the formation of Soviet identity. In the course of the research, author identified the distinctive features of rural memorial spaces in the settlements of the Upper Prilenye. The author comes to the conclusion that the rural population of the Upper Prilenye, following the Soviet practices of commemoration, was able to preserve their local identity.

Keywords: rural cemetery, memorial space, places of memory, soviet identity, local identity, Upper Prilenye

Данная исследовательская работа является частью коллективного проекта по воссозданию истории сельских поселений Верхнего Приленья – территории, прилегающей к истокам р. Лены в Прибайкалье (в административном отношении включает Качугский и Жигаловский р-ны Иркутской обл.). Благодаря удалённости от административных и промышленных центров области там сохранились многие элементы традиционной культуры XVII–XX вв. Большой интерес для исследователей представляют мемориальные пространства советского времени: памятники борцам за революцию, мемориалы в память о павших в Великой Отечественной войне и др. Все эти объекты являются местами памяти, т. е. пространствами, которые согласно концепции французского историка П. Нора становятся символическимместилищем воспоминаний некоторой общности об историческом событии, явлении [1, с. 26]. Изучив их, можно понять особенности сельской мемориальной культуры.

Сопоставить дореволюционные и советские сельские мемориальные практики можно на примере церковно-приходского кладбища в с. Белоусово Качугского района Иркутской области. Оно не подверглось мас-

штабным разрушениям или изменениям на протяжении XX – начала XXI в. и не имеет поздних наслоений. Через надписи на надгробиях мы можем проследить историю семей, родов (Белоусовы, Шеметовы, Житовы и др.), которые жили и до сих пор живут в долине Куленги с XVII в. Таким образом, кладбище является своеобразным подтверждением права местных жителей на это пространство и формирует их локальную идентичность. Интересно рассмотреть, как традиционные, локальные практики памяти соотносились с советскими.

Особенностью белоусовского кладбища как мемориального пространства является сочетание двух традиций: дореволюционной, обращённой к личности, и советской, во многом связанной с массовой, большой историей, которая ведёт к определённой унификации в коммеморативной культуре. Смена отношения к захоронению прослеживается во внешнем виде памятников. Дореволюционные надгробия часто выполнены в сложной форме, рукой опытного мастера, надписи на них содержат ритуальные формулировки («На сим месте покоится Раб Божий», «Святой Боже Святой Крепкий помилуй нас» и т. п.) и эпитафии. Человека хоронят с заботой, веря, что это обеспечит его душе покой в посмертии. Революционные события и последовавшая за этим смена отношения к религии с появлением материалистических тенденций в мировоззрении меняют ситуацию. Для сохранения памяти о человеке среди живых достаточно простой плиты, где в некоторых случаях и вовсе были нанесены одни лишь инициалы. Такие перемены произошли не сразу, отсутствие единых правил и единого понимания как «хоронить по-новому» привело к появлению всевозможных смешанных форм и видов памятников и формулировок. Одновременно возникали памятники и с привычными, церковными надписями, и с советскими надписями и символами (памятник И. А. Козлову со звездой вместо креста в с. Белоусово, надгробие с надписью «Здесь покоится тело большевика» в с. Ор).

В 1917–1918 гг. советскими властями был проведён комплекс преобразований похоронной сферы, т. н. «похоронная реформа» [2, с. 595]. Однако, на деревню эта реформа оказала мало влияния в силу общинности и устойчивости традиционного уклада [3, с. 29]. В Верхнем Приленье соблюдаться эта реформа и вовсе не могла: большевики на тот момент не имели влияния в Иркутской губернии, документы советской власти не действовали. Первые изменения, вероятно, были вызваны разрушением похоронной инфраструктуры во время потрясений Гражданской войны. В 1918–1920 гг. Верхоленский уезд, в состав которого входит и с. Белоусово, стал местом столкновений «красных» и «белых», бесчинствовавших в равной степени, местом формирования банд и повстанческого движения верхоленских крестьян [4, с. 272–274].

Советские власти формировали новые коммеморативные практики, разрушая то, что осталось от старых. Так, в с. Белоусово здание церкви сначала было отдано под хозяйственное помещение, затем, в середине

XX в., под клуб, а от плит и памятников на дореволюционных могилах было решено избавиться, сбросив в воды р. Куленги. Но полностью разрушать традиционные объекты население не стало. Часть надгробий удалось спасти, переместив их на возвышенность. В этом проявляется двойственность отношения к месту памяти: с одной стороны, местные жители хотят сохранить часть своей локальной идентичности – памятники предков, с другой – следуют предписаниям власти, принимая свою гражданскую, советскую идентичность.

На уничтоженном мемориальном пространстве возле церкви, которая стала клубом, в середине 1970-х гг. в рамках общегосударственной акции увековечивания памяти о погибших в годы Великой Отечественной войны был установлен обелиск. Это обычная практика для сельской местности – устанавливать мемориалы в общественно значимых местах: возле администрации, на площади перед клубом или домом культуры и т. п. Но в Белоусово обелиск установили прямо на месте старых захоронений. Примеры подобных наслоений мест памяти – не редкость.

Так, в старожильческом с. Тутура Жигаловского района на старом недействующем церковном кладбище соседствуют установленные в разное время памятники. Установленные ещё до революции и не тронутые советской властью старинные мраморные надгробия на могилах владельцев Саляновского затона. Обелиски на могилах похороненных здесь нескольких командиров краснопартизанских отрядов, свидетельствующие о событиях Гражданской войны. Над всем кладбищем возвышаются открытые в 1975 и 2010 гг. мемориалы жителям Тутуры, павшим в годы Великой Отечественной войны. В пос. Качуг, рядом с местом, где ранее стояла церковь, сейчас располагается мемориал, посвящённый событиям Гражданской и Великой Отечественной войн. Неподалёку установлен бюст известного командира партизанского отряда Нестора Каландаришвили. В с. Бутаково Качугского района памятник погибшим в годы Великой Отечественной войны также расположен рядом с часовней. Историк, этнограф В. В. Владова характеризует такую ситуацию как «концентрация памятников в одном мемориальном месте, которое изначально было вписано в ландшафт как таковое» [5, с. 79]. Вполне вероятно, что при установке памятников местные руководители учитывали, какие места являются не только заметными (например, находятся на возвышенности или в центре села), но и значимыми или даже сакральными в глазах населения. Таким образом можно было обозначить принадлежность к советской коммеморативной культуре, сохранив местные традиции.

В то же время необходимо учитывать, что захоронение на погосте – это частное пространство, которое каждая семья оформляет по-своему, мемориал же – это пространство публичное, формируемое властью для создания своего образа прошлого. Среди населения может не быть протеста против установления памятников, но может наблюдаться противоречие между гражданской советской и локальной идентичностью.

Так, на мемориал в пос. Качуг, установленный в 1970-е гг., была нанесена следующая надпись: «Нашим землякам, павшим за становление советской власти и независимость Родины». В данном случае происходит совмещение смыслов двух исторических событий: Гражданской войны и Великой Отечественной. Победа в братоубийственной Гражданской войне видится создателям памятника как победа коммунистической идеи. С Гражданской войной в формулировке памятника отождествляется победа в Великой Отечественной войне – как победа, достигнутая под руководством коммунистической партии. Однако в настоящее время для населения Гражданская война – не триумф советской власти, а трагедия народа, противостояние людей одной страны; Великая Отечественная война – и триумфальное, и трагическое событие, объединившее народ для спасения Родины от вражеского вторжения. Каждое из этих событий трагично, но их смысловое наполнение отличается, не позволяя вместить память о них в одном мемориале. Таким образом, формулировка памятника вступает в конфликт с восприятием событий населением. В дальнейшем, уже в XXI в. это станет причиной для мемориальных войн вокруг данного места памяти.

Ещё один пример демонстрации советской и локальной идентичности – мемориалы в память о трагических событиях Гражданской войны: в Верховенске – памятник 15 расстрелянным у горы Марьян совдеповцам, в Ихиногуе – памятник убитому белогвардейцами комсомольцу. Смысловое содержание данных памятников не конфликтует с локальной идентичностью. Мемориалы посвящены жертвам террора банд (в частности, «банды Черепанихи»), от которого страдало простое население Верхнего Приленья, порой просто сочувствовавшее коммунистам. Об этих событиях местное население до сих пор вспоминает как об ужасных, драматических. Поэтому сами мемориалы воспринимаются как память об общей трагедии.

Без сомнений, локальное, сельское пространство и сельские мемориальные практики (особенно в таких удалённых местах, как Верхнее Приленье) отличаются от городских. По Нора «все организованные сообщества обнаруживают необходимость заняться поисками основ собственной организации», «воздвигать бастионы памяти, чтобы история не вымела их прочь» [1, с. 26–27, 32]. Именно поэтому, чтобы сохранить основы своей организации, своей идентичности, местное население пыталось находить место новым советским практикам без ущерба существующим традиционным правилам. Это проявлялось в виде попыток сохранения старых захоронений и памятников, конфликтов вокруг новых, в форме народных инициатив для установления памятников, которые бы соответствовали общим представлениям о трагических, героических и иных значимых событиях. Именно это удалось увидеть в сельских поселениях Верхнего Приленья, где действительно прослеживается опыт сохранения локальной идентичности при соблюдении советской коммеморации. Очевидно существование двух практик: практика формирования идентичности «сверху», когда

власть формировала для населения свой образ прошлого, и практика «снизу», локальная, которая соответствовала местным представлениям о событиях и могла вступать или не вступать в конфликт с коммеморативными практиками власти.

Список источников

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж и др. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.
2. Соколова А. Д. В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 594–621.
3. Соколова А. Д. Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI вв.: автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2013. 33 с.
4. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
5. Власова В. В. Изменение культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды: сельские храмы и кладбища (на примере республики Коми) // Вестник ТГУ. 2018. № 432. С. 74–85.

Вера Анатольевна Маслова

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия*

ПРОБЛЕМЫ ОРОШЕНИЯ ЗЕМЕЛЬ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В ОСВЕЩЕНИИ ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ КОЛОНИЗАЦИИ»

Аннотация. Статья основана на анализе публикаций журнала «Вопросы колонизации», посвящённых описанию процесса орошения Туркестанского генерал-губернаторства. Авторы рассматривают процесс колонизации края, выявляют проблемы при её реализации, предлагают возможные пути решения.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, орошение, переселенческая политика, периодическая печать, «Вопросы колонизации»

Abstract. The article is based on an analysis of the publications of the journal "Voprosy Kolonizatsii" devoted to the description of the irrigation process of the Turkestan governor-generalship. The authors consider the process of colonization of the region, identify problems in its implementation, suggest possible solutions.

Keywords: Turkestan governor-generalship, irrigation, resettlement policy, periodical press, "Voprosy Kolonizatsii"

Журнал «Вопросы колонизации» издавался в Петербурге с 1907 по 1917 г. Его авторами являлись чиновники Переселенческого управления. Тематами статей были злободневные общественно-политические вопросы. Журнал «стал специализированным изданием колонизационных экспертов и служил каналом коммуникации Переселенческого управления со структурами власти и общества» [1, с. 69].

Авторы журнала не сомневались в необходимости проведения переселенческой политики, считали Туркестан перспективным направлением для переселения русских крестьян. Власти ставили амбициозную цель создания «русского Туркестана» как плодородной витрины империи, возможность осуществления цели опиралась на расширение обрабатываемых земель за счёт орошения. В журнале «Вопросы колонизации» вынесены на рассмотрение различные аспекты проблемы ирригации: технические, правовые, нравственные.

Крупный специалист в области хлопководства агроном В. И. Юферов в статье «Усыхает ли Туркестан?» проводит исторический анализ туркестанских земель. Он приходит к выводу о том, что в последние столетия ситуация с водой в крае остаётся стабильной, а появление переселенцев, ведущих оседлое хозяйство, оживило край, т. е. грамотное ведение хозяйственной деятельности благоприятно сказывается на крае. Юферов рас-

суждает об обеспеченности края водными ресурсами, т. к. «к числу основных задач колонизатора должно быть отнесено, во-первых, изыскание удобных для земледелия площадей, а во-вторых, устройство на этих новых землях переселенцев» [2, с. 236–237], которое должно основываться не только на технических знаниях, но и опыте местного населения.

С исторического экскурса начинается и статья П. Румянцева «Условия колонизации Семиречья». Он приходит к выводу, что одна из целей колонизации достигнута: русский элемент «настолько уже многочисленен и силён, что мирное подчинение русскому господству и управлению со стороны туземцев можно считать обеспеченным» [3, с. 216]. Автор полагает, что Семиречье готово принять в настоящее время небольшое количество крестьян для занятия овцеводством, а для размещения земледельцев необходимо строительство оросительных систем.

Большое количество публикаций принадлежит Г. К. Гинсу, российскому юристу и политическому деятелю. О необходимости правового регулирования он пишет в двух статьях в № 6 за 1910 г.: «Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона» и «Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон». Он считает необходимым проводить разъяснения о водопользовании с вновь прибывшими переселенцами. Целесообразным полагает признание права «на воду принадлежностью права на землю» [4, с. 101], установление публичного права государства на все воды края, закрепление сервитута для проходящих оросительных сооружений, введение водной администрации. Гинс констатирует, что водопользование, определённое поземельными комитетами, часто не соответствует потребностям. Автор полагает, что переселенческое дело «призвано осуществить высокую задачу вторичного завоевания окраин, завоевания их на этот раз не силой оружия, а силой культуры» [4, с. 102], т. к. Россия может продемонстрировать высокий уровень развития, осуществляя ирригационные мероприятия.

Этой же теме посвящена статья другого автора – Н. Синельникова, в № 4 за 1909 г. «Упорядочивание водного хозяйства в связи с колонизацией орошаемых земель». Он считает, что в Средней Азии «мы понесли капитальное поражение по вопросам ирригации» [5, с. 155]. Синельников пишет, что для успешной колонизации края необходимо решить правовые аспекты водопользования, а также тщательно подходить к проектированию ирригационных сооружений.

В статье «Гидротехнические работы Переселенческого управления» в 1911 г. Гинс сообщает о комплексе изыскательных работ, предваряющих строительство гидротехнических сооружений в крае. Он сообщает также, что в ходе анализа выявлена необходимость в квалифицированных кадрах, а также полагает, что пришло время начала крупных работ, «чтобы наряду с улучшением агрономической деятельности на местах положить начало действительной культуре окраин» [6, с. 209].

Публикация «Условия орошения и эксплуатации частными предпринимателями свободных земель Туркестана и Закавказья» Г. Гинса посвящена рассмотрению проекта этих правил. Он полагает, что земли, которые могут быть орошаемы частными лицами, в крае имеются в незаселённых районах. Существует спрос на такой вид деятельности, и он нуждается в срочных правовых основаниях, т. к. «переселение в Туркестан заставляет жизнь края идти ускоренным темпом» [7, с. 259].

О кооперации при орошении пишут в 1912 г. Е. Скорняков и В. Лыщинский. «У климата Туркестана есть большой недостаток, препятствующий его колонизации, – там выпадает в продолжении года менее 250 мм атмосферных осадков – дождя и снега» [8, с. 82], – сообщает Е. Скорняков. Он полагает, что в Туркестане можно применить опыт США по объединению в кооперативы для обслуживания построенных коммерческими предприятиями оросительных систем. Горный инженер В. Лыщинский пишет о гидротехнических работах, в которых нуждаются некоторые (Семиреченская и Сырдарьинская) области: «В 1912 г. предполагается произвести различных строительных работ в целях орошения на 134 тыс. руб.» [9, с. 168]. Он отмечает важность предоставления беспроцентных ссуд для устройства систем орошения объединениям переселенцев; положительно оценивает работы Переселенческого управления, считает, что необходимо расширить площадь гидроразведки, помогать переселенцам с мероприятиями по орошению.

Статья «Первый посёлок “Велико-Алексеевский”, построенный на землях, орошаемых системой Романовского канала» повествует о первом поселении на вновь орошённой территории. Посёлок возведён в Голодной степи на средства Великого князя Николая Константиновича Романова. Этот населённый пункт «орошается из правой ветви Романовского канала. Порядок полива устанавливается особой водной администрацией. Серьёзных осложнений на почве водопользования не замечается» [10, с. 175]. Авторы считают «первый опыт заселения удавшимся» [10, с. 193].

Можно сделать вывод, что авторы статей положительно относились к деятельности по колонизации туркестанских земель, считали, что её необходимо ускорить. В своих публикациях они выявили ключевые проблемы переселенчества в край: дефицит осадков, нерегулируемое водопользование, конфликты между переселенцами и местным населением. Юферов доказал стабильность водных ресурсов, но подчеркнул необходимость научного подхода к освоению земель. Гинс и Синельников акцентировали внимание на правовом вакууме в регулировании водных ресурсов, предлагая создать водное законодательство с учётом местных традиций и зарубежного опыта. Внимание к пос. Велико-Алексеевскому отражает позитивный взгляд на эффективность централизованных ирригационных систем. Чиновники Переселенческого управления осознавали, что устойчивое развитие Туркестана требовало технических решений и интеграции правовых и экономических аспектов колонизации.

Список источников

1. Чупин М. Ю. Сборник «Вопросы колонизации» (1907–1917): статус, издательские характеристики, авторский состав, проблематика // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 4. С. 68–76.
2. Юферов В. Усыхает ли Туркестан? // Вопросы колонизации. 1910. № 7. С. 236–237.
3. Румянцев П. Условия колонизации Семиречья // Вопросы колонизации. 1911. № 9. С. 191–224.
4. Гинс Г. Современное водное хозяйство Туркестана и необходимость водного закона // Вопросы колонизации. 1910. № 6. С. 46–103.
5. Синельников Н. Упорядочивание водного хозяйства в связи с колонизацией орошаемых земель // Вопросы колонизации. 1909. № 4. С. 134–163.
6. Гинс Г. Гидротехнические работы Переселенческого управления // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 178–209.
7. Гинс Г. Условия орошения и эксплуатации частными предпринимателями свободных земель Туркестана и Закавказья // Вопросы колонизации. 1911. № 8. С. 249–260.
8. Скорняков Е. Пустынные окраины России и американский закон Кэри // Вопросы колонизации. 1912. № 10. С. 82–121.
9. Лыщинский В. Гидротехнические работы Переселенческого управления Азиатской России // Вопросы колонизации. 1912. № 11. С. 146–170.
10. Первый посёлок «Велико-Алексеевский», построенный на землях, орошаемых системой Романовского канала // Вопросы колонизации. 1915. № 17. С. 164–193.

Владимир Владимирович Махеров
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОБЛАСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению процессов государственного регулирования трудовой миграции в СССР, а также выявлению их особенностей и закономерностей.

Ключевые слова: трудовая миграция, вынужденные переселенцы, СССР, комсомольские стройки

Abstract. The article is devoted to the study of the processes of state regulation of labor migration in the USSR, as well as the identification of their features and patterns.

Keywords: labor migration, forced migrants, USSR, Komsomol construction projects

После окончательной победы в Гражданской войне и создания Союза Советских Социалистических Республик в конце 1922 г. перед руководством молодого государства встал ряд острых и важных вопросов, которые необходимо было решить в ближайшей перспективе. В частности, необходимость в ускоренной индустриализации требовала создания эффективной системы, которая бы способствовала привлечению трудовых ресурсов для реорганизации экономики страны.

В 1920–30-е гг. советское руководство предприняло ряд разносторонних мер для достижения успеха в привлечении трудовых мигрантов. В 1925 г. при ЦИК СССР был создан Всесоюзный переселенческий комитет, которому предстояло курировать вопросы переселения в слабозаселённые части страны. В первую очередь это касалось районов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока [1, с. 31]. Основу переселенцев должны были составить крестьяне, ибо нехватка рабочей силы в городах и на предприятиях не позволяла перенаправлять уже занятые трудовые ресурсы в другие районы страны. Для эффективного привлечения переселенцев были разработаны государственные льготы и стимулирующие выплаты. На землях, которые отводили для заселения, создавалась инфраструктура: дороги, школы, больницы и т. д.

Тем не менее данный подход, сформированный на привлечении переселенцев на добровольных началах, не привёл к массовой заинтересованности среди крестьян, что не позволяло форсированно проводить индустриализацию страны. И для того чтобы ускорить данный процесс, был принят ряд мер принудительного переселения крестьян.

Так, в 1928 г. началась реализация 1-го пятилетнего плана, одной из задач которого было проведение политики коллективизации – ликвида-

ции единоличных крестьянских хозяйств в коллективную систему колхозов и совхозов. Это вынудило зажиточных крестьян, которых именовали «кулаками», отказываться от своих хозяйств и средств производства в пользу колхозов под угрозой расправы и объявления «врагами народа». Т. к. большинству из них не находилось места в колхозах как чуждым классовым элементам, «кулаки» были вынуждены либо мигрировать в близлежащие города, где они пополняли трудовые ресурсы на заводах и предприятиях, либо же начать миграцию в отдалённые уголки страны, которая поощрялась и реализовывалась Всесоюзным переселенческим комитетом.

Проведение такой «добровольно-принудительной» политики переселения смогло принести значительные успехи. Так, за период 1926–1939 гг. в города мигрировали почти 19 млн чел., что позволило увеличить долю городского населения СССР с 17,9 до 32,8 % [2, с. 1 049].

Ещё одним средством реализации насильственной трудовой миграции стало создание по всей стране системы ГУЛАГов и использование в них труда заключённых как «безотказной» и «бесплатной» рабочей силы. Большинство таких исправительно-трудовых лагерей находились вблизи промышленных центров СССР, где заключённые строили заводы, крупнейшие государственные проекты (например, Беломорканал), а также были задействованы на различных производствах. Трудом заключённых в значительной степени была построена и инфраструктура в районах, подлежащих заселению «добровольно-принудительными» переселенцами.

Помимо комплексов принудительного привлечения трудовых ресурсов также имело место добровольное переселение молодёжи в рамках комсомольскихстроек. Хотя рассвет комсомольскихстроек начался уже в послевоенном СССР, тем не менее ещё в 1929 г. ЦК ВЛКСМ выпустил директиву о необходимости привлечения молодёжи как для работы в промышленности и в сельском хозяйстве, так и в строительной отрасли. Например, в 1930-е гг. комсомольцы были задействованы на стройках Днепрогэса, Кузнецкого металлургического комбината, Сталинградского тракторного завода и на других крупных объектах.

Ещё одной интересной особенностью использования труда комсомольцев стало создание в некоторых частях страны отрядов по ликвидации «кулачества». Так, например, во Владивостокском округе в 1930 г. такие отряды комсомольцев проводили обыски и изымали продукты питания у зажиточных крестьян, что зачастую приводило к конфликтам [3, с. 254]. По сути дела, руками таких борцов с «кулачеством» отчасти воплощалась в жизнь государственная политика принудительного переселения.

В связи с началом Великой Отечественной войны в 1942 г. Всесоюзный переселенческий комитет был ликвидирован и на его основе был создан отдел СНК РСФСР по хозяйственному устройству эвакуированного населения. Основной задачей комитета была эвакуация и размещение населения из прифронтовых территорий в восточные районы страны. В военные годы в тыл было отправлено более 17 млн чел. [4, с. 148], что спо-

собствовало открытию новых предприятий в слаборазвитых регионах, а также привлечению на оные значительного числа трудовых ресурсов.

В послевоенные годы в СССР началась активная миграция сельского населения в города. Несмотря на то, что колхозникам было крайне трудно покинуть свои сельскохозяйственные предприятия из-за отсутствия паспортов, тем не менее в 1947 г. была восстановлена система набора рабочей силы в города, функционировавшая в СССР ещё в предвоенные годы. Восстановление данной системы было связано в первую очередь с острой нехваткой трудовых ресурсов. Благодаря этой возможности с 1945 по 1950 г. на работы были привлечены более 4 млн чел., подавляющая часть которых были колхозники [2, с. 1 049]. По истечении срока договора мало кто возвращался в деревни, оценив преимущества городской жизни, такие как регламентированный график труда, отдыха и стабильный заработок.

Последний, крупнейший этап государственного стимулирования миграции трудовых ресурсов пришёлся на 1950–60-е гг. В этот период времени началась активная застройка и освоение слаборазвитых регионов страны, которые не успели разработать в довоенные годы. К концу 1956 г. труд заключённых в системе ГУЛАГа уже фактически не использовался, ибо большая часть осуждённых была освобождена, а к 1959 г. данная система была реорганизована и перестала оказывать заметное влияние. Нишу новых, относительно малозатратных трудовых ресурсов заняли комсомолцы.

Комсомольские стройки 1950–60-х гг. стали, пожалуй, одним из крупнейших достижений советского руководства. Благодаря труду молодых энтузиастов удалось освоить огромный пласт территорий по всей стране, построить крупнейшие автомагистрали и заводы; возводились гидроэлектростанции (например, Братская ГЭС) и объекты стратегического значения, а также создавались новые города. Молодёжь была готова проходить через тяжёлые испытания, которые их ожидали в слаборазвитых или вовсе неосвоенных землях, мотивируясь тем, что они строят будущее своей страны. Также со стороны государства предпринимались меры финансового и социального поощрения строителей-комсомольцев, что, естественно, задавало положительную мотивацию для молодых людей.

Но к началу 70-х гг. энтузиазм и активная миграция трудовых ресурсов по стране стали неуклонно падать. Несмотря на то, что государство продолжало политику комсомольскихстроек вплоть до распада СССР, появился острый дефицит трудовых ресурсов. Колхозы с конца 20-х гг. были главным источником данного ресурса, что позволяло привлекать значительные массы людей для освоения слаборазвитых территорий. Однако чем больше осваивались земли, тем больше истощались колхозные предприятия, что привело к острой нехватке людей в самих сёлах. В результате политика государственного освоения малоразвитых территорий и формирование потоков трудовых миграций были остановлены.

Стоит отметить, что несмотря на фактическую отмену государственного регулирования трудовых миграций, одна из форм этой политики так-

же существовала до распада СССР. Речь идёт о работе по распределению, когда молодой специалист, окончивший высшее или специализированное учебное заведение, обязан был отработать бюджетные средства, вложенные в его образование. Отработка заключалась в трудоустройстве по своей специализации на предприятии сроком не менее трёх лет. Однако, молодой специалист за редким исключением не имел права выбирать, в каком городе и на каком предприятии ему предстояло окупать бюджетные средства. Т. е. выпускник московского высшего образовательного учреждения вполне мог попасть по распределению в Сибирь, а сибиряк, наоборот, в Москву. Данную систему распределения вполне можно назвать ещё одной формой государственного регулирования трудовой миграции, хоть и в меньших масштабах.

Подводя итоги, стоит отметить главную особенность трудовых миграций в СССР – данные процессы были исключительно внутренними. Внешние трудовые ресурсы фактически никогда не привлекались. В качестве исключения к ним можно отнести небольшое число испанских и немецких беженцев во второй половине 30-х гг., симпатизировавших СССР. Но их количество было столь ничтожным, что они не оказали существенного влияния на политику трудовой миграции, а подавляющее большинство из них к началу 60-х гг. и вовсе покинули территорию СССР.

В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что государственная политика СССР в области трудовых миграций была неоднородным процессом с различными формами воздействия для реализации оной. Тем не менее диаметрально противоположные подходы смогли принести весомые результаты, такие как освоение малоразвитых земель и строительство новых городов. Но в то же время данная политика привела к острой нехватке трудовых ресурсов в колхозах, что стало впоследствии предтечей к вымиранию сёл и деревень и появлению демографического кризиса.

Список источников

1. Занданова Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирование переселенческих органов // Известия ИГУ. Политология. Религиоведение. 2007. № 1. С. 27–45.
2. Давыдов А. А. Государственная политика в области трудовой миграции в СССР: истоки, этапы, тенденции // Вестник БашГУ. 2014. Т. 19. № 3. С. 1 048–1 052.
3. Андриец У. М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 250–260.
4. Потемкина М. Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на примерах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 148–156.

Леонид Леонидович Москалев

*Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнёва,
Красноярск, Россия*

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. В статье показаны особенности реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» в рамках регионального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Красноярский край)» в 2021–2024 гг.

Ключевые слова: федеральный проект, региональный проект, патриотическое воспитание, рабочая программа воспитания, патриотические проекты

Abstract. The article shows the specifics of the implementation of the federal project "Patriotic education of citizens of the Russian Federation" within the framework of the regional project "Patriotic education of citizens of the Russian Federation (Krasnoyarsk region)" in 2021–2024.

Keywords: federal project, regional project, patriotic education, work program of education, patriotic projects

В целях исполнения Указа Президента РФ № 474 от 21.07.2020 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 г.» [1] был разработан профильный федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», который вошёл в 2021 г. в скорректированный национальный проект «Образование» и стал новым этапом в развитии и государственной поддержке сферы патриотического воспитания.

Федеральный проект «Патриотическое воспитание» направлен на обеспечение функционирования системы патриотического воспитания граждан РФ; обеспечивает развитие воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведение мероприятий патриотической направленности; предполагает усиление воспитательной компоненты на уроках, во внеурочной деятельности и в дополнительном образовании детей: обучающимся прививаются базовые ценности на уроках, на занятиях по интересам и на массовых мероприятиях.

Анализ реализации проекта «Патриотическое воспитание» в сфере государственной образовательной и молодёжной политики Красноярского края показал следующее.

В 2020 г. в Красноярском крае велась работа по разработке нового регионального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Красноярский край)».

Региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Красноярский край)» был принят на период 2021–2024 гг. Проект реализовывался в рамках государственных программ края «Молодёжь Красноярского края в XXI в.» и «Развитие образования».

Проект направлен на развитие системы гражданского и патриотического воспитания детей и молодёжи для межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, предусматривающей вовлечение учащихся общеобразовательных организаций в деятельность детских объединений, в т. ч. в «Российское движение школьников» и «Юнармия», а также сопровождение их дальнейшего перехода в молодёжные организации. Решает задачу по созданию условий для поддержки общественных инициатив и проектов, направленных на гражданское и патриотическое воспитание, обеспечивая увеличение численности детей и молодёжи в возрасте до 35 лет, вовлечённых в социально активную деятельность и реализацию патриотических проектов.

В рамках государственной программы Красноярского края «Молодёжь Красноярского края в XXI в.» агентством молодёжной политики и реализации программ общественного развития Красноярского края реализовывалась подпрограмма «Патриотическое воспитание молодёжи».

В целях решения задачи «Создание условий для дальнейшего развития и совершенствования системы патриотического воспитания молодёжи Красноярского края» подпрограммы «Патриотическое воспитание молодёжи» проводилось шесть мероприятий:

- организация патриотического фестиваля;
- поддержка деятельности патриотических объединений (клубов);
- организация деятельности регионального центра патриотического воспитания «Юнармия»;
- предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований на развитие системы патриотического воспитания в рамках деятельности муниципальных молодёжных центров;
- обеспечение деятельности (оказание услуг) подведомственных учреждений;
- обеспечение деятельности учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодёжи «Авангард».

Министерством образования Красноярского края региональный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Красноярский край)» реализовывался в рамках государственной программы Красноярского края «Развитие образования» (подпрограмма «Развитие дошкольного, общего и дополнительного образования»).

В 2021 г. в РФ и в крае приведены в соответствие с положениями Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательные программы, в которые были включены рабочие программы воспитания, календарные планы воспитательной работы. Программы воспитания в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях реализуются в единстве учебной и воспитатель-

ной деятельности образовательной организации по основным направлениям воспитания, в т. ч. патриотического воспитания.

Постановлением Правительства Красноярского края № 768-п от 27.09.2023 утверждена новая редакция государственной программы Красноярского края «Развитие образования» [2]. Предусмотрены мероприятия по обеспечению деятельности советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в общеобразовательных организациях, по оснащению государственных и муниципальных общеобразовательных организаций комплектами государственных символов.

Постановлением Правительства Красноярского края № 971-п от 13.12.2023 «О внесении изменений в Постановление Правительства Красноярского края № 508-п от 30.09.2013 “Об утверждении государственной программы Красноярского края “Развитие образования”» [3] предусмотрены:

- предоставление материально-технической базы для обеспечения деятельности учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодёжи «Авангард» (в 2023–2025 гг. предоставлена материально-техническая база 11 образовательным организациям);

- межбюджетные трансферты бюджетам муниципальных образований на обеспечение деятельности советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями в общеобразовательных организациях (ставки советников директоров по воспитанию в 2023 г. введены в 338 школах, в 2024 и 2025 гг. – в 600 школах);

- обеспечение оснащения государственных и муниципальных общеобразовательных организаций, в т. ч. структурных подразделений указанных организаций, государственными символами РФ (государственными символами РФ в 2023 г. оснащены 274 школы, в 2024 г. – 769 школ).

Распоряжением Губернатора Красноярского края № 825-рг от 20.12.2023 «О функционировании на территории Красноярского края круглогодичного учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодёжи “Авангард”» [4] министерству образования Красноярского края поручено обеспечить функционирование круглогодичного учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодёжи на базе краевого государственного бюджетного общеобразовательного учреждения «Красноярский кадетский корпус им. А. И. Лебедея». Определены следующие направления деятельности центра «Авангард»:

- проведение учебных сборов по основам военной службы;
- проведение военно-патриотических смен для молодёжи;
- методическая подготовка организаторов военно-патриотической работы.

В соответствии с Паспортом регионального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (Красноярский край)» на 2021–2024 гг. достигнуты следующие результаты:

– обеспечение разработки и внедрения рабочих программ воспитания обучающихся в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях на основе разработанной Минпросвещения России примерной программы воспитания (Красноярский край в 2024 г. – 100 %);

– обеспечение увеличения численности детей и молодёжи в возрасте до 35 лет, вовлечённых в социально активную деятельность через увеличение охвата патриотическими проектами (Красноярский край в 2024 г. – 233 тыс. чел.);

– создание условий для развития системы межпоколенческого взаимодействия и обеспечения преемственности поколений, поддержки общественных инициатив и проектов, направленных на гражданское и патриотическое воспитание детей и молодёжи (Красноярский край в 2024 г. – 12,43 тыс. чел.);

– оснащение государственных и муниципальных общеобразовательных организаций, в т. ч. структурных подразделений указанных организаций государственными символами РФ (Красноярский край в 2024 г. – 100 %);

– проведение в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях мероприятий по обеспечению деятельности советников директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями.

Список источников

1. О национальных целях развития РФ до 2030 г.: Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020. URL: consultant.ru.

2. О внесении изменений в Постан. Правительства Красноярского края № 508-п от 30.09.2013 «Об утверждении государственной программы Красноярского края “Развитие образования”»: Постан. Правительства Красноярского края № 768-п от 27.09.2023. URL: consultant.ru.

3. О внесении изменений в Постан. Правительства Красноярского края № 508-п от 30.09.2013 «Об утверждении государственной программы Красноярского края “Развитие образования”»: Постан. Правительства Красноярского края № 971-п от 13.12.2023. URL: consultant.ru.

4. О функционировании на территории Красноярского края круглогодичного учебно-методического центра военно-патриотического воспитания молодёжи «Авангард»: Расп. Губернатора Красноярского края № 825-пг от 20.12.2023. URL: consultant.ru.

Михаил Юрьевич Новоселов

*Красноярский краевой краеведческий музей,
Красноярск, Россия*

«БЕЗОБРАЗОВСКИЙ ПРОЕКТ»: НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ КОРЕИ

Аннотация. В статье рассматривается попытка русской колонизации Кореи в начале XX в., предпринятая группой высокопоставленных деятелей Российской империи во главе с А. М. Безобразовым. Раскрываются причины негативной оценки в историографии проекта Безобразова.

Ключевые слова: «Безобразовский проект», «Безобразовская авантюра», «Безобразовская клика», колонизация Кореи, Желтороссия, историография

Abstract. The article examines the attempt of Russian colonization of Korea in the early 20th cent., undertaken by a group of high-ranking figures of the Russian Empire headed by A. M. Bezobrazov. The reasons for the negative assessment of Bezobrazov's project in historiography are revealed.

Keywords: "Bezobrazov's project", "Bezobrazov's adventure", "Bezobrazov's clique", colonization of Korea, Yellow Russia, historiography

На рубеже XIX–XX вв. в России возник термин «Желтороссия». В историю Желтороссия вошла как несостоявшийся колониальный проект Российской империи по закреплению в Северо-Восточном Китае: Маньчжурии и в Корее. К началу XX в. сложились все необходимые для этого предпосылки. В результате навязанных Цинской империи неравноправных договоров Китай был значительно ослаблен и превратился фактически в полуколонию, за раздел сфер влияния в которой конкурировали многие иностранные державы. Россия не осталась в стороне и также преследовала свои интересы в Поднебесной. Так, в 1897 г. началось строительство Китайско-Восточной железной дороги, а в следующем году согласно Российско-китайской конвенции России перешёл на 25 лет в аренду Ляодунский полуостров с городами Порт-Артуром и Дальним. Для сообщения с Ляодунским полуостровом Россия в том же году получила право строительства Южно-Маньчжурской железной дороги – южной ветки КВЖД.

Помимо освоения Маньчжурии была предпринята попытка закрепить и на Корейском полуострове. Инициатором этого начинания стал отставной ротмистр Александр Михайлович Безобразов. После ухода из гвардии Безобразов продолжил службу чиновником по особым поручениям при Главном управлении Восточной Сибири. В Иркутске он познакомился с Ю. И. Бриннером – купцом 1-й гильдии из Владивостока. Обрусевший швейцарец приобрёл в Корее значительный участок тайги для ле-

созаготовки. Общение с купцом натолкнуло Безобразова на идею использовать лесную концессию для прикрытия русской экспансии в Корею. Понимая неизбежность войны с Японией, Александр Михайлович считал необходимым создать на пути японской агрессии буфер в лице Кореи.

Служба в гвардии позволила А. М. Безобразову обзавестись необходимыми связями при дворе, да и с влиятельными родственниками повезло: его дядя А. М. Абаза – капитан 1-го ранга – командовал Гвардейским флотским экипажем и приходился племянником покойного к тому времени министра финансов Российской империи А. А. Абазы. Личные и родственные связи позволили отставному гвардейскому ротмистру привлечь на свою сторону великого князя Александра Михайловича и министра двора графа И. И. Воронцова, в компетенцию которого входило управление финансами императорской семьи. Вскоре к «безобразовцам» присоединились будущий наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев и вдовствующая императрица Мария Фёдоровна [1].

26 февраля 1898 г. Воронцов-Дашков представил императору Николаю II проект Восточно-Азиатской промышленной компании, которая формально будучи частным предприятием при негласной поддержке правительства, должна была приступить к освоению природных богатств Корейского полуострова и создать противовес растущему японскому влиянию. Проект был поддержан императором, однако его реализация шла медленно.

29 июня (12 июля) 1901 г. Комитет министров утвердил устав Восточно-Азиатской промышленной компании, но необходимого количества средств внесено не было, поэтому вместо несостоявшейся Восточно-Азиатской промышленной компании было учреждено Русское лесопромышленное товарищество [1].

Экономическая экспансия в Корею требовала силовой поддержки. С этой целью первоначально планировалось отправить в корейские леса под видом лесорубов переодетых солдат, но подполковник генерального штаба А. С. Мадритов предложил более оригинальное решение. Во время подавления восстания боксёров Александру Семёновичу довелось иметь дело с хунхузами. Китайские разбойники, давно обосновавшиеся на севере Кореи, не привлекали такого внимания, как тысячи вооружённых лесорубов с военной выправкой [2].

Мадритов заключил договор с главарём самой крупной банды хунхузов – Линчи. Предводитель банды был официально трудоустроен на должность переводчика Восточно-Азиатского торгово-промышленного товарищества с жалованием в 6 тыс. руб. в год. Хунхузы не только защищали русскую собственность, но и воровали у конкурентов-японцев сплавляемую по рекам древесину [2].

О российской экономической деятельности в Корее в историографии нет единого мнения. Ряд исследователей утверждают, что Русское лесопромышленное товарищество было убыточным, обвиняя Безобразова и его сторонников в мошенничестве и хищении средств. С этим нельзя со-

гласиться. При расходах в 2,6 млн руб. товарищество к концу 1903 г. в Корею заготовило древесины на 3 млн руб. Дальнейшая деятельность товарищества была прервана Русско-японской войной. Именно поражение России в войне поставило крест на планах колонизации Кореи. В 1906 г. после окончания войны все права на российские концессии в Корею были проданы гражданину США В. Смитсу.

Проект Безобразова по расширению российского влияния в Корею вошёл в историю как «Безобразовская авантюра», а сторонники этого имперского проекта – «Безобразовская клика». Однако с этим подходом нельзя согласиться. Обвиняя безобразовцев в авантюризме, стоит вспомнить множество сомнительных начинаний, раздвинувших в итоге границы нашей державы. Поход Ермака Тимофеевича в Сибирь являлся чистой воды авантюрой. Купцы Строгановы нанимали казаков для охраны своих владений, а те вместо обороны совершили поход за Урал и покорили Сибирское ханство, начав русскую колонизацию Сибири.

В 1843 г. вице-адмирал граф Е. В. Путятин разработал план экспедиции к восточным морским границам Китая и Японии. Канцлер Российской империи граф К. В. Нессельроде, занимавший пост министра иностранных дел, оказывал противодействие в реализации экспедиции, опасаясь возможности разрыва с Китаем и недовольства европейских государств, прежде всего Британской империи. Нессельроде предлагал признать амурский бассейн принадлежащим Китаю и отказаться от притязаний на эти территории. Однако участник Амурской экспедиции капитан 1-го ранга Г. И. Невельский при поддержке губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва (впоследствии Муравьёва-Амурского), фактически идя против воли второго лица в государстве, основал пограничный Николаевский пост (Николаевск-на-Амуре) и объявил о суверенитете России над этими землями.

Ещё одной из «авантюр», расширивших территорию Российской империи, стало взятие г. Ташкента в 1865 г. генерал-майором М. Г. Черняевым, который действовал вопреки требованиям Военного министерства и Министерства иностранных дел.

Таким образом, можно предположить, что проект Безобразова получил уничижительное название «Безобразовская авантюра» по ряду причин. Прежде всего, это поражение России в Русско-японской войне и отказ от дальнейшей экспансии в Азию. В случае успеха и полной реализации замыслов данный колонизационный проект не стали бы называть «авантюрой». Также значительную роль в формировании негативного отношения к проекту Безобразова сыграли его противники – министр иностранных дел В. М. Ламздорф, военный министр А. Н. Куропаткин и в особенности министр финансов С. Ю. Витте, который, проиграв борьбу со сторонниками Безобразова, был вынужден уйти в отставку. Вполне естественно, что в своих мемуарах Витте не был объективен и представил «Безобразовскую клику» главными виновниками Русско-японской войны [3, с. 402].

Крайне негативное отношение советских историков к попытке колонизации Кореи можно объяснить влиянием советской марксистской антиимпериалистической идеологии и стремлением продемонстрировать несостоятельность внешней политики Российской империи.

Советские историки представляли российскую экспансию в Корею как авантюру кучки аристократов, пытавшихся нажиться на торговле лесом и спровоцировавших Русско-японскую войну [4, с. 73; 5, с. 65]. Однако при внимательном рассмотрении данного вопроса можно сделать вывод, что деятельность Безобразова и его сторонников проходила в русле расширения Российского влияния в северо-восточном Китае и являлась одним из элементов проекта «Желтороссия».

Список источников

1. Лукоянов И. В. Безобразовская клика // Большая российская энциклопедия. 2023. URL: bigenc.ru/c/bezobrazovskaia-klika-412987.
2. Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война: этнический бандализм на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф., 2009. 253 с. URL: universalinternetlibrary.ru/book/63228/chitat_knigu.shtml?ysclid=m9553.
3. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1848–1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.
4. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. Л.: Печатный двор, 1947. 495 с.
5. Аварин В. Империализм в Маньчжурии. Т. 1. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 415 с.

Максим Русланович Петров

*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия*

СМЕТА РАСХОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАСНОЯРСКОГО КОМИТЕТА ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ И РАДИОВЕЩАНИЮ В ГОДЫ 10-Й ПЯТИЛЕТКИ

Аннотация. В статье путём анализа сметы расходов на телевидение Красноярского краевого комитета по телевидению и радиовещанию исследуется состояние телевизионной сети в крае во второй половине 1970-х гг. Описаны как статьи расходов в течение одного года, дающие понять приоритетность средств и виды предлагаемого зрителям материала, так и динамика разницы планируемых и фактических расходов.

Ключевые слова: телевидение, Красноярский краевой комитет по телевидению и радиовещанию, смета расходов, статистические материалы, 10-й пятилетний план

Abstract. This article examines the state of the television network in the region in the second half of the 1970s by analyzing the cost estimates for television broadcasting of the Krasnoyarsk Regional Committee on Television and Radio Broadcasting. It describes both the items of expenses for one year, which make it clear the priority of funds and the types of material offered to the viewer, as well as the dynamics of the difference between actual and planned expenses.

Keywords: television, Krasnoyarsk Regional Committee on Television and Radio Broadcasting, cost estimates, statistical data, the 10th five-year plan

Телевидение и сегодня, и в прошлом требует больших расходов, идущих на различные нужды. Они меняются с течением времени и технологическим прогрессом. Путём исследования того, на что шли деньги в области телевидения на начальных этапах развития, можно проследить основы той системы, которая существует сегодня.

Целью статьи является анализ смет расходов как исторического источника изучения деятельности Красноярского комитета по телевидению и радиовещанию в годы 10-й пятилетки.

Задачами статьи являются: 1) оценка уровня развития Красноярского телевидения в исследуемый период, 2) сравнение расходов по смете и фактических расходов, 3) исследование расходов в течение всего изучаемого периода.

Территориальные рамки статьи охватывают весь Красноярский край в границах 1970-х гг. Хронологические рамки охватывают период 10-й пятилетки, с 1976 по 1980 г., когда были выделены средства и внимание техническому развитию края, а также уже установилась прочная телевизионная сеть, что позволит увидеть расходы без принятия во внимание грандиозных изменений.

Источниковую базу составляют отчёты Красноярского краевого комитета по телевидению и радиовещанию, хранящиеся в фонде Р-1 498 «КГТРК» Государственного архива Красноярского края.

Анализируя отчёты об исполнении сметы расходов Красноярского комитета по телевидению и радиовещанию, можно увидеть несколько особенностей, указывающих на его деятельность. Первой особенностью можно считать однотипность заполняемой формы, утверждённой Министерством финансов в начале рассматриваемого периода, 23 ноября 1971 г. [1, л. 3], и затем похожей формы, утверждённой 27 апреля 1979 г. [2, л. 5]. Эти формы визуально очень похожи между собой, особенно в оценке необходимых для настоящей статьи параметров. Также это указывает на развитый уровень делопроизводства в области телевидения. Телевидение к этому времени перестало быть чем-то новым, утвердилось понимание тех компонентов, которые нужны для его успешной работы.

Второй особенностью являются разные виды отчётов. Они делятся на сводные и отдельные для каждого из подведомственных учреждений (Хакасского областного, Таймырского и Эвенкийского окружного, Норильской, Игарской и Канской студий телевидения). Кроме того, разграничиваются расходы на телевидение и радиовещание, что показывает на наличие разных организаций, занимающихся обслуживанием разных видов связи, имеющих свои требования по финансированию.

В самом отчёте под заголовком «Расходы по комитетам, студиям телевидения и окружным редакциям» можно увидеть несколько статей, указывающих на виды затрат, с которыми сталкивался краевой комитет: 1) заработная плата; 2) начисления на заработную плату и выплату гонораров; 3) канцелярские и хозяйственные расходы; 4) командировки и служебные разъезды; 5) учебные расходы; 6) приобретение оборудования и инвентаря; 7) приобретение мягкого инвентаря и обмундирования; 8) средства на капитальный ремонт зданий и сооружений; 9) прочие расходы (эта статья является самой затратной, см. рис. 1).

На гистограмме можно увидеть, что после прочих расходов самой затратной статьёй является заработная плата, поделённая на редакторский и артистический персонал и работников аппарата управления. Также в неё входят различные виды гонораров, премии, установленные Госкомитетом Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, и пособия на лечение и оказание материальной помощи. Исходя из этого, можно судить о наличии развитой структуры должностей в телепроизводстве изучаемого периода, а также о социальной политике советского государства в изучаемой отрасли.

Изучая статью «Прочие расходы», можно увидеть, что самые большие затраты Красноярского комитета по телевидению и радиовещанию заключались в расходах по оплате Министерству связи за техническую эксплуатацию передатчиков, каналов и другого оборудования (почти 8,84 млн руб.) и по оплате услуг радиотелецентров и технических центров (почти 3,05 млн руб.). По этим данным можно сделать вывод о том, что основные

затраты в телевидении приходились на техническое обеспечение работы. Это можно связать как с распространённостью телесети к данному периоду времени, так и со сложностью и деликатностью техники. Наличие оплаты Министерству связи за техническую эксплуатацию указывает на то, что телевидение в регионах было напрямую связано с центром и не могло без его поддержки долго и успешно функционировать [1, л. 21 (об.)].

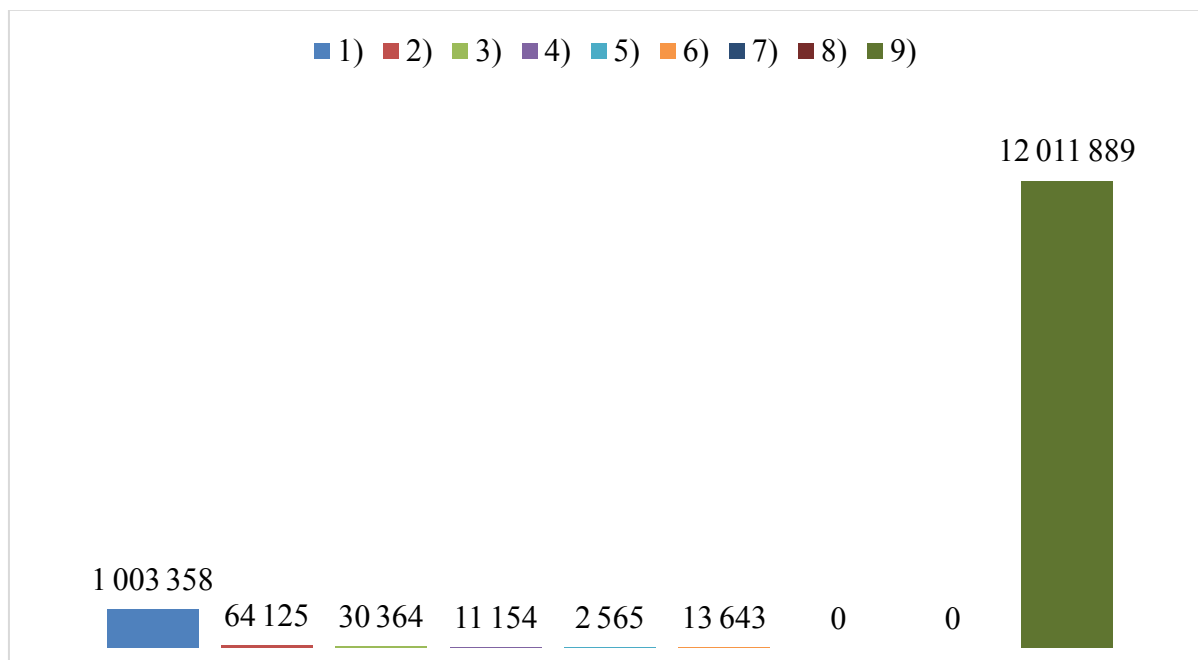

Рис. 1. Фактические расходы на телевидение в Красноярском крае по выше пронумерованным статьям в 1976 г., руб. [1, л. 3]

Из анализа других расходов можно увидеть разновидность передач, которые транслировались по телевидению. Больше всего средств шло на киноматериалы собственного производства – 58,3 тыс. руб., хотя к ним, вероятно, стоит прибавить экспедиционные затраты, вынесенные отдельно и составляющие 32,5 тыс. руб.

Второй группой являются расходы на театральные постановки и концерты: 44,2 тыс. руб. были выделены на оплату услуг театров и концертных организаций, а также 2,4 тыс. руб. – на аренду помещений. Из этого можно сделать вывод о смещении приоритетов в сетке вещания в сторону произведённых на месте киноматериалов по сравнению с началом телевидения в регионе.

Наименьшие расходы приходились на приобретение и прокат киноматериалов и других постановочных средств, они стоили 4,4 тыс. руб. Это объясняется тем, что комитет не вкладывал средства в их производство, а брал их уже готовыми для показа зрителю. Таким образом, можно сделать вывод о сознательном наполнении программы вещания материалами оригинального производства, несмотря на большие затраты по сравнению с их покупкой. Кроме того, это указывает на наличие у комитета специалистов, пишущих и снимающих киноматериалы, а также о его сотрудничестве с культурными организациями региона.

Вложение денег во все три группы на протяжении всего изучаемого периода даёт возможность сделать вывод о том, что не было процесса замены одного вида другим, они постоянно производились или закупались вместе, составляя наполненную эфирную сетку [1, л. 3 (об.)].

Анализируя отчёт об исполнении сметы расходов, можно увидеть, что Красноярский комитет со всеми подведомственными учреждениями укладывался в те средства, которые были отведены ему сметой в начале года (рис. 2).

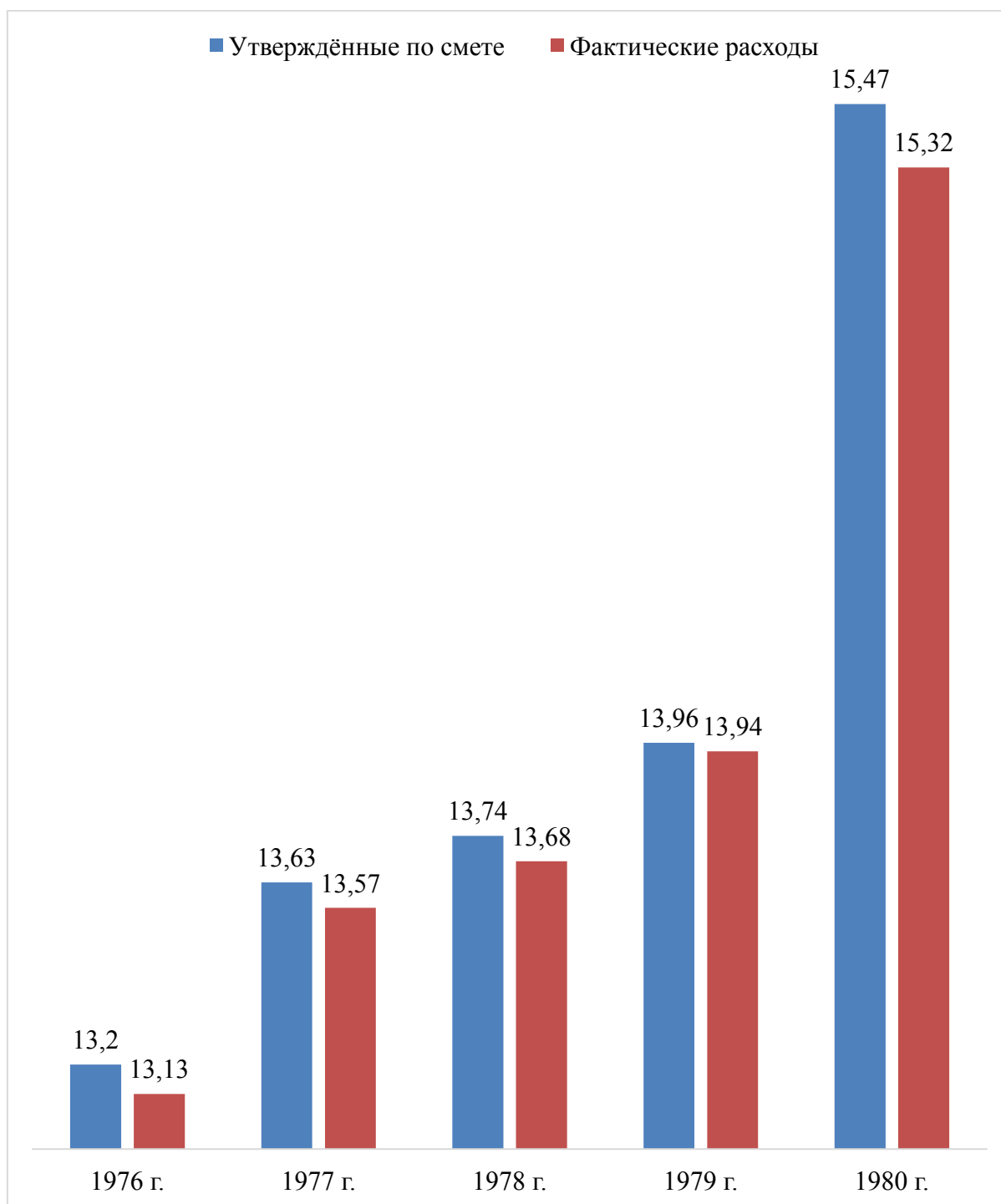

Рис. 2. Сравнение утверждённых и фактически расходов на телевидение Красноярского краевого комитета по телевидению и радиовещанию в 1976–1980 гг., млн руб. [1, л. 3 (об.); 2, л. 5 (об.); 3, л. 5 (об.); 4, л. 5 (об.); 5, л. 5 (об.)]

Как видно выше, на протяжении всего периода Красноярский комитет укладывался в отведённую ему в начале года смету, в среднем примерно тратя на 70 тыс. руб. меньше запланированного. Также видно увеличение расходов на телевидение в течение всего пятилетнего плана, указывающее на постепенное развитие телевизионной сети. Заканчивается исследуемый промежуток времени годом проведения Олимпиады в Москве и последовавшим за этим развитием телевидения по всей стране, что также можно увидеть по увеличению расходов между 1979 и 1980 гг. почти на 1,5 млн руб. Всё это указывает на заинтересованность союзных властей в увеличении телевизионного охвата и улучшении качества вещания.

В заключение нужно сказать о том, что по сметам расходов Красноярского краевого комитета по телевидению и радиовещанию можно судить о его деятельности и месте в общем процессе телевидения Советского Союза. Красноярское телевидение было как прочно связано с центром страны путём облуживания проводов и каналов, по которым поступал телевизионный сигнал, так и было самостоятельной организацией, способной на содержание штата сотрудников и регулярное производство им собственных киноматериалов, направленных на домашнего зрителя. Анализируя сметы расходов с источниковедческого ракурса, можно также сказать о том, что они позволяют описать наиболее важные направления работы краевого комитета, содержание телевидения и разницу запланированных расходов с фактическими, а также показывают на связь комитета с центральными органами власти. Наличие стандартизированных и детализированных форм смет помогает проще найти статистические данные для сравнения расходов в динамике, что способствует достоверности как самих данных, так и выводов, сделанных на их основе, тем самым делая сметы надёжным и ценным источником для изучения истории телевидения в регионе.

Таким образом, ко времени окончания 10-го пятилетнего плана Красноярское телевидение являлось самодостаточной и развитой частью телевизионной сети СССР.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1 498. Оп. 3. Д. 1 576.
2. ГАКК. Ф. Р-1 498. Оп. 3. Д. 2 009.
3. ГАКК. Ф. Р-1 498. Оп. 3. Д. 1 716.
4. ГАКК. Ф. Р-1 498. Оп. 3. Д. 1 868.
5. ГАКК. Ф. Р-1 498. Оп. 3. Д. 2 130.

Злата Анатольевна Подъярова, Галина Михайловна Луцаева
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТАХ: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности применения биометрических технологий в документах, удостоверяющих личность, с акцентом на российский и международный опыт. В современном мире, где безопасность, скорость и точность идентификации имеют первостепенное значение, биометрия активно внедряется в документы, удостоверяющие личность (паспорта, визы, водительские удостоверения). Эти технологии позволяют повысить уровень защиты от подделки, упростить процедуры идентификации и минимизировать риски мошенничества.

Ключевые слова: биометрические технологии, документы, удостоверяющие личность, единая биометрическая система, конфиденциальность, безопасность данных

Abstract. This article examines the specifics of the use of biometric technologies in identity documents, with an emphasis on Russian and international experience. In today's world, where security, speed, and accuracy of identification are of paramount importance, biometrics is being actively introduced into identity documents (passports, visas, and driver's licenses). These technologies make it possible to increase the level of protection against forgery, simplify identification procedures and minimize fraud risks.

Keywords: biometric technologies, identity documents, unified biometric system, confidentiality, data security

Российский опыт внедрения биометрических технологий

В условиях цифровизации и роста угроз безопасности биометрические технологии становятся ключевым инструментом для идентификации личности. Они используют уникальные физиологические или поведенческие характеристики человека, такие как отпечатки пальцев, черты лица, голос или рисунок радужной оболочки глаза, чтобы обеспечить точность, скорость и защиту данных.

Вопросы, связанные с идентификацией лиц с использованием биометрии, регулирует ФЗ № 572-ФЗ от 29.12.2022 «Об осуществлении идентификации и/или аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ» [1].

Также важным законом в области регулирования работы с биометрическими данными является Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27.07.2006 [2].

В России биометрические технологии начали активно развиваться значительно позже, чем в странах Европы и США. Первые шаги были сделаны в 2000-х гг., когда в 2009 г. стартовала выдача биометрических загранпаспортов, соответствующих стандартам ИКАО.

С 2018 г. в России существует Единая биометрическая система (ЕБС), которая хранит и защищает всю биометрию граждан РФ, а также предоставляет данные организациям, которые имеют право их запрашивать в зашифрованном виде. В ЕБС используются три типа биометрии: подтверждённая, стандартная и упрощённая.

Первый тип – подтверждённая биометрия. Это высший уровень защиты, предоставляющий доступ ко всем биометрическим сервисам. Этот уровень предоставляет возможность оформлять усиленную квалифицированную электронную подпись или подтверждать личность без паспорта для банковских операций (например, открытие банковского счёта или получение кредита).

Второй тип – стандартная биометрия. Это более продвинутая форма биометрической аутентификации, которая требует наличия загранпаспорта нового образца с чипом, а также смартфона с *NFC*. С её помощью можно оплачивать услуги до 5 тыс. руб., оплачивать проезд в транспорте.

Третий тип предназначен для быстрой идентификации в сервисах с низкими требованиями к безопасности, таких как оплата транспорта или доступ в офисы.

Международный стандарт ИКАО 9303 предусматривает три типа биометрических данных для удостоверений личности: обязательное распознавание лица, а также необязательные методы – сканирование отпечатков пальцев и радужной оболочки глаза [3].

Отпечатки пальцев – самый распространённый вид биометрии, уникальный рисунок папиллярных линий, широко применяемый благодаря высокой точности. В соответствии с ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4] заграничные паспорта с электронным носителем информации, выдаваемые на территории РФ, содержат дополнительный биометрический параметр – отпечаток пальца.

Распознавание лица – анализ геометрии лица (расстояние между глазами, форма челюсти и т. д.), активно используемый в системах видеонаблюдения и смартфонах. Система анализирует эти данные, а после ищет совпадения в базе данных. В России эта технология применяется, например, в московском метро с 2021 г. для оплаты проезда. С 2023 г. внедряется биоэквайринг, позволяющий оплачивать покупки взглядом в камеру на кассе, если банковский счёт привязан к биометрическим данным.

Сканирование радужной оболочки глаза – метод, использующий уникальный рисунок радужки, который остаётся неизменным на протяжении жизни. Для анализа применяется инфракрасное освещение, обеспечивающее высокую точность. Метод считается одним из самых надёжных, но используется реже из-за необходимости специализированного оборудования.

С 2009 г. в России начали появляться первые биометрические документы. Так, с 2009 г. Россия начала выдавать биометрические загранпаспорта, соответствующие стандартам ИКАО. Эти документы содержат *RFID*-чип с цифровым изображением лица владельца, а с 2014 г. – также отпечатки пальцев. В чипе хранится информация о владельце, в т. ч. фотография, данные о дате рождения, номере паспорта, сроке его выдачи и действия, а также другие сведения. В биометрических паспортах на пунктах пограничного контроля установлено оборудование, которое считывает данные с микрочипа.

Традиционный внутренний паспорт гражданина РФ пока не является биометрическим. Однако с 2013 г. обсуждается переход на электронные *ID*-карты. В 2021 г. была утверждена концепция электронного паспорта с чипом, содержащим данные лица и отпечатки пальцев. Пилотный проект стартовал в 2023 г. в Москве и ряде регионов, но массовое внедрение ожидается не ранее 2025 г.

Водительское удостоверение нового образца содержит сведения биометрии – отпечатки пальцев и изображение лица.

Пограничный контроль. В аэропортах Москвы и Санкт-Петербурга тестируются биометрические системы для ускорения паспортного контроля. Например, в Шереметьево используются киоски распознавания лица, которые сравнивают изображение с данными в паспорте. Это сокращает время прохождения границы, но пока доступно только для граждан РФ с биометрическими загранпаспортами.

В России ожидается ускорение перехода на электронные *ID*-карты и расширение функционала ЕБС. Планируется внедрение биометрии в транспорт (например, для оплаты проезда по лицу) и здравоохранение (идентификация пациентов). Однако успех этих инициатив будет зависеть от обеспечения безопасности данных и доверия граждан.

Международный опыт внедрения биометрических технологий

Европейский союз стал одним из лидеров в использовании биометрических паспортов. С 2006 г. страны ЕС начали выдавать паспорта с *RFID*-чипами, содержащими цифровое изображение лица и отпечатки пальцев.

Например, в 2010 г. Германия первой в ЕС ввела электронные удостоверения личности (*eID*), которые содержат в себе чип с биометрическими данными, включая отпечатки пальцев. Граждане используют *ID*-карты для доступа к государственным услугам и электронной подписи.

Во Франции внедряются биометрические национальные *ID*-карты, которые используются для доступа к государственным услугам и аутентификации в цифровых системах.

В Эстонии с 2002 г. каждый гражданин и резидент имеет электронную *ID*-карту, которая содержит биометрические данные (фотография и отпечатки пальцев). Эта карта используется для идентификации личности в различных ситуациях: от голосования и получения государственных

услуг до цифровой подписи документов и доступа к банковским счетам, а также для перемещения по Шенгенской зоне.

В США с 2007 г. паспорта содержат цифровое изображение лица на *RFID*-чипах. Программа *Global Entry* позволяет ускорять пограничный контроль для зарегистрированных путешественников с использованием биометрических киосков, распознающих лицо и отпечатки пальцев для сравнения с базой данных [5]. Кроме того, в некоторых штатах (например, Калифорнии) выдаются водительские удостоверения с биометрическими данными, что упрощает идентификацию при взаимодействии с правоохранительными органами.

Страны Азии также не отстают от развития технологий. Так, в Индии существует программа *Aadhaar* – крупнейшая в мире биометрическая идентификационная система, охватывающая более 1,3 млрд чел. Каждый житель получает уникальный 12-значный номер, связанный с отпечатками пальцев, радужкой глаза и фотографией лица. *Aadhaar* используется для доступа к банковским услугам, государственным субсидиям и даже мобильной связи.

В Китае биометрия прочно встроена в национальные *ID*-карты и системы общественного контроля. Технологии распознавания лица применяются в системах видеонаблюдения для обеспечения безопасности и контроля общественного порядка. Биометрические паспорта содержат данные лица и отпечатков пальцев. Кроме того, в Китае активно развивается биометрическая оплата товаров и услуг.

Таким образом, Россия, опираясь на международный опыт, активно развивает биометризацию через ЕБС и внедрение электронных документов. Однако темпы внедрения уступают странам ЕС, США и Азии, где биометрия уже прочно интегрирована в повседневную жизнь. Ключевыми вызовами для России остаются обеспечение конфиденциальности данных, повышение доверия граждан и развитие инфраструктуры. В глобальном контексте биометрия продолжит эволюционировать, охватывая новые сферы, такие как здравоохранение и транспорт, но успех будет зависеть от баланса между технологическими инновациями и защитой прав человека.

Список источников

1. Об осуществлении идентификации и/или аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ: Фед. закон № 572-ФЗ, принят Государственной Думой 21.12.2022, одобрен Советом Федерации 23.12.2022 // КонсультантПлюс. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482707&dst=100008#PxylyiUttWeDpdta.

2. О персональных данных: Фед. закон № 152-ФЗ, принят Государственной Думой 08.07.2006, одобрен Советом Федерации 14.07.2006 // КонсультантПлюс. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ru.

3. Машиносчитываемые проездные документы: ГОСТ Р ИСО/МЭК 7501-1-2013, идентичен международному стандарту ИСО/МЭК 7501-1:2008, утв. и введ. в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии № 1 634-ст от 22.11.2013. URL: docs.cntd.ru/document/1200107560.

4. О порядке выезда из РФ и въезда в РФ: Фед. закон № 374-ФЗ, принят Государственной Думой 13.12.2013, одобрен Советом Федерации 18.12.2013 // Собр. законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6 694.

5. Регистрация в Программе Trusted Traveler // Правительство США. 2024. URL: cbp.gov/travel/trusted-traveler-programs/global-entry.

Владимир Иванович Постол

Томский государственный университет,
Томск, Россия

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В данной работе рассматривается стратегическая культура России через призму ценностных ориентиров населения страны. Выявлены характерные черты российского менталитета и исторической памяти, влияющие на принятие внешнеполитических решений в условиях резкого нарастания военных угроз национальной безопасности России.

Ключевые слова: стратегическая культура, Россия, исторический опыт, внешняя политика, принятие политических решений

Abstract. This paper examines the strategic culture of Russia through the prism of the value orientations of the country's population. The characteristic features of the Russian mentality and historical memory that influence foreign policy decision-making in the context of a sharp increase in military threats to Russia's national security have been identified.

Keywords: strategic culture, Russia, historical experience, foreign policy, political decision-making

Актуальность темы исследования обусловлена изменением архитектуры международных отношений в XXI в., усилением цивилизационной составляющей современных конфликтов, повышением роли и значимости стратегической культуры в качестве инструмента геополитического противоборства. Цель настоящей статьи – охватить примерный круг проблемных вопросов, из которых складывается интерпретационное поле стратегической культуры. Аналитической конструкцией послужит нам структура концепта, предложенная Ю. С. Степановым. Автор выделяет следующие признаки культурного концепта: первый слой – этимология, или исходная форма; второй слой – история, или пассивная форма; третий слой – внутренняя форма, включающая современные оценки и ассоциации. Концепты по-разному существуют «в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [1, с. 43, 47].

Понятие стратегической культуры

Термин «стратегическая культура» ввёл в научный оборот Джек Снайдер. В 1977 г. в отчёте для *RAND corporation* Снайдер использовал это понятие для сравнения ядерных доктрин США и СССР. Снайдер определил советские подходы к ядерной стратегии как уникальную стратегическую культуру – «совокупность убеждений, подходов, паттернов поведения в отношении ядерной стратегии, достигающая статуса полуавтоматизма, что превращает их скорее в «культуру», нежели в политику» [2, с. 133].

В 1980-х гг. Колин Грей расширил понятие стратегической культуры. В его исследованиях стратегическая культура предстаёт не только как некая социализация представителей истеблишмента, но и как устойчивый культурно-исторический контекст, особая интерпретация обществом своей «геополитической истории» [3]. Джек Снайдер и Колин Грей считаются «отцами-основателями» концепции стратегической культуры. Тем не менее, вопрос об общем определении стратегической культуры всё ещё остаётся открытым. Это связано с тем, что данное понятие трудно формализовать [4].

Становление российской стратегической культуры

Культура каждого народа имеет определённый «культурный фокус» (термин М. Херсковица), который выражает самую существенную черту этой культуры. Культурный фокус России в течение столетий был ориентирован на решение задач обороны собственного государства и защиту народа, на поддержку справедливости в международном сообществе [5]. «Русское государство создавалось на основе одного главного смысла – вооружённой защиты населения и реализации новых устремлений во враждебном окружении» [6]. Только с 1053 по 1812 гг. состоялось 345 нашествий на территорию России; за 759 лет государственности Россия провела 334 года в войнах, преимущественно с коалициями от 4 до 9 государств [7].

Наиболее важным в становлении российской стратегической культуры был Московский период Руси. Московская Русь пребывала в состоянии постоянного противостояния с Золотой Ордой, Литвой и шведско-немецкой агрессией. Достигнутый статус приобретался в результате ряда столкновений с неопределёнными результатами. Именно в этот период сложились основные особенности русской внешнеполитической культуры: «её “тягучесть”, способность к продолжению борьбы при осознании собственной относительной слабости; избегание чёткой постановки целей в условиях, когда будущее представляется не вполне определённым; отсутствие опрометчивости в решениях; предпочтение дипломатии, а не силы, которую постоянно приходилось экономить из-за вечного недостатка ресурсов; неспешное «подтачивание» оппонентов, превратившееся затем в привычку» [6].

Данные факторы сказались на специфике русской государственности преимущественно как военной, а не административной или экономической организации. Все главные вопросы своей жизни русский человек мог решать самостоятельно, но обеспечить военную безопасность без государства он не мог. В итоге возникла «вооружённая Великороссия». После 1480 г. Россия никогда «не теряла независимости и собственной уникальной ниши в мировых делах» [6].

На протяжении всего периода существования суверенной государственности наша страна пережила четыре изменения в способах организации государственной власти: от великокняжеского к царскому; от царского

к имперскому; от имперского к советскому; от советского к современному российскому. Исследователи указывают на имплицитную связь исторических переживаний русского народа и стратегических замыслов «Кремля». Реализация внешнеполитической стратегии не была делом исключительно персонифицированным, она выражала весь комплекс верований, практик и ожиданий, всей культуры в целом. Очевидно, что состав почвы, на которой произрастает внешняя политика, имеет не меньшее значение, чем текущие институциональные формы, предназначенные для её реализации [8].

Актуальная стратегическая культура России

Стратегическая культура – это долговременное и весьма инерционное социопсихологическое явление, которое может сохраняться почти в неизменном виде при смене государственного устройства страны [9]. В марте 2023 г. Президент подписал Указ «Об утверждении внешней политики Российской Федерации», где было чётко сказано, что Россия – это «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евроазиатская держава, оплот Русского мира, один из суверенных центров мирового развития» [10]. Данная констатация восстанавливает в исторической памяти народа тот факт, что Россия всегда была государством-цивилизацией, которое в разное время обозначалось как Московское царство, Российская империя, Советский Союз.

По мнению ряда авторов, постсоветская стратегическая культура стала синтезом стратегических культур советской, имперской и царской России [4]. Вот лишь некоторые её составляющие: концентрированное выражение исторического опыта в виде эмоционально окрашенных идей, образов и представлений о прошлом; фокус на территории и пространстве, поскольку границы России пролегают во всех ключевых регионах Евразии; оборонительный характер в ядерной сфере; ценность мира, который рассматривается как условие стабильности российского государства; общемировая гуманистическая ориентация – утверждение блага человека как критерия оценивания общественных отношений. Можно предположить, что российская стратегическая культура становится сегодня стабилизирующим фактором международной безопасности.

В заключение следует подчеркнуть, что применение вооружённой силы в системе российских приоритетов всегда уступало главной цели – внутренней консолидации власти и народа, без которой невозможно было успешно противостоять агрессивным соседям. В конкурентной борьбе «выигрывают те государства, чья идентичность имеет большую историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу» [11].

Список источников

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 42–67.
2. Алексеева Т. А. Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 130–147.

3. Артамонов В. С. Стратегическая культура: к вопросу о теории эволюции / В. С. Артамонов, В. Н. Лукина, Т. В. Мусиенко // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 3. С. 5–15. URL: futurepubl.ru/en/nauka/article/40926/view.
4. Стратегическая культура – война, политика или идеология? // Итоги Лектория СВОП. 05.02.2024. URL: svop.ru/meeting/51485.
5. Стратегическая культура как инструмент военно-политического анализа. 01.07.2020. URL: nic-pnb.ru/analytics/strategicheskaya-kultura-kak-instrument-voenno-politicheskogo-analiza.
6. Бордачев Т. В. Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII–XV вв. повлияла на будущее России. М.: АСТ, 2024. URL: litres.ru/book/timofey-vyacheslavov/strategiya-moskovskoy-rusi.
7. Чижиков Э. Н. Стратегическая культура как инструмент национальной безопасности / Э. Н. Чижиков, В. Н. Лукин // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2 (14). С. 92–97. URL: futurepubl.ru/ru/storage/viewWindow/48041.
8. Бордачев Т. В. Декомпозиция искусства: историософия российской внешней политики // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2. С. 132–149. URL: globalaffairs.ru/articles/dekompozicziya-iskusstva.
9. Кокошин А. А. О войне вчера и сегодня: развитие средств вооружённой борьбы и военной мысли в условиях глобального противостояния / А. А. Кокошин, М. А. Сучков. 29.08.2024. DOI: 10.46272/221-32-2024-15-9.
10. Об утверждении Концепции внешней политики РФ: Указ Президента РФ № 229 от 31.03.2023. URL: kremlin.ru/acts/bank/49090.
11. Кортунув С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с. URL: russiancouncil.ru/library/books/national-identity.pdf.

Юлия Алексеевна Пронина, Лариса Марсовна Салахова
Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия

ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ НА ПРИМЕРЕ ДИРЕКТОРОВ СОВХОЗОВ ВЕРХНЕГО ПРИЛЕНЬЯ

Аннотация. В статье исследуется феномен эффективного руководства в советских хозяйствах на примере директоров Верхнего Приленья в период 1980-х гг. Успех этих хозяйств, вопреки общим тенденциям стагнации, был достигнут благодаря сочетанию личной инициативы, аналитического подхода и социальной ответственности руководителей. Директора совхозов демонстрировали, что даже в период «застоя» возможны прорывы через нестандартные решения и уважение к человеческому фактору. Их опыт остаётся актуальным для современных управленческих практик.

Ключевые слова: Верхнее Приленье, устная история, советское сельское хозяйство, аграрный сектор

Abstract. The article examines the phenomenon of effective leadership in Soviet farms using the example of the directors of the Upper Prilenye region in the 1980s. The success of these farms, despite the general trends of stagnation, was achieved through a combination of personal initiative, analytical approach and social responsibility of managers. Directors of state farms demonstrated that even during the period of "stagnation" breakthroughs are possible through non-standard solutions and respect for the human factor. Their experience remains relevant to modern management practices.

Keywords: Upper Prilenye, oral history, Soviet agriculture, agricultural sector

Советская система управления сельским хозяйством сформировала особый тип руководителя, сочетавшего в себе преданность государственным задачам, хозяйственную инициативу и глубокую личную ответственность за вверенное ему предприятие. В условиях плановой экономики успех совхозов и колхозов во многом зависел не только от централизованного распределения ресурсов, но и от личных качеств директора – его компетентности, организаторских способностей и умения находить нестандартные решения в условиях жёстких нормативов. Даже при равном распределении ресурсов и идентичных климатических условиях одни хозяйства оставались посредственными, а другие превращались в «совхозы-миллионеры», перевыполняющие государственные планы. Этот парадокс объяснялся одним фактором – человеческим. Личность руководителя, его способность сочетать дисциплину с творческим подходом превращала формальные директивы в живую практику. Такие управленцы были редким явлением. Они не просто «не нарушали правил» – они переписывали их, находя лазейки в системе для рационализации производства, мотивации коллектива и долгосрочного развития. Именно их совхозы становились

лись локомотивами аграрного сектора, демонстрируя, что даже в рамках жёстких планов возможна подлинная эффективность.

Яркими примерами таких руководителей были Григорий Александрович Винокуров (директор совхоза «Бутаковский») и Александр Иннокентьевич Шапов (директор совхоза «Верхоленский»), возглавлявшие хозяйства в период их активного развития.

Григорий Александрович Винокуров родился в 1948 г. Его карьера началась в «Бирюльском» совхозе, где он занимал должность секретаря парткома. В 1983 г., в возрасте 35 лет, он возглавил совхоз «Бутаковский», став самым молодым директором в районе. Под его руководством хозяйство, выделившееся из совхоза «Ангинский» в 1981 г., превратилось в одно из передовых в Иркутской области. Позже Винокуров руководил совхозом «Ангинский», а его жизнь трагически оборвалась в 2001 г. За восемь лет руководства совхозом «Бутаковский» Г. А. Винокуров не только вывел хозяйство в число передовых в регионе, но и добился рекордных показателей. К 1991 г. поголовье дойных коров увеличилось, а производство молока стабильно превышало плановые нормы. В совхозе появились доярки-«трёхтысячницы», ежегодно они сдавали по 3 тыс. л молока от каждой коровы, что было немыслимо для большинства хозяйств эпохи «застоя».

При Григории Александровиче совхоз «Бутаковский» стал образцом эффективности. Его стратегия формирования племенного стада дала впечатляющие результаты. «Сильно так со стадом стали работать: тёлки ставили, отбирали, бирковали. Через восемь лет вышли на трёхтысячный рубеж!» [1]. К 1985 г. Шеинская ферма насчитывала 1,5 тыс. голов скота, включая 300 дойных коров. Здесь добились небывалого показателя – 700 г суточного привеса у телят, что требовало колоссального труда и точной организации [2].

Григорий Александрович внедрил строгий распорядок: планёрки начинались в 08:00, опоздания не допускались. «Если за мной техник заходит, он: “Анатолий Степанович, посмотри на часы, 5 минут опоздал. Выйдите!”» – вспоминает агроном Галина Петровна Попович [1]. Такая требовательность сочеталась с системой премий и соревнований, что мотивировало коллектив. Винокуров понимал, что стабильность коллектива зависит от бытовых условий. При нём в с. Бутаково выросли целые улицы благоустроенных домов – Молодёжная, Лесная. Особое внимание уделялось семьям работников. Доярки, трудившиеся с раннего утра до вечера, больше не беспокоились о детях. Совхоз построил детский сад с продлённым графиком работы. «Пока последняя доярка не заберёт ребёнка, сотрудники сада не уходили» [1].

Директор превратил рутину в источник вдохновения. Каждый четверг на фермах проходили «Дни культуры»: библиотекари читали лекции, артисты давали концерты, а работников поздравляли с юбилеями. Он лично контролировал условия труда, а в случае юбилея рядовой доярки настаивал, чтобы многие прерывали работу и поздравляли работников с юбилеями: «Галя! Запомни! Годы бегут быстро. Никогда наплеватьски

к людям не относись!» [1]. Этот эпизод стал уроком для всего коллектива. Даже спустя десятилетия работники повторяли: «Винокуров один раз на всю жизнь выучил – ценить каждого» [2]. Винокуров привлекал специалистов со всей страны, включая Казахстан. Его умение находить таланты и доверять им стало залогом роста совхоза. Григорий Александрович выходил за рамки стандартных обязанностей. Он договорился с Иркутским медицинским институтом о регулярных выездах узких специалистов в село. Врачи принимали жителей в здании общежития, а совхоз расплачивался с ними мясом, молоком и овощами – дефицитными в городе продуктами. Его жена Вера Михайловна, работавшая в столовой, поддерживала его, несмотря на напряжённый график. «Он всегда с иголки, чики-чики!» – вспоминает Галина Петровна Попович [1]. Даже в быту директор оставался примером: строгий, но справедливый, он избегал панибратства, но умел вдохновлять. Винокурову приходилось балансировать между требованиями плановой экономики и нуждами совхоза. Он брал ответственность на себя, рискуя репутацией. Например, конфликтовал с райкомом партии из-за самостоятельных решений. Даже после распада СССР и ликвидации совхоза в 1994 г. эпоха Винокурова осталась символом стабильности. Построенные им дома, детские сады и дороги смягчили удар кризиса 1990-х гг.

Совхоз «Бутаковский» при Г. А. Винокурове стал исключением в период стагнации. Его история доказывает, что даже в жёстких рамках системы можно было достичь прорыва через уважение к людям, дисциплину и нестандартные решения. Сегодня, когда от совхозов остались лишь воспоминания, опыт Винокурова актуален как урок управления, где цифры и планы неотделимы от человечности. Григорий Александрович Винокуров воплощал идеал советского руководителя: требовательный к себе и подчинённым, но глубоко человечный. Его история – не только часть аграрной жизни Сибири, но и урок эффективного управления, актуальный и сегодня. Устные воспоминания, собранные в рамках проекта «Социокультурная история Байкальской Сибири», сохраняют его образ как символа эпохи, где успех предприятия измерялся не только цифрами, но и уважением к людям.

Ещё одним примером был Александр Иннокентьевич Щапов, возглавлявший совхоз «Верхоленский». Его деятельность позволяет не только изучить модель эффективного советского управленца, но и понять, как на микроуровне реализовывались государственные аграрные программы. При Щапове хозяйство демонстрировало стабильные производственные показатели, развивалась социальная инфраструктура, а сам директор вёл подробные записи, в которых анализировал пути дальнейшего роста предприятия. Под его руководством хозяйство не только стабильно наращивало урожайность, но и превратилось в социально-экономический комплекс: здесь строили жильё, внедряли новаторские агротехнологии, а рационализаторские идеи рабочих не пылились в ящиках столов, а воплощались в жизнь. Его уникальный стиль управления базировался на скрупу-

лёзном сборе данных. В личных тетрадях, которые он вёл ежедневно, фиксировались не только показатели урожайности и поголовья скота, но и метеорологические наблюдения, затраты на топливо. Александр Иннокентьевич вёл детальные записи в своих дневниках, где фиксировал: даты посадки и сбора урожая, влияние осадков и температуры на рост культур, а также эффективность удобрений (от навоза до минеральных добавок). Уникальность Александра Иннокентьевича – в умении видеть за цифрами плана живые потребности предприятия. Его личность, как мозаика, складывается из архивных документов, воспоминаний коллег и газетных статей, рисуя портрет руководителя, который умел балансировать между требованиями государства и интересами людей. В сохранившихся архивных записях Щапов не просто фиксирует показатели, но задаётся вопросами: «Как повысить отдачу земли без истощения почв?», «Что заставит механизатора работать не за страх, а за совесть?», «Какая модель управления хозяйством наиболее эффективная?». Эти размышления, балансирующие между идеологией и прагматикой, раскрывают секрет его успеха: он управлял не «хозяйством», а «людьми и землёй», находя нестандартные решения там, где другие опускали руки. Щапов отвергал шаблонные решения. В его дневниках сохранились записи с анализом различных моделей управления совхозом.

История совхоза «Верхоленский» под руководством А. И. Щапова – не просто пример выполнения планов. Это история о том, как талантливый управленец смог превратить советскую систему в период её стагнационного состояния в инструмент для созидания. Такие руководители, как он, были исключением, а не правилом, но именно их опыт доказывает: даже в самых жёстких рамках человеческий фактор остаётся главным ресурсом прорыва. Александр Щапов доказал, что успех совхоза – это не только выполнение плана, но и кропотливый анализ. Его дневники стали мостом между эмпирическим опытом и наукой, а подход к управлению – примером того, как дисциплина ума преодолевает вызовы природы и системы.

Григорий Александрович и Александр Иннокентьевич являются яркими примерами советских руководителей, чья деятельность основывалась не только на исполнении директив, но и на личной инициативе, аналитическом подходе и заботе о коллективе. Их управленческий опыт остаётся ценным источником для изучения истории советского сельского хозяйства и может служить примером для современных фермеров, сталкивающихся с проблемами эффективного управления в условиях ограниченных ресурсов.

Ключевыми факторами успеха этих руководителей стали: личная инициатива и аналитический подход (А. И. Щапов, ведя детальные дневники урожайности и анализируя эффективность различных методов управления, превратил совхоз в образцовое хозяйство; его способность находить баланс между государственными директивами и реальными потребностями предприятия позволила достичь рекордных показателей), социальная ответственность (Г. А. Винокуров не только обеспечивал выполнение пла-

нов, но и создавал условия для жизни работников: строил жильё, детские сады, организовывал медицинское обслуживание; его принцип «ценить каждого» стал основой мотивации коллектива), нестандартные управленческие практики (оба директора выходили за рамки шаблонов – Винокуров внедрял «Дни культуры» и привлекал кадры для помощи совхозу, а Щапов экспериментировал с агротехнологиями и системами мотивации).

Их опыт опровергает стереотип о тотальной стагнации сельского хозяйства в 1980-е гг. Напротив, совхозы Верхнего Приленья благодаря грамотному руководству стали «островками стабильности», где сочетались экономическая эффективность и социальная защищённость.

Таким образом, история директоров совхозов Верхнего Приленья – это не только часть региональной аграрной летописи, но и ценный урок управления, где дисциплина, инициатива и уважение к людям превращали вызовы эпохи в возможности для прорыва.

Список источников

1. Интервью Г. П. Попович, аудиозапись, 03.07.2021 // Матер. историко-этнографической экспедиции 2021 г., с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье».

2. Интервью А. М. и С. В. Щаповых, аудиозапись, 01.05.2022 // Матер. историко-этнографической экспедиции 2022 г., с. Бутаково, Качугский р-н, Иркутская обл. Архив устных воспоминаний жителей Байкальской Сибири при кафедре истории и методики Педагогического института ФГБОУ ВПО «ИГУ». Фонд «Приленье».

Пхра Парон Пхунтхасан

Университет Махачуларонгкорнраджавидьялая,

Аюттхая, Таиланд;

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,

Улан-Удэ, Россия

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БУДДИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ ТХЕРАВАДЫ)

Аннотация. В данной статье предлагается междисциплинарное исследование, посвящённое эволюции буддийских ценностей тайской традиции Тхеравады. Использование проектного подхода способствует систематическому анализу текстов (летописей, философских трактатов, педагогических методик, культурологических работ) и позволяет проследить, как принципы ненасилия, накопления заслуг, роли сангхи и идеала дхаммараджа трансформировались под влиянием историко-политических факторов. Рассмотрение ключевых периодов (Сукхотаи, Аюттхая, Раттанакосин) и современности показывает адаптивность буддизма к изменяющимся социальным условиям. Автор выявляет, что проектный подход объединяет традиционные методы историографии и современные аналитические инструменты, облегчая межкультурные сопоставления и оптимизируя образовательный процесс в области религиоведения. Практическая значимость выводов заключается в расширении возможностей изучения религиозных традиций и совершенствовании методик подготовки специалистов современных гуманитарных направлений.

Ключевые слова: буддийские ценности, Тхеравада, Типитака, Сангха, Таиланд, междисциплинарное исследование, источниковедение

Abstract. This article presents an interdisciplinary study devoted to the evolution of Buddhist values in the Thai Theravada tradition. The utilization of a project approach facilitates the systematic analysis of texts (chronicles, philosophical treatises, pedagogical methodologies, cultural studies) and enables the tracing of how the principles of non-violence, merit accumulation, the role of the Sangha, and the ideal of the Dhamma Raja have been transformed under the influence of historical and political factors. An examination of key periods (Sukhothai, Ayutthaya, Rattanakosin) alongside contemporary times demonstrates the adaptability of Buddhism to evolving social conditions. The author identifies that the project approach integrates traditional historiographical methods with modern analytical tools, thereby easing intercultural comparisons and optimizing the educational process within the field of religious studies. The practical significance of these findings lies in expanding the prospects for studying religious traditions and in refining the methodologies for training specialists in modern humanities disciplines.

Keywords: Buddhist values, Theravada, Tipitaka, Sangha, Thailand, interdisciplinary research, source studies

Актуальность предлагаемого исследования определяется возросшим вниманием к комплексному анализу духовных традиций, чьи ценностные системы формировались на стыке политических, культурных и религиоз-

ных факторов [1, с. 52–54]. В условиях глобальной модернизации, сопровождаемой интенсивной трансформацией социального уклада, буддийские ценности в Таиланде представляют интересный пример живучести религиозных принципов и их способности к адаптации [2, с. 35–37; 3, pp. 150–151]. Цель данной статьи – продемонстрировать продуктивность проектного подхода для исследования динамики буддийских ценностей тайской ветви Тхеравады, уделяя особое внимание междисциплинарному синтезу историко-филологических, философских, педагогических и культурологических данных [4, с. 25–28].

Изначально буддийские принципы, вобравшие в себя древнюю этику ненасилия и щедрости, трансформировались в уникальные формы под влиянием специфики тайской культуры, включающей сильный институт монархии и традиционный культ предков [5, pp. 33–37]. На протяжении веков государство сохраняло и видоизменяло религиозную организацию, используя буддийские нормы как фундамент «правильного» правления: король-дхаммараджа считался защитником Учения (Дхаммы), а монахи становились моральными авторитетами [6]. С другой стороны, сегодня появились новые течения и модели, способствующие пересмотру религиозных ценностей и указывающие на высокую гибкость данной традиции.

В настоящем исследовании категория «буддийские ценности» в контексте тайской Тхеравады определяется как совокупность этических норм, основанных на Типитаке и дополненных традициями королевской власти и локальных обычаев [7; 8, p. 34]. Сюда входят ахимса, практика «там бун» (даяние ради накопления заслуг), почитание сангхи и дхаммараджа. Анализ проводился по обширному корпусу источников: исторические документы (летописи Сукхотаи, законы 1902–1962 гг.) [2, с. 76–79], философские трактаты (короля Монгкута, Буддадасы Бхиккху) [9, pp. 102–104], филологические комментарии и поэтические тексты [5, pp. 40–44; 9], педагогические методики [10, с. 45–46], а также культурологические исследования [1, с. 60–61; 3, pp. 151–153; 4, с. 67–69]. Для систематизации работы использовалась модель *IMRAD* [1, с. 52–54].

Во-первых, мы сформулировали цель – проследить динамику ценностей, разбив исследование на этапы [4, с. 28–30]. Во-вторых, выполнили историографический анализ (сравнение взглядов отечественных и зарубежных учёных) [6, pp. 85–87; 11, pp. 104–106]. В-третьих, применили источниковедческую критику (проверка достоверности «Надписи Рамкамхенга») [10, с. 19–22]. В-четвёртых, использовали компаративный подход (сопоставление с практикой Лаоса и Бирмы) [8, p. 35]. Наконец, междисциплинарный анализ учитывал педагогические, культурологические и экономические аспекты «даяния». Таким образом, благодаря проектному подходу, сочетающему историко-сравнительный и критический анализ источников, мы получили возможность целостно проследить эволюцию данных буддийских норм, учитывая разнообразие их проявления в исторических периодах и социокультурных контекстах, что повышает достоверность и глубину научной интерпретации.

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что тайская Тхеравада в период XIII–XVIII вв. смогла сохранить фундаментальные буддийские ценности (ахимса, щедрость, признание роли сангхи), при этом неоднократно модифицируя их под влиянием политической и социальной конъюнктуры. Так, в эпоху Сукхотаи (XIII–XV вв.) ланкийская традиция вдохновляла королей на формирование концепции дхамма-раджа, где правитель воплощал буддийские добродетели и служил образцом для подданных [5, pp. 33–34]. В период Аюттхаи (XIV–XVIII вв.) религия приобрела более институциональный характер, что отражалось во внутренних реформах сангхи, нацеленных на ужесточение дисциплины и устранение еретических практик [6]. Далее, в XIX в. государство провело реформы, при Раме IV и Раме V стимулировав печать Палийского канона и централизовав управление монашеством, но сохранив традиционные идеалы милосердия и социальной ответственности. В XX в. возникли движения, критикующие чрезмерное богатство отдельных монастырей и предлагающие «дхаммический социализм» (Буддадаса Бхиккху), ориентированный на социальную справедливость [12]. Параллельно с этим медитация випассаны, ранее доступная главным образом посвящённым, получила распространение среди мирян благодаря реформаторам, получавшим идеи из Мьянмы [9, pp. 107–109].

Рост активности т. н. «монахов-деятелей» стал заметен с середины XX в., когда они начали продвигать социальные и экологические инициативы, а в 1970-х появился государственный указ о «монахах-миссионерах» (Дхамматут), работавших в удалённых районах над распространением буддийской морали, здравоохранения и грамотности [1, с. 61–62]. В XXI в. глобализация способствовала появлению нетрадиционных движений, таких как Ват Пхра Дхаммакая или Санти Асок. При этом даже новации опираются на исконные буддийские ценности честности и стремления к духовной чистоте.

Таким образом, можно заключить, что буддийские ценности в Таиланде демонстрируют динамическое взаимодействие с историческим контекстом, сохраняя при этом общую основу ахимсы, накопления добродетелей и почитания сангхи [4, с. 95–97]. С одной стороны, в эпоху Сукхотаи эти ценности укрепляли легитимность монархии, тогда как в XX в. они поддерживали государственную политику развития, превращая монахов в инструкторов сельского хозяйства [11, pp. 89–90]. С другой стороны, сохраняются противоречия, например, по вопросам женского движения, поскольку официальная сангха всё ещё не признаёт женское монашество. Педагогический аспект проявляется в храмовых школах, где ритуалы и рассказы о Будде формируют у молодёжи коллективное понимание кармы и социальной ответственности [10, с. 54–56]. Наряду с этим ритуальная щедрость получает технологически модернизированные формы, включая онлайн-пожертвования [9, pp. 115–117]. Сравнительный анализ с другими религиозными традициями, будь то исламские общества или христианские конфессии, показывает схожие тенденции адаптации традиционных норм

к современным вызовам. Тайский буддизм иллюстрирует потенциал смягчения социальных конфликтов при условии диалога и реформ [3, pp. 151–152]. Таким образом, выявленная эволюция тайской Тхеравады свидетельствует о необходимости дальнейших исследований данной религии и социальных аспектов.

В результате проведённого исследования, использовавшего проектный подход (*IMRAD*) и комплексный анализ (исторический, филологический, педагогический, культурологический), выявлено несколько основных выводов. Во-первых, в Таиланде веками формировалась система буддийских ценностей (ненасилие, щедрость, почитание сангхи, вера в карму), сохранявшаяся при содействии монархии и общин, но меняющаяся под внешними факторами. Во-вторых, проектный метод позволил привлечь разнообразные данные, вскрывая связь между монашеской дисциплиной, ритуалами и властью. В-третьих, современная тайская Тхеравада сочетает консервативные и либеральные тенденции, подтверждая свою гибкость. В-четвёртых, перспективно сравнение реформ в других ветвях Тхеравады, включая цифровизацию «накопления заслуг». Таким образом, буддизм остаётся актуальным, сохраняя духовное ядро.

Список источников

1. Ганиева И. А. Проектный подход при организации научных исследований. Методика формирования крупных проектов / И. А. Ганиева, Г. В. Шепелев // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 3. С. 52–71.
2. Корнев В. И. Литература Таиланда. М.: Наука, 1971. 248 с.
3. Ишии Ёнео. Sangha, State, and Society: Thai Buddhism in History. Honolulu: University of Hawaii Press, 1986. Pp. 150–153.
4. Берзин Э. О. История Таиланда. М.: Наука, 1972. 160 с.
5. Jermasawatdi Promsak. Thai Art with Indian Influences. New Delhi: Abhinav Publications, 1979. Pp. 33–44.
6. Tambiah S. J. The Buddhist Saints of the Forest and the Cult of Amulets. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Pp. 84–88.
7. Mishra Patit Paban. The History of Thailand. Santa Barbara, CA: Greenwood/ABC-CLIO, 2010. Pp. 59–61.
8. Cook Joanna. Meditation in Modern Buddhism: Renunciation and Change in Thai Monastic Life. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 34–35.
9. Pra Prayudh Payutto. Buddhadhamma: Natural Laws and Values for Life. Albany: State Univ. of New York Press, 1995. Pp. 102–120.
10. National Office of Buddhism. History of Buddhism in Thailand. Бангкок: Оф. изд., 2010. С. 19–69.
11. Taylor J. L. Forest Monks and the Nation-State: An Anthropological and Historical Study of Northeastern Thailand. Singapore: ISEAS, 1993. 337 p.
12. Buddhadasa Bhikkhu. Dhammic Socialism. Bangkok: Thai Inter-Religious Comm. for Development, 1986. P. 53.

Максим Викторович Пятаев

*Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия*

ПРОЕКТ СЕВЕРО-СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ: ЗАБЫТЫЙ ПУТЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ АМБИЦИИ

Аннотация. Исследование посвящено проекту Северо-Сибирской железнодорожной магистрали, который зародился как стратегическая инициатива Российской империи для освоения Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются альтернативные маршруты. Демонстрируется роль магистрали в укреплении национальной безопасности России.

Ключевые слова: Северо-Сибирская железнодорожная магистраль, Севсиб, мегапроект, крупномасштабный проект, железные дороги, Сибирь, Транссибирская магистраль, транспортные коридоры, проект

Abstract. The study focuses on the North-Siberian Railway project, which originated as a strategic initiative of the Russian Empire for the development of Siberia and the Far East. Alternative routes are examined. The role of the railway in strengthening Russia's national security is demonstrated.

Keywords: North-Siberian Railway, Sevsib, megaproject, large-scale project, railways, Siberia, Trans-Siberian Railway, transport corridors, project

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00452 (URL: rscf.ru/project/25-28-00452).

Судьба России всегда определялась её пространствами. С XVI в. Московское царство, а затем и Российская империя расширялись на восток, подчиняя себе бескрайние просторы Сибири. Но если в XVII–XVIII вв. главными транспортными артериями были реки и гужевые тракты, то к XIX столетию стало ясно: без железных дорог удержать эти земли невозможно.

Первые проекты сибирских магистралей появились ещё в 1850-х, когда граф Муравьев-Амурский, осознавая угрозу британской экспансии на Дальнем Востоке, предлагал проложить рельсы от Урала до Тихого океана. Однако тогда правительство скептически отнеслось к этой идее — слишком дорого, слишком сложно.

Лишь после поражения в Крымской войне (1853–1856), когда Россия лишилась Черноморского флота, англо-французская эскадра безнаказанно громила Петропавловский порт (ныне Петропавловск-Камчатский), а в 1905 г. была потеряна Южная часть о. Сахалин, стало очевидно: без железной дороги Сибирь и Дальний Восток могут быть потеряны.

В конце XX в. масштабный проект железнодорожной магистрали, соединяющей северо-западные регионы России с Уралом и Сибирью, потерпел неудачу. Однако в последние десятилетия интерес к этому направлению возрождается в связи с новыми экономическими и геополитическими реалиями [1].

Во второй половине XIX в. параллельно с развитием железных дорог в европейской части страны началось обсуждение транспортного освоения Сибири. Первоначально рассматривались локальные линии для преодоления сложных участков речных путей, но к 1880-м гг. сформировалась концепция трансконтинентальной магистрали. В ходе дискуссий выделились три основных варианта:

1) Полярный маршрут – через низовья Оби и Енисея к Якутску и Охотскому морю с выходом к арктическим портам;

2) Северный вариант – через Тобольск и Томск к золотоносным районам Якутии;

3) Южный маршрут – будущий Транссиб.

Выбор в пользу Транссиба (1891–1904) был обусловлен военно-стратегическими соображениями, хотя его экономическая эффективность первоначально ставилась под сомнение.

Основной (Южный) маршрут начинался в центральной России, шёл через Омск прямо к Красноярску, а затем, огибая Байкал (с севера или юга), выходил к портам Японского (Владивосток, Находка) и Жёлтого (Порт-Артур) морей. Это направление совпадало с главным грузопотоком и историческим Московско-Сибирским трактом, который огибал Байкал с юга. Однако при строительстве Транссиба выбрали несколько иной путь. На участке от Ишима до Мариинска магистраль сместилась на 10–100 км южнее старого тракта, пройдя через небольшое село Гусевка на Оби – будущий Новосибирск, – и уклонилась от Томска. Это решение определило новый транспортный каркас Сибири [2]. Такой маршрут, безусловно, не устраивал Томскую губернию, поскольку Томск оставался в стороне от основной магистрали.

В 1906 г. в Иркутске состоялось совещание под руководством российского правительства о путях сообщения в Сибири, на котором обсуждалось несколько вопросов [3]. В резолюцию по итогам совещания также попал вопрос о планировании на отдалённую перспективу «железнодорожного пути к северу от существующей дороги, в направлении Тобольск – Нарым – Енисейск, которое должно было послужить началом для проведения в будущем третьей Сибирской магистрали» [4, л. 22].

В начале 1912 г. власти Томской губернии предложили построить железнодорожную ветку от станции Ижморская (на Транссибе) до с. Зырянского на р. Чулым, чтобы поддержать аграрные преобразования в регионе. Однако Томский железнодорожный комитет, отвечавший за развитие транспортной инфраструктуры, отверг этот план, посчитав, что он ущемляет интересы Томска и Енисейска. Вместо этого комитет

предложил альтернативный проект – строительство линии Томск – Чулым – Енисейск [5, л. 45].

В январе 1913 г. томский градоначальник И. М. Некрасов направил министру путей сообщения докладную записку, посвящённую проекту Северо-Сибирской магистрали (Томск-Амурская железная дорога). В документе он сообщал, что идея строительства этой дороги в обход Байкала с севера возникла давно, и её обоснованием были соображения стратегического характера [5, л. 18]. Изначальная идея томичей состояла в создании единой Северной магистрали – дороги Томск – Енисейск – Киренск – Амур длиной примерно 2 500 вёрст. На первом этапе реализации проекта планировалось возведение двух стратегических отрезков магистрали: Томск – Чулым – Енисейск (450 вёрст) и Киренск – Амур (900 вёрст).

Несмотря на тяготы военного времени, в 1915 г. граф А. И. Дмитриев-Мамонов инициировал новый этап разработки Северной магистрали, гарантировав Николаю II её реализацию на акционерных началах без привлечения бюджетных средств. Высочайшее разрешение на изыскания по «Верхне-Сибирской» дороге предусматривало маршрут: Верхнеуральск – Челябинск – Шадринск – Ялуторовск – Тара – Томск – Енисейск – Лена, что отражало стратегические интересы империи в азиатской части страны.

Крайние по хронологии документальные упоминания о Северо-Сибирской магистрали обнаружены в материалах 1919 г. Как следует из архивного документа [5, л. 229], Общество Ачинско-Минусинской железной дороги направило в Министерство путей сообщения ходатайство о проведении изысканий на неисследованном участке предполагаемой трассы между Енисейском, Томском и Тарой (Омская губерния), составлявшем важную часть общего проекта северной магистрали. Данное предложение так и не было реализовано, оставив след исключительно в документальных источниках. Что касается этих планов строительства Северо-Сибирской магистрали, то они сохранились лишь в виде немногочисленных инженерных эскизов.

Акцент на развитие железных дорог сместился в сторону развития «полярного» маршрута. В декабре 1941 г. состоялся ввод в эксплуатацию стратегически важной Северо-Печорской железной дороги, сыгравшей ключевую роль в обеспечении Ленинградского фронта воркутинским углём. Вскоре после её запуска возник проект продления трассы на северо-восток (примерно на 500 км) до мыса Каменный – предполагаемой портовой зоны в глубоководном секторе Обской губы, что рассматривалось как ответ на активизацию германского флота в Арктике. Однако две строительные экспедиции 1942–1943 гг. потерпели неудачу, столкнувшись с экстремальными зимними условиями [6].

Дальнейший анализ выявил существенные ограничения проекта: мелководность Обской губы и недостаточные глубины в районе мыса Каменный для приёма крупнотоннажных судов. Это обусловило переориентацию маршрута на восточное направление – к Енисею через Лабытнанги

и Салехард, с созданием морского порта в Игарке, что открывало перспективы транспортного сообщения с Норильским промышленным районом.

Согласно «Генеральной схеме развития железнодорожной сети СССР 1946 г.» в перспективе намечалось продолжение этой арктической магистрали до Якутска с последующим выходом в северо-восточные регионы страны (Анадырь) при опорной базе в Магадане, что соответствовало стратегическим задачам освоения северных территорий.

В послевоенные годы началось её продолжение на восток (печально известные проекты 501–503), где строительство велось силами заключённых. Несмотря на впечатляющие темпы (до 100 км/год), после смерти Сталина проект был заброшен.

В 1960-х началась разработка нефтегазовых месторождений на севере Тюменской области. В конце 1970-х часть трассы была восстановлена, а в 1990 г. завершено строительство северного участка магистрали Тюмень – Сургут – Новый Уренгой (фактическое движение поездов началось в 1986 г.). Строительство ветки до Надыма было заморожено в 1991 г.

В 1920–30-х гг. разрабатывался проект маршрута ВСП к бухте Индига, сокращавший сибирский путь на 1,5 тыс. км по сравнению с Мурманском. Перспективный глубоководный порт («Евразийский океанский») и связанная магистраль «Баренцкомур» (Ивдель – бухта Индига) сохраняют актуальность [7].

Альтернативный проект «Белкомур» (Пермь – Сыктывкар – Архангельск), детально проработанный к середине 1990-х, остаётся менее перспективным. Несмотря на частичную реализацию (включая строительство, прерванное кризисом 1998 г.) и включение в современные стратегические планы, отсутствие сибирских подходов существенно ограничивает потенциал обоих маршрутов.

В 1983 г. Минтрансстроем СССР была предпринята попытка систематизации проектных работ по Севсибу. В рамках данной инициативы ЦНИИС получил задание на камеральное трассирование магистрали, при этом функции заказчика выполнял СибЦНИИС, а проектные работы осуществлялись специалистами Сибгипротранса.

В 1983–1984 гг. Сибгипротранс исследовал три участка Севсиба.

1. Восточный (3 варианта):

- основной (Усть-Илимск – Абалаково, 932,5 км) с тоннелями (2×400 м) и мостом через Енисей (1 188 м);
- Богучанский (3 ангарских перехода);
- Осиновский (топографически сложный, в настоящее время не рассматривается).

Основной вариант включён в «Стратегию развития железнодорожного транспорта до 2030 г.».

2. Центральный (Лесосибирск – Нижневартовск, 1 056,4 км).

3. Западный (2 варианта):

- основной вариант (786 км);
- Троицко-Печорский вариант (с выходом в район Архангельска).

На данном этапе проект Северо-Сибирской магистрали предполагается трансформировать из широтной магистрали в меридиональную, а именно соединить между собой Северный широтный ход от арктического порта Сабетта до китайского Урумчи (Сабетта – Бованенково, Салехард, Надым, Нижневартовск, Белый Яр, Урумчи (КНР)). При этом рассматриваются два варианта выхода в КНР через Республику Алтай или Республику Тыва.

Список источников

1. Сигалов М. Р. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири / М. Р. Сигалов, В. А. Ламин; ИИФФ СО АН СССР. Новосибирск: Наука, 1988. 130 с.
2. Зензинов Н. А. От Петербург-Московской до Байкало-Амурской магистрали. М.: Транспорт, 1986. 215 с.
3. Царев В. И. Северо-Сибирская железнодорожная магистраль: истоки зарождения идеи / В. И. Царев, Н. О. Васильева, В. В. Царев // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 1 (31). С. 165–176. DOI: 10.36718/2500-1825-2024-1-165-176.
4. Архив г. Енисейска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22. О проведении железнодорожного пути между Енисейском и Ачинском. 1906–1912 гг. 124 л.
5. Архив г. Енисейска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 24. О проведении железнодорожного пути между Енисейском и Ачинском, Енисейском и Томском. 1913–1919 гг. 239 л.
6. Суслов В. Северо-Сибирская железнодорожная магистраль: от XIX до XXI в. // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 10. С. 33–44.
7. Борисов А. А. Великий Северный путь. Великий Устюг, 1929.

Александр Георгиевич Рогачев

*Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия*

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОЕКТА В XV–XX ВЕКАХ

Аннотация. Идея Российской империи зародилась в XV в. Долгий и сложный имперский путь прошёл через Московское государство. Пётр I в 1721 г. оформляет империю со столицей в Санкт-Петербурге. Екатерина II придаёт имперскому абсолютизму просвещённые черты. Дальнейшее преобразование императорского проекта связано с её потомками.

Ключевые слова: Российский императорский проект, Иван III, Пётр I, Екатерина II

Abstract. The idea of the Russian Empire originated in the 15th cent. The long and difficult imperial path passed through the Moscow state. In 1721, Peter the Great formed an empire with its capital in St. Petersburg. Catherine II gives the imperial absolutism enlightened features. The further transformation of the imperial project was attributed to her descendants.

Keywords: the Russian Imperial Project, Ivan III, Peter I, Catherine II

Владимир Иванович Даль в своём известном Толковом словаре живого великорусского языка отметил латинское происхождение слова «империя». Оно относится к государству во главе с властелином – императором, максимально ничем, по сути, неограниченным в своих полномочиях в области законодательных, исполнительных и судебных решений.

Можно в определённой степени утверждать, что идея о необходимости создания Российской империи прошла в своём развитии очень сложный и тернистый путь. В XIII в. Русь оказалась вассалом огромной ранее феодальной Монгольской империи. Под её политическим крылом развивалась дальнейшая русская государственность.

Кризис Золотой Орды как части империи монголов привёл к расширению русских внешнеполитических связей. После падения Византийской империи Русь, а затем Россия во многом становится её идеологической преемницей.

Иван III берёт в жёны византийскую принцессу Софью, которая привезла с собой в Москву буквально византийский трон и всю имперскую символику. Зарождается в это время идейное обоснование будущей империи: Москва – это Третий Рим.

С другой стороны, отношения в Европе со Священной Римской Империей германской части у Руси-России позитивно не сложились. Иван III решительно отверг концепцию католицизма и предложение стать королём в рамках этой империи.

В переписке с её представителями Москва отмечала, что наш Великий князь «повыше короля будет»: он «цезарь». Проект царской власти также зародился при Иване III. Он даже «венчал на царство» своего внука Дмитрия. Однако затем Дмитрий оказался «в опале» со стороны деда.

Царский проект реализовал другой внук Ивана III – Иван IV Грозный. Российская монархия в Москве при последнем переходит из удельной формы в сословно-представительную. Формируется система средневекового парламентаризма: Земские Соборы. Русское царство диалектично соединило византийские и монгольские истоки на своей национальной почве. Об этом как бы свидетельствует и российский герб – Двуглавый Орёл.

Московское царство скрепляла православная вера: в XVI в. здесь каждый православный считался русским. При царе Фёдоре Ивановиче родилась Московская Православная Патриархия.

Период опасной российской Смуты на рубеже XVI–XVII вв. оказался страшным испытанием для нашей Родины. Благодаря твёрдой православной вере русское национальное единство пережило опаснейшие угрозы и победило сильных врагов, пришедших с европейского Запада.

На московский царский престол призывается Земским Собором новая династия царей из рода Романовых. Первым самодержцем оказался Михаил Фёдорович. Через некоторое время его соправителем стал вернувшийся из польского плена его отец Фёдор, в дальнейшем Филарет. Филарета избирают русским Патриархом. Он правит Россией вместе с сыном, приняв титул «Великий Государь». Первоначально в государственной системе управления большую роль играют Земские Соборы.

Именно такой Собор при молодом царе Алексее Михайловиче принимает в 1649 г. первый Свод российских законов: Соборное Уложение. Этот акт свидетельствует о создании в России ранней абсолютной монархии. Соборное Уложение формально действует до 1835 г.

Очень важным шагом по практическому развитию российского императорского проекта стало решение Земского Собора 1 октября 1653 г. о воссоединении Украины с Россией. Собор удовлетворил просьбу Б. Хмельницкого и Войска Запорожского о принятии православного украинского народа «под высокую руку» Московского царя.

Укрепление основ российской государственности во второй половине XVII в. потребовало усиления крепостничества, которое вызывало серьёзное сопротивление в народных низах. Не случайно, что этот век получил меткое определение «бунташного».

В завершающей четверти XVII в. имели место разные подходы к возможному дальнейшему имперскому проекту. Но в конечном итоге его берёт в свои руки Пётр I. Этот путь через Северную войну определил тогда жёсткие бюрократические подходы и методы царя, неограниченного в своих действиях. Только полная победа над Швецией, которая пыталась доминировать на Балтике, в Польше и на Украине, поставила в этом процессе крайнюю точку. Эту победу 30 августа 1721 г. утвердил Ништадтский мир, а 22 октября 1721 г. царь Пётр I принял императорский титул.

Бюрократическая экспансия Петра I продолжалась ещё с большей силой. 24 января 1722 г. Пётр вводит в действие «Табель о рангах», определивший иерархию всех государственных служащих. А 5 февраля того же года император издаёт указ о престолонаследии, утвердив собственное право назначать наследника по личному усмотрению. Дальнейший ход исторических событий приводит к эпохе дворцовых переворотов, практика которых дожила до неудачного декабрьского восстания 1825 г.

Только Екатерина II сумела придать петровскому абсолютизму просвещённый характер. Но и она не отказывается от самодержавия, провозглашённого ещё Иваном IV Грозным. В своём наказе депутатам Уложенной комиссии она подчёркивает, что «государь самодержавный есть».

Опасаясь конфликта между феодальными сословиями, Екатерина II приостанавливает заседания Уложенной комиссии. Не было также принято и новое Соборное Уложение. Императрица не оставляет комиссию как постоянный парламент, но использует её материалы для издания в дальнейшем важнейших законов.

Правление её сына Павла I, Павла Петровича (1796–1801 гг.) вызвало в российском просвещённом обществе огромное отвращение к издержкам и злоупотреблениям власти самодержавной. Павел творил произвол не по злонамеренному умыслу, а в силу полной неготовности к современному управлению. И это привело к дворцовому перевороту и гибели императора. Карл Маркс саркастически отмечал, что российское самодержавие ограничено цареубийством. Александр I, Александр Павлович (1801–1805 гг.) вполне был обучен либеральным идеям, которые в дальнейшем успешно реализовались в Финляндии, Польше, Прибалтике и даже в Сибири. И тем не менее проект таких перемен в империи, подготовленный М. М. Сперанским, в реальную жизнь не вошёл. Другие конституционные проекты также остались в архиве. Николай I, Николай Павлович (1825–1855 гг.), пришедший на смену брату на императорский престол, направил усилия Сперанского на создание нового свода российских законов. Михаил Михайлович обошёлся без мятежей и революций. Он просто взял за основу Гражданский кодекс Наполеона и переложил его на российскую почву. В 1835 г. новый Свод законов Российской империи вступил в действие.

Александр II, Александр Николаевич (1855–1881 гг.) вынужденно приступил к назревшей реформе по отмене крепостного права. В итоге в 1861 г. (раньше североамериканских негров) российские помещичьи крестьяне получили личную свободу. Самой успешной реформой нового императора стала судебная и весьма половинчатой – земская. Военная реформа подвела Россию к приобретению двух надёжных союзников – современных армии и флота (по выражению следующего императора Александра III, Александра Александровича (1881–1894 гг.)).

Проблема реформаторства заключается очень часто в неполноте, противоречивости, непоследовательности, замедлении темпа преобразований. Крестьяне недополучили по реформе 1961 г. 20 % земель. На 50 лет были вынуждены платить выкупные платежи. Землю нельзя было продать.

Земское самоуправление не имело волостного фундамента и общероссийской крыши в виде всероссийских органов.

Социальное недовольство быстро нашло другую крышу: народников-террористов. Они-то с самыми благородными намерениями и убили царя-освободителя Александра II.

Консервативное крыло новой правящей элиты сумело на время заморозить политическую ситуацию в России, но социальный протест накапливался. И вот в крестьянской стране уже появились доморощенные марксисты с требованием социальной революции.

Сын Александра III, Николай II (1894–1917 гг.) оказался правителем неудачным и в итоге окончательно загубил российский императорский проект. Он стал соавтором двух российских революций – 1905 и 1917 гг. 17 октября 1905 г. царь сделал Россию думской монархией. Столыпинская аграрная реформа расширила социальную базу правящей власти, но не успела довести задуманное до конца. Главным вопросом обеих революций стал аграрный. Помещичье землевладение в условиях Первой мировой войны стало главным революционным триггером в деревне. Крестьян мало волновали черноморские проливы, они хотели поделить барскую дворянскую землю. А рабочие (вчерашние крестьяне) захотели захватить фабрики и заводы. Ну а царская власть в феврале 1917 г. расписалась в полном неумении. Российская империя рухнула, сыграв свою важную историческую роль.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И. – О-Оформил. СПб.: Диамант, 1996. 784 с.
2. Рогачев А. Г. Исторический опыт отечественных модернизаций в России (V–XXI вв.): моногр. Красноярск: филиал ИВЭСЭП, 2010. 180 с.
3. Рогачев А. Г. История отечественного государства и права: учеб. пособие. Красноярск: филиал ИВЭСЭП, 2014. 228 с.
4. Рогачев А. Г. Исторические модернизации государства и права в России в IX–XXI вв. Красноярск: КрасГАУ, 2015. 204 с.
5. Рогачев А. Г. Актуальные вопросы отечественной истории: социально-политическое развитие общества и государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие. Красноярск: КрасГАУ, 2017. 168 с.
6. Рогачев А. Г. Модернизационный поворот в России в XIX–XX вв. и мои поволжские предки в его контексте // Социально-экономический и гуманитарный журнал КрасГАУ. 2018. № 2. С. 128–140.
7. Рогачев А. Г. «Исторический путь – не тротуар неевского проспекта...» – о письме В. И. Ленина к американским рабочим // Социально-экономический и гуманитарный журнал КрасГАУ. 2018. № 3. С. 102–112.
8. Рогачев А. Г. Реформатор? В Сибирь! // Родина. 2019. № 4. С. 18.
9. Рогачев А. Г. Путь прусский или американский: зигзаги Российской и Сибирской модернизации в XIX – начале XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал КрасГАУ. 2019. № 3. С. 155–163.

Елизавета Владимировна Рудова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА КРАСНОЯРСКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. Приводится исследование государственного проекта по модернизации архитектурного облика Красноярска во второй половине XVIII в. в связи с пожаром в 1773 г. В статье рассмотрены ключевые фигуры, принимавшие участие в реализации этих идей, а также проанализированы основные архитектурные стили и элементы, внедрённые в городское строительство того времени, и их влияние на формирование культурного и исторического облика Красноярска.

Ключевые слова: пожар Красноярского острога 1773 г., петербургский тип линейной планировки города, архитектурный ландшафт

Abstract. The study of the state project for the modernization of the architectural appearance of Krasnoyarsk in the second half of the 18th cent. in connection with the fire in 1773. Consideration of the key figures involved in the implementation of these ideas. The main architectural styles and elements introduced into the urban construction of that time are analyzed, as well as their influence on the formation of the cultural and historical image of Krasnoyarsk.

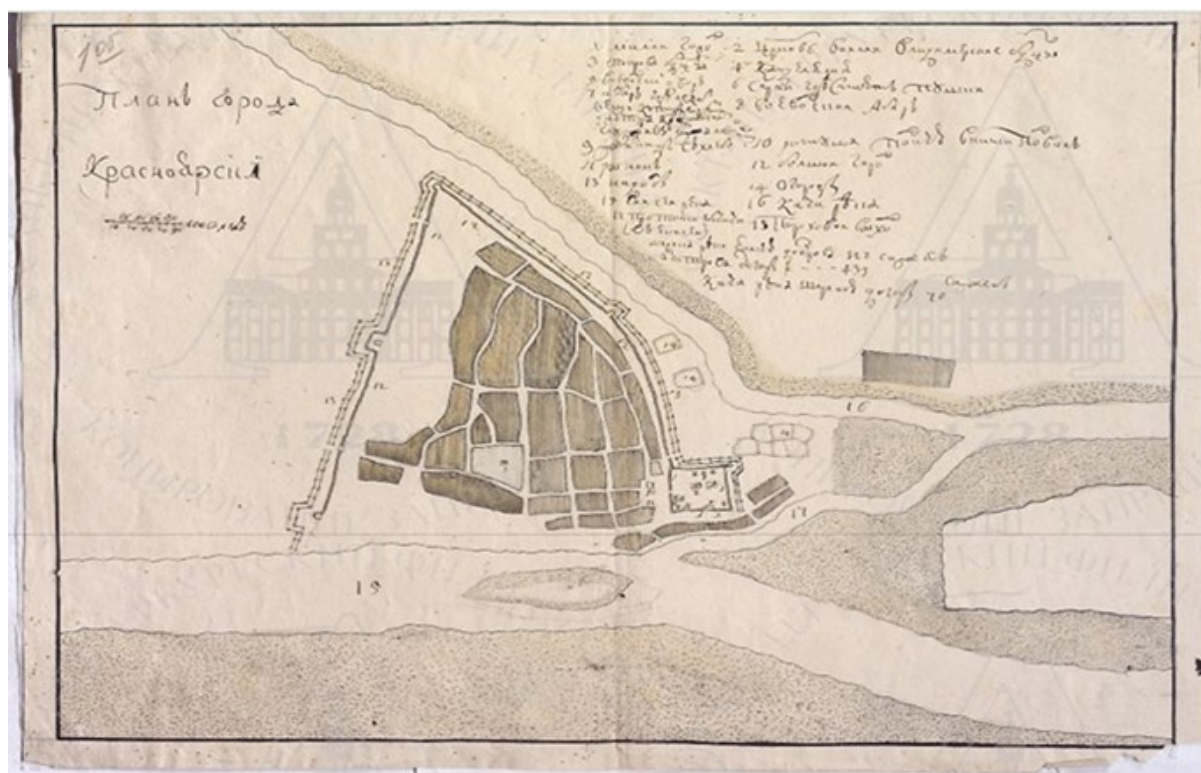
Keywords: the fire of the Krasnoyarsk prison in 1773, the St. Petersburg type of linear city layout, architectural landscape

Во второй половине XVIII в. Российская империя переживала период активной модернизации и реформ, затрагивающих множество аспектов жизни. Одним из важных изменений стала архитектурная модернизация, которая коснулась и Красноярска, города, прошедшего через катастрофу в виде разрушительного пожара 25 (26) июня 1773 г. На фоне этих событий в городе было инициировано новое градостроительное проектирование, возглавляемое присланным из Тобольска сержантом геодезии Петром Моисеевым. Его работа позволила сформировать новый облик города «петербургского типа», который оказал значительное влияние на его дальнейшую судьбу.

Пожар, охвативший Красноярск в 1773 г., стал катастрофическим событием, которое разрушило значительную часть застройки. Дотла сгорели не только крепостные укрепления, но и воеводская канцелярия, дом коменданта, винные и пороховые подвалы, питейные дома, деревянная соборная Преображенская церковь, приходская деревянная церковь Покрова Богородицы, воеводский и комендантский дома, множество казённых и обывательских строений. Сгорел также воздвигнутый в 60-х гг. новый

Воскресенский собор. В городе осталось лишь 30 домов. Конкретная причина возгорания не установлена, но некоторые исследователи предполагают, что это произошло из-за лесного пожара, перешедшего на острог. В Сибири, окружённой различными видами лесов, основной материал для застройки – дерево, поэтому пожар охватил такое большое количество зданий. Это бедствие, хотя и вселило страх в сердца горожан, стало возможностью для обновления и модернизации архитектурного облика.

Для сравнения того, как сильно это событие отразилось на архитектурном ландшафте и облике Красноярска, можно посмотреть на два плана застройки – до и спустя некоторое время после пожара, а также новой застройки (рис. 1, 2).

15 / 22 15. План г. Красноярск. Выполнен тушью и раскрашен. С пояснениями. 29 x 36 см. Подлинник. Первая половина XVIII в. СПБ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/16.

Рис. 1. План Красноярска снят геодезии капитаном Сергеем Платиным в 1739 г.

Восстановление после пожара открывало путь для внедрения новых градостроительных концепций. Так, правительством были предприняты меры к восстановлению города. Однако в тот период никто не прогнозировал больших перспектив в формировании Красноярска, отводя ему роль маленького провинциального городка. Присланный из Тобольска сержант геодезии Пётр Моисеев дал городу совершенно новую, петербургского типа линейную планировку (это разновидность градостроительной формы, при которой город строится вдоль одной линии: улицы, береговой линии или транспортной артерии) [1]. Такой тип имел свои преимущества, т. к. появлялась возможность размещения большого количества зданий в непосредственной близости от выбранной «линии», что упрощает доступ к ней.

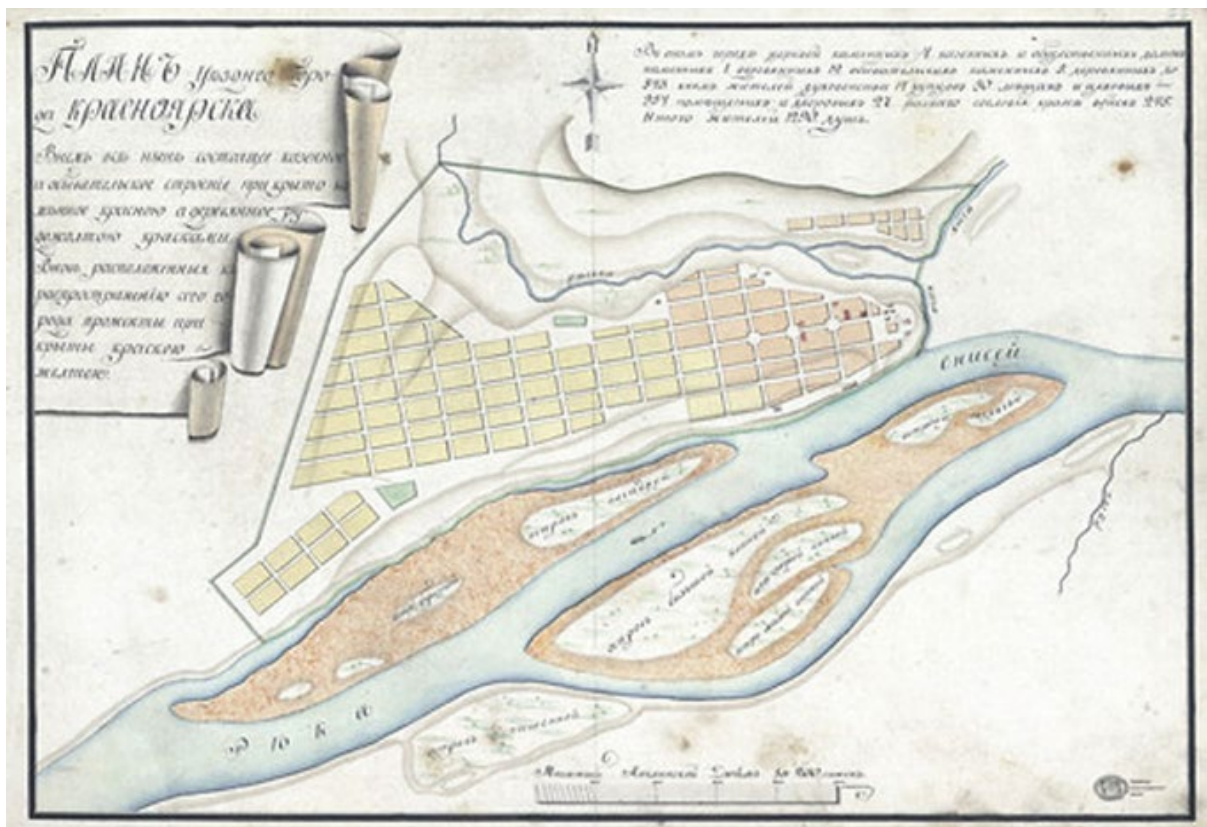

Рис. 2. План губернского города Красноярска. Датировано 1821 г.

Новый способ застройки отразился в выборе для новой регулярной планировки города самой простой прямоугольной системы, наиболее подходящей для компактных форм, таких как территория острогов [2, с. 156–170].

Планировочная структура Красноярска решалась на основе выделения главной оси – центральной улицы, вокруг которой группировались «плацы для обывательского строения». К концу XVIII в. прямоугольная система планировки сетью улиц и кварталов охватила почти всю остроко-нечную часть мыса, постепенно продвигаясь в западном направлении, за-нимая даже труднодоступные участки, такие как песчаный берег Енисея.

С исчезновением ансамбля красноярской крепости, высотных объё-мов Преображенской и Покровской церквей [3], игравших исключительно важную роль в архитектурном облике города и его речной панораме, глав-ной градостроительной особенностью Красноярска стал Воскресенский собор. В значительной степени этому способствовала ориентация на зда-ние соборной церкви центральной улицы города, разбитой по новому ре-гулярному плану.

Преобразования, инициированные Петром Моисеевым, оказали су-щественное влияние на культурное и историческое обличие Красноярска. Город стал не только административным и торговым центром, но и зоной, способствующей встрече различных культур. Благодаря новой архитек-турной планировке Красноярск начал восприниматься как образец про-грессивного городского устройства, что привлекало внимание как местных жителей, так и путешественников.

Кроме того, модернизация архитектурного облика стала фундаментом для формирования общественного и культурного пространства. В новых зданиях разместились образовательные заведения, библиотеки и театры, что способствовало развитию просвещения и культуры в городе.

Модернизация архитектурного облика Красноярска во второй половине XVIII в. стала важным этапом в истории города. Новая линейная планировка и внедрение различных архитектурных стилей не только изменили внешний вид Красноярска, но и оказали длительное влияние на его культурное и социальное развитие. Проект стал оплотом новых идей, которые сформировали город как важный культурный и исторический центр Сибири, открывая новые горизонты для его жителей и будущих поколений.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-568 (Красноярская Покровская церковь). Оп. 1. Д. 94.
2. Горбачев В. Т. Градостроительство Сибири / В. Т. Горбачев, Н. Н. Крадин, Н. П. Крадин, и др.; ред. В. И. Царев; НИИТИАГ РААСН. СПб.: Коло, 2011. 784 с.
3. ГАКК. Ф. Р-122 (Красноярская ратуша). Оп. 1. Д. 4.

Петр Иванович Савельев

*Приволжский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия*

СОВЕТСКИЙ ВОЖДИЗМ: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье анализируется природа советского вождизма как особого властного феномена, связанного с народными представлениями о государственности. Рассмотрена мифологизация вождизма с точки зрения реальности мифа о вожде. Показан процесс формирования советского вождизма на примере политической фигуры и личности И. В. Сталина, в т. ч. впервые на материалах уникальных дневников писателя М. М. Пришвина. Обосновывается тезис о необходимости различения таких явлений, как вождизм и культ личности.

Ключевые слова: миф, народ, вождь, культ личности, советский, вождизм, сталинизм

Abstract. The article examines the nature of Soviet leaderism as a distinct political phenomenon. The mythologization of leaderism is analyzed from the perspective of the reality of the leader myth. The formation of Soviet leaderism is illustrated through the political figure and personality of J. V. Stalin, including materials from the diaries of writer M. M. Prishvin. The argument is made for the necessity of distinguishing between such phenomena as leaderism and the cult of personality.

Keywords: myth, people, leader, personality cult, Soviet, leaderism, Stalinism

Природа советского вождизма ещё не подвергалась серьёзному содержательному анализу. Его давно признали продуктом мифологизации банальной борьбы за власть в партийной верхушке 1920–30-х гг. Слово «миф» и производные от него термины широко используются в быту и в литературной традиции. Этим понятием обозначается обычно нечто нереальное, несуществующее, придуманное в спекулятивных целях и даже фальсифицирующее реальность. Именно такой смысл вкладывался в термин «культ личности Сталина», начиная со второй половины 50-х гг. Феномен Сталина как вождя выводился из мелочной борьбы генсека за личную власть, в ходе которой устранялись все мало-мальски значительные и опасные для него соперники в партии, что в конце концов привело к жестоким массовым репрессиям.

Таким образом, получалось, что «культ личности» Сталина — это миф о нём как о вожде, которого в реальности не было. На деле же якобы был жестокий и кровавый диктатор (возможно, даже психически нездоровый человек — параноик) с сильно мифологизированной историей жизни и деятельности. Между тем следует различать политически мотивированный конструкт «культ личности» и народную мифологию советского

вождизма. И тут необходимо вспомнить знаменитую фразу М. А. Шолохова, возможно, высказанную им в самый разгар хрущёвского разоблачения мифа о «культе личности» Сталина: «Был культ, но была и личность!»

Миф о Сталине, безусловно, существовал, но оценивать его следует не на бытовом, догматическом, а на диалектическом уровне. Обратимся к блестящему анализу феномена мифа, который был проделан замечательным русским и советским философом А. Ф. Лосевым [1, с. 391–599]. Он доказал, что миф не выдумка, а «наиболее яркая, и самая подлинная действительность, далёкая от всякой случайности и произвола» [1, с. 396]. Он даже не примитивно-научное построение, а сама жизнь. Напротив, мифологична сама наука с её учением о строении материи, об элементарных частицах и т. п. Миф же реален, как реально дерево, камень, вода.

Толкование мифа возможно только из самого мифа. Он – «живое субъект-объектное взаимоотношение, содержащее в себе свою собственную, вненаучную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность, и структуру» [1, с. 410]. Миф – потусторонность, сказка для позитивиста, не вовлечённого в мифическое сознание. Но для человека, живущего в мифе, он самая настоящая реальность, непосредственное и даже чувственное бытие.

Критики «культа личности» особо указывают на обожествление личности вождя как на самообман. Однако, религиозное сознание, как особая мифология, и даже христианское сознание, как несравненно более духовное, нежели любое другое, на деле вполне чувственно явлено и осязаемо. В мифической действительности чувственное явление и сверхчувственная сущность слиты в неделимый и неразложимый лик жизни, поэтому она не поддаётся ни естественно-научному, ни философскому анализу. В мифологии есть необычность, новизна, небывалость, отрешённость от эмпирического хода событий. И в этом смысле она действует на человека непосредственно и неотразимо.

Миф – это символ, наполненный реальным, живым вещественным смыслом. Возникновение мифа происходит при наличии особой мифической отрешённости от смысла и идеи повседневных фактов. По мысли А. Ф. Лосева, «единственная форма мифической отрешённости – это отрешённость от *смысла* вещей. Вещи в мифе, оставаясь теми же, приобретают особый смысл, подчиняются совершенно особой идее, которая делает их отрешённой» [Так в тексте – П. С. – 1, с. 452]. Так происходит и с культом личности вождя. Он не перестаёт быть просто человеком со всеми его физиологическими особенностями, но в мифе он обретает особую идею, становится её воплощением. Благодаря этому миф о вожде не фантом, он вполне реален, он живёт своей полной жизнью в реальной действительности. И эта мифическая отрешённость захватывает огромные массы людей, для которых человек-вождь приобретает характер и значение символа. Судя по всему, Сталин понимал смысл собственного мифа, о чём свидетельствует его разговор с сыном Василием, который, в отличие

от его старшего сына Якова (Джугашвили), носил фамилию «Сталин». Подведя сына к портрету на стене кабинета, вождь сказал: «Ты думаешь, что ты – Сталин? – Нет. И я не Сталин. Сталин – это он!» и указал на портрет.

Для того чтобы глубже понять природу мифологии советского вождизма в его самой законченной и рельефной ипостаси – Сталинизма, – воспользуемся свидетельством современника той эпохи, который был далёк как от комплиментарности, так и от безоглядной враждебности (к сожалению, громадное большинство свидетельств того времени страдают либо тем, либо другим и потому не годятся в эксперты). При этом необходимо, чтобы наш «проводник по Сталинскому мифу» был осведомлён как о происходящем в высших интеллектуальных сферах советского общества, так и в обыденной жизни глубинки, поскольку миф Сталина сформировался в глубине повседневности. Наконец, необходимое условие – неподцензурность записок автора, его наблюдений и размышлений. Во всех этих отношениях идеальным пособием является дневник выдающегося русского и советского писателя М. М. Пришвина, который был опубликован совсем недавно [2]. Несмотря на довольно обширную мемуарную литературу этой эпохи, дневник Пришвина уникален. Писатель хорошо ориентировался в литературных течениях, был знаком со многими дореволюционными деятелями культуры и науки, общался с советскими руководителями Н. И. Бухариным, В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем, Н. А. Семашко, писал самому Сталину.

Пришвин жил в бурные годы Революции и Гражданской войны сельским обывателем и наблюдал события как бы со стороны. Он видел жизнь русской, а затем и советской деревни на этапах революционного слома изнутри. Он имел счастливую возможность спокойно и непредвзято размышлять над политическими и философскими вопросами, а в своём многолетнем дневнике фиксировать (не для публики) оценки текущих событий и действующих лиц разворачивавшейся на его глазах политической драмы. Его заметки на злобу дня перемежаются с глубокими религиозно-философскими размышлениями над сутью событий.

Пришвин рано подметил особую фундаментальную роль Сталина в судьбах страны и народа. Несмотря на общий критический настрой по отношению к Советской власти, ему импонировали деловые качества генсека, и он всё более и более становился на его сторону в своих размышлениях о предпочтительном пути развития общества и государства. Он пристально наблюдал за формированием мифа о Сталине, трактовал его в целом очень близко к вышеописанной методологии своего современника А. Ф. Лосева и отмечал, что Сталин – это миф, созданный народом, но миф, который стал реальностью. Он стал символом власти, который нельзя критиковать, нельзя даже обсуждать.

Дело было не в официальных должностях и бюрократических ухищрениях. Как заметил по этому поводу Пришвин, «есть власть, оправданная своим происхождением: власть, исходящая от личности. И есть власть, которую захватывают, как восточную рабыню. Можно стать на место

внутри себя, и тем самым ты сделаешься властным. И можно занять место в бюрократическом аппарате и тоже сделаться властным» [3, с. 297]. Здесь – власть, исходящая от личности: «Вот человек, в котором нет даже и горчичного зерна литературно-гуманного влияния: дикий человек Кавказа во всей своей наготе. Мистика погубила царя Николая II, словесность погубила Керенского, литературность – Троцкого. Этот гол, прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени. И так нужно, потому что наступает время военного действия» [4, с. 143].

Пришвин тонко подметил, что с какого-то момента вождь уже не управляет созданием собственного мифа. Сталин – это «личность-государство», вождь-государство. Оно (государство) воплощается в нём (вожде), становится его «Я»: «Если дело какое-нибудь принять совсем близко к сердцу и отдавать ему всю жизнь свою и днём, и ночью, то “Я” будет само собой к делу ближе всего. И пусть сам Сталин не называет это “Я”, всё равно другие берут это “Я” и превращают его в государственное понятие. Так, например, имя человека Реомюр превратилось в термометр Реомюр, и советское государство почти слилось с именем Сталин» [3, с. 368]. Статья «Головокружение от успехов» стала заключительным и очень мощным аккордом этого этапа. Народ, всё ещё преимущественно крестьянский, как бы *увидел* его. С этого момента народные ожидания перемен в жизни связаны именно со Сталиным. Перемен к лучшему.

Со Сталиным нет ничего невозможного – таков был всеобщий настрой. 22 декабря 1938 г. Пришвин записал: «Слава Сталина создаётся автоматически, желай он этого или не желай. Она складывается из желания каждого жить, и каждый спешит послать приветствие Сталину, чтобы здесь ему можно было жить увереннее. Каждый как бы примешивается к флагу, мотается, как флаг, и благодаря множеству (один – немного, все...) получается сила. Из жажды жизни чисто животной – есть, спать, рожать – и создаётся эта сила» [5, с. 492]. Эта сила захватила самого писателя, которого нельзя упрекнуть в следовании настроениям толпы. Запись от 25 декабря 1938 г.: «При царе я был за царя, при Сталине – за Сталина. <Зачёркнуто: Я за победителя.>» [5, с. 493].

Вождь – прежде всего самодостаточная личность с грозным ореолом и чёткой национальной позицией. Именно поэтому из прошлых властителей примером для Сталина был русский Иван Грозный, а не европеизированный Пётр I. Сталин оказался первым и единственным со времён Ивана Грозного правителем России, объявившим открытую войну низкопоклонству перед Западом («борьба с космополитизмом»). Оглядки на Европу заполняют всю нашу историю, со времён Бориса Годунова. Западниками были все Романовы. Большевицкий классовый вождизм, начиная с Ленина («вождя мирового пролетариата»), был абсолютно западничеством, ибо сам марксизм был также родом из западной цивилизации. Советский вождизм Сталина («отца народов») был уже не узкоклассовым, а общенародным, имея в виду советский народ, как «новую историческую общность людей», сложившуюся в СССР.

Советский вождизм был уникальным явлением в мировой истории верховной власти. Это не просто централизация и концентрация власти. Это её персонификация, возведённая в общенародный миф-символ.

Список источников

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. М.: Правда, 1990. С. 391–599.
2. Пришвин М. М. Дневники 1905–1954 гг. СПб.; М., 1991–2017.
3. Пришвин М. М. Дневник 1936–1937 гг. СПб., 2010.
4. Пришвин М. М. Дневник 1930–1931 гг. Кн. 7. СПб.: Росток, 2006.
5. Пришвин М. М. Дневник 1938–1939 гг. СПб., 2010.

Лариса Марсовна Салахова

Иркутский государственный университет,

Иркутск, Россия;

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

НОВЫЕ ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ГОРОДА СОВЕТСКОЙ СИБИРИ: В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА В ИСТОРИИ

Аннотация. На примерах социальной практики жителей новых индустриальных городов севера Иркутской области автор раскрывает особенности конструирования несколькими поколениями горожан образа исторического прошлого освоенного пространства.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, новые индустриальные города, социальная память, «образ прошлого», конструирование истории

Abstract. The author reveals the peculiarities of constructing the image of the historical past of the developed space by several generations of townspeople using the examples of social practice of the inhabitants of new industrial towns in the north of the Irkutsk region.

Keywords: Baikal Siberia, new industrial cities, social memory, "image of the past", construction of history

Благодарности. Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10123 «Право на город при социализме/постсоциализме: городской дискурс, практики гражданства и place attachment».

В центре внимания – проблема конструирования городским сообществом «образа прошлого» городов с короткой историей, сложившейся в процессе реализации проекта освоения природных ресурсов Восточной Сибири во второй половине 1950-х гг. Основными источниками исследования, представленного в данной публикации, выступают устные воспоминания представителей трёх поколений жителей сибирских городов Братска, Усть-Илимска и Железногорска-Илимского, записанные автором в 2006–2024 гг., публицистические очерки первостроителей, материалы периодической печати, официальные сайты администраций указанных городов, визуальные объекты (памятники, мемориальные пространства и др.).

Методологическую основу исследования составляют отдельные положения гуманитарной географии (Д. И. Замятин), социальной истории (М. Я. Рожанский) [1], теории культурно-цивилизационного ландшафта (В. Г. Рыженко) [2].

Север Иркутской области с середины 1950-х гг. принято называть районом нового освоения Прибайкалья. Предшествующим этапом был процесс колонизации Сибири. В 30-х гг. XVII в. на берега р. Ангары

и её притока р. Илим пришли казаки-первопроходцы, построившие Илимский и Братский остроги. Закрепившись, они начали осваивать пространство, впоследствии ставшее плацдармом, благодаря которому казачьи отряды и исследовательские экспедиции двигались дальше, на север и восток азиатского пространства. Илимская и Ленская пашни кормили многочисленные отряды людей, отправлявшиеся открывать и осваивать новые земли, богатые ресурсами. Со строительством Московского тракта и Транссибирской железнодорожной магистрали значимость северных пространств Прибайкалья существенно снизилась, поскольку главные торговые пути оказались на значительном расстоянии от этих территорий. Ангара, отличавшаяся крутым норомом, не превратилась в крупную судоходную артерию из-за многочисленных порогов, особенно опасных в её среднем течении. Постепенно г. Илимск превратился в село, Ленский волок потерял свою актуальность. Не вдохнул новую жизнь в отдалённый регион и Николаевский железоделательный завод. В конечном итоге к началу XX в. население Братской, Нижне-Илимской и Карапчанской волостей составляли эвенки, укоренившиеся потомки первопроходцев-старожилов и многочисленные ссыльнопоселенцы. Люди в основном занимались земледелием, охотой, рыбным промыслом.

Новая жизнь в северные районы Байкальской Сибири пришла благодаря решениям, принятым руководством советского государства, после конференции по изучению производительных сил Иркутской области (4–11 августа 1947 г., Иркутск). По инициативе Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР (СОПС АН СССР) обсуждались проблемы и планы освоения территории, богатой уникальными энергетическими ресурсами, но малонаселённой и вместе с тем не имевшей достаточного уровня промышленного и транспортного потенциала. Таким образом, новый этап освоения Восточной Сибири начнётся в середине 1950-х гг. В результате за три десятилетия удалось создать мощный энергопромышленный район, произвести масштабные социокультурные изменения. Возникновение урбанизированного пространства на севере Иркутской области (Братск, 1955; Железногорск-Илимский, 1965; Усть-Илимск, 1973) является абсолютно самостоятельным советским модернизационным проектом. Уникальным было и то, что в новых городах как местах коллективной жизни складывался её новый образ, основанный на добровольности и возможности самореализации для приезжавших на строительство и остававшихся в городе людей.

В процессе строительства городов складывалось сообщество, которое конституировало место и придавало ему определённые смыслы. В этой социальной практике имели значение природные особенности и их изменение как следствие деятельности людей на протяжении определённого времени и, безусловно, само человеческое творчество по созданию искусственной природы.

Изучение разнообразных источников показало, что каждое поколение горожан, связанное похожим социальным опытом, полученным в определённое время и в определённых условиях, образует вполне конкретный комплекс воспоминаний, объединяющих их. Эти воспоминания, воплощённые в разных формах (тексты, символы, коммеморации и традиции и т. д.), транслируются следующим поколениям. Таким образом складывается социальная память. Причём этот процесс может выглядеть как взаимообмен и обогащение, что приводит к формированию социальной идентичности конкретных членов сообщества. Однако, возможны разрывы, противоречия, подмены. Это ведёт к забвению или искажению поколенческой памяти. Такого рода опыт наполняет социальную память разных поколений несвязанными между собой образами, вследствие чего происходит деформация идентичности горожанина. Конструирование и трансляцию своей версии образа исторического прошлого разными общественными группами можно рассматривать как одну из форм реализации «права на город».

Нам удалось выявить и рассмотреть феномен конструирования «долгой истории» на примере г. Братска, сложившийся в начале XXI в., в котором немалую роль сыграла т. н. «краеведческая интервенция». Поиск места в «большой» истории страны для абсолютно советского проекта, т. е. того периода истории, который подвергся сокрушительной критике в последние десятилетия XX в., сделал уязвимым сложившийся образ прошлого, созданный первым поколением горожан, представители которого вписали себя в историю как первостроители и созидатели новой социальной жизни, отличавшейся от той, из которой они уезжали. И, соответственно, для них короткая история была естественна, поскольку этот большой коллективный проект был не просто строительством Братской ГЭС, он был началом новой, другой истории. Он подразумевал новый стиль человеческих отношений, порождал невиданный энтузиазм и стремление к личной самоотдаче его участников.

Второе и третье поколения братчан, попавшие в условия переосмысления советских свершений, стремятся сконструировать ещё один образ истории места, началом которого является строительство Братского острога. С молчаливого согласия представителей университетского сообщества историков местные краеведы объединяют образы и эпохи от лихих казаков XVII в. до романтического поколения советских первостроителей второй половины XX в. в один поступательный процесс общественного развития. Такой образ транслируется во вкладке «История» на официальном сайте г. Братска: «Это только на первый взгляд Братск кажется городом молодым, ровесником эпохи энтузиазма и ударныхстроек, символом времени созидательного романтизма и освоения тайги. На самом деле первые упоминания о Братске восходят к началу XVII в.» [3]. На стеле при въезде в г. Братск точкой отсчёта истории города обозначена дата – 1631 г. Это не только фактологическая ошибка. Мы видим искажение образа

исторического прошлого, вызванное стремлением «спрятать» неудобное, в 1990-е гг. отрицаемое, советское прошлое в «долгой истории» Сибири. Можно предположить, что это своеобразная защитная стратегия горожан. Однако в образе прошлого, сформированного у горожан, рождённых в XXI в., 1631 г. закрепился как год основания г. Братска. Это показали беседы с выпускниками школ 2021–2025 гг. выпуска.

Стоит подчеркнуть, что подобная эклектика не проявилась в конструктах исторического прошлого городов Усть-Илимска и Железногорска-Илимского. Этот вывод подтверждает информация официальных сайтов указанных городов:

«Усть-Илимск известен всей стране как город трёх ударных комсомольскихстроек... Город стал символом таёжной романтики и всей бурной эпохи 1960–70-х гг.» [4].

«Отсчёт истории г. Железногорска идёт с августа 1957 г. На стройку ехала молодёжь по комсомольским путёвкам из всех республик и городов. В 1961 г. стройка была объявлена ударной комсомольской» [5].

Изучение визуальных символических образов Усть-Илимска и Железногорска-Илимского показало, что из поколения в поколение транслируется сложившийся образ городов, рождённых в эпоху советского романтизма. Урбанистический и догородской периоды в истории пространства абсолютно самодостаточны и дополняют друг друга.

Таким образом, анализ опыта конструирования своей истории как минимум тремя поколениями горожан позволил увидеть неодинаковые стратегии городских сообществ в этой области социальной деятельности. Проследив, какие точки отсчёта своей истории определяли разные поколения жителей новых индустриальных городов, нам предстоит продолжить работу по определению факторов, влиявших на общественное мнение; выявлению причины, по которым в новых индустриальных городах сложились разные взгляды на своё советское прошлое. Изучение социального опыта позволило выявить следующие стратегии городских сообществ в процессе поиска своего места в истории: отчуждение некоторых периодов истории; «удлинение» реальной истории города; «краеведческая интервенция» в условиях отсутствия научно обоснованного конструкта истории города; «присвоение истории».

Список источников

1. Рожанский М. Я. Сибирь как пространство памяти. Иркутск, 2013. 180 с.
2. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск, 2010. 340 с.
3. Администрация г. Братска. URL: bratsk-city.ru.
4. Администрация г. Усть-Илимска. URL: ust-ilimsk.ru.
5. Администрация г. Железногорска-Илимского. URL: zhel-ilimskoe.mo38.ru.

Максим Анатольевич Сафонов, Александра Сергеевна Кузьменко
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ОТОБРАЖЕНИЕ РЕАКЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА НА СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ГАЗЕТЕ «КРАСНОЯРСКИЙ РАБОЧИЙ»

Аннотация. Статья посвящена описанию реакции жителей Красноярска на события Великой Отечественной войны в первые месяцы войны в региональной газете «Красноярский рабочий». В ней рассказывается о формировании в региональной периодике образа поведения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «Красноярский рабочий», реакция населения, Красноярский край

Abstract. This article is devoted to the description of the reaction of residents of the city of Krasnoyarsk to the events of the Great Patriotic War in the first months of the war in the regional newspaper "Krasnoyarskiy Rabochiy". It tells about the formation of a way of behavior in the regional periodicals.

Keywords: the Great Patriotic War, "Krasnoyarskiy Rabochiy", public reaction, Krasnoyarsk region

События Великой Отечественной войны стали отображаться в газете «Красноярский рабочий» на следующий день после начала войны, 23 июня 1941 г. На страницах периодического издания ежедневно выходила информация о реакции жителей на происходящие события.

Важно отметить, что такие публикации занимали в газете «Красноярский рабочий» сравнительно небольшой объём от номера – около 5–10 % текста. Публикации глобально делятся на сюжетные зарисовки из жизни тылового города, а также на рекламу, нацеленную на красноярского потребителя.

Относительно сюжетных зарисовок, необходимо отметить, что они носили не столько повествовательную, сколько воспитательную функцию. Целью краевых газет при презентации событий из Красноярска не являлось описание повседневной жизни города, было необходимо сформировать удобную поведенческую модель среди жителей города для решения возникших задач.

Все сюжеты, публикующиеся в региональных газетах этого периода, можно разделить на группы. Это деление можно осуществить по конкретному призыву, прослеживающемуся в тексте статьи. По нему можно

увидеть, с какими проблемами столкнулся тыловой город. Так, в первые месяцы войны (июнь – начало сентября 1941 г.) региональная пресса транслировала определённую модель «правильного» поведения. Одним из первых посланий было описание заявлений рабочих красноярских предприятий о стремлении превысить уровень установленной нормы производства в целях помощи фронту. Например, в статье «Обеспечим бесперебойную работу комбината» такую клятву дают рабочие красноярского деревообделочного комбината [1].

Также одним из центральных мотивов было заявление рабочих о готовности при первой надобности отправиться на фронт [2]. Обычно такая готовность выражалась в статьях о работе в стахановском темпе. Почти сразу возникает идея, что «на фабрике, за станком – тоже фронт» [3]. Помимо этого, в газетах публиковались заявления с просьбой зачислить в ряды Красной армии добровольцем. Они принадлежали людям – представителям профессий, имеющих авторитет в обществе: инженеры, врачи, представители номенклатуры. Публикация таких заявлений была однообразной. Например, в статье «Просят зачислить добровольцами» приводится пример заявления кандидата в члены ВКП (б), инженера лесного хозяйства М. Ф. Чероткина: «Убедительно прошу зачислить меня добровольцем в ряды доблестной Красной армии, чтобы защищать нашу любимую родину от интервентов» [4]. Таким образом, СМИ, освещая отправку на фронт уважаемых людей, формировали массовую готовность к мобилизации.

В газете «Красноярский рабочий» также поднималась проблема замены ушедших на фронт мужчин женщинами. Посредством региональной печати до общества доносили информацию о необходимости «рабочих рук». Этот посыл доставлялся посредством статей и рекламы. Периодически публиковались статьи, демонстрирующие работу женщин на предприятиях. Также активно действовала реклама, в газете регулярно печаталась информация об имеющихся вакансиях. Начинается формирование поведенческого образа советской женщины в условиях войны. Этот образ перекликается с образом женщин Испании времён Гражданской войны 1936–1939 гг., сформированным ранее в газете «Красноярский рабочий». На момент начала войны транслировались в массы две ключевые задачи для женщин: заменить мужчин на заводах и готовить «подарки бойцам» действующей армии, под этим подразумевались вещи первой необходимости. Так, на многочисленном митинге «Спартак» было вынесено предложение организовывать посылку «подарков» на 1 тыс. руб. [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реакция жителей Красноярска на события начала Великой Отечественной войны фиксировалась в газете «Красноярский рабочий» не для описания повседневной жизни города, а с целью сформировать эмоциональный отклик, переходящий к требуемому результату.

Список источников

1. Обеспечим бесперебойную работу комбината // Красноярский рабочий. 23.06.1941.
2. Защищать родину на фронте, самоотверженно трудиться на своих постах // Красноярский рабочий. 23.06.1941.
3. На фабрике, за станком – тоже фронт // Красноярский рабочий. 27.06.1941.
4. Просят зачислить добровольцами // Красноярский рабочий. 30.06.1941.
5. Подарки бойцам действующей армии // Красноярский рабочий. 28.06.1941.
6. За высокую организованность, за железную дисциплину // Красноярский рабочий. 24.09.1936.
7. По первому зову пойдём на защиту границ // Красноярский рабочий. 02.07.1941.
8. Самоотверженно трудиться на благо Родины // Красноярский рабочий. 03.07.1941.
9. Стахановская выработка кирпичников // Красноярский рабочий. 15.07.1941.
10. Стахановцы укрепляют мощь социалистической Родины // Красноярский рабочий. 16.07.1941.
11. Буду работать только по-стахановски // Красноярский рабочий. 05.08.1941.
12. Завод работает чётко // Красноярский рабочий. 29.08.1941.

Екатерина Алексеевна Семенова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Исследуется трансформация писательских организаций в годы Великой Отечественной войны. Анализируется деятельность Союза писателей СССР, механизмы интеграции интеллигенции в идеологический аппарат. Рассмотрены институциональные изменения литературных объединений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Союз писателей СССР, литературные организации, военная пропаганда, социальная мобилизация

Abstract. Examines the transformation of writers' organizations during the Great Patriotic War. Analyzes the USSR Writers' Union activities and mechanisms of intellectuals' integration into ideological apparatus. Covers institutional changes in literary associations.

Keywords: the Great Patriotic War, the Union of Writers of the USSR, literary organizations, military propaganda, social mobilization

В контексте изучения эволюции социальных процессов в период Великой Отечественной войны особый интерес представляет институциональная трансформация писательских организаций. Если в довоенный период Союз писателей СССР выполнял преимущественно регулятивные и цензурные функции, то с 1941 г. он превратился в важнейший элемент системы идеологической мобилизации [1, с. 45]. Данное исследование ставит целью проанализировать механизмы адаптации литературных объединений к условиям военного времени и их роль в консолидации советского общества.

Начало войны вызвало реорганизацию работы Союза писателей СССР. Так, уже в июле 1941 г. было создано Бюро военной пропаганды при Отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), координировавшее деятельность литературных организаций [2, л. 183]. В эти годы стали формироваться сети фронтовых корреспондентских бригад, появилась организация выездных творческих групп, также активно проводились литературные конкурсы с материальным стимулированием [3, с. 11–18].

Особое значение приобрела деятельность региональных отделений Союза писателей. Например, Ленинградская организация в условиях блокады обеспечивала выпуск периодических изданий, включая легендарный «Ленинградский альманах».

В 1942 г. была создана принципиально новая модель литературных объединений – Организация писателей Красной армии и Организация писателей-фронтовиков [4, с. 178–179]. Их деятельность характеризовалась: системой «литературного наставничества»; выпуском специализированных изданий (например, «Писатели Красной армии»); проведением ежемесячных конкурсов.

Эти структуры выполняли двойную функцию: с одной стороны, они были каналом трансляции официальной идеологии, с другой – обеспечивали социальный лифт для талантливых авторов из солдатской среды.

В условиях военного времени Союз писателей СССР реализовал комплекс мер социальной поддержки: создание сети писательских столовых; организация детских учреждений для семей писателей; система продовольственных пайков; медицинское обслуживание.

Писательские организации в годы войны претерпели значительную эволюцию – от профессиональных объединений до полноценных элементов системы государственной мобилизации [5, с. 412]. Их деятельность демонстрирует характерную для советского проекта модель интеграции творческой интеллигенции в идеологический аппарат через: институциональную перестройку; создание вертикально интегрированной системы литературных объединений; развитие системы материального стимулирования и социальных гарантий.

Этот опыт оказал существенное влияние на послевоенную культурную политику СССР, создав прецедент глубокой институциональной связи между творческими союзами и государственными структурами.

Список литературы

1. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 328 с.
2. О создании Советского бюро военно-политической пропаганды: Постан. ЦК ВКП(б) от 25.06.1941 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 183.
3. Комков Г. Д. Книга в годы Великой Отечественной войны // Исследования и материалы. 1967. № 4. С. 11–18.
4. Об организации деятельности советских писателей в Красной армии: Расп. Главного политического управления Красной армии от 29.03.1942 // Сб. документов Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1959. С. 178–179.
5. Трифонов Н. А. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1966. 639 с.

Мария Викторовна Сентябова

*Красноярский государственный аграрный университет,
Красноярск, Россия*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРАСНОЯРСКОГО НИИ МЕДИЦИНСКИХ ПРОБЛЕМ СЕВЕРА В 1970–80-Х ГОДАХ КАК ЧАСТЬ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ОСВОЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Аннотация. Статья посвящена истории НИИ медицинских проблем Севера, основанного в 1976 г. в рамках реализации советского проекта освоения Крайнего Севера. Исследуется деятельность НИИ по изучению адаптации человека к условиям Арктики, в рамках которой было создано новое направление «северная педиатрия» и разработаны методические рекомендации по улучшению здоровья детей на Севере.

Ключевые слова: Сибирь, Крайний Север, Красноярский край, НИИ медицинских проблем Севера, история медицины

Abstract. The article is devoted to the history of the Research Institute of Medical Problems of the North, founded in 1976 as part of the Soviet project to develop the Far North. The article examines the activities of the Research Institute for the study of human adaptation to the conditions of the Arctic, within the framework of which a new direction "northern pediatrics" was created and methodological recommendations for improving the health of children in the North were developed.

Keywords: Siberia, Far North, Krasnoyarsk region, Research Institute of Medical Problems of the North, history of medicine

В 1970-х гг. ускоряется процесс освоения природных богатств Севера Красноярского края, что наглядно проявляется в создании в 1976 г. проекта плана развития территорий Крайнего Севера Красноярского края на период 10–12-й пятилеток (1977–1990 гг.) [1, с. 1 846]. Реализация данного плана актуализирует проблему адаптации человеческого организма к суровой северной природе и к вредоносному воздействию производственных факторов [2, с. 17]. Уже с конца 1950-х гг. Норильский горздравотдел фиксирует крайне высокий уровень заболеваемости, а также существенное отставание в развитии у норильских детей, объясняя причины этого неблагоприятными климатическими условиями, особенно длительным отсутствием солнечного света полярной ночью и постоянным нахождением в замкнутых помещениях [3, л. 55]. Медицинские проблемы протекания беременности и принятия родов в условиях Заполярья в середине 1960-х гг. активно обсуждались на научно-практических конференциях акушеров и гинекологов [4, л. 1, 29, 31].

В середине 1960-х – начале 1970-х гг. большую научно-исследовательскую работу в области медицинских проблем Севера вели сотрудники Красноярского государственного медицинского института (КГМИ)

[5, л. 131–133]. В 1970 г. по инициативе профессора Ж. Ж. Рапопорта было создано обращение к Правительству страны и Президиуму Академии медицинских наук (АМН) СССР, в котором обосновывалась необходимость открытия НИИ медицинских проблем Севера АМН СССР в г. Красноярске. Начинается организационная работа по созданию нового НИИ [6, с. 116].

НИИ медицинских проблем Севера был создан в г. Красноярске в июне 1976 г. на основании Постановления Государственного комитета по науке и технике Совета Министров СССР № 12 от 16.03.1976 и Приказа Министерства здравоохранения СССР № 569 от 02.06.76 и вошёл в структуру созданного шестью годами ранее Сибирского филиала АМН СССР, а затем и в состав СО АМН СССР (1979 г.) [7, с. 89]. Директором учреждения был назначен К. В. Орехов, заведующий кафедрой госпитальной педиатрии КГМИ. Должность заместителя директора НИИ по научно-исследовательской работе занял профессор В. И. Ратников. С 1977 по 1980 гг. эту должность занимал В. Т. Манчук, а с 1980 по 1986 гг. – В. Г. Николаев.

Формирование коллектива НИИ МПС происходило на протяжении осени 1976 – зимы 1977 г., его источником во многом послужили сотрудники или выпускники КГМИ. В начале 1977 г. в структуре НИИ МПС появляется лабораторный отдел. В январе 1977 г. при НИИ была открыта собственная клиника, главным врачом которой был назначен В. А. Кишиневский. Первоначально клиника была рассчитана на 50 коек и размещалась в двух корпусах по ул. Красной Армии, 16 и 20. В её состав входили отделения, занимающиеся лечением и профилактикой заболеваний сердечно-сосудистой и пищеварительной систем, а также отделение оториноларингологии. Следующее расширение организационной структуры НИИ МПС произошло в 1979 г. В соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 479 от 27.09.1979 «О дальнейшем развитии медицинской науки в районах Сибири и Дальнего Востока» в Институте были созданы новые исследовательские лаборатории медицинской климатологии, математического моделирования, медицинской генетики, вирусологии, медицинской биофизики, кислородно-транспортной функции [7, с. 92].

Первое десятилетие после основания Института характеризуется активной экспедиционной работой в различных районах Азиатского Севера. Первая экспедиция состоялась уже в декабре 1976 г., когда большой коллектив научных сотрудников отправился в г. Норильск и в пос. Хатанга. Сотрудники Института неоднократно выезжали в Якутию, Эвенкию, на Камчатку, Чукотку, Таймыр. Иногда одновременно в поле выходило несколько экспедиционных групп [7, с. 92–93]. Исследования Института проводились в крупных городах, таких как Норильск, Дудинка, Якутск, Магадан, Анадырь, Петропавловск-Камчатский, в посёлках, на факториях и даже в кочевых бригадах коренных народов Севера. В экспедициях принимали участие не только сотрудники НИИ МПС, но и педиатры, физиологи, психологи, стоматологи, нутрициологи из ведущих научных учреждений: НИИ питания РАМН, Центрального института стоматологии, НИИ педиатрии РАМН и др. [8, с. 101].

Благодаря многочисленным экспедициям было создано большое количество опорных баз, предназначенных для проведения экспедиционных исследований и организации филиалов института в разных регионах Севера. Важной особенностью работы Института было планомерное изучение будущих плацдармов исследований. Для этого активно применялся мультидисциплинарный подход: к работе привлекались географы и демографы, был проведён анализ этнографической ситуации на Севере. Это позволило обосновать медико-экологический подход к проблеме как наиболее правильный и перспективный [8, с. 102].

Результатом научных исследований НИИ МПС стало создание инновационных научных школ, сосредоточенных на изучении адаптации к северным условиям кровеносной системы человека, детского и женского организма. Коллективом Института был осуществлён значительный объём исследований по воздействию факторов окружающей природной среды на адаптационные возможности организма человека, результатом которых стало создание концепции поэтапной адаптации человеческого организма к условиям Севера и значения внутренних и внешних факторов в её осуществлении.

В первое десятилетие наиболее приоритетным направлением работы НИИ МПС было изучение состояния здоровья детей, проживающих на Севере. Фактически шёл процесс формирования нового направления – «северная педиатрия». Отдельным направлением стало исследование формирования и развития детского организма в постнатальный период. Особенности физического развития детей, проживающих в условиях Заполярья, изучались в сопоставлении с особенностями функционирования высшей нервной деятельности, сердечно-сосудистой системы, физической работоспособности, хронобиологии детского организма на Севере.

За короткий срок к началу 1980-х гг. Институт превратился в мощное научное учреждение, получившее признание не только в научной среде СССР, но и за рубежом. Под руководством директора К. В. Орехова в институте была разработана долгосрочная комплексная программа «Север – экология человека региона Крайнего Севера», в реализации которой принимали участие более 70 научных коллективов всей страны.

Важнейшим практическим результатом исследований стала разработка научно обоснованных методических рекомендаций по профилактическим, диагностическим и лечебным мероприятиям, направленным на улучшение здоровья детей в условиях Крайнего Севера. «Методические рекомендации по питанию детей дошкольных учреждений Северных регионов страны», «Методические рекомендации по дифференцированным режимам закаливания детей на Севере», «Методические рекомендации по изучению физического развития детей», «Критерии диагностики нарушений обмена веществ у детей в условиях Крайнего Севера» получили высокую оценку и были утверждены Министерством здравоохранения РСФСР.

Список источников

1. Гайдин С. Т. Особенности развития территорий Крайнего Севера Красноярского края в 1977–1990 гг. / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина, Т. Г. Шереметова и др. // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2021. № 12. С. 1 840–1 850.
2. Корнеева Я. А. Компоненты адаптационных стратегий как профессионально-важные качества специалистов, работающих вахтовым методом в условиях Севера / Я. А. Корнеева, Н. Н. Симонова, Г. Н. Дегтева // Экология человека. 2011. № 6. С. 17–21.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 110.
4. ГАКК. Ф. Р-1 384. Оп. 4. Д. 348.
5. ГАКК. Ф. Р-1 386. Оп. 1. Д. 4486.
6. Таранушенко Т. Е. К 90-летию профессора Жана Жозефовича Рапопорта // Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 5 (125). С. 115–116.
7. Манчук В. Т. ГУ НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН – 30 лет / В. Т. Манчук, С. В. Смирнов // Сибирское медицинское обозрение. 2006. № 2. С. 89–92.
8. Прахин Е. И. Красноярские научно-педагогические школы по педиатрии // Сибирское медицинское обозрение. 2008. № 5. С. 98–102.

Павел Владимирович Сорокун

*Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета,
Ачинск, Россия*

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ СИБИРСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация. Автор акцентирует внимание на деятельности окружных советских органов власти в Сибирском крае в сфере промышленного развития. В настоящее время исторический опыт регулирования государственного управления на региональном и местном уровнях становится особенно актуальным. В этой связи ценность исторического опыта управления и функционирования советских органов власти на примере отдельных сибирских территориальных органов местного управления возрастает. Следует отметить, что теории, концепции и конкретные методы управления территориями, сформировавшиеся и укрепившиеся во второй половине 1920-х гг., оказали значительное влияние на дальнейшее экономическое развитие не только Сибири, но и всей страны.

Ключевые слова: Сибирский край, окружные органы власти, промышленность, финансы, районирование, НЭП, местные органы власти, Советы

Abstract. The author focuses on the activities of the district Soviet authorities in the Siberian region in the field of industrial development. Currently, the historical experience of regulating public administration at the regional and local levels is becoming particularly relevant. In this regard, the value of the historical experience of the management and functioning of Soviet authorities on the example of individual Siberian territorial bodies of local government increases. It should be noted that the theories, concepts and specific methods of territorial management, which were formed and strengthened in the second half of the 1920s, had a significant impact on the further economic development not only of Siberia, but of the whole country.

Keywords: Siberian region, district authorities, industry, finance, zoning, NEP, local authorities, Councils

Необходимость научного обобщения вопросов, касающихся деятельности окружных органов советской власти в сфере промышленности в Сибири во второй половине 1920-х гг., обусловлена тем, что этот важный и интересный объект исследования долгое время оставался недостаточно изученным. Большинство авторов, исследуя подобные темы, не считали нужным уделять внимание сибирскому окружному уровню. Советские историки в основном сосредоточились на характеристике экономического развития центральных регионов страны.

Деятельность советских окружных органов власти была разнообразной и охватывала все аспекты жизни населения. Органы власти Сибири активно участвовали в регулировании различных отраслей экономики. Особую роль в восстановлении промышленности в регионе сыграл Сибирский революционный комитет (Сибревком), который под своим руковод-

ством успешно справился с последствиями разрушений в хозяйственной жизни Сибири [1].

На Первом краевом съезде Советов Сибири было отмечено: «Сибревком выполнил все поставленные задачи по восстановлению Сибири более или менее удовлетворительно... Сибревком направил всю свою волю и энергию на то, чтобы превратить Сибирь – страну каторги, ссылок, издевательств и произвола – в цветущую страну социалистического хозяйства» [2]. Однако к концу 1925 г. оставалось множество нерешённых актуальных вопросов в экономической и социальной сферах. Высший орган власти Сибири – краевой съезд Советов Сибири – должен был определить пути решения этих проблем.

Территория Сибири была гигантской и имела огромные запасы природных ископаемых. Как сказал на съезде А. М. Тамарин, председатель Сибпромбюро ВСН: «Мы, товарищи, воистину нищие миллиардеры. Мы ходим по золоту, оно под ногами, а сами в рубище... На территории Сибири мы имеем 83 % общих каменноугольных богатств Союза... богатейшие залежи платины... неизмеримы наши лесные запасы...» [3, с. 9]. Эти слова подтверждают, что на территории Сибири, несмотря на её многочисленные богатства, отраслевая деятельность органов власти в развитии промышленности находилась не на высоте. Подтверждением этому оказались выступления и других делегатов съезда Советов по поводу состояния сибирской промышленности. На 1925 г.: «Сибирская промышленность, несмотря на свой скромный удельный вес в народном хозяйстве Сибирского края, является, однако, тем основным экономическо-политическим рычагом, который приобретает далёкий, отсталый, но богатейший край благодаря социалистическому строительству» [4, л. 1].

Одной из главных задач краевого съезда Советов было решение проблем дальнейшего промышленного развития Сибири, остро стоял вопрос об индустриализации Сибирского края [5]. Особое место в решении данного вопроса занимали окружные органы власти. Т. к. именно им было поручено воплощать в жизнь все постановления и резолюции, принятые съездами и связанные с развитием различных сфер жизни.

В соответствии с решениями съезда в окружных исполнительных комитетах образовывались отделы по различным хозяйственным направлениям. Они стали организованной основой для развития и укрепления промышленного производства и финансовой сферы [3, с. 20].

Ещё в ходе процесса районирования на окружные органы власти возложили обязанность по проведению научных исследований на своих территориях и определению приоритетных хозяйственных сфер и перспектив экономического развития. Это можно считать первым шагом окружных органов власти в работе по развитию промышленности и финансов.

Председатель Красноярского окружного исполнительного комитета В. Фатиевич высказывался так: «...Незнание количества природных богатств есть наш крупнейший недостаток...» [6]. Как показали собранные сведения, в 20-х гг. XX в. только вдоль Сибирской магистрали с запада

на восток залежали мощные угольные пласты Кузнецкого, Минусинского, Канско-Ачинского, Черемховского и других бассейнов. Сибирь оказалась богата и железорудными месторождениями (Алтае-Саянские, Ангаро-Питские, Ангаро-Илимские, Забайкальские и др.). На территории Сибири имелись крупные месторождения золота, вольфрама и молибдена. Большие запасы нерудного сырья, строительного материала (кирпичные, огнеупорные, керамические глины, цементное сырьё, гипс и мрамор), а также соли, слюды, графита. На территории округов Сибирского края находились основные запасы сосны, лиственницы и кедровых лесов – высокоценных хвойных пород [7].

Описанные выше ресурсы были существенными, их использование могло способствовать скорейшему развитию промышленности не только Сибири, но страны в целом.

В 1925 г. промышленность округов разделялась: на краевую, окружную, коммунальную, кустарную, прочую крупную [8, л. 136]. В связи с этим к краевой промышленности на территории Канского округа относились лесопильный, спиртовой и очистительный заводы. Под ведомством непосредственно канских окружных органов власти находились сользавод, мельницы, лесозавод, типография. К прочим крупным предприятиям относился кожзавод [8, л. 137].

Также в Канском округе в промышленном производстве развивалось горное дело. На окружных территориях находились большие залежи высокого качества слюды – мусковит, они тянулись от железнодорожной станции Троицко-Заозёрной на север до Ангары. В округе действовали два завода соляного производства: Троицкий и Туманшетский, причём первый являлся самым старым предприятием Сибири [9, л. 91–96]. Деревообрабатывающая промышленность была представлена двумя предприятиями – Канским и Тайшетским, спиртовое производство развивалось в качестве Ивановского винокуренного завода, все остальные предприятия Канского округа не имели серьёзного промышленного значения [9, л. 97–98].

В Минусинском округе на 1925 г. имелись зачатки развитой индустрии и по характеру производств, и по их размерам. На данной территории развивалась горная промышленность, она была представлена Черговскими, Изыхскими, Калягинскими и Красными каменноугольными копиями, Майнским – медным и Абаканским – железными рудниками, также сульфатным и слесодобывающими заводами – Ленским, Октябрьским, Красным, Бейским. Мукомольное производство включало в себя четыре вальцовых и одну жерновую мельницы. Винокурение представлено тремя заводами: Повстанческим, Пролетарским, Минусинским [9; 10]. В Ачинском, Красноярском, Новосибирском округах развивалась силикатная, дереводобывающая, обувно-кожевенная, пищевая, золотодобывающая промышленность, а также пчеловодство [9, л. 114].

В 1925 г. на территории Сибири насчитывалось около 122 предприятий, эти предприятия были перегружены работой, причём техническое оборудование их сильно отставало [3, с. 8].

На окружные исполнительные комитеты в области промышленности и торговли возлагались руководство и заведывание предприятиями государственной промышленности и торговли окружного значения, надзор за государственной промышленностью и торговлей, не находящимися в непосредственном ведении окружных исполнительных комитетов, надзор за кооперативной и частной торговлей и промышленностью, наблюдение за рынками и ярмарками местного значения [11].

Со стороны окружных органов власти сибирской промышленности приходилось уделять особое внимание обеспечению 8 млн крестьян средствами производства и предметами потребления. В то же время, как отмечал в докладе А. М. Тамарин, округа становились теперь «опорой диктатуры пролетариата и тем резервуаром, из которого черпается основной удар для хозяйственно-политического руководства крестьянства» [4, л. 2–6].

Особый интерес представляет тот факт, что в сфере руководства промышленным производством разного уровня окружным органам власти передавалась частичная самостоятельность. Это видно из анализа отчётов Канского исполнительного комитета. «Имея в виду отсутствие оборотных средств и будучи лишённым возможности получить необходимый банковский кредит на промышленность, окрисполком признал целесообразным передать мельницы и Канский лесозавод коммерческим предприятиям, обладающим достаточными финансовыми ресурсами» [8, л. 138]. Эта передача позволила расширить указанные предприятия и улучшить качество оборудования, снизить себестоимость таким образом, чтобы более полно использовать сырьевые ресурсы округа.

Многие промышленные предприятия в округах Сибирского края находились под контролем государства. Это были фабрики и заводы, управляемые через органы ВСНХ. Можно выделить основные отрасли промышленности в Сибирском крае в начале второй половины 20-х гг. XX в. К ним относились: каменноугольная, золотодобывающая, соляная, силикатная, металлическая, деревообрабатывающая, химическая, пищевая, кожевенная, текстильная [4, л. 6].

Базой государственной промышленности Сибирского края являлись предприятия общесоюзного значения, роль которых заключалась в обслуживании основных отраслей народного хозяйства – транспорта и всей перерабатывающей промышленности. Особую роль играла промышленность местного значения, призванная обслуживать широкие потребительские массы как средствами производства, так и предметами широкого потребления [4, л. 3]. В большинстве случаев местная промышленность находилась в компетенции окружных и районных органов власти. Были случаи столкновений интересов окружных организаций и предприятий, имеющих всесоюзное значение и находящихся в одном округе. Это заключалось в выявлении плохой работы предприятий всесоюзного значения, их бесхозяйственности, что выражалось в отсутствии достаточного контроля со стороны Москвы. В отличие от окружных, на всесоюзные предприятия выделялись большие средства, но они не всегда доходили до адресата.

Такое можно было наблюдать в золотопромышленности Мартайгинского района Ачинского округа, где предприятия были подчинены республиканскому центру. По мнению Г. В. Барышкова, председателя Ачинского окрисполкома, делегата Третьего краевого съезда Советов Сибири: «Если будет такой же контроль на будущее, то эти средства в значительной степени не пойдут туда, куда следует...» [12]. В отличие от центральных органов власти, окружные при относительно небольшом финансировании работали более эффективно.

Окружные органы власти в промышленной сфере постоянно руководствовались положениями, которые были заложены в резолюциях Первого и Второго краевых съездов Советов Сибири. Согласно таким положениям, окружные органы власти в лице исполнительных комитетов с 1925 г. начали процесс объединения предприятий в тресты, находившиеся в их ведомстве. Создание трестов в окружной промышленности сыграло позитивную роль в развитии промышленности Сибирского края [13]. Т. к. предприятия благодаря объединению становились более мощными промышленными структурами, это вело к росту производительности и укреплению финансовой сферы. Работа окружных органов власти по организации и объединению промышленных предприятий в целом дала свои положительные результаты. Постепенно улучшалось материальное положение рабочего класса. Проводившаяся реконструкция промышленности, непрерывное усовершенствование производства обусловили рост заработной платы. С 1925–1926 по 1928–1929 гг. среднемесячная зарплата рабочих Сибирского края возросла в обрабатывающей промышленности с 44 до 57 руб., в добывающей промышленности – с 45 до 62,5 руб. Кроме заработной платы, рабочие пользовались бесплатной лечебной помощью, развивалась система социального страхования, кредитования [14].

По мнению Р. И. Эйхе, председателя Сибирского краевого исполнительного комитета, который 5 апреля 1927 г., выступая с отчётом по промышленности, отметил: «Наши промышленные успехи явились в значительной степени результатом трестирования: оно спасло основные отрасли нашей промышленности – лесную, кожевенную и прочие и подняло её рост» [15].

Если в 1924–1925 гг. промышленность вырабатывала продукцию на 91 млн руб., то уже в 1925–1926 гг. – на 131 млн руб. Таким образом, валовая продукция промышленности выросла на 87 %. На новое промышленное строительство в 1927 г. было затрачено в общем 4 718 тыс. руб. На переоборудование и реконструкцию в 1925 г. было затрачено 2 635 тыс. руб., причём 1 461 тыс. руб. пошли на переоборудование промышленности союзного значения, а остальное – окружного и совсем небольшая сумма – краевого значения. Что уже может говорить о незначительной финансовой поддержке окружной промышленности и всего Сибирского края [16; 17].

В 1925–1926 гг., по мнению советских учёных, восстановление промышленности Сибири было в основном завершено, и в последующие

два года началась её техническая реконструкция. Капиталовложения в государственный сектор промышленности Сибири значительно возросли.

Тем не менее, финансирование сибирской промышленности из центральных источников оставляло желать лучшего. На Втором краевом съезде Советов Сибири управляющий конторой Госбанка А. М. Певзнер отметил: «Мы прекрасно понимаем, что средства в государственном бюджете ограничены, и не претендуем на то, чтобы правительство раздавало всем по карточкам. Но наши требования основаны на насущных нуждах...» [18]. Это подчёркивало, что делегаты обращали внимание представителей центральной власти на сложности, с которыми сталкивалась индустриализация в Сибирском крае. Окружные власти не могли решить существующие проблемы развития промышленности только за счёт местных ресурсов. По словам председателя Бийского окрисполкома И. В. Громова, в 1927 г. темпы роста сибирской промышленности значительно замедлились. Он привёл данные, которые показывали, что без помощи центра поднять промышленность собственными силами невозможно. Например, в центральной России в 1925 г. рабочий производил продукции на сумму 7 руб. 25 коп., а сейчас – на 13 руб. 21 коп. В Сибири же в 1925 г. этот показатель составлял 6 руб., а сейчас – 9 руб. 38 коп. Таким образом, в центральной России выработка увеличилась на 6 руб. в день, тогда как в Сибири – всего на 3 руб. [18].

На съезде было приведено множество подобных примеров. В то же время председатель Сибирского крайсовнархоза Иркутского округа В. С. Корнев отметил: «Линия, взятая советским правительством в области индустриализации страны, а также успехи в этой сфере, безусловно, заслуживают полного одобрения» [18]. Однако он подчеркнул, что в некоторых районах не удалось добиться должного внимания со стороны центра.

В период с 1926 по 1929 г. эффективность основного капитала окружной и краевой промышленности показала тенденцию к росту: на 100 руб. основного капитала приходилось продукции на сумму 221 руб. в 1926–1927 гг. и уже 313 руб. в 1928–1929 гг., что соответствует росту на 41 %. Рост валовой продукции на 10 руб. основного капитала составил 41 % для краевой промышленности и 17 % для окружной [12].

С 1927 г. для предприятий был установлен государственный производственный план. В 1929 г. тресты утратили свою хозяйственную самостоятельность и вскоре были полностью ликвидированы. В результате синдикаты расширили свои полномочия по плановому регулированию работы предприятий и в 1929 г. были преобразованы в главки [17; 19].

Подводя к выводам, нужно заключить, что увеличение участия окружных органов власти в промышленном производстве способствовало заметному росту этого сектора. Эти органы пытались находить баланс между решениями высших инстанций и местными условиями, принимая необходимые для развития промышленности меры. Их вовлечённость была весьма активной.

С 1925 г. в округах Сибирского края начали открываться и закладываться новые промышленные предприятия, активно развивались золотодобыча и деревообрабатывающая промышленность, а также наблюдался рост заработной платы рабочих и служащих. Это свидетельствует о том, что несмотря на финансовые трудности, замедлявшие темпы промышленного развития, окружные органы власти старались рационально использовать местный бюджет и направлять средства на приоритетные нужды. В большинстве случаев местные власти привлекали средства населения для решения экономических задач.

Во второй половине 1920-х гг. важную роль играло наличие частного предпринимательства в промышленности [20]. Участие окружных органов власти также оказало значительное влияние на развитие частного сектора. Частные промышленные предприятия в Сибирском крае становились всё более эффективными и успешно конкурировали с государственно-кооперативным сектором. Развитие частной промышленности и торговли способствовало улучшению социальных отношений, что выражалось в экономической стабилизации, повышении качества жизни населения, снижении уровня преступности и улучшении социально-политической ситуации [17]. Однако к концу рассматриваемого периода коммунистическая власть практически ликвидировала частный промышленный сектор.

Список источников

1. Деятельность Сибревкома. URL: sibarchives.ru.
2. Первый краевой съезд Советов Сибири (03–09.12.1925): стенограф. отчёт. Ч. 1. Новосибирск, 1993. С. 15–16.
3. Первый краевой съезд Советов Сибири (03–09.12.1925): стенограф. отчёт. Ч. 2. Новосибирск, 1993. С. 8–20.
4. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. Р-6 984. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–6.
5. Советская Сибирь. 1925. № 272. С. 1.
6. Бердников Л. П. Вся Красноярская власть: очерки истории местного советского управления и самоуправления 1917–1993 гг. Факты, события, люди. Красноярск: Книжн. изд-во, 1996. С. 112.
7. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. С. 219.
8. Архив г. Канска. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 20. Л. 136–140.
9. ГАРФ. Ф. Р-6 984. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 91–140.
10. Архив г. Минусинска. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 55. Л. 69.
11. ГАРФ. Ф. Р-6 984. Оп. 1. Д. 170. Л. 17 (об.).
12. Третий краевой съезд Советов Сибири (03–09.12.1929). Ч. 2 / ред. И. А. Молетотов. Новосибирск, 1994. С. 52.
13. Сибирский край. 1925. С. 360–363, 430.
14. Третий краевой съезд Советов Сибири (03–09.12.1929). Ч. 1 / ред. И. А. Молетотов. Новосибирск, 1994. С. 7–8.

15. Второй краевой съезд Советов Сибири (01–06.04.1927): газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991. С. 50.

16. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-7. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 51.

17. Сорокун П. В. Деятельность советских местных органов власти Сибирского края, их историческое значение в истории России (1925–1930 гг.) // Ломоносов-2011: матер. междунар. молодёж. науч. форума / ред.: А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов и др. М.: МАКС Пресс, 2011.

18. Советская Сибирь. 05.04.1927.

19. Яблонских Е. К. История экономики России XX в. (1917–2000 гг.): конспект лекций. М.: МГТУ «Станкин», 2004. 147 с.

20. Карлова Т. М. Частное предпринимательство в промышленности и торгово-заготовительном секторе экономики Восточной Сибири в годы НЭПа: автореф. дисс. канд. ист. наук. Иркутск: ИГПУ, 1999. С. 18.

Михаил Геннадьевич Степанов

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,

Абакан, Россия;

Саяно-Шушенский филиал Сибирского федерального университета,

Саяногорск, Россия

ПРОЕКТ «МАНХЭТТЕН» И «АТОМНЫЙ ПРОЕКТ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РЕАЛИЗАЦИИ ЯДЕРНЫХ ПРОГРАММ США И СССР

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать процесс создания ядерного оружия двумя сверхдержавами – СССР и США. Сделан вывод, что несмотря на то, что США первыми произвели успешное испытание атомной бомбы, Советский Союз по своим темпам его создания не уступал США. Кроме того, охарактеризована обстановка, в которой создавалось ядерное оружие, проанализирована деятельность специальных служб с обеих сторон.

Ключевые слова: «Атомный проект», проект «Манхэттен», операция «Тринити», атомная бомба «Толстяк», атомная бомба «Малыш», И. В. Курчатов, Р. Оппенгеймер, Л. П. Берия

Abstract. The article attempts to analyze the process of creating nuclear weapons by two superpowers – the USSR and the USA. It is concluded that despite the fact that the United States was the first to successfully test an atomic bomb, the Soviet Union was not inferior to the United States in terms of its rate of creation. In addition, the situation in which nuclear weapons were created is characterized, and the activities of special services on both sides are analyzed.

Keywords: "Atomic project", "Manhattan project", operation "Trinity", atomic bomb "Fat Man", atomic bomb "Little Boy", I. V. Kurchatov, R. Oppenheimer, L. P. Beria

Как известно, ядерное оружие в истории человечества стало эффективным фактором сдерживания в международных отношениях. В 2025 г. исполняется 80 лет боевому применению США данного вида вооружения. До 1949 г. США стали монополистами в атомной сфере, породив новый феномен в мировой политике – «ядерную дипломатию». Спустя 80 лет РФ превзошла США в разработке новых видов ядерного оружия, особенно в направлении гиперзвуковых способов доставки зарядов, успешно испытав в 2022 г. РС-28 «Сармат» – стратегический ракетный комплекс шахтного базирования с тяжёлой многоступенчатой жидкостной межконтинентальной баллистической ракетой. Отсюда следует, что проблема изучения «атомных проектов» первой четверти XXI не утратила своей актуальности.

Общие черты в реализации ядерной программы в США и СССР обусловлены стремлением обеих стран к достижению технологического превосходства и геополитической мощи. Несмотря на различия в политиче-

ских и социальных системах, обе страны активно развивали научные исследования в области ядерной энергии и оружия.

Особый интерес для исторической науки представляют мнения очевидцев, которые принимали непосредственное участие в реализации ядерных проектов. Так, Ю. Б. Харитон имел своё оригинальное мнение касательно проводимых в США и СССР мер по организации научно-исследовательских лабораторий, учреждений, необходимых специализированных предприятий и работе правительственных органов, служб [1, с. 10]. По мнению советского учёного, «...для разработки атомного оружия в США был создан Манхэттенский проект с жёстким контролем по отношению к участникам проекта (фактически ограничение свободы слова и передвижения, военная цензура, слежка за участниками проекта, а также их допросы в случае каких-либо подозрений) и иными ограничениями, государственным планированием, в то время как в СССР учёным были предоставлены некоторые свободы для сотрудничества и творчества (государство и государственные чиновники не лезли в науку, не пытались её подчинить, политизировать)» [2, с. 89].

После Второй мировой войны перед обеими системами встал вопрос о месте науки в общественной и политической жизни. Советская наука выступала в качестве консультанта, чьё мнение власти приходилось принимать во внимание при реализации приоритетного проекта: «Берия знал, что в нашем деле он ничего не понимает... и, повторяю, вынужден был выслушивать нас...» [3, с. 103]. «В США учёные-атомщики сначала имели большое влияние на принятие технических и политических решений, но затем столкнулись с репрессивными мерами из-за необходимости сдерживать их влияние, считавшееся не полностью легитимным и добавляющим субъективизма в процесс принятия решений» [4, с. 10].

Атомные проекты в США и СССР начались с осознания учёными потенциала ядерного оружия, заставившего провести обширные исследования. В начальной фазе обоих атомных проектов происходило замедление развития после старта исследований из-за недостатка финансирования со стороны правительства как в США (1939–1941 гг.), так и в СССР (1943–1945 гг.). Например, с октября 1939 г. по осень 1940 г. в Соединённых Штатах Урановый комитет и вовсе рассматривал рациональность, практичность, необходимость субсидирования и финансовой поддержки исследований по использованию внутриатомной энергии [5]. Доклад европейских учёных-эмигрантов О. Фриша и Р. Пайерлса, предсказывающий разработку ядерного оружия, стимулировал ускорение атомного проекта. Помимо этого, изучение английского атомного проекта «Тьюб аллойз» также содействовало развитию «Манхэттенского проекта» [6].

Характерным свойством (что американской ядерной программы, что советской) являлась «внешняя помощь». В то время как советская наука узнала о ряде компонентов американской бомбы, научных достижениях американцев в деле реализации ядерного оружия с помощью дея-

тельности советской разведки, которая и предоставила необходимые данные организационного и научно-технического характера [7; 8].

Для обеспечения тайны в ядерных проектах были приняты строгие меры безопасности, включая создание специальных предприятий и исследовательских центров в удалённых местах, контроль за перепиской, телефонами, слежку за сотрудниками и охрану учёных.

По сравнению с американскими городками, в советских атомных городках была ещё большая изоляция от внешнего мира, учитывая опыт советских шпионов, проникших в Лос-Аламос. Безопасные меры предотвращали утечку секретных документов за пределы помещений, исключая возможность их копирования и передачи кому-либо, т. к. вынос какой-либо документации за пределы охраняемого помещения был попросту строго воспрещён [9].

В начале советской ядерной программы работники не могли покидать секретные города, включая отпуска. Подобного рода эксцессы позже возмещались финансово. Участники строительства атомных объектов, включая солдат инженерных войск и заключённых, оставались на месте работы (промышленные учреждения, заводы, гражданская инфраструктура и т. д.) под видом «гражданского персонала», отправлялись в отдалённые районы СССР.

США и СССР вложили основные усилия в производство плутония при помощи уран-графитовых реакторов. Во время этой части реализации ядерной программы и Соединённые Штаты, и Советский Союз столкнулись с проблемой использования графита в реакторах из-за примесей, которые мешали цепной реакции. В результате специалисты из обеих стран разработали технологии для производства ультрачистого графита [10, с. 26].

Проблема герметичности урановых блоков в чехлах из специального алюминиевого сплава была сложной как для Манхэттенского, так и для советского ядерных проектов. Негерметичные блоки привели к нескольким авариям в начале работы промышленного реактора из-за плохо очищенной охлаждающей воды [11, с. 10].

Как в США, так и в СССР специализирующиеся предприятия (узко-профильные промышленные комплексы, лаборатории, научно-исследовательские учреждения и т. д.) для конспирации создавались в малонаселённых, далёких от больших городов районах, причём в таких районах создавались развитая дорожная инфраструктура (железные дороги) и ресурсная база (водные ресурсы, электроэнергия и т. д.).

До завершения атомного проекта в США и СССР не было разработано средств защиты от радиации и плутония в первом образце ядерного оружия.

Ввиду этих обстоятельств аварийные ситуации во время реализации обоих атомных проектов были не редкостью. Так, например, вследствие пяти чрезвычайных происшествий, произошедших в Лос-Аламосе в февра-

ле 1945 г. – декабре 1949 г., два сотрудника научного центра скончались из-за полученных превышающих норму доз радиации [12].

Что же касается советской стороны, то в наличии имеется достаточное количество фиксированной информации о чрезвычайных ситуациях, произошедших в ядерной промышленности Советского Союза и её отрицательных последствиях на сотрудниках ядерной отрасли, окружающей среде, местных жителях [13].

К ещё одним общим чертам можно отнести и тот факт, что финальные этапы развития американского и советского атомного проекта были почти одинаковыми. С запуска первого американского ядерного реактора – 2 декабря 1942 г. до первого в истории человечества ядерного взрыва в ходе операции «Тринити», проведённой на полигоне в Аламогордо 16 июля 1945 г., прошло в общей сложности 2 года, 7 месяцев, 15 дней. Если же говорить о советской стороне, можно констатировать, что с момента запуска первого советского ядерного реактора – 25 декабря 1946 г., по 29 августа 1949 г. – испытание первой советской ядерной бомбы РДС-1 на Семипалатинском полигоне, СССР потратил 2 года, 8 месяцев и 5 дней. Таким образом, можно заключить, что несмотря на различия в экономических и политических условиях, США и СССР создали ядерное оружие за сопоставимое время [14, с. 101].

Одним из главных отличий являлись социально-экономические условия внутри государств, которые реализовывали ядерную программу. В США реализация Манхэттенского проекта была в обстановке полного социально-экономического благополучия. Война не затронула их территорию, в то время как огромные территории СССР были разорены, многие сотни предприятий, фабрик, заводов, а также научно-исследовательских институтов порой не могли своевременно начать качественно работать ввиду разрушения или эвакуации в регионы страны, иногда не отвечающие техническим, кадровым, ресурсным требованиям для работы над атомным проектом.

Помимо этого, в США на начальном этапе реализации атомной программы был более высокий уровень конструкторских и научно-технических разработок, а также разработанной сырьевой базы, в отличие от СССР. Например, американская физика отличалась наличием качественного экспериментального оборудования, такого как масс-спектрографы и циклотроны [15].

Что касается физики в Советском Союзе в 1930-х гг., то она имела достаточный теоретический потенциал. Так же, как и американские коллеги, советские физики практиковались и повышали квалификацию в странах Европы. Однако, из-за проблем с финансированием учёные СССР не могли в должной степени реализовать свой потенциал в практической плоскости [15].

Невозможность в сжатые сроки начать практическую реализацию атомного проекта обусловлена отставанием в конструкторских, исследовательских, технических областях в послевоенном СССР. Лишь к 1949 г.

за счёт извлечения урановых руд в Восточной Европе и освоения собственных месторождений СССР удалось повысить темпы реализации атомного проекта.

В США для добычи высокообогащённого урана использовали различные методы, такие как газодиффузионный, электромагнитный и термодиффузионный. Эти методы требовали соответствующих заводов, которые были ключевыми для Манхэттенского проекта. Термодиффузионный завод ускорил процесс производства урана в США. В отличие от США, в СССР не был построен аналогичный завод. Электромагнитный метод оказался слишком дорогостоящим для Советского Союза, а использование диффузионной технологии на промышленном уровне столкнулось с недостаточным уровнем разработки диффузионных машин [16].

Важную роль в проекте «Манхэттен» сыграл кадровый вопрос. Так, ряд учёных, занимающих ключевые посты, – Эдвард Теллер, Эмилио Сегре, Лео Сцилард, Клаус Фукс и др., имели европейское происхождение и были вынуждены переехать в США из-за личного неприятия фашизма или из-за оккупации их стран нацистской Германией [17].

Ещё одним отличием ядерных проектов друг от друга стали внешнеполитические условия во время разработки и проведения испытаний ядерной бомбы. Так, в США осуществили реализацию ядерной программы в годы Второй мировой войны, тогда когда на руках у учёных были лишь оценочные, теоретические выводы о том, что именно представляет собой ядерное оружие и на что оно способно, какие у него характерные особенности. Что же касается советской стороны, разработка и реализация атомного проекта СССР произошла уже в послевоенное время, когда всему миру было известно о новом сверхмощном оружии, а сами учёные имели уже более конкретное представление о ядерной бомбе и последствиях её применения.

К ещё одним характерным отличиям атомных проектов двух стран друг от друга можно добавить итоги разведывательных операций в Германии. Несмотря на, казалось бы, идентичные разведывательные операции по сбору данных, учёных, документации, оборудования в Германии, которые произвели США и СССР, стоит всё же отметить, что американскую сторону ждал куда более весомый успех, чем советскую. США получили большинство немецких учёных, включая Вернера Гейзенберга, главу ядерной программы, а также техническое оборудование, документацию научно-технического характера, необходимое сырьё, тогда как Советскому Союзу достались лишь несколько десятков учёных и инженеров, помимо этого документация, оборудование, сырьё и всё же данные материалы по количеству уступали тому, что захватили американцы [18].

Одной из характерных черт каждого из проекта являются сами руководители научного отдела – И. В. Курчатов и Р. Оппенгеймер. И. В. Курчатов был научным руководителем советского атомного проекта, координируя все направления и реализацию их в промышленном масштабе, включая создание реактора и получение плутония. В то время

как Р. Оппенгеймер руководил научно-исследовательским центром в Лос-Аламосе, занимающимся разработкой конструкции ядерного оружия.

Роль Р. Оппенгеймера в атомных проектах можно сравнить с Ю. Б. Харитонов, который был научным руководителем Конструкторского бюро № 11 (Арзамас-16) и выполнял задачи, схожие с Лос-Аламосом [19]. Что касается И. В. Курчатова, его можно сравнить с В. Бушем и Д. Б. Конантом – членами Исполнительного комитета *S-1 OSRD*, который, в свою очередь, курировал работу «Манхэттенского проекта». Помимо этого, В. Буш и Дж.Б. Конант являлись главами Комитета военной политики, координировавшего работы по строительству атомной промышленности. Позднее они стали научными руководителями атомного проекта после его передачи армии США в 1943 г. [20].

Таким образом, американская и советская ядерные программы имели свои общие черты, отражающие различия в стратегических целях и подходах к разработке и применению ядерного оружия. В дальнейшем эти черты сказались на формировании глобальной ядерной стратегии и стали ключевыми элементами холодной войны. Две страны активно привлекали ведущих учёных и специалистов в области физики и ядерной технологии для работы над ядерными проектами. Именно благодаря коллективным усилиям учёных были достигнуты значительные успехи в разработке ядерного оружия. Общие черты в реализации ядерной программы в США и СССР свидетельствуют о том, что обе страны придавали огромное значение развитию ядерного оружия как ключевого компонента своей военной стратегии. Особенности черты в реализации американской и советской ядерных программ указывают на разнообразие подходов к достижению общей цели – созданию ядерного оружия. Эти различия говорят нам о том, что нет универсального пути к развитию ядерных технологий и что разнообразие методов может привести к успешным результатам.

Список источников

1. Юлий Борисович Харитон: путь длиною в век / ИХФ им. Н. Н. Семёнова. М.: Наука, 2005. 557 с.
2. Губарев В. Звезда Харитона // Наука и жизнь. 2004. № 9. С. 38–50.
3. Stratton W. R. A Review of Criticality Incidents. Symposium on Criticality Control in Chemical and Metallurgical Plant. Karlsruhe, May 1961. Paris, 1961. Pp. 6–47.
4. Атомная бомба. 1945–1954 / сост. Г. А. Гончаров. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
5. Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 341 с.
6. Hewlett R. G. A History of the United States Atomic Energy Commission. Vol. 1: The New World. 1939–1946 / R. G. Hewlett, O. E. Anderson. University Parle (PA), 1962. P. 11.

7. Кузнецова Р. В. И не было большего долга: академик И. В. Курчатов – научный руководитель советского атомного проекта (1942–1960 гг.). М.: Наука, 2009. 224 с.
8. Блохинцев Д. И. Рождение мирного атома. М.: Атомиздат, 1977. 113 с.
9. Cassidy D. J. Robert Oppenheimer and the American Century. New York, USA: Pi Press, 2005. 480 p.
10. Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (2-я пол. 1940-х – нач. 1960-х гг.). М.: ИРИ РАН, 2000. 359 с.
11. Круглов А. К. Штаб Атомпрома. М.: ЦНИИАтоминформ, 1998. 493 с.
12. Лота В. И. Вклад военных разведчиков в создание отечественного атомного оружия. 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 11. С. 40–44.
13. Рожановская Н. К. Ядерная политика США и СССР в 1945–1954 гг. URL: cyberleninka.ru/article/n/yadernaya-politika-ssha-i-sssr-v-1945-1954-gg.
14. Чиков В. М. Охота за атомной бомбой: досье КГБ № 13 676 / В. М. Чиков, Г. Керн. М.: Вече, АРИА-АиФ, 2001. 268 с.
15. Севальников А. Ю. Ядерная обречённость XX в. // Философские науки. 2011. № 6. С. 34–47.
16. Головин Н. И. И. В. Курчатов. М.: Атомиздат, 1967. 110 с.
17. Brown K. Plutopia: Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters. New York, USA, 2013.
18. Артемов Е. Т. Органы госбезопасности в советском атомном проекте: функции и вклад в реализацию // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 129–136.
19. Кузнецов В. Н. Ядерный оружейный комплекс Урала: создание и развитие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2021. 534 с.
20. Яноух Ф. Чехословацкий уран и советская А-бомба // Наука и общество: история советского атомного проекта (40–50-е гг.). М.: ИздАТ, 2003. С. 293–300.

Антон Валерьевич Суржко

ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»;

Сибирский федеральный университет,

Красноярск, Россия

МИГРАЦИОННЫЙ ОБМЕН МЕЖДУ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТЬЮ И КИРГИЗСКОЙ ССР В 1960–70-Е ГОДЫ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности и закономерности миграционного обмена между Хакасской автономной областью и Киргизской ССР в 1960–70-е гг. Проанализированы такие показатели, как прибытие и выбытие населения, механический прирост. В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Красноярского края.

Ключевые слова: миграционный обмен, миграционные процессы, Хакасская АО, Киргизская ССР

Abstract. The article examines the features and patterns of migration exchange between the Khakass Autonomous Region and the Kirghiz SSR in the 1960s and 1970s. It analyzes indicators such as population arrivals and departures, and mechanical growth. The study is based on documents from the State Archives of the Krasnoyarsk region.

Keywords: migration exchange, migration processes, Khakass Autonomous Region, Kirghiz SSR

Одним из дискуссионных вопросов современной исторической науки остаётся этногенетическая и этноисторическая преемственность енисейских кыргызов – древнего населения бассейна Енисея и Саяно-Алтая, и современного народа кыргызов, проживающего преимущественно на территории современной Республики Кыргызстан. По одной из версий, исторической родиной кыргызов является Хакасия. Несмотря на то, что данная точка зрения является спорной и имеет большое количество противников, она активно насаждается частью политической и научной общественности Киргизии. В этой связи особую актуальность приобретает изучение миграционного обмена между Хакассией и Киргизией, активно осуществляющегося на протяжении последних десятилетий.

Анализ данного процесса представляется целесообразным начать с 1960-х гг., поскольку именно в этот период начинает увеличиваться число выходцев из среднеазиатских республик СССР в Сибири, что связано с ускорением уровня социально-экономического развития страны и активной урбанизацией. Так, в соответствии с данными всесоюзных переписей населения в 1959 г. на территории Хакасии кыргызов не проживало, но уже в 1970 г. их насчитывалось 18 чел., в 1979 г. – 37.

На наш взгляд, ключевым фактором осуществления миграций в рассматриваемый хронологический период является экономический. В этой связи необходимо дать краткую характеристику экономическому развитию Хакасской АО и Киргизской ССР в 1960–70-е гг.

Так, в первые послевоенные десятилетия темпы строительства новых промышленных предприятий в Хакасии заметно увеличились. К концу 1960-х гг. в области функционировало более 100 предприятий, в числе которых были кондитерская фабрика, гидролизный завод, молибденовый комбинат, леспромхоз. Большой импульс развитию сельского хозяйства Хакасской АО дала целинная кампания, результатами которой стали появление новых колхозов и совхозов, обновление сельхозтехники и инфраструктуры, насыщение села кадрами высшей квалификации. В 1971 г. было принято решение о создании Саянского территориально-производственного комплекса, включающего четыре промышленных узла. Они стали центрами электроэнергетики, машиностроения, лёгкой, угольной, деревообрабатывающей промышленности.

Не менее активно шло социально-экономическое развитие Киргизской ССР. Так, к концу 1960-х гг. в республике сформировалось два крупных индустриальных центра – Северный (г. Фрунзе) и Юго-Западный (г. Ош). Работали предприятия химической, машиностроительной, металлообрабатывающей, лёгкой и пищевой промышленности. Опережающими темпами развивались отрасли тяжёлой промышленности. Значительные успехи в экономическом развитии Киргизской ССР создавали необходимые условия для улучшения социального положения населения, развития культуры, образования и науки.

В качестве промежуточного вывода отметим, что условия экономического развития Хакасии и Киргизии были достаточно схожими, а их хозяйственные профили носили сопоставимый характер, что играло немаловажную роль при осуществлении миграций.

Прибытие населения. В рамках настоящего исследования анализ миграционных потоков будет осуществляться по прибытию и выбытию населения Хакасской АО и механическому приросту населения между ней и Киргизской ССР. Начнём с показателей прибытия.

Таблица 1

Сводные показатели прибытия населения в Хакасскую АО
из Киргизской ССР в 1960–70-е гг.

Годы	Прибыло, чел.			
	Из городов	Из сельской местности	Неизвестно	Итого
1960-е	1 533	867	264	2 664
1970-е	1 557	895	43	2 495

Большая часть переселенцев прибывала в Хакасию из городской местности Киргизской ССР и также оседала в городах. Так, в 1960-е гг. этот показатель составлял 58 %, а в 1970-е гг. увеличился до 62 %, что сви-

детельствует о достаточно активной урбанизации. Согласно миграционным теориям, городское население более склонно к миграциям на дальние расстояния, поскольку для горожан возможный переезд несёт больше потенциальной выгоды, чем для жителя сельской местности. Важным фактором переезда из союзной республики в менее статусную автономную область служила советская система распределения. Кроме того, мы можем сделать вывод о возвратной миграции, поскольку большинство переселенцев не являлось этническими киргизами (как отмечалось выше, к концу 70-х гг. в ХАО проживало менее 50 киргизов). В целом же на протяжении двух рассматриваемых десятилетий число прибывших в Хакасию из Киргизии оставалось на примерно одинаковом уровне.

Выбытие населения. Перейдём к анализу выбытия населения из Хакасской АО в Киргизию. Подавляющее большинство переселенцев в Киргизскую ССР (около 80 %) направлялись в городские поселения, преимущественно в столицу республики – г. Фрунзе (ныне Бишкек). Очевидно, переезд в столицу союзной республики нёс в себе потенциальные социальные преимущества. При этом по мере развития производительных сил в Хакасской АО количество переселенцев из неё сократилось в 1970-е гг. более чем на 40 % по сравнению с предыдущим десятилетием.

Таблица 2

Сводные показатели выбытия населения из Хакасской АО
в Киргизскую ССР в 1960–70-е гг.

Годы	Выбыло, чел.			
	В города	В сельскую местность	Неизвестно	Итого
1960-е	3 118	507	255	3 880
1970-е	1 715	463	15	2 193

Механический прирост. Обращение к показателям сальдо миграции между Хакасской АО и Киргизской ССР позволяет заметить, что на протяжении рассматриваемых десятилетий оно значительно трансформировалось. Так, в 1960-е гг. Хакасия по отношению к Киргизии являлась регионом-донором, т. е. количество выбывших значительно превышало число прибывших. Однако уже в 1970-е гг. автономная область превращается в реципиента, имея положительное миграционное сальдо.

Таблица 3

Механический прирост населения Хакасской АО
по итогам миграционного обмена с Киргизской ССР в 1960–70-е гг.

Годы	Механический прирост, чел.			
	Города	Сельская местность	Неизвестно	Итого
1960-е	–1 585	360	9	–1 216
1970-е	–158	432	28	302

В качестве вывода отметим, что в рассматриваемый период миграционный обмен между Хакасской АО и Киргизской ССР осуществлялся не очень активно и не имел далеко идущих последствий. Наиболее часто он обосновывался фактором возвратной миграции, существующей в СССР системой распределения квалифицированных кадров.

Список источников

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 1 300. Оп. 5. Д. 2 750–2 766.

Михаил Георгиевич Тарасов
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ТАШКЕНТСКОЕ ХАНСТВО: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ИМПЕРСКИЙ ПРОЕКТ

Аннотация. Статья посвящена несостоявшемуся проекту создания независимого Ташкентского ханства под протекторатом России. В ходе экспансии в Центральную Азию в середине XIX в., стремясь установить контроль над крупнейшим экономическим центром региона – Ташкентом, российские власти рассматривали вариант создания из города протектората под контролем России. Возникновение проекта было связано с опасением возможных трудностей с контролем над городом в ходе непосредственного его включения в состав империи и международными осложнениями, которые могли иметь место в случае подобного решения. В дальнейшем ввиду полной лояльности ташкентцев России и отсутствия значимого противодействия международного сообщества проект не был реализован, а Ташкент вошёл в состав России на правах административного центра Туркестанской области.

Ключевые слова: Средняя Азия, Кокандское ханство, Бухарский эмират, Российская империя, Ташкент, лимитроф, экспансия, Туркестанская область

Abstract. The article is devoted to the failed project of creating an independent Tashkent Khanate under the protectorate of Russia. During the expansion into Central Asia in the middle of the 19th cent., in an effort to establish control over the largest economic center of the region, Tashkent, the Russian authorities considered the option of creating a protectorate from the city under Russian control. The origin of the project was due to the fear of possible difficulties in controlling the city, in the event of its direct incorporation into the empire, and international complications that could occur in the event of such a decision. Subsequently, due to the full loyalty of the people of Tashkent to Russia and the absence of significant opposition from the international community, the project was not implemented, and Tashkent became part of Russia as the administrative center of the Turkestan region.

Keywords: Central Asia, Kokand Khanate, Bukhara Emirate, Russian Empire, Tashkent, limitrof, expansion, Turkestan region

Экспансия России в Центральной Азии в XIX в. помимо военных действий, обеспечивавших контроль над территорией, всегда была связана с административными, правовыми и дипломатическими мероприятиями, призванными закрепить власть империи над новыми землями. Для решения подобных задач всякий раз разрабатывались проекты, соответствующие конкретным условиям и учитывающие все значимые факторы. Таким был и проект создания подконтрольного России Ташкентского ханства, фактически российского лимитрофа.

Начало активного продвижения России в Среднюю Азию во второй половине XIX в. связано с установлением в 1865 г. контроля над Ташкен-

том. В это время Ташкент входил в состав Кокандского ханства, однако стремился к максимальной независимости. Это было связано с тем, что власти ханства воспринимали город прежде всего как источник налогов, проводя их избыточный сбор с ташкентского купечества. Экономика Ташкента была тесно связана с международной торговлей, в т. ч. и прежде всего с Россией. Это обстоятельство диктовало необходимость поддержания добрососедских отношений с империей, что, однако, не входило в планы кокандского руководства. Подобная противоречивая политика вела к формированию среди ташкентской верхушки значительных оппозиционных настроений. Россия, в свою очередь, была заинтересована в независимости Ташкента, т. к. его кокандские власти по религиозным и политическим соображениям сознательно затрудняли торговлю в городе русских купцов. Это было неприемлемо для России, т. к. подрывало отношения с крупнейшим контрагентом в регионе.

23 февраля 1865 г. Министерство иностранных дел направило военному губернатору Туркестанской области генерал-майору М. Г. Черняеву отношение, где указывалось, что «если б жители Ташкента, тяготясь беспрерывными беспорядками, господствующими в Кокандском ханстве, вздумали бы отложиться с целью приобретения независимости, то необходимо содействовать этому тайными сношениями с влиятельными ташкентцами и, в случае действительного восстания, облегчить ему успех нанесением быстрого удара враждебному нам кокандскому владельцу» [1, с. 329]. Попытки бухарского эмира занять Ташкент предписывалось пресекать, т. к. это опять же привело бы к ущемлению интересов русских купцов уже со стороны бухарской администрации [1, с. 329]. Министерство иностранных дел в лице министра А. М. Горчакова стремилось в этот период проводить в Средней Азии крайне осторожную политику, призванную свести к минимуму возможность конфликта с Великобританией. Военный министр Д. А. Милютин также был противником присоединения Ташкента к России [2, с. 73–74]. Вместо предписанной выжидательной позиции генерал М. Г. Черняев сформировал отряд из 1800 чел. и 16 (28) июня 1865 г. штурмом взял Ташкент. К тому времени ташкентцы признали власть бухарского эмира, который не успел, однако, занять город своими войсками [1, с. 340].

М. А. Терентьев пишет, что «По взятии Ташкента Черняев счёл неудобным покинуть город снова на произвол судьбы и предоставить его борьбе партий, а жителей, скомпрометированных преданностью к нам, — мщению кокандцев и бухарцев...» [1, с. 341]. В городе был оставлен батальон пехоты и две сотни казаков. И, самое главное, Черняев написал «представление об устройстве будущей администрации Ташкента (с независимым ханом)» [1, с. 341].

Создание формально независимого Ташкентского ханства рассматривалось русскими властями как действие, позволявшее оставить город фактически под своим контролем. Отделение Ташкента от Коканда сильно подрывало экономику, военную мощь и независимость ханства.

Это позволяло поставить его под контроль России. (Позднее подобная процедура повторится с Бухарским эмиратом, у которого в 1868 г. будет изъят и присоединён к России Самарканд). Условная независимость не давала противникам России внутри Ташкента разыгрывать карту борьбы против власти другого, иноверческого, государства. Независимость Ташкента, в т. ч. формально и от России, в известной степени ограничивала стремление к его завоеванию мусульманскими правителями – бухарским эмиром и кокандским ханом. И, наконец, формально независимый Ташкент был меньшим раздражителем для главного конкурента России в регионе – Великобритании.

М. Г. Черняев первоначально считал, что поддержание в огромном городе (в 1865 г. Ташкент насчитывал более 200 тыс. жителей) будет чрезвычайно затратно по числу войск и финансам и выступал за формальную независимость Ташкента. Однако, в течение 10 месяцев оккупации города он убедился, что «если предоставить жителям самоуправление, то для охраны спокойствия и полного повиновения достаточно иметь здесь, в особой от города цитадели, один батальон и две сотни (казаков – М. Т.)», то удерживать город составе России будет совсем не трудно [1, с. 348].

Однако решающее значение для краха проекта независимого Ташкентского ханства сыграло неприятие этой идеи самими ташкентцами. Прибывший в Ташкент генерал-губернатор Оренбурга Н. А. Крыжановский изложил идею создания независимого Ташкентского государства специально собранным влиятельным жителям города и предложил им самим избрать приемлемую для них форму правления. Однако горожане с учётом личных соображений и опыта совместного проживания с русскими войсками отказались от предложенной им независимости. Ташкентский купец Сеид-Азим, имевший теснейшие экономические контакты с Россией, инициировал обращение ведущих ташкентских купцов и других авторитетных горожан, в котором они прямо просили оставить их русскими подданными, а Ташкент – русским городом [1, с. 348].

Несмотря на это обращение, Н. А. Крыжановский в сентябре 1865 г. приказал во всеуслышание объявить на базарах и в прокламациях, что Ташкент становится свободным городом и предложил жителям самим избрать себе правителя и чиновников. Реализация этого плана была поручена генералу М. Г. Черняеву. Однако, к счастью, генерал Черняев вопреки воле Крыжановского «удержал Ташкент за Россией» [3, с. 238].

Несмотря на стремление бухарского эмира присоединить Ташкент к своему государству, который для этого даже намекал на сближение с Великобританией в случае отказа передать ему город, Ташкент прочно контролировался Россией [1, с. 349].

В инструкции новому военному губернатору Туркестанской области генералу Д. И. Романовскому было сказано, что он должен показать бухарскому эмиру, что «мы (Россия – М. Т.)... не позволим и ему расширять своих владений по направлению к нашим пределам» [1, с. 347]. Иначе говоря, эмиру было сказано, что Ташкента он не получит. Романовскому,

помимо прочего, было разрешено использовать в своих нуждах налоги, собираемые с Ташкента. Таким образом, Ташкент уже «де-факто» стал российским городом. В ответ бухарский эмир развернул против русских партизанскую войну [1, с. 359–365]. Только после Ирджарской битвы 8 (20) мая 1866 г., когда русским войсками под началом Д. И. Романовского была разбита армия самого эмира, ситуация стабилизировалась [4, с. 142].

По приезду 17 (29) августа 1866 г. во второй раз в Ташкент оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского им после вторичного обращения авторитетных горожан было объявлено о включении Ташкента в состав Российской империи [3, с. 246].

Причин подобного решения было несколько. Прежде всего, угроза возможной независимости Ташкента со стороны Коканда и Бухары. Другим важнейшим фактором было то, что ташкентцы, как в лице своей элиты, так и в лице самых широких масс, воспринимали Россию в качестве идеального владельца, способного поддерживать стабильным положение в городе и защитить от деспотичных правителей. И, наконец, главный соперник России в регионе – Великобритания, не предприняла каких-либо действий, направленных на отторжение Ташкента у России.

11 (23) июля 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство, состоявшее из двух областей: Семиреченской с главным городом Верный и Сырдарьинской с центром в Ташкенте [5]. Таким образом, проект независимого Ташкентского ханства окончательно канул в лету.

Список источников

1. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии: в 3 т. Т. 1. М.: АИРО-XXI, 2018. 544 с.
2. Центральная Азия в составе Российской империи / ред.: С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
3. Макшеев А. И. Туркестан и наступательное движение в нём русских. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1890. 370 с.
4. Сапунов Д. А. Участие казачества Урала и Сибири в присоединении Средней Азии к России: 40–90-е гг. XIX в.: дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск: ЧГПУ, 2001. 259 с.
5. Ст. 44831 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Вып. II. СПб.: Типография II отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1871. С. 1150–1151.

Людмила Сергеевна Тимофеева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

АДМИРАЛТЕЙСКИЙ ПРОЕКТ ПЕТРА I В КАЗАНИ

Аннотация. Созданное по приказу Петра I Казанское адмиралтейство не только сыграло важную роль в реализации внешнеполитических задач, но и способствовало развитию промышленности и социальным изменениям.

Ключевые слова: Адмиралтейство, Казань, Пётр I, кораблестроение, лашманы, корабельный лес

Abstract. The Kazan Admiralty, established by order of Peter the Great, not only played an important role in the implementation of foreign policy objectives, but also contributed to the development of industry and social change.

Keywords: Admiralty, Kazan, Peter I, shipbuilding, lashmans, ship forest

Преобразование России в морскую державу традиционно связывают с именем Петра I. Первая четверть XVIII в. – время создания нового Российского государства, империи, обладающей сильными армией и флотом, активно действующей в геополитическом пространстве, успешно развивающей экономические связи с Европой и Азией. Ведущим фактором ускорения развития России был военно-морской флот, строительство которого велось в разных регионах страны. Одним из таких центров стало Казанское адмиралтейство, деятельность которого серьезно повлияла не только на экономическое положение Казанского края, но и привела к серьезным административным и социальным изменениям.

История создания и функционирования Казанского адмиралтейства, его роль в экономическом и социокультурном развитии Казанской губернии неоднократно исследовались историками. О традициях судостроения в волжском бассейне в XVI–XVII вв. писали А. И. Ногманов и М. А. Кирокосьян. Петровские военные реформы и их влияние на ранний период казанского судостроения изучались Н. Н. Петрухинцевым. Создание и направления деятельности Адмиралтейской слободы, кадровый состав, население подробно исследованы Ю. В. Мансуровой и И. З. Файзрахмановым. В работах последнего подробно изучены также влияние кораблестроения на социальные и национальные процессы в Поволжье и Приуралье.

Периодизацию развития судостроительной промышленности в Казани предложил И. З. Файзрахманов. Он выделил в ней три этапа. Первый этап продлился с начала до середины XVIII в. и характеризовался налаживанием в Казани морского судостроения и его наибольшим развитием. Второй охватывает 1749–1777 гг., а третий завершится с упразднением Ка-

занского адмиралтейства в 1830 г. [1, с. 22]. Основываясь на данной периодизации, Т. В. Алексеев, О. В. Беленович подразделяют процесс государственного судостроения в Поволжье и России в целом на пять этапов: конец XVII в. – 1718 г.; 1718 – конец 1740-х гг.; конец 1740-х – конец 1770-х гг.; конец 1770-х – начало 1820-х гг.; начало 1820-х гг. – начало XX в. [2, с. 96].

«Адмиралтейский проект» Петра I, таким образом, охватывает первый и второй этапы предложенной периодизации. На втором этапе намеченные императором планы «восточной» политики продолжали реализовываться, поскольку отношения с Турцией и Ираном вновь обострились в 1730-х гг.

История казанской верфи, с которой и началось создание адмиралтейства, так же, как и воронежской, и верфей в Санкт-Петербурге, отражает изменчивость вектора внешней политики России.

В 1695 г. после первого Азовского похода царь отдаёт приказ о строительстве в Воронеже верфи. Учреждается «Государев шатёр на Воронеже». Строительство кораблей способствовало успеху второй Азовской кампании. Для дальнейшего продвижения к Чёрному морю регулярный флот необходимо было наращивать, поэтому в 1700 г. Пётр I учредил в Воронеже Адмиралтейский приказ, назначив его руководителем Ф. М. Апраксина. С этого момента кораблестроение становится важнейшим государственным делом. Но вскоре царь понял, что бороться с Османской империей, обладавшей значительным военным флотом, крайне сложно. Результаты Великого посольства также способствовали изменению внешнеполитического курса России и переориентации на Балтику.

Таким образом, Воронежское адмиралтейство стало обеспечивать черноморско-азовское направление, балтийские верфи в Санкт-Петербурге строили корабли для Северной войны. Казанское адмиралтейство, в состав которого входили нижегородские и астраханские верфи, должно было обеспечивать каспийское направление необходимыми судами, а также заготавливать корабельный лес и поставлять корабельные комплекты для астраханской и балтийских верфей.

Образование Казанского адмиралтейства начинается с Наказа Петра I от 4 марта 1697 г., адресованного казанскому воеводе князю П. Л. Львову [3]. В частности, в нём идёт речь о корабельном дворе. Название нового учреждения неоднократно менялось. Первоначально использовалось название «морское управление», затем – «лесная контора». И только в 1718–1722 гг. после основания Адмиралтейской слободы казанский региональный центр кораблестроения окончательно получает название «адмиралтейство».

Строительство флота требовало значительного количества леса, в первую очередь сосны и дуба. Указом Петра от 27 марта 1702 г. были определены корабельные породы: дуб, клён, ильм, вяз, карагач, лиственница, сосна. Их предписывалось сберегать от рубки частными лицами. Охрана заповедных лесов была обусловлена ростом государственных по-

требностей в корабельной древесине. Лесные богатства Среднего Поволжья стали одним из главных ресурсов кораблестроения. В Низовом округе основные заготовки леса производились в Казанской губернии, богатой строевым лесом. Особенно выделялись Казанский, Свияжский, Чебоксарский, Цивильский, Ядринский, Козьмодемьянский, Арский, Лаишевский и Тетюшский уезды [4, с. 116].

Заготовка древесины для строительства флота могла производиться только с помощью значительных людских ресурсов. Петровский указ 1718 г. об определении нерусского служилого населения Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний и Симбирского уезда на заготовку корабельных лесов положил начало оформлению государственной повинности крестьян на строительстве военно-морского флота, продолжавшуюся вплоть до отмены крепостного права [5, с. 284–301]. Самих крестьян-лесорубов, приписанных к Адмиралтейству, называли лашманами. Под эту категорию попадали представители некрещёного населения – служилые татары и мурзы, мордва и чуваша. Основную массу лашманов составляли татары. Лашманская повинность, длящаяся от полугода до года, изменила положение служилых татар, принципиально ухудшив его. Количество лашманов быстро росло, и к 1719 г. только в Казанской губернии их насчитывалось 23 750 чел. [6, с. 149].

Создание Казанского адмиралтейства происходило при прямом участии воевод, а с 1708 г. – губернаторов. Уже в упомянутом Наказе Петра I воеводе князю П. Л. Львову говорилось о широком круге задач, связанных с кораблестроением. В последующий период на губернскую администрацию было возложено не только строительство кораблей, но и их проводка в Астрахань и Санкт-Петербург, а также отправка рабочих на санкт-петербургские верфи. Постоянно менявшиеся планы царя вызывали столь же постоянные административные изменения. За годы правления Петра I в Казани сменилось пять губернаторов. Но неизменным было нахождение на должности второго лица – воеводы, коменданта, вице-губернатора – Н. А. Кудрявцева, пользовавшегося большим доверием царя. В ситуации, когда первые лица регулярно менялись или находились в отъезде, именно Кудрявцев руководил созданием и деятельностью адмиралтейства. Он последовательно занимал должности второго (1697–1699 гг.) и первого (1699–1706 гг.) воевод, затем был комендантом и обер-комендантом в 1706–1714 гг., вице-губернатором (1714–1727 гг.). Кроме того, в 1712–1727 гг. он занимал пост главнозаведующего корабельными лесами в Поволжье [7]. При нём была основана Адмиралтейская слобода, введена лашманская повинность. Кудрявцева с полным основанием можно назвать главным создателем Казанского адмиралтейства. При нём было налажено производство судов разного типа: шмаков, ботов, гардкотов, рейсшин, галиотов, гетботов и фрегатов.

По мере расширения судопроизводства в Казани стало ясно, что многие задачи, первоначально намеченные царем, трудновыполнимы. Отсутствие опыта строительства, огромные затраты времени и сил на пе-

реход с Волги на Балтику крупных кораблей, делали их производство в Казани малоэффективными. Постепенно основным делом стало производство комплектующих для судов и заготовка леса, столь необходимого в Астрахани и Санкт-Петербурге.

За весь период существования Казанского адмиралтейства на казанской верфи, по подсчётам И. З. Файзрахманова, было построено 409 морских судов различных размеров, главным образом для Каспийского моря. Большая часть из них была сделана за период с 1701 по 1748 г. (337 судов, или 82,4 %). Кроме того, было создано около 400 вспомогательных судов к ним и несколько сот речных судов, в основном для перевозки корабельного леса [8, с. 166].

Создание Казанского адмиралтейства в ряду других отражает характер внешней политики России в первой четверти XVIII в. Создание трёх адмиралтейств отражает векторы петровской внешней политики: Воронеж – Чёрное и Азовское море, Казань – Каспийское, верфи Санкт-Петербурга – Балтийское. Основание адмиралтейства способствовало началу преобразования Казани в губернский и промышленный центр – Адмиралтейство стало первым крупным предприятием города, сформировало Адмиралтейскую слободу. В масштабах Казанской и соседних губерний возник новый социальный слой – лашманы, просуществовавший до 1861 г. Изменилась сословная структура, способствуя росту городского населения, появлению новых профессиональных групп.

Список источников

1. Файзрахманов И. З. Этапы развития судостроительной промышленности в Казани (1701–1830 гг.) // Известия СамНЦ РАН. 2010. Т. 12. № 2. С. 22–25.
2. Алексеев Т. В. Военное судостроение в Поволжье (XVIII – нач. XX в.) в отечественной историографии / Т. В. Алексеев, О. В. Беленович // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 3. С. 94–117.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (1649–1825 гг.). (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 3. № 1 579. С. 284–301.
4. Истомина Э. Г. Корабельные леса в природно-хозяйственном комплексе Европейской России в кон. XVIII – XIX в. // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и Приуралья и традиции российского судостроения: матер. всеросс. НК. Казань, 2018. С. 112–123.
5. ПСЗ-1. Т. 5. № 3 149. С. 533–534.
6. Кузнецов В. А. Лашманы как уникальное сословие в истории Среднего Поволжья // Казанское адмиралтейство (1718–1830 гг.): народы Поволжья и Приуралья и традиции российского судостроения: матер. всеросс. НК. Казань, 2018. С. 146–161.
7. Корсаков Д. А. Изъ жизни русскихъ деятелей XVIII в. Казань, 1891. 448 с.
8. Файзрахманов И. З. История Казанского адмиралтейства (1718–1830 гг.). Казань, 2014. 264 с.

Павел Владимирович Титов, Татьяна Геннадьевна Карчаева
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВЕБ-ТЕХНОЛОГИЙ (ВЕБ-РЕСУРСОВ) И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

Аннотация. В данной статье представляются краткая характеристика ядерного сдерживания, а также веб-технологии и ресурсы, при помощи которых можно анализировать данную проблему в рамках исторического исследования. Ресурсы, такие как электронные библиотеки и интернет-архивы, сравниваются, в результате чего устанавливаются их достоинства и недостатки. К тому же, в статье приводятся уникальные веб-инструменты и сайты, которые также смогут помочь более эффективно и глубоко провести научное исследование истории ядерного сдерживания. В статье устанавливается степень возможности использования искусственного интеллекта в процессе изучения проблемы, а также его эффективность и корректность предоставляемой им информации. Модели чат-ботов (ИИ) также сравниваются, во время чего выявляются их сильные и слабые стороны. В конечном итоге делается вывод о роли использования веб-технологий (веб-ресурсов) и искусственного интеллекта в изучении темы ядерного сдерживания.

Ключевые слова: история ядерного сдерживания, историческое исследование, веб-ресурсы, веб-технологии, искусственный интеллект, электронные библиотеки, интернет-архивы

Abstract. This article presents the brief description of nuclear deterrence policy, as well as web technologies and resources that can be used to analyze this problem within the context of historical research. Resources such as digital libraries and Internet archives are compared in result of which their advantages and disadvantages are determined. In addition, the article provides unique web-based tools and web-sites that can also help to conduct a more effective and in-depth scientific research of the history of nuclear deterrence. The article establishes the degree of the possibility of using artificial intelligence in the process of studying the problem, as well as its effectiveness and the correctness of the information provided by it. AI chatbot models are also compared, revealing their strengths and weaknesses. Finally, a conclusion is made on the importance of using web technologies (web resources) and artificial intelligence in studying the topic of nuclear deterrence.

Keywords: the history of nuclear deterrence, historical research, web resources, web technologies, artificial intelligence, digital libraries, Internet archives

В настоящий момент в связи с событиями и геополитическими трендами, происходящими на мировой арене и порождающими различного рода конфликтные ситуации между акторами международных отношений, в мировом сообществе нарастает необходимость в обсуждении и исследовании проблем, связанных с ядерной политикой государств. Выходы стран из договоров о ядерном разоружении, внесения изменений в ядерные кон-

цепции и доктрины государств-сверхдержав, а также активные военнотехнические разработки государств для наращивания ядерного потенциала делают изучение проблемы ядерного сдерживания в историческом контексте как никогда актуальным.

Актуальность исторических исследований, посвящённых ядерному сдерживанию, обуславливается и необходимостью прогнозирования политических решений государств путём проведения параллелей между международными ситуациями прошлого и современности. В особенности это важно в настоящее время, в условиях становления идеи многополярного мира, а также развития ядерных программ в государствах, никогда не имевших ядерного оружия. К тому же, научный прогресс активно задействует и военно-промышленные комплексы государств, вследствие чего появляются новые модели гиперзвукового оружия, а также инновационные методы ведения войны (например, кибервойны). В военной промышленности начинают активно задействоваться технологии искусственного интеллекта. Всё это бесспорно влияет на саму природу сдерживания, и поэтому изучение его истории сможет ответить на вопрос о том, как нынешняя система будет адаптироваться к новым угрозам и вызовам.

Ядерное сдерживание – это предотвращение возможной военной агрессии противника посредством угрозы применения ядерного оружия. Такая практика рассматривается ядерными и неядерными государствами как эффективный инструмент обеспечения национальной безопасности [1] (и в некоторых случаях национальных интересов). В других источниках приводятся подобные определения, но с небольшими отклонениями от данного. Несмотря на это, принцип остаётся единым – страны не осуществляют прямых нападений друг на друга из-за угрозы взаимного уничтожения ядерным оружием.

На данный момент ядерным оружием предположительно обладают девять стран. Пять из них являются официальными («старые» ядерные державы) и четыре владеют ядерным оружием неофициально (Индия, Пакистан, КНДР и Израиль) [2]. Под неофициальным владением подразумевается неподписание договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) или выход из него (в случае с КНДР). Израиль официально отрицает наличие ядерного оружия. Также существует страна, которая активно обсуждается в контексте создания ядерного оружия – Иран. В данной обстановке, происходящей на мировой арене, изучение ядерного сдерживания и его истории является, безусловно, необходимым.

В эпоху развития информационных технологий проводить исторические исследования становится намного легче из-за огромного количества ресурсов и инструментов в интернете. В электронных библиотеках можно найти множество статей из периодических изданий журналов, в интернет-архивах находятся электронные копии документов и ядерные доктрины стран, прочие веб-инструменты позволяют подойти к научному (историческому) исследованию с разных сторон.

Среди электронных библиотек самыми доступными платформами для российских студентов и исследователей в целом являются *eLibrary* и «КиберЛенинка». Заметим, что поисковая система *Google Scholar* находит аннотации к статьям на «КиберЛенинке» и *eLibrary*.

На запрос «Ядерное сдерживание» в поисковике сайта *eLibrary* было выдано 22 999 результатов, из которых 14 403 являются научными статьями. Также наличие в *eLibrary* индекса научного цитирования (РИНЦ) помогает оценить значимость научных публикаций. Развёрнутый поиск на платформе позволяет точнее найти нужный для изучения материал.

Несмотря на ограниченную базу данных по сравнению с предыдущей платформой, «КиберЛенинка» имеет свои достоинства, а именно: более удобный и легко осваиваемый интерфейс, который стабильно поддерживается на мобильных устройствах, а также факт того, что данная библиотека является полностью бесплатной и регистрация на ней не является обязательной. С другой же стороны, поисковик на самом сайте «КиберЛенинки» не настолько расширенный и точный, насколько это представлено на сайте *eLibrary*, а качество и релевантность статей придётся тщательно проверять из-за отсутствия на сайте информации о цитировании (не показывает РИНЦ).

Кроме того, некоторые важные научные исследования загружены и на официальных сайтах Российского Совета по Международным Делам (РСМД), а также ПИР-Центра – неправительственной организации, занимающейся научными исследованиями в сфере международной безопасности.

Самые известные договоры по ядерному разоружению и ограничению (например, ДНЯО или договоры СНВ) можно найти на веб-сайтах ООН (*URL: un.org*) и МИД РФ (*URL: mid.ru*). Более современные договоры – на сайте официального интернет-представительства Президента РФ (*URL: kremlin.ru*).

Достаточно интересным интернет-ресурсом является официальный сайт Центра по изучению проблемы контроля над вооружениями, энергетикой и экологии (*URL: armscontrol.ru*). Он содержит архив с различными документами, касающимися ядерного оружия (ДНЯО, РСМД и мн. др.), а также аналитику мировой ситуации, статьи, новости по ядерной политике и даже выступления экспертов. К большому сожалению, последние публикации сайта датируются 2015 г., что делает большинство информации нерелевантной, но наличие на сайте текстов некоторых договоров делает его полезным по сей день.

Архивные документы по названной теме можно найти на сайте Архива национальной безопасности (независимая негосударственная исследовательская организация, базирующаяся в университете Джорджа Вашингтона в США). Информация на сайте (*URL: nsarchive.gwu.edu*) представлена на английском языке, но есть и версия на русском. Веб-ресурс предоставляет рассекреченные документы США и СССР времён холодной

войны, касающиеся ядерного сдерживания (например, рассекреченные письма лидеров, которые писались во время Карибского кризиса). Для работы с этим сайтом желательно владеть английским языком и понимать, какие именно документы нужно искать.

Зарубежный веб-сайт иностранного (американского) журнала «Бюллетень учёных-атомщиков» (англ. *Bulletin of the Atomic Scientists*), информация из которого часто появляется в различных СМИ, также освещает проблемы ядерного оружия, ядерного сдерживания настоящего и прошлого. Веб-сайт предоставляет и интересный инструмент – «Часы судного дня». Данный инструмент аллегорически представляет приближение человечества к ядерной угрозе (войне). Просматривая историю часов, можно отследить напряжённость ситуации на мировой арене и насколько активно странами воспроизводится практика ядерного сдерживания. На данный момент стрелка часов находится на 89 секундах от «ядерной полуночи», что является самым близким к ней («ядерной полуночи») показателем за историю проекта [3]. Вся информация на сайте представлена только на английском языке.

Ещё одним достаточно интересным интернет-ресурсом является сайт *DEFCON Level* (URL: defconlevel.com). Он отражает степень боевой готовности вооружённых сил США. Всего существует пять степеней готовности: от пятой – самой низкой (степень, которая присуща мирному времени) до первой (когда крупномасштабный военный конфликт с вероятным применением ядерного оружия неизбежен). Изучать историю ядерного сдерживания при помощи данного веб-сайта можно благодаря архиву изменения уровня *DEFCON*. Например, во время Карибского кризиса степень боевой готовности была 2, а после террористических атак 11 сентября 2001 г. – 3 [4]. Следуя из информации, а также новостей, публикуемых на сайте, можно проводить параллели между современностью и прошлым. Однако стоит отметить, что американская система лишь косвенно отражает глобальную напряжённость, а точные данные о степени *DEFCON* часто засекречены, поэтому некоторые оценки являются предположительными. Чтобы пользоваться сайтом, нужно также знать английский язык.

На просторах интернета существует множество ресурсов, позволяющих изучать и само ядерное оружие, а также на что оно способно. Например, симулятор *Nukemap* (URL: nuclearsecrecy.com/nukemap), который позволяет использовать ядерное оружие в любой точке мира и оценить разрушительность его воздействия. Сайт оценивает как ударную волну и эпицентр самого взрыва, так и распространение радиации в соответствии с розой ветров. Данный веб-инструмент будет полезен для понимания разрушительной силы ядерного оружия и моделирования исторических событий (в т. ч. и альтернативных их вариантов). Параметры и информация на сайте представлены на английском языке.

В интернете существует множество различных карт ядерных испытаний, а также архивов, в которых содержатся данные о них. Сайт *Nuclear Weapon Archive* (URL: nuclearweaponarchive.org) предоставляет информа-

цию о ядерных бомбах, имеющихся на вооружении у стран – членов ядерного клуба, истории их ядерных арсеналов и проводящихся ими в прошлом ядерных испытаниях.

В последние пять лет огромное развитие получили технологии искусственного интеллекта, как результат активно используются исследователями в академических целях чат-модели и чат-боты. Для сравнения по теме ядерного сдерживания использовались российская нейросеть *GigaChat* и китайская *DeepSeek*.

Первая чат-модель (*GigaChat*) изначально отказывалась от обсуждения тем, связанных с ядерным оружием, из-за предустановленных ограничений, но после использования слов «для проекта» или «в целях изучения истории» нейросеть выдавала достаточно качественную информацию, которую можно считать релевантной в связи с её актуальностью после 2024 г. *GigaChat* корректно ответил на вопросы про ядерную доктрину РФ, ссылаясь на источники, исправлял допущенные ошибки. Однако нейросеть допустила неточность в примере ядерного сдерживания между Россией и США, а именно написала, что во время балканских войн конца XX в. ни одна сторона не вмешалась в конфликт, не указав бомбардировки НАТО в Югославии в 1999 г.

DeepSeek, в отличие от *GigaChat*, был изначально готов к обсуждению темы ядерного оружия и истории ядерного сдерживания, т. к. не имел на это предустановленных ограничений. Информация, предоставляемая *DeepSeek*, была не настолько релевантна, как информация у *GigaChat*, т. к. на вопрос об обновлённой ядерной доктрине РФ он ответил некорректно (последним обновлением ядерной доктрины РФ *DeepSeek* считает Указ Президента РФ № 355 от 02.06.2020 «Об Основах государственной политики РФ в области ядерного сдерживания», что не является верным).

Обе нейросети имеют приверженность к «додумыванию» информации. Когда чат-моделям было задано процитировать лидеров СССР и США (сослаться на них) во время Карибского кризиса (например, Никиту Хрущёва), обе нейросети придумывали информацию, не ссылаясь на точные источники. В общем, можно сказать, что обе нейросети имеют как свои особенные преимущества, так и свои особенные недостатки, а в чём-то они очень сильно похожи друг на друга. При этом нейросети могут помочь в исследовании, но полностью на них опираться ни в коем случае не стоит.

В конечном итоге можно сказать, что в современном исследовании проблемы ядерного сдерживания использование веб-технологий (веб-ресурсов) является практически необходимым. Множество электронных библиотек и интернет-архивов предоставляют информацию об историографии и источниковом наполнении исторической проблемы. На просторах интернета расположено более чем достаточное количество интересных веб-инструментов, которые так или иначе связаны с указанной проблематикой. А искусственный интеллект пока ещё эффективный инструмент только для быстрой обработки массивов данных.

Список источников

1. Ядерное сдерживание // Большая Российская Энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/iadernoe-sderzhivanie-9f49be?ysclid=mb1jkskojk35481583.
2. Постникова Е. А. SIPRI оценил, насколько в мире стало больше ядерного оружия // РБК. URL: rbc.ru/politics/17/06/2024/666c3ba?ys03580.
3. The Doomsday Clock // Bulletin of the Atomic Scientists. URL: thebulletin.org/doomsday-clock/2025-statement.
4. DEFCON Levels History & List Of Alert Level Changes // DEFCON Level. URL: defconlevel.com/history.php.

Валентина Николаевна Тугужекова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова;

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
Абакан, Россия*

УЧАСТИЕ ВОИНОВ ИЗ ХАКАСИИ В СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1945 ГОДА

Аннотация. Выполняя союзнический долг, СССР объявил войну Японии и 9 августа начал военные действия. В ходе Советско-японской войны 1945 г. Красная армия, разгромив японскую Квантунскую армию (Маньчжурская операция), ликвидировала очаг агрессии на Дальнем Востоке. Она освободила Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова, ускорив тем самым окончание войны. 2 сентября Япония капитулировала, Вторая мировая война завершилась.

Ключевые слова: СССР, Япония, Красная армия, Китай, Корея, Южный Сахалин, Курильские острова

Abstract. Fulfilling its allied duty, the USSR declared war on Japan and began military operations on August 9. During the Soviet-Japanese War of 1945, the Red Army, having defeated the Japanese Kwantung Army (Manchurian operation), eliminated the hotbed of aggression in the Far East. She liberated Northeast China, North Korea, South Sakhalin, and the Kuril Islands, thus hastening the end of the war. On September 2, Japan surrendered, and World War II ended.

Keywords: USSR, Japan, Red army, China, Korea, South Sakhalin, Kuril Islands

Ещё в феврале 1945 г. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин рекомендовал маршалу А. М. Василевскому после капитуляции Германии, через два-три месяца послать две-три армии на восток на войну против японцев.

Им были отобраны с 3-го Белорусского фронта 5 и 39-я армии [1, с. 352].

17 апреля 1945 г. 39-я армия генерал-лейтенанта И. И. Людникова завершила боевые действия в Восточной Пруссии. В начале мая получила распоряжение на передислокацию. Личный состав планировалось отправить на восток в 110 эшелонах при соблюдении секретности. В составе 39-й армии было несколько сибирских дивизий, среди них Красноярская 17-я гвардейская дивизия.

7 июня 1945 г. первый эшелон 39-й армии разгрузился в Монголии в Баян-Тумене. Здесь 39-я армия получила пополнение ещё не воевавших 18-летних солдат, призванных в разных регионах СССР, до 40 тыс. чел. В состав 17-й дивизии влилось около 2,5 тыс. новобранцев [1, с. 355].

24 июля 1945 г. в рамках Потсдамской конференции по настоянию американских военных состоялось первое совещание начальников гене-

ральных штабов трёх держав по вопросам взаимодействия на завершающем этапе войны против Японии. Советская сторона заявила, что войска Красной армии концентрируются на Дальнем Востоке и по расчётам будут готовы начать операции во второй половине августа [2, с. 647]. Целью СССР в войне является разгром японских войск в Северо-Восточном Китае и выход к Ляодунскому полуострову.

СССР планировал нанести сокрушительный удар японской Квантунской армии в Маньчжурии. Планировалось нанести удары с территории Монголии, из советского Приморья, из Благовещенска и Хабаровска. В операции приняли участие три фронта – Забайкальский (командующий Р. Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (командующий К. А. Мерецков), 2-й Дальневосточный (командующий М. А. Пуркаев). Общее командование осуществлял маршал А. М. Василевский. В состав оперативной группы под началом А. М. Василевского входили известные и опытные военачальники: главный маршал авиации А. А. Новиков, маршал артиллерии М. И. Чистяков, начальник войск связи Н. Д. Псурцев и др. [2, с. 648].

Для обеспечения связи в 1943–1945 гг. было подведено 20 тыс. км проводов, оборудовано 37 узлов связи, 5 радиоузлов. Каждый штаб фронта, армии и укрепрайона имел оборудованные узлы связи [2, с. 652].

Уже к началу августа 1945 г., т. е. к началу войны с Японией на Дальнем Востоке было сосредоточено три фронта – Забайкальский, 2 и 1-й Дальневосточные, Тихоокеанский флот и Амурская военная флотилия, которые находились в высокой степени готовности к боевым действиям [1, с. 672]. Фронты располагали более 1,7 млн чел., почти 30 тыс. орудий и миномётов, 5,2 тыс. танков, 5,2 тыс. боевых самолётов, 93 боевыми кораблями [1, с. 673].

Боевые действия всех фронтов, авиации и военного флота начались с утра 9 августа 1945 г. Эту войну на западе прозвали «Августовский шторм», она была стремительной. Обладая богатым опытом боевых действий против немцев, Красная армия серией быстрых и решительных ударов прорвала японскую оборону и начала наступление вглубь Маньчжурии. Танковые части успешно продвигались, казалось бы, в непригодных условиях – через пески Гоби и хребты Хингана, но отлаженная за четыре года войны с самым грозным противником военная машина практически не давала сбоев.

К 17 августа 6-я гвардейская танковая армия продвинулась на несколько сот километров, до столицы Маньчжурии г. Синьцзяна оставалось около 150 км. 1-й Дальневосточный фронт к этому времени сломил сопротивление японцев на востоке Маньчжурии, заняв крупнейший город в том регионе – Муданьцзян. В ряде районов в глубине обороны Красной армии пришлось преодолевать ожесточённое сопротивление противника.

Только 19 августа 1945 г. началась массовая сдача в плен. К этому времени Красная армия заняла Мукден и Харбин, к 22 августа – Порт-Артур и Дальний, к 24 августа – Пхеньян. К 29–30 августа было сломлено сопротивление японских частей на Сахалине и Курильских островах.

В общей сложности японские войска потеряли свыше 700 тыс. солдат и офицеров, из них около 84 тыс. убитыми и более 640 тыс. пленными. Советские потери составили 36,5 тыс. чел., из них около трети убитыми и пропавшими без вести [3, с. 2].

При освобождении Китая потери Красной армии составили 29 902 чел., или 0,77 %, а при освобождении Северной Кореи – 1 963 чел., или 0,05 % [4, с. 272].

Территории гряды Курил и о. Сахалин, южная часть которого была передана под токийский протекторат ещё в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., вернулись в состав СССР. Успешное проведение Маньчжурской операции позволило в сравнительно короткие сроки занять Южный Сахалин и Курильские о-ва. За боевые отличия 220 соединений и частей получили почётные наименования «Хинганские», «Амурские», «Уссурийские», «Харбинские», «Мукденские», «Порт-Артурские» и др. 301 соединение и часть были награждены орденами, 92 воина были удостоены звания Героя Советского Союза.

Среди них – представительница Хакасии Мария Цуканова. 14 августа 1945 г. в районе г. Сэйсина батальон морской пехоты вёл бой с превосходящими силами противника. Там вместе с бойцами находилась и Мария в качестве санитарки. Под непрерывным вражеским огнём она оказывала медицинскую помощь и за короткое время вынесла с поля боя 52 раненых солдата. Превозмогая боль от ранения, Мария продолжила оказывать посильную помощь бойцам и офицерам, но, потеряв много крови, в бессознательном состоянии попала в плен к японцам, где погибла смертью храбрых после зверских пыток. Похоронена в братской могиле советских воинов в Чхонджине (город в Северной Корее). Марии посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Её имя золотыми буквами начертано на Доске славы советского флота, установленной в Центральном военноморском музее Санкт-Петербурга, а в городе Владивостоке Марии Никитичне Цукановой воздвигнут обелиск.

В г. Абакане в честь Марии Цукановой названа улица [5, с. 53–54].

2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского линкора «Миссури» японские представители в присутствии полномочных представителей СССР, США, Китая, Великобритании и других союзных государств подписали Акт о безоговорочной капитуляции Японии.

В обращении И. В. Сталина к народу от 2 сентября 1945 г. говорится: «Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские о-ва отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» [6, с. 182].

Приказом от 03.09.1945 И. В. Сталин этот день назвал «Днём праздника Победы над Японией» и назначил в Москве салют 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий [6, с. 184].

Разгром нацистской Германии и империалистической Японии способствовал подъёму национально-освободительного движения в мире. Впервые была дана правовая оценка идеологам и исполнителям человеко-ненавистнических планов завоевания мирового господства (Нюрнбергские процессы 1945–1949 гг. и Токийский процесс 1946–1948 гг.).

Не только фашистская Германия, но и Япония совершала военные преступления против мирного населения на оккупированных войсками территориях. В т. ч. обнаружена лаборатория, где над людьми ставились опыты и эксперименты при разработке бактериологического оружия (отряд 731).

Вторая мировая война оказала всестороннее влияние на дальнейшее развитие военного искусства. Она отличалась массовым применением танков, высокой степенью моторизации, широким внедрением новых боевых и технических средств. В ходе Второй мировой войны впервые применены радиолокаторы и другие средства радиоэлектроники, реактивная артиллерия, реактивные самолёты, самолёты-снаряды и баллистические ракеты, а на завершающем этапе – ядерное оружие. Вторая мировая война наглядно показала зависимость войны от экономики и научно-технического прогресса, теснейшую взаимосвязь экономического, научного, военного и других потенциалов на пути к победе.

Список источников

1. Сибирский марш: Красноярские стрелки во Второй мировой войне. Красноярск, 2016. 416 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 11: Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и вооружёнными силами СССР в годы войны. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
3. Маньчжурская операция (1945) // Википедия. URL: [ru.wikipedia.org/wiki/Маньчжурская_операция_\(1945\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Маньчжурская_операция_(1945)).
4. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник. М.: Росстат, 2021. 299 с.
5. Очерки истории Хакасской организации ВЛКСМ. 1918–1991: науч. сб. Абакан, 1998. 184 с.
6. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946. 185 с.

Илья Денисович Филонов

Томский государственный университет,

Томск, Россия

ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА МОЛОДЁЖИ В ОБЩЕРОССИЙСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ С ЦЕЛЬЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ В 1905–1907 ГОДАХ

Аннотация. Статья исследует визуальные образы молодёжи в российской сатирической прессе 1905–1907 гг. как инструмент политической агитации. На основе анализа карикатур выделены положительные (символ прогресса, свободы, обновления) и отрицательные (незрелость, анархия, ведомость) контексты. Показано, как пресса формировала и транслировала стереотипы, взаимодействуя с общественными представлениями, усиливая влияние на политический дискурс эпохи.

Ключевые слова: визуальная антропология, молодёжь, сатирическая периодика, Первая русская революция

Abstract. The article examines visual representations of youth in Russian satirical press (1905–1907) as a tool for political agitation. By analyzing caricatures, positive (symbolizing progress, freedom, renewal) and negative (immaturity, anarchism, suggestibility) contexts are identified. The study demonstrates how the press shaped and propagated stereotypes, interacting with public perceptions to amplify their impact on the political discourse of the era.

Keywords: visual anthropology, youth, satirical periodicals, First Russian Revolution

Первая русская революция, начавшаяся в 1905 г., расширила поле возможностей для политического участия. «Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17.10.1905 даровал населению России обширные права и свободы, в число которых входили свобода слова и свобода печати. По ходу развития революционных событий у разных представителей общественности всё больше возникала потребность влиять на ход революции. Одной из таких трибун для публичных заявлений стала периодическая печать. Наиболее острые и едкие комментарии о происходящих в стране событиях давали издания сатирической направленности. Их представители акцентировали внимание на пороках общества и тех, кто был причиной их возникновения, по мнению членов редакционных советов изданий. В числе наиболее тиражируемых образов на страницах сатирической прессы был образ молодёжи.

Молодое поколение являлось одним из наиболее активных среди всех прочих групп населения. Упомянутая активность находила выражение в участии представителей молодого поколения в политических акциях, что привлекало внимание СМИ, которые формировали упрощённые стереотипы на основании реальности и уже существовавших общественных

представлений. Социум влиял на создаваемые журналистами образы, определяя их общие характеристики. Представители прессы дополняли эти образы, исходя из своей картины мира, и таким образом влияли уже на само общественное мнение. Процесс взаимодействия сатирических изданий и общества носил взаимопроникающий характер.

Результатом указанного процесса было формирование на страницах периодических сатирических изданий перечня образов молодёжи, которые использовались в различных контекстах для усиления комментария представителя издания.

Целью настоящего доклада является реконструкция практик использования визуального образа молодёжи в политической агитации в период Первой русской революции. В процессе работы будут подвергнуты анализу примеры визуальных образов молодёжи, содержащиеся на страницах российских сатирических изданий за 1905–1907 гг. Будет составлен перечень политических контекстов, в которых использование образа молодёжи оправдывалось задумкой автора и его взглядами на политическую ситуацию в стране.

Политические контексты, в которых мог бы быть применен образ молодёжи, можно условно разделить на две категории: положительные и отрицательные. Первыми в настоящей работе будут представлены примеры положительного использования образа молодёжи с целью политической агитации.

Один из ключевых примеров использования образа молодёжи в сатирической прессе – это изображение *по определению положительных процессов и явлений* (например, прогресс, развитие) в образе юноши или девушки. Образ девушки-свободы [1] является распространённым в политической сатире 1905–1907 гг.

Образ молодости использовался в сатирической печати также с целью выражения *одобрения происходящих в стране изменений*. Молодёжь в изображениях с данным контекстом позиционировалась как активный и находчивый слой населения,двигающий страну вперёд и свергающий старых властителей [2].

Другой пример использования образа молодёжи в положительном политическом контексте в сатирической печати представлен категорией *молодых девушек, символизирующих Россию*. В большинстве случаев персонаж девушки-России находится в беде и терпит лишения от внешних сил, представленных в образе абстрактных или конкретных мучителей – людей [3; 4] или демонов [5; 6], представляющих политические силы, которые имеют отрицательную окраску в картине мира представителей сатирического издания. Существовал, однако, образ и сильной девушки-России, защищающей силы света от сил зла [7; 8].

Отдельный пример категории образов молодёжи – это изображение молодых людей в качестве *заложников обстоятельств* или как *жертв определённых политических сил*. Молодёжь в данных сюжетах лишена

субъектности и является ведомой сложившимися условиями. Молодое поколение изображалось как безусловная жертва государственного насилия [9; 10].

Далее в работе представлены отрицательные примеры использования образа молодёжи.

Представление о молодёжи как о **необразованной категории населения** является одним из ключевых в сатирической печати. В данном контексте образ молодого человека использовался прессой в негативном ключе и применялся к конкретному лицу или целой политической силе. На карикатурах изображались молодые люди, своими словами или действиями приравнивающие свободу к анархии [11] или стремящиеся «научить жизни» более старших и образованных членов общества [12].

Молодёжь изображали и как **ведомую группу населения**, падкую на популизм со стороны политических или иных авторитетов [13].

Молодые люди также характеризовались как представители самой **нестабильной и революционной категории населения**, участвующие в беспорядках [14], навязчивой политической агитации [11; 15–18], преступлениях и в столкновениях с властями [19].

В образе молодёжи изображали политические силы, **убеждения представителей которых казались авторам карикатур незрелыми** или вызывали антагонизм иного рода [20].

Практики использования образа молодёжи в сатирической периодике носят неоднородный характер, что объясняется внутренним содержанием образа молодёжи. Оно включает в себя характеристики **активности, находчивости и прогресса**, что объясняет использование категории «молодость» с целью продвижения политических сил, вызывающих симпатию. С другой стороны, образ молодёжи может передавать отрицательный политический смысл и использоваться с целью унижения политических оппонентов. Такие характеристики, как **нестабильность, импульсивность, малая степень образованности** делают образ молодёжи пригодным для использования в уничижительном ключе.

Список источников

1. Из Гейне // Вампир. № 5. С. 6; Анчар. 1906. № 3. С. 7; Новый танец среди мечей // Шут. 1906. № 2а. С. 4–5.
2. Старый фетиш свергнут с пьедестала // Брызги. 1906. № 2. С. 11.
3. Аргус. 1906. № 2. С. 17; Шут. 1906. № 11а. С. 1.
4. От редакции // Бурелом. 26.11.1905. С. 2.
5. Кажется, успокоил... // Вампир. 1906. № 1. С. 1.
6. Булат. 1906. № 1. С. 3.
7. Аргус. 1906. № 3. С. 1.
8. Гном. 1906. № 9. С. 5.
9. Выбор карьеры // Вампир. 1906. № 3. С. 5.
10. Бюрократия. Народ // Анчар. 1906. № 1. С. 5.

11. Предложение // Шут. 1905. № 50б. С. 2.
12. Наша провинция // Шут. 1905. № 52в, 52г. С. 4.
13. Александринский театр // Шут. 22.10 (04.11).1905. С. 5.
14. Шут. 05 (18).11.1905. С. 4–5.
15. Шут. 1906. № 12а. С. 4.
16. Шут. 1906. № 4б. С. 4–5.
17. Букет. 1906. № 5. С. 2.
18. Екатеринбургская пресса // Гном. 1906. № 9. С. 8.
19. В неравной борьбе // Гном. 1906. № 9. С. 8.
20. А ты всё-таки поклонись! // Бурелом. 01.01.1906. С. 6.

Ии Цай

*Благовещенский государственный педагогический университет,
Благовещенск, Россия*

АМУРСКИЙ РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ КАК ПРОЕКТ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Аннотация. В статье освещается история Амурского речного транспорта как проекта имперской России на Дальнем Востоке с момента его зарождения до 1917 г., а также анализируется роль Амурского речного транспорта в историческом контексте.

Ключевые слова: Амурский речной транспорт, имперская Россия, Дальний Восток, Маньчжурия, российско-китайские отношения

Abstract. The article highlights the history of Amur river transport as a project of Imperial Russia in the Far East from its inception until 1917, and also analyzes the role of Amur river transport in the historical context.

Keywords: Amur River transport, Imperial Russia, the Far East, Manchuria, Russian-Chinese relations

Амурский речной транспорт зародился в конце XIX в. на р. Амур. В мае 1854 г. от Шилкинского завода вышел пароход «Аргунь»; этот сплав знаменовал начало плаваний по Амуру. Первые пароходы на Амуре были государственными, относительно маломощными, тихоходными и малопродуктивными. Однако в отличие от западных бассейнов, где судоходство зародилось значительно раньше и начиналось с деревянного флота, Амур сразу стал принимать суда из металла. Лишь некоторые отечественные суда имели деревянные корпуса: паровые котлы и машины для них заказывались в западных странах, а корпуса из древесины строились на Амурских верфях, чаще всего в Благовещенске [1, с. 123].

В соответствии с «Айгунским договором» (1858 г.) левый берег Амура от р. Аргуни до устья Амура признавался собственностью Российской империи. Присоединение Приамурья к России положило начало активному развитию речного судоходства как проекту имперской России на Дальнем Востоке. В 1858 г. на Амуре была учреждена «Амурская компания», затем – пароходство «Бенардаки и К^о», в 1872 г. – «Товарищество Амурского пароходства», которому были переданы 12 судов из состава Сибирской флотилии и ежегодно от российского правительства выплачивалась субсидия в размере 300 тыс. руб. «на содержание срочных почтово-пассажирских рейсов по Амуру» [2, с. 15].

Одной из важных функций речного транспорта в период 1850–80-х гг. в условиях практического отсутствия сухопутных дорог стало обеспечение процесса массового переселения крестьян путём сплавов по Амуру, а также грузоперевозки [3, с. 155]. В среднем ежегодно из Забайкалья в Приамурье сплавлялось 500–600 плотов. Развитию частных перевозок способствовал и рост золотодобычи в крае: на Амуре появляются пароходы Верхне-Амурской, Зейской, Ниманской золотопромышленных компаний. Значительно было и число судовых рабочих: в Амурской области при общей численности населения в 12 тыс. чел. в 1860 г. их насчитывалось около 3,5 тыс. чел. [4, с. 21].

На рубеже 80–90-х гг. XIX в. водный транспорт уже стал неотъемлемой частью хозяйственной инфраструктуры российского Дальнего Востока [5, с. 83]. В 1892 г. было создано новое судоходное предприятие – «Амурское общество пароходства и торговли» (АОПиТ). Оно занималось перевозками пассажиров и грузов по Амуру и его притокам. К 1899 г. общество стало монополистом в перевозках по Амуру. Крупными судовладельцами также были Тетюков (16 пароходов, 43 баржи) и Опарин (6 пароходов, 31 баржа); остальные имели от одного до трёх судов [6, с. 10]. В 1895 г. в Благовещенске был открыт завод И. П. Чепурина, в 1898 г. – завод С. С. Щадрина; оба предприятия специализировались на речном судостроении и судоремонте [2, с. 44]. В 1898 г. было организовано Управление водных путей Амурского бассейна, деятельность которого была направлена на улучшение судоходных условий. В декабре 1899 г. в Благовещенске было открыто речное училище. В 1900 г. Благовещенск был признан ведущим речным портом Амурского бассейна и центром судоходства на Амуре и его притоках. Он стал главным в Амурском бассейне пунктом постройки и ремонта судов, а также крупнейшим перевалочным (перегрузочным) портом между нижним Амуром и его верховьями [7, с. 204, 206].

С середины XIX в. установилась новая система российско-китайских отношений. Ликвидация буферных зон и определение границ обусловили масштабное расширение межрегиональных связей и активное встраивание их в общую систему российско-китайских отношений [8, с. 413]. И российские, и китайские региональные власти начали выстраивать свою приграничную политику о правилах плавания: «по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могут плавать только суда Дайцинского и Российского государств; всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» [9, с. 52], режим взаимодействия на порубежных территориях двух стран.

С развитием Маньчжурии и превращением Северо-Восточного Китая в крупного экспортёра сельхозпродукции для России, а также на фоне усиления Японии Китай возвращается к вопросу по плаванию на р. Амур. Как отмечает Н. А. Беляева, открытие китайских таможен было «реальной уступкой», которую Россия была вынуждена сделать в Маньчжурии на фоне ослабления своих позиций на Дальнем Востоке после Русско-

японской войны 1904–1905 гг. [10, с. 42]. Вопрос же плавания по Амуру остался открытым. В 1914 г. Приамурский генерал-губернатор предложил запретить всякое китайское судоходство на Амуре, а летом 1915 г. не дал разрешения хэйлунцзянскому губернатору приехать в Хабаровск на китайском пароходе, несмотря на разрешение из Петербурга [8, с. 420].

Несмотря на имеющиеся неурегулированные вопросы, судоходство на Амуре играло важную роль в приграничной торговле с Северо-Восточным Китаем. В дальневосточном импорте из Маньчжурии 60–66 % занимал скот, 25–27 % – хлеб (зерно и мука). Торговый оборот российского Дальнего Востока с Северо-Восточным Китаем в 1893–1895 гг. составлял около 3 млн руб. Речной путь использовался также для провоза контрабанды: золота (до 100 пудов ежегодно в Северо-Восточный Китай) и пушнины (на 1,5–2 млн руб.); из Маньчжурии в Россию шли спирт и опиум [8, с. 454–455].

В начале XX в. водный транспорт развивался наиболее высокими темпами: в 1900–1913 гг. он увеличился более чем вдвое, а грузооборот Амурского бассейна возрос более чем в 5 раз [11, с. 212]. Судоходство на Амуре фактически было полностью монополизировано Россией. Между собой конкурировали суда «Амурского общества пароходства и торговли», «Товарищества Амурского пароходства», «Благовещенского пароходства», других частных судовладельцев и русской флотилии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) [12, с. 10–15].

До начала Первой мировой войны, вместе с развитием внутренней и внешней торговли и промышленности Приамурского края (золотодобывающей, мукомольной и т. д.) грузооборот Амурского речного флота из года в год увеличивался и в 1911–1914 гг. составлял в среднем 45,5 млн пудов ежегодно. Активно развивались грузовое направление перевозок из соседней Маньчжурии. В навигацию 1910 г. с причалов Сунгари на верхние пристани Амура было вывезено 93 тыс. т грузов, на нижние – 60 тыс. т; первое место в вывозе занимали хлебные грузы и бобы [13, с. 27]. После начала Первой мировой войны грузооборот Амурского речного флота постепенно уменьшается (с 33,6 млн пудов в 1915 г. до 27,7 млн пудов в 1916 г. и 25 млн пудов в 1917 г.) [14, с. 71]. В конце XIX – начале XX в. строительство железных дорог на Дальнем Востоке, с одной стороны, обусловило проведение работ по улучшению судоходства на Амуре, с другой – привело к перераспределению грузопотоков и уменьшило роль речного транспорта [3, с. 156]. Среди амурских судовладельцев резко обострилась конкуренция, часть из них разорилась. Грузооборот амурских судов в 1915 г. снизился до 788 тыс. т (в 2 раза по сравнению с 1913 г.) [15, с. 118].

К 1917 г. речной флот Амурского бассейна состоял из 272 пароходов и 277 барж [16, с. 53]. После 1917 г. на Дальнем Востоке России произошли революционные потрясения, Гражданская война и интервенция. В этот переломный период все сферы социума и экономики претерпели се-

рьёзные трансформации. Амурское пароходство начинает национализацию [17, с. 396–397], оно уже не проект имперской России.

Итак, в процессе заселения и хозяйственно-экономического развития Дальнего Востока России, начиная с середины XIX в., Амурской речной транспорт играл важную роль. Развитие судоходства в Амурском бассейне имело большое значение для укрепления обороноспособности российских владений на Дальнем Востоке, налаживания внешнеторговых связей, стимулирования местной промышленности и сельского хозяйства. Амурский речной транспорт стал важным звеном в отношениях с сопредельным Китаем.

Список источников

1. Залеская О. В. Амурский водный транспорт в российско-китайских отношениях на Дальнем Востоке в 1920-е гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2023. № 13. С. 123–131.
2. Ковальчук М. А. История транспорта Дальнего Востока России (2-я пол. XIX в. – июнь 1941 г.) // Исторические аспекты транспортного освоения региона. Хабаровск, 1997. 166 с.
3. Бардаль А. Б. Этапы развития транспортной системы Дальнего Востока России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 152–164.
4. Илларионов А. А. О роли транспортной системы в развитии российского Дальнего Востока в дооктябрьский период // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2006. № 1 (1). С. 16–32.
5. Илларионов А. А. Особенности становления водного транспорта Дальнего Востока в 1860–80-х гг. // Дальний Восток России: основные аспекты исторического развития во 2-й пол. XIX – нач. XX в. (Вторые Крушановские чтения – 2001). Владивосток, 2003. С. 79–83.
6. Медникова А. Н. Амурское пароходство // Прошлое и настоящее Амурского речного пароходства: матер. НПК. Благовещенск: АОНБ им. Н. Н. Муравьёва-Амурского, 2018. С. 6–27.
7. История Благовещенска. 1856–1917: в 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2009. 464 с.
8. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / ред. А. В. Лукин. М., 2013. 704 с.
9. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. 463 с.
10. Беляева Н. А. Таможенное взаимодействие России и Китая в Маньчжурии: опыт и уроки начала XX в. // Россия и АТР. 2004. № 4. С. 34–43.
11. Галлямова Л. И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (2-я пол. XIX – нач. XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. С. 209–218.

12. Белоглазов Г. П. Русские экспедиции и торговые суда на Сунгари (сер. XIX – нач. XX в.) // Российский флот на Тихом океане: история и современность. Вып. 3. Владивосток, 1996. С. 10–15.

13. Спижевой Н. Е. Значение Сунгари для Амурского судоходства в начале XX в. // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 26–28.

14. Экономическая жизнь Амура. 1926. № 5.

15. Галлямова Л. И. Транспортное освоение Дальнего Востока во 2-й пол. XIX – нач. XX в. / Л. И. Галлямова, М. А. Ковальчук // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 110–122.

16. Залесская О. В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.) / ред. Н. А. Шиндялов. Благовещенск: БГПУ, 2002. 157 с.

17. Декреты Советской власти. Т. 1. 25.10.1917 – 16.03.1918. М., 1957. 640 с.

Егор Сергеевич Чаунин

*Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия*

МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭМИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЛАСТОЧКА»)

Аннотация. Статья исследует сохранение русской культуры в эмиграции через детский журнал «Ласточка» (1926–1945), рассматривая культурную преемственность, публикации о русских традициях, православной этике, фольклоре и роли журнала в связи с утраченной Родиной.

Ключевые слова: русская культура в эмиграции, журнал «Ласточка», культурная преемственность, детская пресса, эмиграция в Маньчжурии

Abstract. The article explores the preservation of Russian culture in emigration through the children's magazine "Lastochka" (1926–1945), examining cultural continuity, publications on Russian traditions, Orthodox ethics, folklore, and the magazine's role in maintaining a connection with the lost homeland.

Keywords: Russian culture in emigration, magazine "Lastochka", cultural continuity, children's press, emigration in Manchuria

Харбин, основанный в 1898 г. для строительства Китайско-Восточной железной дороги, стал важным центром русской жизни в Маньчжурии. К 1912 г. численность русских в городе достигла 70 тыс., составляя значительную часть населения. После Октябрьской революции многие русские эмигрировали в Китай, и Харбин стал крупнейшим центром русской диаспоры. К 1913 г. в городе проживало около 34 тыс. русских и 23 тыс. китайцев [1, с. 48].

Русские в Харбине активно развивали культуру, образование и журналистику. В период с 1918 по 1945 г. было выпущено 275 журналов и 115 газет [2, с. 154]. Издания для детей играли важную роль в сохранении культурной идентичности, несмотря на ограниченную аудиторию и высокие расходы на печать. Русская эмиграция в Китае ориентировалась на детскую аудиторию, в отличие от эмиграции в Европе, где акцент был на взрослую аудиторию.

Одним из первых детских изданий стал журнал «Василёчки» (1921), а в 1936 г. был основан «Кот Мурлыка», ориентированный на старших детей [3, с. 276]. В 1937 г. появился журнал «Крошка» с ярко выраженной идеологической направленностью [4]. Однако особое место среди детских изданий занял журнал «Ласточка», начавший выходить в 1926 г. в Харбине.

В 1931 г., после приобретения журнала Е. С. Кауфманом, «Ласточка» стала самым популярным детским журналом среди русских эмигрантов. Под его руководством журнал стал важным культурным инструментом, сохраняя русскую идентичность в условиях эмиграции. «Ласточка» вышла на новый уровень благодаря улучшенному контенту и оформлению, а её периодичность (раз в две недели) способствовала созданию устойчивой читательской культуры среди эмигрантов.

Журнал распространялся как по подписке, так и через розничную продажу, что обеспечивало ему более широкую доступность по сравнению с книгами, которые в эмигрантской среде были менее распространены. Несмотря на финансовые затруднения, «Ласточка» сохраняла высокое полиграфическое качество: плотная бумага и разборчивый шрифт способствовали удобному чтению для детской аудитории [5, с. 146]. Иллюстрации играли важную педагогическую роль, помогая детям осмысливать содержание материалов. Создатели осознавали, что дети воспринимают мир через зрительные образы, и поэтому иллюстрации становились важным элементом вовлечения в процесс чтения. Однако в первые годы качество иллюстраций не всегда устраивало читателей. Основатель издания А. Я. Буйлов часто выбирал неуместные рисунки, вызывая недовольство [6, с. 98].

В 1931 г., после перехода журнала к Е. С. Кауфману, улучшилось оформление, а с иллюстратором Е. А. Васильевой изображения стали выразительными и эмоционально насыщенными. Это способствовало популярности «Ласточки». Иллюстрации на обложках были яркими и менялись с каждым номером, создавая узнаваемость.

Журнал поддерживал традиции русской детской периодики, публикуя материалы из дореволюционных журналов, а также адаптируя уже знакомые форматы, как, например, рубрику по ручному труду.

Содержание журнала состояло в основном из произведений авторов-любителей, часто использовавших псевдонимы. Также значительная роль принадлежала рубрике «Наши читатели – сами писатели», дающей детям возможность выразить себя.

Для русской эмиграции на Востоке сохранение культурной и духовной преемственности дореволюционной России становилось условием самоопределения и выживания в отрыве от родины. Близость к России, как географическая, так и символическая, сохраняла ощущение связи: «Здесь, на Востоке, мы гораздо меньше оторваны от родины, продолжающей невидимо питать нас своими соками» [7, с. 111].

Детский журнал «Ласточка» стал выразителем этой преемственности. Редакция стремилась передать детям не просто знания, но и нравственные ориентиры, основанные на образе «старой» России. В отличие от взрослой эмигрантской прессы, журнал не затрагивал острых политических тем, создавая идеализированное представление о родине.

Примером такого подхода является рассказ «Самая чудесная страна на свете» [8, с. 15–16], где Россия изображается как страна с богатой природой и благополучной жизнью: «Всего там было вдоволь, всё было дёше-

во, и жизнь была спокойная, размеренная, налаженная, изобильная». Построенный в форме беседы между ребёнком и взрослым, текст погружает читателя в эмоциональное восприятие прошлого, способствуя формированию ощущения связи с национальной культурой.

Оборванность финала рассказа – «Теперь, Коля, очень многое в России изменилось, изменилось к худшему. Но об этом говорить с тобой я не буду. В своё время всё узнаешь, во всём разберёшься», – отражает ностальгию и желание сохранить в детском сознании светлый образ родины. Идеализированная Россия выступала символом утраченного порядка, который эмигранты старались удержать в памяти детей.

Влияние этого образа видно в детском творчестве. Уже через несколько недель после публикации рассказа на страницах журнала появилось стихотворение девятилетнего ребёнка под заголовком «Русь» [9]. Этот текст демонстрирует, как дети, не имевшие личного опыта жизни в России, с помощью семейного воспитания и литературных образов формировали воображаемый облик своей родины.

Особое внимание в «Ласточке» уделялось фольклору. Народные сказки и былины («Лиса-ночлежница» [10, с. 11–12], «Девятибратка» [11, с. 10–12], «Не любо – не слушай!» [12, с. 10], «Лисичка-сестричка» [13, с. 14]) служили не только средством развлечения, но и способом передачи моральных ориентиров и культурных моделей поведения. Через фольклор ребёнок осваивал понятия добра и зла, справедливости, трудолюбия и честности, связываясь с традицией, которую нельзя было познать в повседневности.

Не менее важным направлением становилось приобщение к православной традиции. В рождественских и пасхальных номерах публиковались рассказы и стихи («Христос воскрес!» [14], «Почему празднуют Пасху?» [14], «Почему устраивают ёлку?» [15], «Как праздновали Светлый Праздник в России» [16]), в которых раскрывались основы христианской этики через адаптированные образы и формы.

Так, «Ласточка» становилась медиатором между поколениями, передавая детям историческую и духовную идентичность России. В ней формировался образ родины как символа утраченного, но живого культурного наследия. «Папа, а мы поедem в Россию? – Поедем, дорогой, обязательно поедem!» [8, с. 16] – эта фраза выражает надежду, которой жила эмиграция, передавая её детям как форму верности и любви.

Одним из важнейших аспектов культурной трансляции через детскую эмигрантскую периодику, в частности журнал «Ласточка», было воспроизведение традиционных гендерных ролей, укоренённых в русской семейной культуре. Это способствовало закреплению социальных ролей и семейной структуры в сознании эмигрантских детей. Журнал использовал диалог как форму подачи знаний, особенно в рубрике «Почему и отчего?», где часто публиковались беседы между отцом и сыном на различные познавательные темы [17–20]. Эта схема отсылала к традиционной роли

отца как наставника и воспитателя в русской семье. Отцовская фигура, как передатчик жизненного опыта, символизировала стабильность и преемственность.

Такое воспроизведение семейной модели в условиях эмиграции было важным элементом сохранения идентичности. В условиях культурной и социальной изоляции русская семья становилась ключевым инструментом защиты культурных ценностей. Важно, что несмотря на то, что многие тексты рубрики были написаны женщиной, сохранение образа отца было намеренным, что подчёркивало стремление сохранить мужской авторитет даже в условиях эмиграции.

Женский образ в журнале также оставался важным. Мать и бабушка представляли как хранительницы традиций, передающие девочкам навыки рукоделия и семейного уклада. Эти фигуры символизировали заботу и домашний уют. В то же время реальность эмиграции внесла изменения в традиционные роли. Женщины, нередко становившиеся главными кормильцами, участвовали в экономической жизни, что находило отражение в журнале – например, в текстах, где упоминались трудности, связанные с отсутствием матери дома [5, с. 156].

Тем самым женская роль со временем подвергалась изменениям, подстраиваясь под новые реалии эмигрантского быта, что указывает на изменения в привычной семейной структуре. При этом фигуры матери и бабушки оставались носителями традиционных установок, связанных с сохранением культурной преемственности и идентичности.

Кроме того, в 1930–40-е гг. «Ласточка» начала всё чаще публиковать материалы, связанные с жизнью в Маньчжурии [21–25], где находилась значительная часть русской эмиграции. Эти публикации о китайской культуре и быте свидетельствовали о процессе аккультурации и адаптации эмигрантов к новой среде. Журнал пытался интегрировать русскую культуру в новые условия, демонстрируя мирное сосуществование и культурный диалог с местным населением.

Адаптация русской эмиграции к Маньчжурии не означала отказ от русской культуры, а напротив, предполагала стремление сохранить её в новом контексте. Детская пресса, в т. ч. «Ласточка», играла важную роль в сохранении идентичности, воспитывая у детей любовь к родной культуре и открытость к китайской среде. Таким образом, стратегия журнала заключалась в воспитании на основе патриотизма, веры и традиций, позволяя сохранять духовную связь с утраченной родиной через язык и литературу.

Список источников

1. Дин С. Некоторые особенности литературы русского зарубежья в китайском Харбине // Человек и культура. 2019. № 2. С. 47–55.
2. Хисамудинов А. А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 154–167.

3. Бабкина Е. С. Детские периодические издания русского зарубежья Дальнего Востока в контексте развития межкультурной коммуникации // Вестник ТОГУ. 2012. № 4 (27). С. 275–284.

4. Белобровцева И. З. Русский фашизм в зеркале русского большевизма: натаска фашистских «крошек» // Культура русской диаспоры: эмиграция и мифы / ред.: А. Данилевский и др. Таллинн, 2012. С. 122–131.

5. Бабкина Е. С. Русскоязычный иллюстрированный журнал для детей младшего возраста «Ласточка» (Харбин, 1926–1945 гг.) // Детские чтения. 2015. Т. 7. № 1. С. 145–167.

6. Васильева Е. А. (Юрка). Детский журнал «Ласточка» // Русский Харбин / сост. Е. П. Таскина. М.: МГУ, 1998. С. 97–100.

7. Щербаков М. Арсений Несмелов. «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929) // Русский Харбин / сост. Е. П. Таскина. М.: МГУ, 1998. С. 109–111.

8. Ласточка. 1933. № 7.

9. Ласточка. 1933. № 9.

10. Ласточка. 1932. № 6.

11. Ласточка. 1932. № 16.

12. Ласточка. 1933. № 13.

13. Ласточка. 1931. № 6.

14. Ласточка. 1932. № 9.

15. Ласточка. 1932. № 1.

16. Ласточка. 1933. № 8.

17. Ласточка. 1931. № 18.

18. Ласточка. 1932. № 17.

19. Ласточка. 1932. № 14.

20. Ласточка. 1933. № 6.

21. Ласточка. 1939. № 5.

22. Ласточка. 1942. № 3.

23. Ласточка. 1942. № 6.

24. Ласточка. 1942. № 5.

25. Ласточка. 1942. № 11.

Виктория Александровна Шиплюк
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ И ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В «СИБИРСКОМ ДНЕВНИКЕ» ЯПОНСКОГО ДИПЛОМАТА ЭНОМОТО ТАКЭАКИ

Аннотация. «Сибирский дневник» японского дипломата Эномото Такэаки 1878 г. – важный источник информации по развитию русско-японских отношений и состоянию Сибири. Наряду с описанием культурных особенностей, дневник содержит сведения об экономике региона и даёт возможность оценить восприятие иностранцем процессов модернизации в России в сфере военной и золотодобывающей промышленности.

Ключевые слова: развитие промышленности, японцы в России, Сибирь

Abstract. The Siberian Diary of the Japanese diplomat Enomoto Takeaki (1878) is an essential source of the development of Russian-Japanese relations and the state of Siberia. Along with a description of culture, the diary contains information on the region's economy, provides an opportunity to evaluate the perception of modernization processes in Russia in the military and gold mining industries by a foreigner.

Keywords: industrial development, Japanese in Russia, Siberia

Вторая половина XIX в. в России характеризуется решительными реформами Александра II, затронувшими почти все сферы жизни общества. В это время шёл процесс модернизации промышленности, что, в частности, нашло отражение в дневнике японского дипломата и вице-адмирала Эномото Такэаки, который в 1878 г. совершил путешествие по России.

Эномото Такэаки – яркий исторический деятель Японии второй половины XIX в., известен в контексте российской истории как глава первой японской дипломатической миссии в России, направленной на урегулирование сложного территориального вопроса – статуса о. Сахалин. После подписания Симодского трактата в 1855 г. граница между странами была установлена между островами Уруп (российским) и Итуруп (японским). О. Сахалин остался в совместном владении, что не устраивало ни одну из сторон. Разрешить этот вопрос предстояло Эномото во время его посольства в Петербург. В результате переговоров он достиг компромисса с российской стороной. Итогом стал важнейший в развитии российско-японских отношений Санкт-Петербургский договор 1875 г., согласно которому Сахалин полностью перешёл к России, а вся Курильская гряда – к Японии.

Завершив миссию в Петербурге, Эномото отправился в Японию через Сибирь. Его путешествие по России началось 26 июля 1878 г. в Царском Селе и завершилось 29 сентября того же года во Владивостоке. Во время поездки Эномото вёл подробные путевые записи, названные им «Сибирский дневник». Последний остаётся малоизвестным в российской историографии.

Эномото интересовался Сибирью и считал, что изучение практик, используемых в суровых природных условиях, поможет освоению северных территорий Японии со схожим климатом. Местные сибирские власти, заранее оповещённые о прибытии посланника, организовывали посещение им промышленных предприятий, что дало Эномото возможность наблюдать за различными технологиями. За время путешествия дипломат посетил Пушечный завод в Перми, золотые прииски братьев Ошурковых в Екатеринбургe, прииски купца Полуянова под Красноярском и др. Следует упомянуть, что в 1860-х гг. Эномото Такэаки обучался военно-морскому искусству в Голландии и был знаком с передовыми технологиями Европы. Поэтому в дневнике он часто сравнивает увиденное в России с Европой. Таким образом, записи Эномото позволяют взглянуть на технические и хозяйственные практики России второй половины XIX в. через призму японских и европейских практик.

Одним из ярких примеров технического развития России того времени был Пермский пушечный завод, о котором Эномото подробно пишет в своем дневнике. Строительство Чугуннопушечного и Сталепушечного заводов в Перми началось в 1863 г., позднее они были объединены в «Пермский пушечный завод». Их сооружение было шагом на пути модернизации российской военной промышленности и перевооружения армии, которая осуществлялась в 1860–70-х гг. [1, с. 150, 179]. На заводе выполнялись по большей части государственные заказы на артиллерийские орудия, снаряды к ним, детали для военных кораблей.

Посещение завода произвело на японского посланника большое впечатление. На заводе находился уникальный 50-тонный молот. В дневниковых записях отмечается, что технология производства артиллерийских орудий на заводе почти не отличалась от методов немецкой компании Круппа, лидировавшей в области металлургии и вооружений в Европе того времени. Считается, что к 1870 г. пушки, отлитые на Пермском пушечном заводе, не уступали по качеству пушкам, изготовленным на заводах Круппа [1, с. 164]. Эномото подчёркивает уникальные особенности российского производства: использование более крупных плавильных котлов, изготовленных из графита и белой глины, которые могли выдерживать многократное использование.

В дневнике также упоминается применение «газового метода Сименса» для выплавки стали, что демонстрирует внедрение современных технологий в металлургию. В 1856 г. немецкий инженер Ф. Сименс разработал принцип регенерации тепла отходящих газов для повышения темпе-

ратуры плавильных печей. Позднее, в 1864 г., французский металлург П. Мартен, основываясь на методе Сименса, разработал регенеративную пламенную печь для получения стали. «Мартеновские печи» стали прорывом в металлургии, ознаменовав переход к массовому производству качественной стали [2, с. 238].

На Пермском заводе для изготовления пушечного дула в основном использовался метод плавления стали из смеси железа и чугуна. Эномото наблюдал за процессом литья артиллерийских снарядов со свинцовой оболочкой. Эта оболочка помогала увеличить скорость, дальность и эффективность стрельбы [3, с. 55].

Россия второй половины XIX в. активно развивала добычу благородных металлов и полезных ископаемых. Разработка золотых месторождений велась не только на Урале, но и по всей Сибири, что было отмечено в «Сибирском дневнике». Ко времени путешествия Эномото по Сибири государственные золотые прииски были переданы частному капиталу, тогда же масштабы добычи золота увеличились почти вдвое [4, с. 16].

Первые прииски, которые посетил Эномото, принадлежали богатому купеческому роду Ошурковых. Согласно дневнику, до 1863 г. прииски находились под управлением государства, после чего были заброшены. С 1878 г. братья Ошурковы занялись пробными раскопками месторождения. П. М. Ошурков провёл экскурсию по приискам для японского посланника. За два месяца братья обнаружили, что залегание пород состоит из четырёх пластов, и наибольшее количество золота содержалось в третьем пласте. По наблюдениям Эномото, для рытья земли использовались мотыги, добытую землю помещали в железный полукруглый сосуд и на лошадях перевозили к месту промывки. Способ промывки ничем не отличался от техники японских золотоносных промывальщиков, которую Эномото наблюдал на Хоккайдо. Место для промывки пробных копаней было оборудовано следующим образом: вода хранилась в резервуаре с краном, через который регулировалась подача воды. Под краном был установлен короб-сепаратор, сверху над ним, в месте, куда забрасывают землю, в железной плите были проделаны отверстия размером примерно с большой палец. Под коробом – три секции с перегородками. Первая секция была с крутым уклоном, вторая и третья – с более пологим. Описание устройства напоминает промывочную чашу [5, с. 171–173].

В Красноярске по приглашению местного полицмейстера фон Клингенберга Эномото посетил Полуяновские прииски. Однако записи дня посещения приисков отсутствуют. Согласно архивным материалам, И. П. Полуянов, хозяин приисков, позволил Эномото ознакомиться с процессом добычи золотоносных россыпей, изучить принцип работы промывочных устройств, снять их планы. В свою очередь, дипломат поведал Полуянову, что подобные одновременно простые и практичные технологии в Японии не применяются [6, с. 94]. Позднее в своём дневнике Эномото опишет подаренный образец механизма для промывки песка как «простую модель».

«Сибирский дневник» Эномото Такэаки показывает, что процесс модернизации промышленности в России был неравномерным. С одной стороны, бурно развивалась военная промышленность, что видно на примере Пермского пушечного завода, не уступавшего стандартам известной компании Круппа. На заводе активно использовали передовой метод Сименса, позволяющий производить качественную сталь в промышленных масштабах, были задействованы и российские новшества в виде многоразовых плавильных котлов. С другой стороны, посещение золотых приисков показало, что вместе с внедрением новых технологий сохранялись традиционные методы: при добыче золотого песка использовалась как ручная, так и машинная промывка.

Список источников

1. Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952. 368 с.
2. Шухардин С. В. Техника в её историческом развитии / С. В. Шухардин, Н. К. Ламан, А. С. Федоров. М., 1979. 416 с.
3. Хорошилов Г. Т. Отечественная артиллерия: 600 лет / Г. Т. Хорошилов, Р. Б. Брагинский, А. И. Матвеев и др. М., 1986. 365 с.
4. Рукоуев Е. Ю. Золотодобывающая промышленность Урала сер. XVIII – нач. XX в.: периоды развития / Е. Ю. Рукоуев, Г. Н. Шумкин // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 7–21.
5. Филлипс Д. А. Способы добычи и статистика золота и серебра. СПб., 1869. 515 с.
6. Дацышен В. Г. Эномото Такэаки в Красноярске // Орося кайкайхо | おろしゃ会会報. Нагоя, 2008. № 15. С. 92–94.

Полина Сергеевна Шмакова
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СТРАНИЦАХ КРАСНОЯРСКОЙ ЗАВОДСКОЙ ПРЕССЫ В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ (НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ «ГОЛОС ТЕКСТИЛЬЩИКА»)

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации образа женщины на страницах красноярской заводской прессы. Автор выявляет основные женские образы, составляющие идеал советской женщины в 1960-е гг.

Ключевые слова: образ, репрезентация, гендерная политика, заводская пресса, 8-я пятилетка

Abstract. The article is devoted to the study of the representation of the image of a woman on the pages of the Krasnoyarsk factory press. The author identifies the main female images that make up the ideal of a Soviet woman in the 1960s.

Keywords: image, representation, gender policy, factory press, 8th five-year plan

Одним из направлений политического курса пришедшей к власти в 1917 г. партии большевиков стало создание «новой женщины», реализовавшееся в рамках политики вовлечения женщин в производственную и общественно-политическую жизнь для привлечения в партию [1, с. 8]. Ко второй половине 1960-х гг. женщины массово были включены в общественную и трудовую деятельность, имели возможность профессионального роста, однако по-прежнему их главной жизненной целью являлось рождение детей. Особенно в условиях демографического спада в связи с проблемой недостатка «потенциальных родителей» из-за низкой рождаемости в годы Великой Отечественной войны совмещение ролей матери и работницы постепенно стало осознаваться как проблема чрезмерной «маскулинизации» женщин, которую нужно было преодолеть через «возвращение» женщины в семью [1, с. 19].

В свою очередь, одной из главных сфер приложения женского труда в СССР была промышленность. В период 8-й пятилетки процент женщин в промышленности вырос с 46 до 48 % [2, с. 6]. Традиционно высок был удельный вес женщин в ряде «женских» отраслей промышленности, к каким, например, относится текстильная. Ввиду этого отметим, что в г. Красноярске в 1960-е гг. начал свою работу шёлковый комбинат — одно из крупнейших в стране и единственное подобное на территории Сибири предприятие текстильной промышленности, подавляющее число работников которого составляли женщины [3, с. 220–221].

В связи с этим газета комбината «Голос текстильщика», дебютировавшая в 1965 г., представляет собой ценный материал для исследования репрезентации образа женщины в период 8-й пятилетки (1966–1970 гг.), когда, с одной стороны, нужно было поднимать производительность труда, а с другой, не забывать про «главное предназначение» женщин.

Исходя из тематической специализации, а также при условии начавшейся пятилетки, большое внимание в «Голосе текстильщика», конечно же, уделяется образу «женщины-труженицы». Работниц, отличившихся на производстве, ставили в пример остальным. По тем их качествам и поступкам, о которых писала газета, можно представить «идеальный» образ «женщины-труженицы».

Во-первых, такая женщина трудолюбива – она стремится выполнять и перевыполнять нормы выработки, заканчивать работу раньше срока, улучшать процесс и результаты производства. Одним словом, она – передовик производства и ударник коммунистического труда. Например, честно и добросовестно относятся к своим обязанностям, а также ежедневно перевыполняют сменные задания по выпуску тканей и сортности ткачихи Валентина Пивкина и Вера Зыско [4]. Без внимания не остались и Валентина Аксенова, которая значительно перекрывает сменные задания [5], а также Люда Косенко, которая освоила передовые методы труда и делает всё, чтобы продукция была только отличного качества [6]. Гордится «Голос текстильщика» и контролёром готовой продукции Л. В. Смирновой, которая, взяв к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина обязательство выполнять производственный план на 110 %, выполняет его на 119 % [7]. Это лишь одни из множества примеров идеального отношения к труду, которое ценится газетой. Кроме того, ею отмечается, что советской труженице чужда лень и недисциплинированность, а «всегда отзываются с уважением» только о тех, «кто честно и добросовестно относится к порученному делу, кто добивается хорошего качества выпускаемой продукции» [8].

Во-вторых, женщина-труженица образована, она – мастер своего дела, а потому всегда стремится повышать знания и квалификацию. Ведь «для того чтобы труд был производительней, недостаточно только десятилетки» [9]. Особенно ценится газетой умение совмещать работу с учёбой. «Без отрыва от производства», – гласит один из заголовков газеты, под которым приводится список девушек, успешно прошедших профессиональную переподготовку, не прекращая при этом работу [10]. В выпусках часто отмечают девушек, которые добросовестно трудятся и успешно сочетают работу с учёбой. Такими, например, являются ткачихи Люба и Оля Васильевы, Надя Житникова [11], Света Горелова, комсорг смены четвёртого цеха Галина Ефремова [9] и мн. др.

В-третьих, «женщина-труженица» всегда готова делиться опытом, помогать младшим товарищам. Например, если что-то станет непонятно, всегда всё «объяснит, подскажет» мастер Галина Андреевна Барунова [12].

Выполнить план, не допустить брака, а также показать приёмы работы ученице всегда хватает времени у Галины Ивановны Назарович [13]. «Кто бы ни был, ещё ученица или уже ткачиха», всегда посмотрит, как идут дела, подскажет, посоветует, как сделать лучше, Елизавета Степановна Захарова [14].

Женщины комбината не только идеальные работницы, но и хорошие люди, а «хороший человек» в понимании газеты – тот, кто живёт для общества, для людей. Такими людьми большого и доброго сердца являются, например, работница проборно-шлихтовального цеха Анна Ивановна Староватова [13] и ткачиха Аня Приходько [15].

Второе место в газете занимает образ «женщины – общественного и партийного деятеля». Она – активный борец за коммунистические идеалы, член первичной партийной и комсомольской организации, добросовестно относящийся к порученному ей делу. Партийное бюро комбината посредством газеты отмечает важность того, «чтобы каждый советский человек хорошо разбирался в вопросах внутренней и внешней политики, ясно понимал смысл событий в нашей стране и за рубежом, с пользой для общего дела применял политические знания в общественной работе» [10].

В связи с этим в женщинах ценились приверженность коммунистическим идеям, умение вести агитационную и пропагандистскую деятельность, принадлежность к первичной комсомольской организации или к любой другой общественной деятельности, а также стремление вступить в ряды коммунистической партии. На страницах газеты часто можно встретить примеры женщин-комсомолок, качественно выполняющих свою не только трудовую, но и общественную работу. Особым вниманием, например, была удостоена Алла Сущевская, которую комсомолцы из 4-го цеха избрали своим вожаком. Девушка активно взялась за общественную работу: вернула в ряды комсомола механически выбывших, интереснее стала проводить комсомольские собрания, организовывать коллективные выходы в кино и театры [8]. Многими активистками гордится газета. Среди них: ткачихи Алевтина Кириллова [16], Лариса Самусева [17], Раиса Полякова [18], Раиса Хамидулина [4], сновальщица Маша Сибгатулина [7] и многие другие женщины.

Отдельное место в газете занимает образ «женщины-матери и хозяйки», который воспринимается ей как нечто должное, не требующее пропаганды, будто бы каждая женщина рано или поздно станет матерью. Статусы матери и хозяйки используются как неотделимое дополнение к остальным. Например, не только активной общественницей, но и заботливой матерью является ткачиха Вера Петровна Кулаженко [19]. Немало хлопот и трое сыновей, каждому из которых нужно внимание и ласка, ждут дома и опытную ткачиху, заботливую хозяйку и добрую мать Елизавету Степановну Захарову [14]. «Хорошие работницы, милые женщины, самые лучшие мамы», – так можно сказать о многих работницах комбината. Это и кладовщица Екатерина Даниловна Купцова, и вышивальщица Елена

Фёдоровна Куимова. Не только за отличный труд, но и за хорошее воспитание сына «неоднократно получала благодарности» шлихтовальщица Валентина Гавриловна Шишкина [20].

Таким образом, «идеальная» женщина «Голоса текстильщика» — это женщина, преуспевающая во всём. Она не только добросовестная труженица, но и активный строитель коммунизма, а также заботливая мать и умелая хозяйка, что в достаточной мере соответствует образу, объявленному достижимым идеалом в государственной гендерной политике 1960-х гг.

Список источников

1. Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 8–23.
2. Женщины в СССР: стат. матер. М.: Статистика, 1972. 19 с.
3. Красноярский взлёт. 1971–1990: массово-политическое и информационное издание / С. А. Боруцкая и др. Красноярск: Горница, 2004. 524 с.
4. Голос текстильщика. 14.01.1966.
5. Голос текстильщика. 07.03.1967.
6. Голос текстильщика. 06.02.1969.
7. Голос текстильщика. 08.04.1970.
8. Голос текстильщика. 25.02.1966.
9. Голос текстильщика. 18.01.1968.
10. Голос текстильщика. 21.01.1966.
11. Голос текстильщика. 28.05.1966.
12. Голос текстильщика. 25.01.1966.
13. Голос текстильщика. 17.03.1967.
14. Голос текстильщика. 12.05.1967.
15. Голос текстильщика. 12.10.1967.
16. Голос текстильщика. 15.05.1969.
17. Голос текстильщика. 23.10.1969.
18. Голос текстильщика. 06.11.1969.
19. Голос текстильщика. 01.04.1966.
20. Голос текстильщика. 04.03.1970.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барсукова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), nbarsukova@sfu-kras.ru.

Беккер Виктор Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан).

Белгородская Людмила Вениаминовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), blv.kr@yandex.ru.

Булгаков Сергей Александрович, ассистент кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул), serbula@mail.ru.

Бурков Дмитрий Антонович, студент Томского государственного университета (Томск), dm.burkov.dm@ya.ru.

Бурмакина Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск), burmakinagalina@rambler.ru.

Бурнашева Наталия Ивановна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), n_burnasheva@mail.ru.

Бухерт Василий Владимирович, аспирант исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), buhert.v@gmail.com.

Валькова Ксения Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул), valkovakv@vk.com.

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра отечественной истории Байкальского государственного университета (Иркутск), nig2312@yandex.ru.

Гайдин Сергей Тихонович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск), gaydinsergey@rambler.ru.

Глазова Яна Алексеевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), yanchikg@list.ru.

Горовой Анатолий Сергеевич, магистрант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул), gorowoi.tolya@yandex.ru.

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Орёл), angrebyonkin@mail.ru.

Гузева Виктория Максимовна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), vguzeva417@gmail.com.

Гуляева Наталья Павловна, кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (Дивногорск), carnivora@list.ru.

Дворецкая Анна Павловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), tatyana-verkhoturouva@yandex.ru.

Демчик Евгения Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул), demtchikev@mail.ru.

Долидович Олеся Михайловна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой современных образовательных технологий Сибирского федерального университета (Красноярск), dolidovich@mail.ru.

Доржу Зоя Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Тувинского государственного университета (Кызыл), zoyadorzhu@yandex.ru.

Дуреева Наталья Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета (Красноярск), ndureeva@sfu-kras.ru.

Елизов Александр Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), alexandr.elizov2016@yandex.ru.

Ерохина Ирина Александровна, студент Сибирского федерального университета (Красноярск), irina.er.21852@gmail.com.

Жулаева Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), history@sfu-kras.ru.

Заремская Диана Андреевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), dianazaremskaya29@gmail.com.

Иванов Сергей Евгеньевич, аспирант Иркутского государственного университета (Иркутск), ivanov16s.ru@mail.ru.

Карелин Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета (Кемерово), ask_culture@mail.ru.

Карпушкина Дарья Валерьевна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), DKarpushkina@sfu-kras.ru.

Карчаева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), tatyana-verkhoturva@yandex.ru.

Кириленко Анастасия Андреевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), Anastis.zai@yandex.ru.

Кириллова Алина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский), astral155@yandex.ru.

Ковлеков Иван Иванович, доктор технических наук, профессор кафедры горного дела Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск), kovlekov@mail.ru.

Коновалова Ольга Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), olgav--k@yandex.ru.

Кузнецов Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), historyras@gmail.com.

Кузьменко Александра Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, старший научный сотрудник ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск), kuzyah85@yandex.ru.

Курбанов Назар Исламович, стажёр-исследователь Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва), nazar.kurbanov2001@yandex.ru.

Лебедева Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, педагогики и психологии Братского государственного университета (Братск), naumova_bratsk@mail.ru.

Луцаева Галина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), history@sfu-kras.ru.

Луцаева Мария Дмитриевна, ассистент кафедры уголовного права Сибирского федерального университета (Красноярск), mlushchaeva@sfu-kras.ru.

Луцаева Татьяна Дмитриевна, студент Юридического института Сибирского федерального университета (Красноярск), tlushchaeva@sfu-kras.ru.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург), старший

научный сотрудник Института региональных исторических исследований Высшей школы экономики (Москва), svlubich@yandex.ru.

Малых Дарья Сергеевна, студент Иркутского государственного университета (Иркутск), darmalykh2002@gmail.com.

Маслова Вера Анатольевна, аспирант факультета истории и социальных наук Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Пушкин), mhtrade@inbox.ru.

Махеров Владимир Владимирович, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), fonmaherov@mail.ru.

Монгуш Игорь Иванович, магистр истории, независимый исследователь (Кызыл), choerphel@mail.ru.

Москалев Леонид Леонидович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правоведения Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнёва (Красноярск), leonid.moskalev@ya.ru.

Новоселов Михаил Юрьевич, старший научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея (Красноярск), mnovoselov@mail.ru.

Петров Максим Русланович, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), petrovmaksim2306@gmail.com.

Подъярова Злата Анатольевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), podyarova.zlata@mail.ru.

Половых Таисия Алексеевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), taisia.polovykh@mail.ru.

Попова Ангелина Вадимовна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), lina_porova01@mail.ru.

Постол Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии Томского государственного университета (Томск), vipostol@mail.ru.

Пронина Юлия Алексеевна, студент кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск), pronyulya7579@yandex.ru.

Пхунтхасан Пхра Парон, аспирант Университета Махачуалонгкорнраджавидьялая (Аюттхая, Таиланд), peter.ppj.bsu@gmail.com.

Пятаев Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой системного анализа и управления проектами Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск), procedure@inbox.ru.

Рогачев Александр Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск), kaf.history@mail.ru.

Рудова Елизавета Владимировна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), lizarudova776@gmail.com.

Рябов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск), ryabov.yu@gmail.com.

Саблина Екатерина Сергеевна, студент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул), esablina04@mail.ru.

Савельев Петр Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и истории науки Приволжского государственного университета путей сообщения (Самара), savpetr@yandex.ru.

Салахова Лариса Марсовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и методики Иркутского государственного университета (Иркутск), mars62@rambler.ru.

Сафонов Максим Анатольевич, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), saffonov13@yandex.ru.

Семенова Екатерина Алексеевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), ket-sema2016@yandex.ru.

Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск), m.v._redko@mail.ru.

Сорокун Павел Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых и социально-экономических дисциплин Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета (Ачинск), pavel_istoria@list.ru.

Степанов Михаил Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан), доцент кафедры фундаментальной подготовки Саяно-Шушенского филиала Сибирского федерального университета (Саяногорск), StepanowM@yandex.ru.

Суржко Антон Валерьевич, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, младший научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН» (Красноярск), surzhkoanton@yandex.ru.

Тарасов Михаил Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), tmg.nauka@ya.ru.

Тимофеева Людмила Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирного культурного наследия Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), lyutim77@yandex.ru.

Титов Павел Владимирович, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), pasha.titov288200@mail.ru.

Тихонов Никита Дмитриевич, стажёр-исследователь Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва), niktikh0305@gmail.com.

Тугужекова Валентина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, ведущий научный сотрудник сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан), vtuguzhekova@yandex.ru.

Филонов Илья Денисович, магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск), filonov_ilya@vk.com.

Цай Ин, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета (Благовещенск), mnina66@yandex.ru.

Чаунин Егор Сергеевич, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), chaunin04@mail.ru.

Шиплюк Виктория Александровна, аспирант Новосибирского государственного университета (Новосибирск), shiplyuk.victoria@gmail.com.

Шмакова Полина Сергеевна, студент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (Красноярск), polinashmakova1@mail.ru.

Научное издание

IV СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ИМПЕРСКИЕ, СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Материалы IV Международной научно-практической
конференции памяти первого губернатора Енисейской губернии
А. П. Степанова

Красноярск, 19–23 мая 2025 г.

Корректор *Л. В. Боос*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Сафиной*

Подписано в печать 09.12.2025. Печать плоская. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18,4. Тираж 500 экз. Заказ № 25462

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

Для заметок